Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

Купцов Александр Евгеньевич

АМПЛИФАЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Научная специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор Владимир Николаевич Бабаян

Ярославль, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..…...……..5

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ДИСКУРС» И «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС»…….26

1.1. Понятие «дискурс» в современном языкознании: определение и ключевые аспекты ……27

1.1.1. Структура дискурса: конституенты и их взаимосвязь…….50

1.1.2. Типологический аспект дискурса …….59

1.2. Определение понятия «художественный дискурс» в современном языкознании, основные характеристики художественного дискурса……...72

Выводы по Главе 1 …….87

Глава 2. ДИАЛОГ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ……..92

2.1. Диалог как объект лингвистического исследования…….…….93

2.1.1. Широкое и узкое понимание диалога в современном языкознании…….94

2.1.2. Социальные и психологические аспекты диалогического дискурса: регуляция взаимодействия партнеров по диалогу...102

2.1.3. Прагматическая характеристика художественного диалогического дискурса……..108

2.2. Художественный диалогический дискурс как сложное коммуникативное явление ……...118

2.2.1. Высказывание-реплика как основная единица художественного диалогического дискурса ……118

2.2.2. Классификация высказываний-реплик художественного диалогического дискурса……..129

Выводы по Главе 2 139

Глава 3. АМПЛИФАЕРЫ КАК КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА……..……...143

3.1. Онтология коммуникативных амплифаеров художественного диалогического дискурса ……144

3.2. Семантический потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса……..……167

3.3. Функциональный потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса……..181

3.4. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса ……..195

Выводы по Главе 3……205

Глава 4. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АМПЛИФАЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ, ИСПАНОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ…….209

4.1. Коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе……..211

4.2. Методологические подходы к изучению амплифаеров: обоснование и описание……...223

4.3. Амплифаеры как инструменты управления коммуникацией в художественном диалогическом дискурсе: коммуникативно-прагматический анализ ……225

4.3.1. Амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса……226

4.3.2. Амплифаеры-аддитивы в художественном диалогическом дискурсе…….243

4.3.3. Амплифаеры с модальным значением в художественном диалогическом дискурсе……...257

4.3.4. Амплифаеры-рестриктивы в художественном диалогическом дискурсе……...275
4.3.5. Амплифаеры-хезитативы в художественном диалогическом дискурсе…….285
4.3.6. Амплифаеры-интеръекции в художественном диалогическом дискурсе…….303
4.3.7. Амплифаеры со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе……..317
4.3.8. Амплифаеры консенсуса/диссенсуса в художественном диалогическом дискурсе……...332
4.4. Универсальные и национально-культурные особенности амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе ……..347
Выводы по Главе 4……357
Заключение…….364
Список литературы……...376
Список источников исследования…….450
Глоссарий……454

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей амплифаеров как особого пласта лексического состава языка, который в высказываниях-репликах партнеров по межличностному общению выполняет коммуникативно-прагматические функции в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Актуальные направления современной лингвистики демонстрируют устойчивый интерес к исследованию амплифаеров как важнейших инструментов организации диалогического акта коммуникации. Существенную значимость приобретает изучение исследуемых лексических единиц в художественном диалогическом дискурсе, где они – амплифаеры – выполняют не только традиционные текстообразующие функции, но и способствуют формированию сложной системы коммуникативных отношений между автором, персонажами и читателем. Таким образом, настоящее диссертационное исследование посвящено изучению, систематизации и описанию специфики функционирования амплифаеров (англ. *amplifier* – усилитель), вслед за С. Гринбаумом [Greenbaum, 1970] понимаемых как конституенты предложений-высказываний-реплик и выполняющих организационную, когнитивную и коммуникативно-прагматическую функции в художественном диалогическом дискурсе.

Исследовательский интерес к теоретическому и практическому анализу амплифаеров объясняется тем, что они рекуррентны и выражают определенные коммуникативно-прагматические значения в художественном диалогическом дискурсе в целом и характеризуются полифункциональностью, что свидетельствует о их многогранной роли в межличностном взаимодействии. Реализуя довольно широкий спектр функциональных задач в различных регистрах художественного диалогического дискурса, исследуемые лексические единицы – амплифаеры – организуют высказывания-реплики, устанавливают связи между

содержанием и коммуникантами (между адресантом и адресатом), уточняют смысл высказывания-реплики, акцентируя отдельные его конституенты и придавая дополнительные значения как отдельным компонентам так и всему высказыванию-реплике, что в свою очередь повышает эффективность коммуникационного процесса. Кроме того, разработанная в предпринятом исследовании авторская *коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе* способствует более глубокому пониманию исследуемых лексических единиц и их функциональных особенностей в языковой системе. **Коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров** определяется их функциональными свойствами и выполняемыми ролями в художественном диалогическом акте коммуникации. В рамках данного исследования выявлены следующие **типы (группы) амплифаеров**: *амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса*, *амплифаеры-аддитивы*, *амплифаеры с модальным значением, амплифаеры-рестриктивы*, *амплифаеры-хезитативы*, *амплифаеры-интеръекции*, *амплифаеры со значением удивленного переспроса*, *амплифаеры консенсуса/диссенсуса*. Следовательно, можно констатировать, что предложенная классификация амплифаеров в зависимости от их функциональных характеристик представляет собой комплексную систему лингвистических, коммуникативных, стилистических и национально-специфических элементов, которые используются для выражения значений, эмоций и концепций, коммуникативных интенций продуцентов высказываний-реплик, глубинных этносмыслов народа и др., что увеличивает степень взаимопонимания партнеров по общению во время их взаимодействия.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью многоаспектного изучения, систематизации и описания амплифаеров как инструментов управления коммуникацией, моделирующих естественное речевое взаимодействие в художественном диалогическом дискурсе в английском, испанском и русском языках. Лексические единицы в

дискурсивном употреблении как лингвистический феномен уже несколько десятилетий находятся в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей языка. Несмотря на значительное количество исследований, касающихся коммуникативно-прагматических функций исследуемых лексем, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения в связи с их теоретической неоднородностью, прагматическим потенциалом и спецификой художественного диалогического дискурса. Так, в научном сообществе наблюдается отсутствие консенсуса по вопросу унифицированной классификации амплифаеров, которые не только организуют процесс коммуникации, но и играют большую роль в интерпретации художественного текста. Следовательно, коммуникативно-прагматический и функциональный потенциал амплифаеров, занимающих особое место в системе языковых средств в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, также недостаточно исследован. Кроме того, не получили должного научного освещения вопросы, связанные с отражением амплифаерами *универсальных* и *национально-специфических* особенностей национального языка в художественном диалогическом дискурсе, поскольку исследуемые лексические единицы непосредственно связаны с прагматикой межличностного общения.

Степень разработанности темы. Изучение коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров как конституентов художественного диалогического дискурса представляет собой активно развивающуюся область в современном языкознании, охватывающую как теоретические, так и практические аспекты. Таким образом, основополагающее значение для теоретического базиса диссертационной работы имеют отечественные и зарубежные исследования в области *дискурса*: Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2005], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999], В. Н. Бабаян [Бабаян, 2009], М. Я. Блох [Блох, 2013], В. Г. Борботько [Борботько, 2019], Т. А. ван Дейк [ван Дейк, 1989],

Е. Ю. Викторова [Викторова, 2017], А. А. Григорян [Григорян, 2017]; М. В. Каменский [Каменский, 2007], В. И. Карасик [Карасик, 2004], В. Б. Кашкин [Кашкин, 2004], А. А. Кибрик [Кибрик, 2009], Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2004], А. Е. Купцов [Купцов, 2025ж], В. Н. Степанов [Степанов, 2008], Ю. С. Степанов [Степанов, 1995], Л. В. Ухова [Ухова, 2020]; Е. В. Цупикова [Цупикова, 2010], В. Е. Чернявская [Чернявская, 2016], Д. В. Шапочкин [Шапочкин, 2018], N. Fairclough [Fairclough, 2013], E. Laclau [Laclau, 1990], D. Schiffrin [Schiffrin, 1994], D. Tannen [Tannen, 1982] и др.; *художественного диалогического дискурса*: В. Н. Бабаян [Бабаян, 1998, 2009], М. М. Бахтин [Бахтин, 1975], Н. С. Болотнова [Болотнова, 2009], Е. А. Гапанович [Гапанович, 2013], М. А. Голованева [Голованева, 2013], Т. Ф. Плеханова [Плеханова, 2011], В. А. Садикова [Садикова, 2015], К. В. Скорик [Скорик, 2010], О. С. Федотова [Федотова, 2011], Г. Г. Хисамова [Хисамова, 2009], А. Шопенгауэр [Шопенгауэр, 2001], R. Kloepfer [Kloepfer, 1981] и др., *семантики и прагматики лексических единиц в дискурсивном употреблении*: А. В. Аверина [Аверина, 2022], М. Н. Аверина [Аверина, 2024], В. Н. Бабаян [Бабаян, 2025], А. Н. Баранов [Баранов, 1993], Н. В. Богданова-Бегларян [Богданова-Бегларян, 2015], Е. Ю. Викторова [Викторова, 2016], Г. М. Вишневская [Вишневская, 2014], Г. Р. Власян [Власян, 2022], М. В. Каменский [Каменский, 2007], И. М. Кобозева [Кобозева, 2007], В. В. Корнева [Корнева, 2020], А. Е. Купцов [Купцов, 2025г], О. В. Лукин [Лукин, 2002], Т. М. Николаева [Николаева, 2005], О. Б. Сиротинина [Сиротинина, 2008], И. И. Сущинский [Сущинский, 1984а], Н. А. Торопова [Торопова, 2000], K. Aijmer [Aijmer, 2013], D. Biber [Biber, 1999], D. Blakemore [Blakemore, 1988], J K. Fisher [Fisher, 2006], B. Fraser [Fraser, 2005], S. Greenbaum [Greenbaum, 1970], K. Hyland [Hyland, 2004], D. Schiffrin [Schiffrin, 1987], A. Wierzbicka [Wierzbicka, 1976], M. Zorraquino [Zorraquino, 1999] и др. Следует отметить, что специальных исследований по изучению коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе не проводилось. Из всего

вышесказанного следует обоснованность **выбора** и **актуальность темы** исследования, а именно, изменение акцента в научных исследованиях с устного дискурса на письменный.

Тем не менее, при наличии значительного количества лингвистических исследований многие вопросы, касающиеся коммуникативно-прагматического и функционального потенциала амплифаеров в разноструктурных языках, остаются открытыми для дальнейшего изучения. Так, неоднозначной интерпретации подлежат вопросы, относящиеся к смысловой интерпретации амплифаеров в английском, испанском и русском языках, так как отсутствуют унифицированные критерии для идентификации признаков амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе, поскольку большинство исследований посвящено лексическим единицам в дискурсивном употреблении в естественной речевой коммуникации или нехудожественных типах дискурса. Необходимо констатировать, что амплифаеры в художественном диалогическом дискурсе как лексические единицы языка, реализующие коммуникативно-прагматическую функции, остаются недостаточно освещенными в лингвистической литературе. Кроме того, представляется важным провести комплексное и методологически обоснованное исследование амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, так как данные лексемы дают возможность участникам диалогического акта коммуникации продуцировать коммуникативно релевантные высказывания-реплики. Наконец, представляется важным подчеркнуть, что на сегодняшний день отсутствуют специальные исследования в области комплексного анализа амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе в английском, испанском и русском языках.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые осуществлен комплексный подход к исследованию амплифаеров на семантическом, коммуникативно-прагматическом и дискурсивном уровне в разноструктурных – английском, испанском и

русском – языках. Следует обратить внимание на тот факт, что в настоящей работе представлена разработанная автором коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров; установлены методологические подходы к изучению амплифаеров; определены закономерности функционирования амплифаеров как инструментов управления коммуникацией в высказывании-реплике в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе; представлены циклические структуры художественного диалога с амплифаерами, отражающие определенные закономерности их построения в соответствии с коммуникативными стратегиями и интенциями продуцентов высказываний-реплик; определен показатель частотности употребления выявленных в ходе выполнения работы различных типов амплифаеров (см. авторскую классификацию в п. 4.3.) в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса в каждом из исследуемых разноструктурных – английском, испанском и русском – языков в отдельности и в сопоставительном плане в английской, испанской и русской лингвокультурах, соответственно; выявлены универсальные и национально-культурные особенности амплифаеров в английском, испанском и русском языках; установлена корреляция как внутри каждой группы амплифаеров, так и между их типами.

Научная гипотеза исследования заключается в комплексном подходе к изучению амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, так как данные лексические единицы языка выполняют организационную, когнитивную и коммуникативно-прагматическую функции, выявляя внутреннюю природу когнитивно-познавательной функции языка и организационную структуру языковых компонентов в рамках высказывания-реплики художественного диалога. В различных регистрах художественного диалогического дискурса амплифаеры способны структурировать высказывания-реплики, выражая отношения между участниками коммуникативного акта (адресантом и адресатом) и содержанием, акцентируют внимание на конкретном значении

высказывания-реплики, расширяют как смысловые границы, так и контекстуальные, обеспечивая успешное взаимодействие коммуникантов в художественном диалоге. Кроме того, помимо общих функций, характерных для всех типов амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, выделяются и специфические функции исследуемых лексических единиц.

Так, *амплифаеры структурирования* художественного диалогического дискурса формируют семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, обеспечивая целостную коммуникативно-речевую ситуацию в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Основной функцией *амплифаеров-аддитивов* является организация текста, указание на связь между идеями, введение дополнительной информации или продолжение мысли, обеспечивающие логическую связность художественного текста. *Амплифаеры с модальным значением* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе придают высказыванию-реплике субъективно-модальные оттенки значений: *вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, рекомендации*, *убеждения*, *разрешение/запрет, оценку*, *степень оценки*, демонстрируя стратегию ведения акта коммуникации и позицию адресанта по отношению к сообщаемым фактам. *Амплифаеры-рестриктивы* в художественном диалогическом дискурсе выражают *рестриктивные значения*, *модальные значения желания* или *намерения*, придавая высказыванию-реплике специфические семантические и эмоционально-выразительные особенности. *Амплифаеры-интеръекции* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе создают интерактивный диалог, выражая *согласие/несогласие*, *формальную и неформальную просьбы*, *переспрос*, *сожаление*, *привлечение внимания*, *хезитацию*, а также формируя *интеррогативные высказывания-реплики*. *Амплифаеры-хезитативы* являются лексическими средствами связности дискурса, позволяя

коммуникантам объективировать смысл сказанного. Кроме того, лексические единицы данного типа отличаются довольно широким семантическим и коммуникативно-прагматическим диапазоном, выполняя различные функции в структуре художественного диалогического дискурса. Десемантизация лексем сопровождается повышением их метакоммуникативного статуса. *Амплифаеры со значением удивленного переспроса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе вносят в высказывание-реплику тончайшие оттенки коннотативного характера (*сомнение*, *подозрение, недоверие, сарказм* и др.), позволяя коммуникантам однозначно интерпретировать высказывания-реплики, минимизируя прагматическую амбивалентность. *Амплифаеры консенсуса/ диссенсуса* в художественном диалогическом дискурсе создают следующие иллокутивные действия речевых актов: *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия* и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия партнеров по общению*, *отрицательное отношение* или *запрет*, *недовольство*, *опровержение* и др.

Объектом исследования является художественный диалогический дискурс в англоязычной, испаноязычной и русскоязычной литературе XX-XXI вв.

Предметом исследования выступают семантические, коммуникативные и дискурсивные характеристики амплифаеров, а также их лингвопрагматические особенности функционирования в рамках структуры высказывания-реплики в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Целью диссертационной работы является изучение, систематизация и описание амплифаеров как неотъемлемых конституентов высказывания-реплики художественного диалогического дискурса, классификация амплифаеров с учетом их коммуникативно-прагматического и

функционального потенциала, а также установление лингвопрагматических и национально-культурных закономерностей употребления исследуемых лексических единиц в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании ставятся **следующие конкретные задачи**:

– с учетом теоретико-методологического и прикладного базиса современных исследований в лингвистической науке дать определение понятия «дискурс», выявить прагматические характеристики диалога, художественного диалогического дискурса, определить суть высказывания-реплики как основной единицы художественного диалогического дискурса;

– выявить сущность амплифаеров в онтологическом аспекте художественного диалогического дискурса;

– проанализировать семантический, функциональный и коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса;

– разработать коммуникативно-прагматическую и функциональную классификацию амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе, учитывающую семантические особенности исследуемых лексических единиц, их прагматическую роль в высказывании-реплике и национально-культурный аспект;

– определить методологические подходы к изучению амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе;

– провести комплексный коммуникативно-прагматический анализ амплифаеров, так как исследуемые лексемы языка представляют собой инструменты управления коммуникацией в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе;

– представить циклические структуры художественного диалога с амплифаерами, отражающие закономерности построения в соответствии с коммуникативными интенциями коммуникантов;

– определить показатель частотности употребления различных типов амплифаеров в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса в каждом из исследуемых разноструктурных – английском, испанском и русском – языков в отдельности и в сопоставительном плане в английской, испанской и русской лингвокультурах, соответственно;

– установить закономерности реализации коммуникативно-прагматических функций амплифаеров, то есть выявить универсальные и национально-культурные особенности употребления исследуемых лексических единиц в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Эмпирическим материалом исследования являются прозаические тексты английской, испанской и русской художественной литературы XX и XXI вв., сопряженные темпорально, а также национальные корпусы языков. В ходе исследования методом сплошной выборки зафиксированы для комплексного анализа **129 587** случаев употребления лексических единиц, способных выступать в роли амплифаеров. Из них **43545** случаев употребления лексем английского языка, **42 838** случаев употребления лексем испанского языка и **43 204** случая употребления лексем русского языка. В рамках настоящего диссертационного исследования для определения частотности употребления амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используется программа *Text Statistics Analyzer*, предназначенная для анализа статистических данных о частоте использования символов, слов и строк.

В соответствии с поставленными задачами и принципиальной разнородностью материала в предпринятом исследовании применены комплексные **методы и приемы исследования**, включающие:

1) метод сплошной выборки языкового материала – для отбора контентов с амплифаерами из корпуса текстов художественной литературы и дальнейшего комплексного анализа исследуемых лексических единиц;

2) приемы классификации и систематизации – для упорядочения и структурирования амплифаеров в соответствии с их семантическим значением, функциями и контекстом употребления;
3) метод лингвистического описания – для описания семантического и коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе;
4) метод компонентного анализа – для исследования семантической структуры и функциональной нагрузки амплифаеров;
5) метод структурно-функционального и контекстуального анализа – для выявления коммуникативно-прагматических функций в организации художественного диалогического дискурса, а также для понимания как амплифаеры оказывают влияние на интерпретацию контекста;
6) метод сравнительно-сопоставительного анализа – для выявления универсальных и национально-специфических особенностей амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе;
7) статистическая обработка материала – для статистической систематизации и интерпретации амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе;
8) корреляционный метод – для выявления взаимосвязи употребления амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе;
9) формализованные приемы представления результатов (гистограммы, схемы, таблицы) – для наглядного представления полученных данных в ходе исследования.

Достоверность и оригинальность диссертационного исследования обеспечивается методологической обоснованностью, адекватностью методов исследования, объекту, предмету, целям и задачам работы, комплексным характером исследования, репрезентативностью и привлечением к комплексному анализу англоязычных, испаноязычных и русскоязычных

текстов художественной литературы и репрезентативностью исследуемого материала, вводимого в научный оборот.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются теоретические изыскания, научные концепции, разработанные в рамках приведенных научных дисциплин и направлений:

– *общая теория дискурса*, *дискурс-анализ* [Алефиренко, 2005, 2008; Андреева, 2009; Арутюнова, 1998; Бабаян, 1998, 2007, 2009, 2023; Бахтин, 1995; Безруков, 2024; Белошапкова, 2012; Белявская, 2010; Блох, 2013; Богданов, 1993; Борботько, 1981, 2019; Борисова, 2023; Викторова, 2016; Горелов, 2001; Григорян, 2017; Денисов, 2012; Заложных, 2017; Звегинцев, 1976; Зеленская, 1998; Зернецкий, 1990; Ирхин, 2014; Йоргенсен, 2002; Каменская, 1990; Карамова, 2013, 2017; Карасик, 2004; Кашкин, 2004; Кибрик, 2003; Кох, 1978; Красных, 2001; Кубрякова, 2004; Кулявина, 2015; Ле, 2001; Магировская, 2016; Макаров, 2003; Манаенко,2006; Маслова, 2014; Мельникова, 2022; Михалева, 2020; Николаева, 1978; Русакова, 2012; Селиванова, 2006; Серио, 1999; Степанов,2008; Степанов, 1995; Сусов, 1988; Сухих, 1998; Турбина, 2017; Тюкина, 2022; Ухванова-Шмыгова, 2016; Филлипс, 2008; Фуко, 2004; Хурматуллин, 2009; Цупикова, 2010; Чернявская, 2001, 2021; Шапочкин, 2018; Шейгал, 2004; Якобсон, 1999; Asher, 2005; Charaudeau, 1983; Cornish, 2009; Crystal, 2019; van Dijk, 1983; Du Bois, 2003; Dylgjeri, 2014; Fairclough, 2013; Forbes, 2002; Gutiérrez-Rexach, 2016; Hausenblas, 1964; Hobbs, 1985; Laclau, 1990; Mann, 1988; Ruiz Ruiz, 2009; Schiffrin,1994; Tannen, 1982; Thompson, 1988; Van Leeuwen, 2005; Vieu, 2005; Widdowson, 2004 и др.];

– *художественный дискурс* [Аксючиц, 2021; Алексеева, 2008; Алтабаева, 2012; Асратян, 2020; Бабаян, 2009, 2023; Борисова, 2023; Галеева, 1999; Диброва, 1999; Зинченко, 2024; Зусман, 2024; Караулов, 1987; Кирнозе, 2024; Купцов, 2021а, 2022, 2023б, 2024к, 2025и; Кушнерук, 2016; Мартиросьян, 2012; Масленникова, 2012; Маслова, 2014; Огнева, 2014; Олизько, 2008; Радбиль, 2013; Рогачевская, 2021; Рыжков, 2008; Самарская,

2012; Стародубова, 2021; Эко, 2007; Фещенко, 2021; Searle, 2010 и др.];

– *теория диалога* [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2016а; 2025а; Бахтин, 1996; Блох, 1992; Борисова, 2009; Гак, 2010; Гапанович, 2013; Голованева, 2013; Григорян, 2017; Денисов, 2012; Доброва, 2011; Избаева, 2021; Кадырова, 2021; Колокольцева, 2001; Купцов, 2024е; 2025а; 2025е; Лагутин, 1991; Лотман, 1994; Людерс, 2010; Маслова, 2022; Мельникова, 2022; Олянич, 2007; Поляков, 1992; Ремизова, 2001; Свиридова, 2023; Скорик, 2010; Тюкина, 2022; Успенский, 2011; Федотова, 2013; Хисамова, 2009; van Dijk, 1985; Halliday, 1976; Kloepfer, 1981 и др.];

– *прагмалингвистика* [Бабаян, 2009, 2023, 2023; Богданова-Бегларян, 2015; Викторова, 2016; Вишневская, 2000; Егоршина, 1997; Зеленская, 1998; Каменский, 2015; Карасик, 2004; Кибрик, 2003; Киселева, 1998; Купцов, 2025г; Манжелеевская, 2017; Пайар, 1998; Рубанова, 2017; Сухих, 1998; Сущинский, 1991; Телия, 1996; Филиппова, 1996; Формановская, 2007; Чиронов, 2015; Aijmer, 1987; Beeching, 2000; Blakemore, 2002; Brinton, 1996; Fisher, 2006; Fraser, 1996; Furkó, 2005; House, 2013; Lenk, 1997; Lutzky, 2008; Pichler, 2013; Redeker, 2006; Schiffrin, 1994; Wierzbicka, 2003 и др.];

– *проблема амплифаеров и лексических единиц в дискурсивном употреблении* [Аверина, 2022; Айдукевич, 1999; Бабаян, 2025; Баранов,1993; Богданова-Бегларян, 2015; Богинская, 2024; Болсуновская, 2015; Борисова, 2018; Викторова, 2016; Вишневская, 2014; Власян, 2022; Долбилова, 2020; Егорова, 2009; Иванова, 2006; Каменский, 2015; Киселева, 1998; Кобозева, 1991; Корнева, 2020; Коровина, 2021; Купцов, 2025г; 2025и; Манаенко, 2016; Нагорный, 2019; Николаева, 2005; Пайар, 1998; Плунгян, 2012; Подлесская, 2009; Рахилина, 1993; Сиротинина, 2008; Стародумова, 1997; Сущинский, 1991; Торопова, 2000; Цупа, 2021; Aijmer, 2013; Andersen, 2000; Bauer-Ramazani, 2005; Beeching, 2002; Biber, 1999; Blakemore, 2002; Borreguero, 2010; Brinton, 1996; DeCarrico, 1992; Díez-Bedmar, 2012; Fisher, 2006; Fraser, 1988; Greenbaum, 1970; Hinkel, 1999; Hyland, 2000; King, 2016; Lenk, 1997; Lutzky, 2006; Nattinger, 1992; Pérez-Paredes, 2012; Pichler, 2013; Portolés, 1999;

Redeker, 2006; Schiffrin, 1997; Schourup,1999; Simpson, 2014; Stede, 2000; Takimoto, 2015; Wierzbicka, 1976; Zorraquino, 1999 и др.];

– *семантика* [Аверина, 2024; Арнольд, 2016; Арутюнова, 1988; Бабаян, 2022; 2024б; 2025а; Балли, 1955; Бенвенист, 1974; Бондарко, 2003; Васильев, 2009; Вольф, 1985; Гак, 2010; Григорян, 2021; Кобозева, 2007; Кожина, 1987; Колшанский, 2007; Ломтев, 1976; Николаева, 2010; Падучева, 2004; Сиротинина, 2008; Телия, 1996; Crystal, 2019; Dasher, 2002; Leech, 1999; Quirk, 1985; Traugott, 2002; Wierzbicka, 1992 и др.];

– *лингвокультурология* [Аверина, 2025; Бабаян, 2009; Верещагин, 2005; Дубровская, 2012; Жельвис, 2012; Костомаров, 2005; Кошарная, 2009; Красных, 2001; Кубрякова, 2007; Купцов, 2022; Маслова, 2001; Мельникова, 2022; Телия, 1996; Тюкина, 2022; Фирсова, 2000; Хроленко, 2009; Palmer, 1996; Sharifian, 2011; Wierzbicka, 2003 и др.].

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теории художественного диалогического дискурса и в конкретизации категориального аппарата изучения амплифаеров. Предложенная авторская классификация амплифаеров открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области лингвистики и коммуникации. Предлагаемый в нем комплексный подход к изучению амплифаеров на семантическом, коммуникативно-прагматическом и дискурсивном уровнях в условиях диалога предоставляет возможность истолковать особенности функционирования амплифаеров как в высказывании-реплике, так и в художественном диалогическом дискурсе. Исследование вносит определенный вклад в теорию языка, теорию дискурса и дискурс-анализа, прагматику, способствуя расширению представлений о механизмах речевого взаимодействия продуцентов высказываний-реплик в художественном диалоге.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности применения его основных положений и результатов в теоретических курсах по общему языкознанию, лексикологии и стилистике

английского, испанского и русского языков, интерпретации художественного текста, теории дискурса и дискурс-анализа, а также могут быть учтены при разработке отдельных спецкурсов. Предложенные методы исследования и алгоритм анализа возможно применить на материале других языков, что способствует более полному представлению структуры языка, акта коммуникации и выявлению определенных универсальных и национально-культурных закономерностей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Прагматические характеристики художественного диалогического дискурса включают в себя контекстуальность, имплицитность, адаптивность, эмоциональную насыщенность, роль вербальных средств, стратегии взаимодействия и социальную динамику.

2. Коммуникативно-прагматический аспект диалога фокусируется на том, как коммуниканты используют язык для выражения своих интенций и достижения целей, учитывая социальные, культурные и ситуационные факторы.

3. Художественная коммуникация является комплексным и многогранным процессом между партнерами по диалогу с использованием языковых знаков, который основан на кодировании и декодировании актуальной информации и обратную связь, завершая коммуникационный процесс полным циклом и инициируя новый круг информационного обмена. При этом художественная коммуникация, как правило, достигается посредством кодирования концептуальных структур, которая может быть развернута и объяснена.

4. Коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе базируется на двух критериях: 1) лексические единицы, подлежащие группировке, должны демонстрировать однородные грамматические характеристики, соответствующие традиционным лингвистическим категориям; 2) концептуальные характеристики лексем,

прежде всего, демонстрируют дискурсивные и когнитивно-коммуникативные функции, эксплицируя семантические отношения в тексте.

5. В зависимости от коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеры в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе классифицируются на следующие типы (группы): *амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса*, *амплифаеры-аддитивы*, *амплифаеры с модальным значением, амплифаеры-рестриктивы*, *амплифаеры-хезитативы*, *амплифаеры-интеръекции*, *амплифаеры со значением удивленного переспроса*, *амплифаеры консенсуса/диссенсуса*.

6. Амплифаеры представляют лексические единицы, обладающие широким коммуникативно-прагматическим потенциалом в регистрах художественного диалогического дискурса, организуя высказывание-реплику и выражая связи между коммуникантами, что способствует актуализации прагматически детерминированных коммуникативных интенций коммуникантов. Дискурсивное употребление амплифаеров определяется коммуникативными потребностями адресанта в том, чтобы избежать амбивалентности при экспликации цели своего высказывания**.**

7. Амплифаеры в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе выполняют функции, связанные с организацией, когнитивным восприятием и коммуникацией, придавая высказыванию дополнительные смысловые оттенки коннотативного характера (позиция адресанта по отношению к сообщаемым фактам, семантическая и эмоционально-экспрессивная окраска), формируя прагматический эффект диалогического акта коммуникации и управляя интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия партнеров по общению.

8. Амплифаеры в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют универсальный лингвокультурный феномен. Художественный диалогический дискурс и амплифаеры, связанные с прагматикой межличностного общения, отражают

универсальные и национально-специфические особенности английской, испанской и русской лингвокультур.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в докладах на Международной конференции «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике» (Ярославль, 2007 г.), на Международной конференции «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2008, 2009, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2022, 2023, 2024, 2025 гг.), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2008, 2010, 2011, 2012 гг.), на VII международной научной конференции «Филология и культура» (Тамбов, 2009 г.), на Международной научной конференции «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал» (Барнаул, 2011, 2014 гг.), на Международной научно-практической конференции «Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы» (Вологда, 2016 г.), на Международной научной конференции «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016 г.), на Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Белгород, 2017 г.), на Международной научной конференции "Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике" (Барнаул, 2018 г.), на Международной научно-практической конференции «Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы» (Ярославль, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг.), на Международной научной конференции по когнитивной лингвистике «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» (Новосибирск, 2022 г.), на VII международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака» (Москва, 2022, 2023 гг.), на Международной научно-практической конференции «Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам» (Минск, 2022, 2023, 2024, 2025 гг.), на Международной конференции «Conferencia Científica Internacional Invitación al Mundo Ruso: Lecturas

Científicas» (Cuba, Ciego de Avila, 2022, 2023, 2024 гг.); на Международной научной конференции «Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка» (Ярославль, 2023, 2024, 2025 гг.); на Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования» (Тамбов, 2023 г.), на Международной научной конференции «Когнитивная лингвистика в контексте современной науки» (Челябинск, 2023 г.), , на VIII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2023 г.), на Международной научно-практической конференции «Человек и язык», (Москва, 2023 г.), на XII Международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Нижний Новгород, 2024 г.), на научно-методическом семинаре «Внедрение современных педагогических технологий в процесс обучения иностранным языкам в военных и гражданских технических вузах» (Ярославль, 2024, 2025 гг.), на XIII Международной конференции «Когнитивные исследования в цифровую эпоху» (Тюмень, 2025 г.), на Всероссийской конференции «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы» (Тамбов, 2025 г.).

Основное содержание диссертационного исследования отражено в монографиях «Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе» объемом 22,25 п.л., «Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты» объемом 12 п.л., в коллективной монографии «Словарь. Лингвокультура. Дискурс.» Глава 2.5. «Дискурсивы как конституенты функционально-семантического поля модальности в художественном дискурсе» объемом 0,6 п.л., 45 публикациях общим объемом 23,6 п. л., в том числе в 22 статье в журналах ВАК РФ, статьи и материалы докладов международных, всероссийских и региональных конференций. Работа обсуждена на заседании кафедры теории и практики перевода ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Отраженные в диссертации положения соответствуют ***Паспорту научной специальности 5.9.8.*** – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, в частности, следующим областям исследования:

п. 4. Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики.

п. 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии.

п. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста.

п. 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов.

п. 12. Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка:

- Теоретические проблемы фонетики и фонологии. Графика и системы письменности

- Теоретические проблемы морфологии

- Теоретические проблемы синтаксиса

- Теоретические проблемы исследования грамматических категорий и грамматических значений

- Теоретические проблемы текста и дискурса.

п. 13. Теоретические проблемы лексикологии и лексикографии.

п. 15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации.

Структура диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав и заключения. К работе прилагаются список литературы (572 наименований, в том числе 119 на иностранном языке), список источников исследования, глоссарий.

Во **введении** обосновывается выбор темы, обозначена степень научной разработанности проблемы, обоснованы актуальность, научная новизна, выдвинута гипотеза, указаны объект, предмет, цель, задачи и методы научного исследования, приведены положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, структура работы и ее апробация.

В **первой главе** – «Теоретические основы изучения понятий «дискурс» и «художественный дискурс» – представлено научное обоснование проблемно-теоретических положений диссертационного исследования, проведен критический обзор известных концепций, имеющих отношение к изучаемым в работе проблемам. Глава 1 включает 2 раздела. Раздел 1 «Понятие «дискурс» в современном языкознании: определение и ключевые аспекты» (п. 1.1.) систематизирует различные теоретические концепции исследователей на проблематику «дискурса»; изучает структуру дискурса, его конституентов и их взаимосвязь (п. 1.1.1.); исследует типы дискурса (п. 1.1.2.). Раздел 2 «Определение понятия «художественный дискурс» в современном языкознании, основные характеристики художественного дискурса» изучает различные определения понятия «художественный дискурс» (п. 1.2.).

Во **второй главе** – «Диалог как основная форма общения в художественном дискурсе» рассмотрены основополагающие аспекты диалогического речевого взаимодействия. Глава состоит из 2 разделов. Раздел 1 «Диалог как объект лингвистического исследования» рассматривает диалог как лингвистическое явление (п. 2.1.); описывает разнообразие подходов к пониманию диалога (п. 2.1.1); приводит обзор основных теорий относительно социальной и психологической регуляций деятельности коммуникантов в диалогическом акте общения (п. 2.1.2.); выявляет основные прагматические характеристики художественного диалогического дискурса (п. 2.1.3.). В Разделе 2 «Художественный диалогический дискурс как сложное коммуникативное явление» рассмотрено построение художественного диалогического текста, в основе которого лежит принцип диалога (п. 2.2.); исследует вопрос о единицах художественного

диалогического дискурса и проблеме его сегментации (п. 2.2.1.); демонстрирует в современном языкознании основные классификации высказываний-реплик в художественном диалогическом дискурсе (п. 2.2.2.).

Третья глава – «Амплифаеры как коммуникативные единицы художественного диалогического дискурса» – систематизирует и описывает семантические, функциональные и коммуникативно-прагматические характеристики амплифаеров как конституентов художественного диалогического дискурса. В настоящей главе представлен обзор основных теорий относительно онтологии коммуникативных амплифаеров (п. 3.1.), семантического потенциала амплифаеров (п. 3.2.), функционального потенциала амплифаеров (п. 3.3.), коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров художественного диалогического дискурса (п. 3.4.).

В **четвертой главе** – «Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе», состоящей из 4 разделов, предложены авторская классификация амплифаеров (п. 4.1.) и методологические подходы к изучению амплифаеров (п. 4.2.); проведен комплексный анализ материала и представлены его результаты, выявлен коммуникативно-функциональный диапазон амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе (п. 4.3.); определена частотность употребления амплифаеров, проведен лингвостатистический анализ употребления амплифаеров, а также выявлены и проанализированы универсальные и национально-культурные особенности амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе (п. 4.4.).

В **заключении** содержатся проблемно-теоретические обобщения на основе результатов и выводов диссертационного исследования, а также обозначаются векторы дальнейшего изучения.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ДИСКУРС» И «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС»

Современное состояние языкознания характеризуется бурным развитием и сменой лингвистической парадигмы. Если в XX в. магистральным направлением в языкознании были системность и структурность, то на современном этапе развития лингвистической науки акценты расставлены на антропоцентричности, коммуникативности, дискурсивности, интегративности и др. [Маслова, 2022, с. 18]. Язык как уникальная открытая система знаний становится центром изучения лингвистов, включающая тезаурус, грамматические и фонетические законы построения языковых единиц в синхроническом и диахроническом планах.

Таким образом, в качестве основополагающего положения в современной лингвистике является то, что «изучение языка может считаться адекватным лишь при описании его функционирования в процессе коммуникации», то есть деятельностный подход в лингвистике находит своё отражение в антропоцентрическом подходе к изучению языка, учитывая потребности, цели, намерения и ожидания человека, а также коммуникативные цели и коммуникативно-речевые ситуации, в которых он участвует. Важнейшим элементом человеческой деятельности и её ценнейшим продуктом служит *речь* (курсив наш. – *А. К.*), которая является объектом анализа дискурса, конверсационного анализа и развивающегося внутри него анализа диалога [Аристов, 1999; Бабаян, 2009; Григорьева, 2007]. Язык рассматривается как цельное средство коммуникации, в связи с этим представляет несомненный интерес изучение связи языка с человеческой деятельностью, который находит свою реализацию через текст. Как справедливо отмечает А. К. Хурматуллин, «интенсивное развитие лингвистики текста как науки о сущности, предпосылках и условиях человеческой коммуникации наметило поворот от лингвистики языка к лингвистике речи, вызвало усиление внимания к акту коммуникации

[Хурматуллин, 2009, с. 32]. Признание языка как инструмента общения позволяет рассматривать его в контексте его основной функции — коммуникации. Данная функция представляет собой сложное интегрированное явление, в котором объединены все свойства языка. Коммуникация, как аспект человеческой жизни, проявляется на различных этапах развития общества и играет важную роль в формировании социальных связей и культурных традиций. Таким образом, приходим к заключению о том, что дискурс как сложный коммуникативный феномен выступает отражением интеракции языковых личностей.

1.1. Понятие «дискурс» в современном языкознании: определение и ключевые аспекты

Вопрос о динамичности понятия «дискурс» и его семантическом варьировании вполне уместен, поскольку в последние десятилетия он стал широко использоваться в лингвистике. Основными причинами возникновения концептуальной многозначности, то есть смысловой неопределенности, является отсутствие четкого и общепринятого определения понятия «дискурс», которое бы охватывало все его аспекты. На сегодняшний день *функционально-коммуникативный подход* рассматривает дискурс как ключевую форму повседневной практики человека. **Дискурс** определяется как сложное коммуникативное явление, которое включает не только текст, но и экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, мнения, установки и цели адресата, необходимые для полного понимания текста [Бабаян, 2023, с. 34; Купцов, 2023, с. 170; Хурматуллин, 2009, с. 31].

Функционально-коммуникативный подход рассматривает дискурс как средство коммуникации, которое используется для передачи сообщения, выражения мнений, убеждений и взаимодействия между коммуникантами. В рамках этого подхода **дискурс** рассматривается как социальное явление, отражающее специфические цели и задачи участников коммуникации. Так,

функционально-коммуникативный подход к дискурсу исследует тексты и речевые проявления с точки зрения их функционального назначения, то есть какие цели преследуются при использовании определенных языковых единиц в конкретной коммуникативно-речевой ситуации общения. Необходимо отметить, что данный подход также уделяет внимание контексту использования языка, социокультурным особенностям общения и взаимодействию между участниками дискурса. Таким образом, функционально-коммуникативный подход способствует пониманию использования языка для достижения определенных целей в различных ситуациях общения, а также влияния социокультурных факторов на процесс коммуникации и восприятие текста [Купцов, 2024].

Как известно, дискурс может быть *устным* или *письменным*, *индивидуальным* или *коллективным*, *формальным* или *неформальным*, включая не только лексемы, но и невербальные элементы, такие как жесты, мимика, интонация и другие факторы, влияющие на его смысл и эффективность. Изучение дискурса способствует пониманию создания социальных, культурных, национальных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные, идеологические и др. особенности говорящего и его языкового сообщества. Дискурс является важным инструментом социального контроля и определения социальных норм и ценностей, поэтому изучение и адекватная интерпретация данного феномена представляется крайне важным.

Считаем важным подчеркнуть, что при всем разнообразии лингвистических исследований в настоящее время многие вопросы относительно понятия *«дискурс»* и вкладываемых в него значений остаются еще не до конца изученными и получают различное толкование.

Так, Е. С. Кубрякова полагает, что необходимо изучать дискурс в *коммуникативно-дискурсивном* и *когнитивно-дискурсивном аспектах*. При коммуникативно-дискурсивном подходе изучаются коммуникативно-

прагматические интенции, а при *когнитивно-дискурсивном подходе* внимание уделяется репрезентации знака, а также моделированию мира. В когнитивно-дискурсивной парадигме «при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: *когнитивная* (по их участию в процессах познания) и *коммуникативная* (по их участию в актах речевого общения). Соответственно каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2004а, с.11]. Учитывая все вышесказанное, Е. С. Кубрякова и Л. В. Цурикова определяют **дискурс** как «ограниченный вполне определёнными временными и общими хронологическими рамками процесс использования языка (речевая деятельность), обусловленный и детерминируемый особыми типами социальной активности людей, преследующих конкретные цели и задачи и протекающий в достаточно фиксируемых условиях не только с точки зрения общих социокультурных, но и конкретных индивидуальных параметров его реализации и инстанциации» [Кубрякова, Цурикова, 2004, с. 129]. Таким образом, подчеркивается значение личности коммуниканта, его интенции, интересы и мотивы в процессе формирования и реализации дискурса.

Лингвистическое понимание феномена **«дискурс»** как в зарубежных [Йоргенсен, Филлипс, 2002; Серио, 1999; Ухванова-Шмыгова, 2016; Laclau, 1990; Ruiz Ruiz, 2009; Van Leeuwen, 2005], так и в отечественных [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2006; Бабаян, 2009; Бабаян, 2017; Борисова, 2023; Григорян, 2017; Дейк, 1989; Денисов, 2012; Дубовицкая-Рожкова, 2023; Карасик, 2004; Купцов, 2023з; Купцов, 2024г; Купцов, 2025г; Мельникова, 2022; Реброва, 2019; Тюкина, 2022 и др.] исследованиях представляется крайне неоднозначно. П. Серио выделяет следующие значения понятия **«дискурс»**:

1) эквивалент понятия «речь», то есть любое конкретное высказывание;

2) единица, по размерам превосходящая фразу;

3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания в рамках прагматики;

4) беседа как основной тип высказывания;

5) употребление единиц языка, их речевая актуализация;

6) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию;

7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний (например, феминистский дискурс, административный дискурс и др.);

8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [Серио, 1999, с. 26-27].

Следует отметить, что О. Л. Михалёва придерживается того же мнения, отмечая, что «В современной науке под **дискурсом** понимается практически все, что угодно. <…> Однако далеко не всегда синтез фоновых знаний и конкретного контекста приводит к однозначному пониманию того, что стоит за таинственным словом “дискурс”» [Михалёва, 2020, с. 3].

Что касается существующих концепций относительно природы и сущности понятия «дискурс», следует обратить внимание на тот факт, что дискурс исследуется с разнообразных позиций, например, с точки зрения *социолингвистического подхода, психолингвистического подхода, коммуникативно-ориентированного подхода, прагмалингвистического подхода* [Бабаян, 2017, с. 79]. Таким образом, изучая различные аспекты дискурса, лингвисты кладут в его основу разнообразные онтологические признаки. Так, например, Т. А. ван Дейк пишет о детерминации дискурса: «**Дискурс** – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия…» [ван Дейк, 1989, с. 53]. **Дискурс** является особым представлением определенных аспектов или сторон (физического, социального, психологического и др.) мира [Fairclough, 2013, p. 358].

При детерминации понятия **«дискурс»** А. К. Хурматуллин выделяет **следующие подходы**:

1. ***Коммуникативный (функциональный) подход***: **дискурс** представляет собой *речевое общение* (речь, использование и функционирование языка), *диалог/разговор*, то есть тип диалогического высказывания. В рамках коммуникативного подхода понятие **«дискурс»** трактуется как «определённая знаковая структура, которая становится дискурсом в силу своего субъекта, объекта, места, времени, обстоятельств создания (производства)».

2. ***Структурно-синтаксический подход***: **дискурс** является фрагментом текста – образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац и др.). Дискурс понимается как два или более предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом. Связность рассматривается как один из основных признаков дискурса.

3. ***Структурно-стилистический подход***: **дискурс** – это нетекстовая организация разговорной речи, для которой характерно нечеткое деление на части, доминирование ассоциативных связей, ситуативность, стилистическая специфика и др.

4. ***Социально-прагматический подход***: **дискурс** как текст, погруженный в жизнь, либо как социальный или идеологически неограниченный тип высказываний, либо как «язык в языке», который представлен в виде особой социальной данности, имеющей свои тексты [Хурматуллин, 2009, с. 33].

Следует отметить, что исследователь подчеркивает мысль о том, что вышеупомянутая классификация подходов к определению понятия **«дискурс»** способствует пониманию сущности дискурса, она тройственна, точнее говоря, одна сторона дискурса обращена к грамматике, к типовым коммуникативно-речевым ситуациям, другая – к процессам, которые происходят в сознании коммуникантов, и к характеристикам их сознания, третья – к собственно тексту.

Ряд исследователей справедливо отмечает, что **дискурс** является сложным коммуникативным явлением, включающим в себя экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, интересы, цели коммуниканта [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2002; Бабаян, 2006а; Бабаян, 2017; Бабаян, 2024; Григорян, 2017; ван Дейк, 1989; Карасик, 2004; Купцов, 2021; Купцов, 2022а; Купцов, 2023; Купцов, 2024а; Купцов, 2025; Мельникова, 2022; Тюкина, 2022 и др.]. Таким образом, можем говорить о том, что дискурс представляет собой чрезвычайно богатую область исследования, лежащую в основе как гуманитарных, так и социальных наук.

В рамках настоящего исследования дискурс и текст рассматриваются как отдельные, но взаимосвязанные понятия. **Текст** трактуется как абстрактная единица языка, то есть часть дискурса, его продукт и результат; **дискурс** – как реализация этой единицы в речи, то есть процессуальный аспект коммуникации. **Дискурс** охватывает более широкие социальные и культурные контексты, в которых происходит коммуникация, тогда как **текст** представляет собой конкретный языковой продукт, зафиксированный в письменной или устной форме.

Исследуя **дискурс** как сложный языковой феномен, многие исследователи приходят к выводу о том, что при его анализе необходимо учитывать **следующие экстралингвистические факторы**:

1) *форма речевого взаимодействия*. Иными словами, каким образом осуществляется коммуникация: устно или письменно, посредством текста или аудио/ аудио-визуального сообщения;

2) *осуществление речевого взаимодействия*. Необходимо учитывать то, как осуществляется коммуникативное взаимодействие коммуникантов: в форме монологической/ диалогической/ полилогической речи; с участием/ без участия молчащих наблюдателей;

3) *условия осуществления речевого взаимодействия*. Необходимо учитывать время и место коммуникации;

4) *личностные характеристики коммуникантов*. Необходимо учитывать социальное положение коммуникантов, их психическое, физическое, эмоциональное состояние и настроение;

5) *предпосылки для возникновения коммуникативно-речевой ситуации*. Необходимо учитывать те аспекты жизни коммуникантов, при которых данная коммуникативно-речевая ситуация стала возможной в принципе;

6) *языковые средства, используемые коммуникантами* [Мельникова, Тюкина, 2022, с. 31].

В. Н. Бабаян детерминирует **дискурс** как единство *текста, контекста* и *коммуникативно-речевой ситуации общения*. в*Текст* рассматривается как последовательность связных высказываний-реплик, которые имеют определенную структуру и функцию. *Контекст* содержит факторы, которые влияют на акт коммуникации, такие как социальный статус коммуникантов, цель общения, тема, мотивы и др. *Коммуникативно-речевая ситуация* определяет условия, в которых происходит общение [Бабаян, 2002а; Бабаян, 2024а]. Таким образом, можем говорить о том, что **дискурс** – это не просто набор отдельных слов и фраз, но структурированная и связная речь, которая имеет определенную цель и контекст [Купцов, 2024и, с. 170-171].

К. М. Денисов указывает на тот факт, что **дискурс** представляет собой интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия общающимися друг на друга, использование различных коммуникативных стратегий и приемов, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения [Денисов, 2012, с. 127].

Следует отметить, что понятие «дискурс» в научной литературе характеризуется полисемичностью. Так, определение Т. М. Николаевой отражает традиционную интерпретацию изучаемого феномена: «**Дискурс** – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них:

1) связный текст;

2) устно-разговорная форма текста;

3) диалог;

4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу;

5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978, с. 467].

Считаем целесообразным отметить, что совокупность данных интерпретаций содержится в словаре В. З. Демьянкова, который приводит следующее определение дискурса: «***Discourse*** – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи», ср. предлагаемый гештальтистский подход к дискурсу. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «несобытия», то есть:

а) обстоятельства, сопровождающие события;

б) фон, поясняющий события;

в) оценка участников событий;

г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1982].

В. Г. Борботько определяет **дискурс** как текст, состоящий из различных коммуникативных единиц языка, то есть из предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной содержательной связи, и позволяет воспринимать его как целостное образование [Борботько, 1981, с. 8].

Со *структурно-синтаксической* точки зрения В. А. Звегинцев определяет **дискурс** как «два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса» [Звегинцев, 1976, с. 16]. Таким образом, как отмечает Н. С. Бажалкина, *структурно-функциональный подход* подчеркивает соотношение «дискурс» – «недискурс» на основании только формальных показателей языковых единиц без учёта внешнего контекста» [Бажалкина, 2016, с. 158].

В. Е. Чернявская приводит две характеристики понятия **«дискурс»**:

1. **Дискурс** как коммуникативное событие фиксируется как в письменных текстах, так и в устной речи, которое осуществляется в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве.

2. Тексты, связанные одной темой [Чернявская, 2016, с. 75-76].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» Н. Д. Арутюнова определяет **дискурс** как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... **Дискурс** – это речь, «погруженная в жизнь»» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. Следует отметить, что Т. А. ван Дейк и В. Кинч приводят следующее определение понятия «дискурс»: **Дискурс** – это сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [ван Дейк, Кинч, 1989]. Исследователи считают, что «действительное понимание дискурса зависит от изменяющихся когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста» [Там же, с. 45]. О том же говорит П. Шародо, который делает упор на представлении **дискурса** как взаимообусловленного единства «высказывания» и «коммуникативной ситуации» [Charaudeau, 1983, p. 28].

Ряд зарубежных исследователей утверждают, что понятие «дискурс» и понятие «текст» не следует воспринимать как синонимы, поскольку описание лингвистических структур предполагает способность дифференцировать различные уровни, которые взаимосвязаны между собой. **Дискурс** представляет собой прагматический процесс согласования смысла, а **текст** – это его продукт [Widdowson, 2004].

Текст относится к связанным последовательностям знаков и сигналов в их общепринятом значении, воспроизводимых говорящим. **Дискурс** относится к иерархически структурированному, мысленно представленному продукту последовательности речевых, пропозициональных, иллокутивных и индексальных актов. Текст же в обычных условиях коммуникации по существу линейный [Cornish, 2009, p. 99-100].

А. А. Кибрик даёт следующее определение данному лингвистическому феномену: «Понятие **«дискурс»** понимается как единство двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста. Благодаря такому двуединству, дискурс можно изучать и как разворачивающийся во времени процесс, и как структурный объект. «**Дискурс**» – это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка» [Кибрик, 2009, с. 4].

В. А. Андреева приходит к следующему мнению: «Если текст – лишь физический (физиологический) феномен, не имеющий отношения к психическим сущностям, то интерпретации подлежит не текст, а до- и послетекстовые процессы, т. е. дискурс» [Андреева, 2009, с. 49].

На наш взгляд, Е. Г. Белявская справедливо отмечает, что **текст** – это реальность, «текст можно увидеть, прочитать, передать другому человеку, то есть осуществить в отношении этого текста некоторые действия, не связанные с его изучением в научном плане», а **дискурс** «является научной абстракцией, своеобразным гипотетическим «восстановлением» механизмов формирования речевого сообщения, практически не имеющим материальных аналогов объективной действительности» [Белявская, 2010, с. 24-25].

Некоторые исследователи языка также полагают, что «**текст** – это то, что существует в языке, а **дискурс** – это текст, реализуемый в речи» [Кольцова, Лунина, 2007, с. 8]. Д. Кристал справедливо говорит о том, что препятствием в определении дискурса является нечеткая граница между «дискурсом» и «текстом». Как утверждает исследователь, и «дискурс», и «текст» могут использоваться в гораздо более широком смысле, включая все языковые единицы с определенной коммуникативной функцией, будь то устные или письменные [Crystal, 2019].

Исследуя соотношение понятий текста и дискурса, А. А. Карамова приходит к заключению, что данные феномены следует считать результатами речевой деятельности. **Дискурс** – это максимальная единица текста, предмет дискурсивного анализа. Он обладает всеми текстовыми признаками, но трактоваться они будут с точки зрения дискурс-анализа, то есть, как полагает исследователь, «с учётом механизмов порождения и восприятия текста, коммуникативной ситуации и в свете широкого экстралингвистического и интертекстуального контекста. Вместе с таким пониманием не следует отказываться от определения дискурса как определённой совокупности текстов, с тем лишь уточнением, что это совокупность текстов дискурсивного уровня, то есть уровня дискурсивного анализа».

Итак, изучив соотношение понятий «текст» и «дискурс», А. А. Карамова формулирует два толкования понятия **«дискурс»**: дискурс как дискурсивный текст, то есть текст-дискурс, и дискурс как тип дискурса. В связи с этим **дискурс** определяется как:

1) **текст**, соотносимый с ситуацией общения (с историческим, социально-культурным, политическим, идеологическим и др. контекстом), с системой коммуникативно-прагматических установок, с когнитивными процессами его порождения и восприятия; интегрированный в интертекстуальное пространство;

2) совокупность обозначенных текстов, основанных на общности некоторых признаков (дискурс как тип дискурса) [Карамова, 2013, с. 22].

Таким образом, приходим к выводу, что дискурс можно рассматривать как сложное явление, которое включает в себя как текст, соотносимый с различными контекстами и коммуникативными установками, так и совокупность текстов, объединённых общими признаками. Это позволяет осознать дискурс не только как продукт конкретного общения, но и как часть более широкого интертекстуального пространства, в котором взаимодействуют исторические, социальные и культурные факторы, а также когнитивные процессы участников коммуникации.

В современной лингвистике ряд исследователей (О. Л. Каменская, Ю. А. Левицкий, D. Tannen и др.) высказывают точку зрения, согласно которой дискурс и текст рассматриваются как полные синонимы и употребляются взаимозаменяемо. Данное положение основано на том, что оба термина могут использоваться для обозначения языкового выражения, которое передает информацию. Так, независимо от того, рассматривается текст как отдельное произведение или как часть более широкого контекста коммуникации, в конечном итоге и дискурс, и текст представляют собой структурированные языковые единицы.

В единстве с понятием «дискурс» и понятием «текст» В. В. Богданов указывает на тот факт, что речь и текст являются двумя неравнозначными сторонами дискурса. «**Дискурс** понимается как все, что говорится и пишется человеком, а, следовательно, термины «речь» и «текст» являются видовыми относительно родового понятия «дискурс» [Богданов, 1993, с. 5].

Дискурс относится как к тексту, так и к устной речи, и это не два отдельных жанра, которые можно сравнивать и противопоставлять, а скорее пересекающиеся аспекты единого целого. В качестве объекта изучения устный дискурс является «текстом», подобно тому, как слова, произносимые в речи, обычно называются текстом речи. В этом смысле дискурс и текст являются синонимами [Tannen, 1982].

Следует отметить, что разница в трактовках исследуемого понятия объясняется существованием различных научных моделей и парадигм. Для

формалистов **дискурс** рассматривается как уровень языковой структуры, который превосходит предложение, и в этом структурном контексте понятие дискурса фактически совпадает с понятием текста. В то же время функционалисты определяют **дискурс** как систему, организованную как социально, так и структурно, что позволяет выполнять определенные функции [Schiffrin, 1994].

И. Беллерт приходит к мнению, что **дискурс** является связным текстом и интерпретирует данный языковой феномен как «последовательность высказываний S_1..., S_n, в которой семантическая интерпретация каждого высказывания S_1 (при $2 \leq i \leq n$) зависит от интерпретации высказываний в последовательности S_1..., S_{i-1}» [Беллерт, 1978, с. 172].

В данном определении, как видим, отражён логико-семантический аспект, и релевантная интерпретация высказывания требует знания предшествующего контекста. При этом И. Беллерт обращает внимание на то, что семантическая интерпретация любого высказывания представляет собой совокупность следствий или выводов, которые можно сделать на основании данного высказывания.

При разграничении понятия «текст» и «дискурс» З. Д. Асратян подчеркивает, что **дискурс** – это элемент речи, а не языка, однако и текст как единицу языка можно рассматривать весьма условно, то есть как схему, а не как конкретный текст. Исследователь справедливо отмечает, что не всякий текст является дискурсом, подтверждая эту идею тем, что «…текст на языке, неизвестном читателю, или научный текст, непонятный читателю, нельзя назвать дискурсом» [Асратян, 2020, с. 15].

Каждый текст, по мнению исследователя, в зависимости от коммуникативных и экстралингвистических характеристик при определенных обстоятельствах может рассматриваться как дискурс. Таким образом, данный феномен определяется «как идеологически обусловленная речевая деятельность языковой личности, которая формирует вербальное пространство той или иной науки и/или искусства, а также как результат этой

деятельности – текст или совокупность текстов с учетом их экстралингвистических характеристик, когда эти тексты находятся в процессе становления и/или коммуникации с читателем/ями, другими текстами и дискурсами, с обществом, с культурой в целом» [Там же, с. 18].

Проведенный обзор литературы показывает, что наблюдается тенденция рассматривать дискурс как процесс, то есть относящийся к устной коммуникации, а текст – как продукт, то есть относящийся к письменной речи. К. Хаузенблас утверждает, что дискурс тесно связан с коммуникативным актом, который представляет собой совокупность языковых действий, регулируемых и используемых в индивидуальном акте коммуникации. Таким образом, приходим к выводу о том, что **дискурс** является и процессом, и результатом определенного акта коммуникации. Будучи всегда связан с актом/актами коммуникации, дискурс представляет собой единицу «использования языка в практике межличностного общения» [Hausenblas, 1964, p. 70–71].

Существует мнение, что целесообразно рассматривать **дискурс** как языковую единицу, которая располагается выше уровня текста, но при этом сложнее организованную, чем нижестоящие единицы, «включая при этом в парадигму дискурсивных единиц, социальные, психологические, кинетические, этнографические моменты» [Григорьева, 2007а, с. 53].

А. П. Кулявина при изучении соотношений понятий «текст» и «дискурс» приходит к выводу о том, что «**дискурс** является экстравертной фигурой общения, которая представляет совокупность вербальных форм организации и оформления содержания коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности. **Текст** – интравертная фигура коммуникации, которая являет собой совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности» [Кулявина, 2015, с. 1161].

В. Е. Чернявская отмечает, что немаловажным является тот факт, что «один дискурс может конституироваться текстами различных типов, а с

другой стороны – тексты одного типа могут выступать элементами различных специальных дискурсов» [Чернявская, 2009, с. 151].

Так, М. Я. Блох высказывает точку зрения о том, что **дискурс** – «тематически определённый текст, задуманный и предполагаемый как целый и завершённый, но рассматриваемый в ситуации общения, в которой он разворачивается. Можно сказать, mutatis mutandis, что это есть текст in statu nascendi, в момент создания» [Блох, 2013, с. 9].

Анализируя понятия «дискурс» и «текст», К. А. Мельникова и Л. А. Тюкина приходят к выводу, что «дискурс, в отличие от текста, всегда динамичен и интерактивен, поскольку основными аналитическими процессами анализа дискурса являются процессы когнитивные. Релевантным отличием текста от дискурса является, в том числе, и критический дискурсивный анализ – инструмент для анализа текста» [Мельникова, Тюкина, 2022, с. 19].

По мнению Г. Н. Манаенко, дискурс порождает текст, то есть конкретный материальный объект, отражающий взаимодействие людей при создании информационной среды в различных видах деятельности» [Манаенко, 2006, с. 30]. Так, исследователь детерминирует **дискурс** как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко, 2006, с. 28].

При этом исследователь подчеркивает, что «по отношению к речевому общению *дискурс* предстает как социально детерминированный тип его осуществления, соответственно, *речевая деятельность* как способ осуществления, *текст* как форма осуществления (внешнее выражение речевого общения в языковом коде), а *язык* как средство (орудие для осуществления этой деятельности)» [Там же, с. 28-29].

Подразумевая не просто текст как набор слов и предложений, а более сложное явление, которое включает в себя контекст, А. И. Варшавская вводит понятие *дискурса-текста*, трактуя *дискурс* как процесс языкового мышления, а *текст* – как результат или продукт этого процесса, то есть рассматривает в единстве двух сторон (курсив наш. – *А. К.*) [Варшавская, 1984, с. 29]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что такие феномены как текст, дискурс и коммуникация коррелируют в рамках единой сложной системы. Как утверждает Р. В. Патюкова, дискурс реализуется посредством коммуникативного действия и близок к коммуникативному событию в фиксированных хронологических рамках [Патюкова, 2010, с. 130].

По Ю. С. Степанову, **дискурс** – это отражение *языковой и социокультурной реальности,* так как он является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счёте, создаёт особый «ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38-39].

Под **дискурсом** понимается также и вербализованная речемыслительная деятельность, которая рассматривается как совокупность *процесса* и *результата* и обладает как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами [Красных, 2001, с. 200]. Следует отметить, что это коррерилирует с пониманием дискурса в концепции М. Фуко, который понимает дискурс как процесс и результат одновременно в виде устоявшихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо (разговора) [Фуко, 2004].

Таким образом, отметим, что с точки зрения *результата* **дискурс** – это совокупность текстов, сформированных в процессе коммуникации. В свою очередь, с точки зрения *процесса* **дискурс** является вербализованной речемыслительной деятельностью. Так, В. В. Красных в определении понятия «дискурс» также указывает на *«вербализованную»* деятельность, отмечая, что дискурс обладает лингвистическим планом, то есть связан с языком и демонстрирует себя в языковых средствах, проявляясь в

совокупности сформированных текстов, и лингвокогнитивным планом, то есть связан с языковым сознанием, что определяет выбор языковых средств, оказывает влияние на порождение, а также на восприятие текстов, выражаясь в контексте и пресуппозиции [Красных, 2001, с. 200].

Существует точка зрения, согласно которой дискурс является отражением интеракции языковых личностей, а именно, данный феномен определяется как «речевое произведение, представляющее собой отрезок «живой речи» и как «речевое произведение в полноте его когнитивных и социокультурных характеристик» [Горелов, 2001, с. 147, 165].

Социолингвистика рассматривает дискурс с точки зрения учета всех участников и обстоятельств коммуникации в социокультурном контексте. Так, В. И. Карасик определяет **дискурс** как общение людей с позиции их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, институциональное общение [Карасик, 2004, с. 233-234]. Как отмечает исследователь, применительно к современному социуму институциональный тип дискурса включает в себя политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, сценический, массово-информационный и др. [Карасик, 2004, с. 200-208].

Необходимо отметить, что интерпретация *дискурса как коммуникативного события* основывается на его представлении как коммуникативного события в концепции Т. А. ван Дейка, согласно которой «…**дискурс**, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [ван Дейк, 1989, с. 121-122].

Для адекватной и однозначно релевантной интерпретации дискурсной информации Т. А. ван Дейк вводит понятие прагматического контекста, указывая на то, что данное понятие «является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» [ван

Дейк, 1989, с. 19]. Необходимо обратить внимание на то, что прагматическое понимание дискурса демонстрирует так называемый «исходный контекст коммуникации», то есть положение дел, которое потом при совершении речевого акта, неизбежно меняется». «К этому исходному тексту, – поясняет исследователь, – относятся не только события/ действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более “ранних” состояний и событий» [Там же, с. 21]. Таким образом, заключим, что Т. А. ван Дейк детерминирует понятие «**дискурс»** как комплексное коммуникативное явление.

На основании данного подхода в рамках современной лингвистической науки сформировалась *коммуникативно-функциональная парадигма* интерпретации дискурса. Так, дискурс, как пишет Д. Шиффрин, представляет собой «ингерентно контекстуализированные высказывания» – единицы устной или письменной речи [Schiffrin, 1994, p. 41]. Таким образом, можем заключить, что данная дефиниция отражает *коммуникативно-функциональную парадигму* понимания дискурса.

Отметим, что ряд исследователей указывают на необходимость выделения разновидностей дискурса. Так, в своих трудах Е. И. Шейгал анализирует одну из разновидностей дискурса – институциональный дискурс. Данный тип дискурса, как отмечает исследователь, «использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, или, другими словами, обладает собственным подъязыком (специальной лексикой), фразеологией и паремиологией» [Шейгал, 2004, с. 14].

Необходимо отметить, что существует ряд работ, где исследование дискурса массовой коммуникации основывается на совершенно иной методологической базе. Так, В. Н. Степанов рассматривает интенциональный дискурс на примере провокативного дискурса массовой коммуникации, за актом речи в котором скрываются реальные или имитируемые внутренние психологические состояния адресантов, с их помощью совершается воздействие на собеседника [Степанов, 2008, с. 21].

Н. Ф. Алефиренко при интерпретации понятия **«дискурс»** делает акцент на *содержательном аспекте*, определяя это языковое явление как «элементарную невербализованную единицу текста, представляющую сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями» [Алефиренко, 2005, с. 298].

При толковании понятия **«дискурс»** В. А. Кох также учитывает его *содержательный аспект.* Согласно исследователю, «любой текст (части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом» [Кох, 1978, с. 149–171]. Следует отметить, что в данном определении под *мотивом* понимается «простейшая динамическая смысловая единица повествования» (текста) и «расширительно устойчивая тема, проблема, идея» текста [БЭС, 2003, с. 851].

При исследовании диалогичности текста М. М. Бахтин утверждает, что «речь или дискурс могут быть описаны как диалог – перекличка разных голосов», при этом, реальной единицей коммуникации является текст как высказывание [Бахтин, 1979, с. 310].

М. Л. Макаров понимает **дискурс** как диалог, строящийся по правилам *диалога* и вероятностным зависимостям. **Дискурс**, по мнению исследователя, представляет собой социальную «материю», где один речевой акт (РА) не может однозначно определить тип и свойства последующего РА: он скорее задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожиданным, уместным, соответствующим нормам и правилам успешной коммуникации. Тип отношений в новой онтологии (дискурсивной онтологии Л. С. Выготского. – *А. К.*) не допускает однозначного детерминизма, он в большей степени характеризуется размытыми вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями и нормами «речи-во-взаимодействии» (talk-in-interaction – Schegloff, 1987; Zimmerman, 1991 и др.)» [Цит. по: Макаров, 2003, с. 19].

В. В. Красных и Р. Якобсон также говорят о диалогичности дискурса, так как, по их мнению, происходит двусторонний ряд речевых событий, где коммуниканты меняются ролями адресата и адресанта, оставаясь внутри своих социальных ролей и установок [Красных, 2001; Якобсон, 1999].

Исследуя основные характеристики дискурса, такие как социальная ориентация, полисемия, контекстуальность, многообразие форм (устный, письменный и др.), интерактивность и др., В. А. Маслова определяет **дискурс** как когнитивный процесс, который реализуется «в ценностно-смысловом пространстве индивида, <…> репрезентируемый личностным мировоззрением и представленный *когнитивно-концептуальными знаками* кодовой системы языковой личности». При этом дискурсивные рамки исследования дают возможность «конкретизировать коды ценностно-смыслового пространства в целях выявления мыслительно-языковых процессов, происходящих в мировоззрении индивида». Владение языковым кодом не является условием адекватного сообщения. Таким образом, одним из аспектов дискурсивного подхода является, прежде всего, изучение стратегического и тактического применения языковых средств с учетом интенций и коммуникативных целей коммуниканта [Маслова, 2022, с. 31].

На основании всего вышесказанного можем сделать вывод о том, что под **дискурсом** понимается письменный или речевой продукт коммуникативного действия, происходящий между коммуникантами (адресантом и адресатом) в определенном временном, пространственном, культурном и других контекстах, то есть в самом понятии «дискурс» отражаются социально обусловленная организация системы речи и принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется в различные периоды времени.

Дискурс, по Ю. В. Ирхину, – коммуникативное событие действительности, объединенное собственным содержанием, семиотической организацией и структурой, значим для вовлеченных в него коммуникантов. Для дискурса характерны когнитивная, прагматическая, аксиологическая и

др. функции, он сообщает определенные знания, влияет на эмоциональное состояние коммуникантов, побуждает их к действию [Ирхин, 2014, с. 128].

Схожее мнение относительно **понятия «дискурс»** представлено в определении Т. В. Белошапковой, которая трактует его как «реализацию языковой системы в определенных формальных и семантических структурах, обладающих в зависимости от социально-временной детерминированности различной степенью продуктивности и служащих социуму в качестве инструмента познания мира» [Белошапкова, 2012, с. 625–626].

Интересную точку зрения высказывает А. А. Селиванова, подчеркивая, что **дискурс** это:

1) связный текст в контексте многочисленных сопутствующих фоновых факторов – онтологических, социокультурных, психологических и др.;

2) замкнутая целостная коммуникативная ситуация, составляющими которой являются коммуниканты и текст, как знаковый посредник, обусловленный различными факторами;

3) стиль, подъязык речевого общения;

4) модель речевого поведения в определенной социальной сфере, имеет определенный набор переменных [Селиванова, 2006, с. 119].

В. Н. Бабаян в своей работе «Дискурс как сложный коммуникативный феномен», подводя итог обзора работ по дискурсу, также разделяет **дискурс** на монолог и диалог, и приводит свое определение. Исследователь определяет **дискурс** как:

1) связный текст, сопряженный речевой ситуацией;

2) целостная коммуникативная (речевая) единица;

3) устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю/читателю;

4) монолог – диалог;

5) адресованное сообщение;

6) семантически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик) [Бабаян, 2006, с. 129].

В настоящем исследовании рабочим принято определение понятия «дискурс», приведенное в работах В. Н. Бабаяна. Исследователь детерминирует **дискурс** как связный монологический или диалогический текст, представляющий собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (высказываний-реплик) в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников [Бабаян, 2009, с. 27–28].

Необходимо отметить, что определение понятия **«дискурс»**, которое приводит В. Н. Бабаян, отражает и объединяет как собственно языковой, так и коммуникативно-социолингвистический подходы, так как в данном определении исследователем учитываются все – активные и пассивные – участники-продуценты дискурса, форма дискурса – монолог или диалог, коммуникативно-речевая ситуация в целом, языковые и собственно лингвистические особенности дискурса, а также выделяются предложения-высказывания-реплики в качестве основных единиц такого сложного коммуникативного феномена как дискурс, что способствует проведению комплексного анализа высказываний-реплик адресанта и адресата как участников определенного акта коммуникации.

Проведенный обзор лингвистической литературы по теме исследования позволяет говорить о том, что теория дискурса требует особого подхода к анализу языка и к самому акту коммуникации. Только комплексный подход, объединяя аспекты лингвистики, литературоведения, социологии, психологии, философии и других гуманитарных дисциплин, может позволить проведению всестороннего и глубокого исследования дискурса. Подходы, методы исследования и характеристики дискурса, рассмотренные в данной главе, позволяют сделать вывод о том, что изучение данного сложного языкового феномена представляет собой трансформацию мультипарадигмального направления современных научных исследований.

Итак, **основными принципами теории дискурса** являются:

1. **Дискурс как социокультурное явление**

Теория дискурса рассматривает язык и коммуникацию как социокультурные процессы, отражающие специфические ценности, нормы и установки языкового сообщества. Дискурс анализируется как способ конструирования социальной реальности и формирования социальных отношений.

2. **Дискурс – это коммуникация**

Дискурс представляет собой акт коммуникации, то есть вербальную и невербальную ментально-коммуникативную деятельность в социальном контексте.

3. **Дискурсивные практики – инструменты воздействия**

Дискурсивные практики могут служить инструментом воздействия на общество и формирования определенных представлений и убеждений.

4. **Дискурс – интеракция**

Дискурс – это интерактивная коммуникация, заключающаяся в том, что смысл дискурса генерируется совместно адресантом и адресатом;

5. **Дискурс – продукт взаимодействия коммуникантов**

Реализация/нереализация цели дискурса является результатом взаимодействия субъектов дискурса.

6. **Дискурс – диалог/ монолог**

Дискурс объективируется в форме диалогического или монологического текста.

7. **Концепция интертекстуальности**

Теория дискурса подчеркивает важность интертекстуальных связей между различными текстами и дискурсами. Каждый текст взаимодействует с другими текстами, создавая сложную сеть значений и ассоциаций.

8. **Контекстуализация дискурса**

Заметим, что теория дискурса уделяет особое внимание контексту использования языка и влиянию социокультурных факторов на

коммуникативные практики. Дискурс анализируется с учетом широкого контекста, включая социальные, политические, экономические и культурные аспекты [Купцов, 2024и, с. 170–171; Маслова, 2022, с. 30–31].

Итак, можем сделать вывод о том, что изучение дискурса позволяет понимать, как люди используют язык для создания социальных, культурных, национальных и др. контекстов, поскольку видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные и идеологические особенности говорящего и его языкового сообщества.

1.1.1. Структура дискурса: конституенты и их взаимосвязь

При всем разнообразии лингвистических исследований в настоящее время многие вопросы относительно структуры дискурса остаются еще не до конца изученными и получают различное толкование. Так, неоднозначно истолковываются вопросы, связанные с содержательной интерпретацией структуры дискурса, элементов дискурса и их взаимодействия.

Исследуя когерентность и референции в контексте дискурса, Дж. Р. Хоббс утверждает, что дискурс обладает структурой, которая выражена эксплицитно. Таким образом, адресат замечает уточнения, объяснения, параллелизмы, контрасты, временную последовательность и т. д. Данные отношения связывают смежные сегменты текста в глобальную структуру текста в целом [Hobbs, 1985, p. 1].

Заслуживает внимания тот факт, что ряд зарубежных лингвистов, изучающих теорию дискурса и дискурс-анализ, формулируют **три фундаментальные гипотезы**:

1) значение дискурса – это нечто большее, чем сумма его частей [Forbes, 2002, p. 261];
2) структура дискурса представляет собой "иерархическую структуру" отношений, связывающих единицы воедино [Asher, Vieu, 2005, p. 591];

3) данным отношениям могут быть присвоены семантическая или прагматическая когерентность [Mann, Thompson, 1988].

Приведенные базисные положения позволяют сделать вывод о том, что **дискурс** представляет собой сложное языковое явление, значение которого нельзя свести к простому суммированию значений его конституентов; элементы дискурса взаимосвязаны и организованы в определенном порядке, то есть понимание и интерпретация дискурса требуют учета не только отдельных составляющих его единиц, но и их взаимодействия и расположения в более широком контексте и присвоения семантической или прагматической когерентности этим отношениям, благодаря чему дискурс может быть интерпретирован как система значений и интенций.

Необходимо отметить, что семантическая когерентность относится к логической связи между значениями, тогда как прагматическая когерентность касается контекста и интенций адресанта.

Рассматривая структуру дискурса, И. П. Сусов считает, что данный феномен является двусторонним образованием, который имеет план выражения и план содержания [Сусов, 1988, с. 8].

Н. Ф. Алефиренко отмечает, что планом выражения дискурса является связная последовательность языковых единиц, которая создается в определенное время, вместе с определенной интенцией, а план содержания дискурса – его семантика и прагматика [Алефиренко, 2008, с. 22].

Существует также точка зрения, что **структура дискурса обладает тройственностью**:

1) как использование языка;
2) как «вживление» в общественное сознание определенных представлений;
3) как взаимодействие социальных групп и индивидов [Ле, 2001, с. 95].

В. В. Заложных указывает на тот факт, что структура дискурса является многослойной, поскольку включает в себя совокупность **трех его разновидностей**, а именно, *речевого/устного дискурса, письменного*

дискурса и смешанного (письменно-речевого) дискурса. Как отмечает исследователь, само понятие «дискурс» является неоднозначным, так же как и элементы, которые входят в его состав, такие, например, как язык, коммуникативная деятельность, высказывание и др. Структурные системы создают определенные рамки для участников коммуникативной деятельности, благодаря которым существует креативность дискурса, при этом, сама его креативность достигается в областях между структурами [Заложных, 2017, с. 37–38].

При изучении единиц дискурс-анализа и дискурс-компонентов О. А. Турбина приходит к выводу о том, что **дискурс** представляет собой разветвленную и многоуровневую организацию, которая состоит из множества подсистем, то есть форм дискурса, что определяет сложность ее изучения. **Дискурс-компоненты** – это наименьшие составляющие в системе речи, то есть являются единицами дискурса, которые несут коммуникативно-смысловую нагрузку, определяющую его интра-/экстралингвистические характеристики: тип, вид, структуру дискурса, его участников, внешние/внутренние условия речевого развертывания и др. Таким образом, **дискурс-компоненты** являются знаками речи, выполняющими роль смысловых маркеров, которые формируют ее структурно-функциональные и коммуникативные параметры [Турбина, 2017, с. 47].

Г. Н. Манаенко констатирует тот факт, что **минимальная единица дискурса** – речевой акт в его общепринятом понимании. Таким образом, структура дискурса – это объединение и последовательное включение друг в друга иерархически соотнесенных единиц: речевых актов, речевых шагов и циклов как единиц речевого поведения [Манаенко, 2008, с. 53].

Сходную точку зрения находим и у зарубежных исследователей, которые полагают, что **дискурс** – это использование языка, то есть реальные выражения, в которых коммуниканты общаются устно или письменно. Дискурс организован иерархически, путем объединения одних предложений с другими. Предложения, которые объединены вместе, являются

элементарными единицами, из которых состоит дискурс [Du Bois, 2003; Gutiérrez-Rexach, 2016]. При этом отмечают, что построение дискурса является процессом формирования структуры дискурса на основе дискурсивных или риторических отношений между предложениями [Gutiérrez-Rexach, 2016, p. 9].

Анализ литературы показывает, что выделяют также **два основных уровня структуры дискурса** – ***глобальный*** и ***локальный***. **Глобальная структура** (макроструктура) охватывает наиболее крупные составляющие дискурс единицы (например, абзацы в газетной статье). **Локальная структура** (микроструктура) – это структура, состоящая из минимальных единиц, которые целесообразно относить к собственно дискурсивным.

Как отмечает А. А. Кибрик, довольно распространенной является точка зрения о том, что **минимальной дискурсивной единицей** является предикация (клауза). При этом глобальная и локальная структуры представляют собой два полярных уровня иерархической структуры дискурса [Кибрик, 2009, с. 4].

Следует отметить, что коммуникация в рамках разговорного дискурса, по М. Л. Макарову и Г. А. Орлову, подразумевает определенную структуру, состоящую из **ряда последовательных этапов**:

1. Вступление в речевой контакт, выдвижение инициальной темы разговора и ее ратификация/начало (*нем.* ***Gesprächseröffnung****; англ.* ***opening/ beginning***).

2. Ведение разговора, или «средняя фаза» с развитием темы/середина (*нем.* ***Mitte***; *англ.* ***media phase/ middle***).

3. Завершение разговора на конкретную тему и выход из данного коммуникативного акта/конец (*нем*. ***Gesprächsbeendigung***; *англ.* ***closing/ end***) [Макаров, 2003; Орлов, 1991].

В связи с существованием большого разнообразия мнений по поводу сущности дискурса в его структуре целесообразно выделять *формальный*

(*экспонентный*), *субстанциональный* и *интенциональный аспекты*, в которых находят отражение различные уровни языковой личности.

С. А. Сухих и В. В. Зеленская приходят к мнению, что уровень интенциональной организации дискурса отражает уровень коммуникативной компетенции субъекта языкового общения, при этом обращают внимание на тот факт, что в уровень интенциональной организации дискурса входят система речевых действий, диалогическая модальность, коммуникативные схемы и стратегии [Сухих, 1998, с. 81].

Считаем необходимым добавить, что интенциональная модель глобальной структуры дискурса истолковывается в контексте коммуникативных намерений (интенций) коммуниканта (адресанта), которые определяются представлением знаний в его памяти. Так, вступая в речевое взаимодействие со своим собеседником, говорящий (адресант) имеет коммуникативное намерение, что и является стимулом к коммуникации. Для интенциональной модели глобальной структуры характерна иерархическая организация, которая отражает иерархическую структуру коммуникативного намерения [Кибрик, 2003, с. 36–39].

В. Н. Бабаян определяет структуру дискурса как «семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (реплик), в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращенный к слушателю/читателю/наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников» [Бабаян, 2007, с. 102; Бабаян, 2017, с. 79].

Дискурс представляет собой моделирующую структуру, содержащей как модели существующей реальности, так и фрагменты потенциального. Дискурс является не только последовательностью предложений, но также и семантическим единством, обладающим информационной связностью. Таким образом, выделяются различные формы (состояния) дискурса:

– *дискурс-продукт* – аналогичные речи эпизоды (ситуации) деятельности человека, развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей (например, дискурс определенных выборов);

– *дискурс-программа* – значимая для соответствующих групп людей система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и/или их создания (идеологический дискурс, языковый дискурс, этнический дискурс);

– *дискурс-конвертор* – дискурс можно непосредственно связать со способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания. Дискурс в этом смысле (иногда называют дискурс-конвертором) отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности [Ирхин, 2014, с. 135].

Основная характеристика феномена «дискурс» «состоит в его стратегическом оперировании моделями мышления для создания текста». Дискурс обладает сложной структурой, которая, как пишет О. Ф. Русакова, состоит из следующих планов:

– *Интенциональный план дискурса* включает замысел, мотивы, намерения, цели, задачи, притязания участников коммуникативного процесса, их ожидания от прогнозируемого эффекта общения, сценарный проект коммуникации (программная установка).

– *Актуальный план дискурса* – перформанс дискурсного замысла, его реальное воплощение. В этом плане происходит вовлечение, заражение и провоцирование аудитории.

– *Виртуальный (идеальный) план* – ментальные пласты дискурса. Внутреннюю структуру виртуального плана можно представить в виде решетки или когнитивной матрицы, формирующей эпистемологические образы мира. Своими корнями ментальные структуры дискурса уходят в коллективный исторический, психологический и социальный опыт, культурные традиции. В глубине ментальных пластов – архетипы сознания,

мифологемы, опыт поколений, «коллективная душа», креативность, пассионарность, иррациональные чувства и образы, волевые импульсы, подсознательные фобии, интуиция [Русакова, 2012].

Т. А. ван Дейк, исследуя проблему структуры дискурса и его связности, выделяет несколько уровней его анализа. Так, согласно исследователю, синтаксис и семантика предложения в дискурсе описываются с учётом структур и интерпретации содействующих, обычно предшествующих, предложений того же контекста. Ученый отмечает, что на семантическом уровне анализ дискурса, рассматриваемого как последовательность предложений, предоставляет возможность исследовать взаимосвязанные интерпретации: значение или референция слов, самостоятельных/ несамостоятельных предложений рассматриваются как функция от значений и референций, закрепленных за предшествующими предложениями. Этот аспект дискурса часто характеризуется через призму локальной или последовательной когерентности [ван Дейк, 2000, с. 127].

Следующая ступень когнитивного анализа дискурса представлена более высоким (глобальным) уровнем. Данный уровень принято называть семантическая макроструктура, где исследуются общие темы текста и одновременно дается характеристика тому, что можно было бы назвать общей когерентностью текста или его общим или основным смыслом. Макроструктуры текста формируются на основе значений предложений (пропозиций) текста в соответствии с принципами теории, например, лингвистической, с помощью операций селекции, обобщения, конструирования. В рамках когнитивной теории обработки дискурса эти правила действуют как не всегда надежные, но эффективные макростратегии, дающие возможность читателям извлекать топик текста из последовательности предложений. Выделением макроструктур объясняется, почему в памяти читателя (слушающего) удерживаются основные топики, то есть высшие уровни макроструктуры текста [ван Дейк, 2000, с. 129].

Необходимо отметить, что Т. А. ван Дейк выделяет и суперструктуру как схематическую форму для организации макроструктуры текста как целого. Как для выражения и организации значений предложений необходима синтаксическая форма, так необходима форма и для организации общего значения или макроструктуры текста как целого. Такой формой является именно схематическая суперструктура.

В рамках исследования нарративной структуры текста выделяют набор характерных категорий. К таким категориям относятся *краткое содержание, обстановка, направленность, осложнение, развязка, оценка* и *код*. Указанные категории могут быть применены и в рассказах в обиходном общении. Отсутствие одной из основных категорий может привести к деформации восприятия текста. В таком случае адресат может считать, что рассказ не завершен, лишен смысла или это вообще не рассказ [ван Дейк, 2000, с. 130].

Итак, Т. А. ван Дейк приходит к мнению, что глобальные структуры (макроструктура и микроструктура) являются определяющими в теоретическом анализе, так как отражают и тематическое содержание, и схематическую форму; они же очень важны в процессах производства и понимания текста.

С точки зрения универсальных когнитивных механизмов организации дискурса отмечают, что дискурс – «целостный фрагмент концептуального конструирования мира (construal of the world)». В русле дискурсивной деятельности субъект интенсифицирует систему знаний: знания о мире, знания о языке, знания о ситуации общения. Дискурс понимается как «пространство, интегрирующее когницию и коммуникацию; пространство, в рамках которого язык функционирует «на стыке когниции и коммуникации».

Таким образом, дискурсивный формат знания создается в соответствии с законами когниции и коммуникации. Формат дискурса когнитивен. Он обусловлен определенной схемой построения данного языкового конструкта, несмотря на большую свободу концептуального наполнения. Формат дискурса – определенная когнитивная модель конфигурации знания, «которой субъект познания руководствуется при его построении» [Магировская, 2016, с. 451].

Итак, анализ структуры дискурса с точки зрения принципа релевантности (например, функции начала как введение наиболее важной информации) является важным параметром на всех уровнях дискурсивного анализа: на фонологическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Так, Т. А. ван Дейк предлагает схему структуры дискурса, основанную на принципе релевантности, которая служит основой для анализа коммуникации на различных уровнях [ван Дейк, 2000, с. 134].

Схема 1. Структура дискурса по Т. А. ван Дейку

Вслед за Т. А. ван Дейком Д. В. Шапочкин утверждает, что «глобальные структуры, отражающие тематическое содержание и схематическую форму, являются значимыми в когнитивном анализе. Макроструктуры выводятся из текста или приписываются на основе наших знаний и убеждений, поэтому эти структуры, конечно, подвержены *межсубъектному варьированию*, ведь информация, являющаяся самой важной для одного человека, может не быть таковой для другого» [Шапочкин, 2018, с. 99].

На основании изложенного, заключим, что применение принципа релевантности на фонологическом, синтаксическом и семантическом

уровнях дискурсивного анализа способствует более глубокому пониманию механизмов коммуникации и позволяет выявить закономерности, влияющие на восприятие и интерпретацию информации. Важно заметить, что структура дискурса, предложенная Т. А. ван Дейком, открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области лингвистики и коммуникации (коммуникативистики), подчеркивая взаимосвязь между формой и содержанием сообщения в процессе передачи информации.

1.1.2. Типологический аспект дискурса

Типологический аспект дискурса представляет собой один из актуальных и нерешенных проблем в теории дискурса. На сегодняшний день не существует общепринятой классификации изучаемого феномена как и единого мнения относительно того, какой аспект следует считать основой для его классификации. Важно отметить, что до сих пор не выработана общепризнанная классификация текстов, которая могла бы служить фундаментом для типологии дискурсов, поскольку текст является составной частью дискурса. Таким образом, все вышесказанное подчеркивает сложность и многогранность самого понятия «дискурс», а также необходимость дальнейших исследований в данной области.

Как известно, для детального изучения любого явления представляется целесообразным разработать его типологию. Проблема типологии дискурса становится объектом многих исследований [Бабаян, 1998, 2002а, 2008, 2009; Григорьева, 2007; ван Дейк, 1989; Карамова, 2017; Карасик, 2004; Кашкин, 2004; Купцов, 2024; Тюкина, 2022 и др.], однако, отметим, что, несмотря на значительное число работ, посвященных типологическому аспекту дискурса, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения.

Неоднородность в классификациях дискурсов можно объяснить многогранностью феномена «дискурс» и возможностью его изучения с

позиции прагмалингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, лингвостилистики, лингвофилософии, структурной лингвистики, социолингвистики и др. [Бабаян, 2017; Безруков, 2024; Григорьева, 2007]. При этом А. Н. Безруков подчеркивает, что «вариативный вектор оценки дискурса является наиболее конструктивным, так как учитывает разные уровни и условия становления дискурсивной парадигмы. При этом дискурс является определенной системой, которая не всегда, но с учетом той или иной ситуации, может быть полновесно проанализирована. Основные элементы дискурса, так или иначе, упорядочены, связность дает возможность объективировать смысл сказанного, либо настроить на некую правильную волну коннотаций» [Безруков, 2024, с. 62-63].

Общепринятым основанием для классификации дискурса является **канал передачи информации**, в соответствии с которым **дискурс** делится на ***устный*** и ***письменный***. Тем не менее, в реальной коммуникации данные виды дискурсов тесно переплетаются. Таким образом, В. Б. Кашкин выделяет ***гибридный*** тип дискурса, содержащий в себе признаки устного и письменного типов [Кашкин, 2004, с. 20].

Кроме этого, цифровизация привела абсолютно к новому способу коммуникации. В связи с этим появляется новый тип дискурса – ***устно-письменный***, который базируется на электронном способе передачи информации (коммуникация в чатах, форумах и т. д.). Следует отметить, что лингвисты также указывают на ***гибридную*** (амбивалентную) природу данного типа дискурса [Бергельсон, 2002, с. 58; Липатова, 2021, с. 61].

В «Кембриджской энциклопедии английского языка» в понятии «дискурс» Д. Кристал выделяет ***«устный дискурс»*** (*англ*. «spoken discourse»), ***«письменный дискурс»*** (*англ*. «written discourse») и ***«смешанный дискурс»*** (*англ*. «mixed discourse») [Crystal, 2019]. В свою очередь, В. Н. Бабаян и А. Е. Купцов устный дискурс подразделяют на **три основных вида** – ***монолог, диалог*** и ***полилог*** [Бабаян, Купцов, 2025].

При дифференциации дискурсов А. В. Олянич обращает внимание на

типы потребностей, например, потребность во власти, вере и др. При этом связывает данные потребности с политическим и религиозным дискурсом. Следует отметить, что с усложнением качества потребностей увеличивается количество дискурсов, поддерживающих их. Распространяется это, как правило, в отношении эстетических, идеальных потребностей, которые обслуживаются сразу **4 типами дискурса: *художественным, глюттоническим, фикциональным***, а также ***дискурсом этикета*** (выделено нами. – *А. К.*) [Олянич, 2004].

П. В. Зернецкий классифицирует дискурсы **по объему вкладываемых в них автором знаний и по степени сложности их речевоздействующих пространств.** По мнению исследователя, пространство дискурса четырехмерно: «Речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности рассматривается как соответственно развернутая по данным координатам интеграция элементарных речевоздействующих сил: ***аргументирующей*** (семантика), ***мотивирующей*** (сигматика), ***прагматической*** (прагматика) и ***аккумулирующей*** (накопляющей) – синтактика» (выделено нами. – *А. К.*) [Зернецкий, 1990, с. 62].

Ч. Моррис предлагает типологию дискурса **на основе выделяемых им по способу обозначения пять типов знаков** – ***знаков-идентификаторов*** («где?»), ***десигнаторов*** («что такое?»), ***оценочных*** («почему?»), ***прескриптивных*** («как?») и ***знаков систематизации*** (направляющих поведение интерпретатора в отношении других знаков) (выделено нами. – *А. К.*). Таким образом, исследователь выводит как минимум четыре способа использования знаков: *информативный, ценностный, стимулирующий, систематизирующий*. Следует отметить, что знаки-идентификаторы локализуют в пространстве и времени уже обозначенные объекты, то есть пять указанных типов знаков можно свести к четырем последним. Следовательно, комбинируя способы обозначения и применения знаков, Ч. Моррис дифференцирует 16 различных типов дискурса [Моррис, 2001].

Рассматривая типологию дискурса, В. С. Григорьева отмечает, что за основу типологии дискурса принимают «когнитивно-интерпретируемый уровень (И. П. Сусов), тезаурусный уровень (Ю. Н. Караулов), тип группы, имеющий более или менее устоявшуюся позиционно-ролевую структуру, свой набор типов деятельности (соответственно целям и предметам общения), прямо и опосредованно сопряженные с ним показатели уровня формальности, конвенциональности и ритуальности, кооперации и конфликта, социально-психологической когезии, единства и расхождения установок, пространственно-временной локализации, норм и порядка взаимодействия (М. Л. Макаров)» [Григорьева, 2007а, с. 52].

Считаем необходимым отметить, что дискурс существует также в рамках диахронической коммуникации, то есть данный феномен рассматривается как «привязанное» к времени образование. Так, социальные и идеологические установки трансформируются во времени, влияя на коммуникативно-дискурсивную среду [Колокольникова, 2011].

Коммуникативный подход к анализу текста основывается на исследовании коммуникативных обстоятельств, которые представляют собой ключевой компонент смыслообразования. Согласно мнению исследователей, для глубинного понимания ситуации общения необходимо выделить и обосновать категории прагмалингвистики. Этот подход к тексту тесно коррелирует с понятием дискурса, что выражается в когнитивных процессах, связанных с речепроизводством. Результаты этих процессов формируют конкретный текст, который, в свою очередь, отражает этнические, психологические и социокультурные стереотипы и установки, реализуемые через языковые средства.

Акцент на единстве когнитивных и коммуникативных параметров в понимании дискурса позволяет выделить **три группы категорий**: *дискурсивные*, *когнитивные*, *коммуникативные* и *метадискурсивные*. **Дискурсивные категории** отражают содержательную составляющую дискурса, тогда как **метадискурсивные категории** касаются его организации

и структурирования. В данной системе **интердискурсивность** выступает в роли гиперкатегории, объединяющей и обобщающей эти аспекты. К **когнитивным категориям** относят информативность, то есть смыслы, передаваемые в ходе акта речевой коммуникации, и когезию как семантико-когнитивную связность дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную) и др. [Шевченко, 2012].

Основываясь на различных концепциях и принципах прагмалингвистики и социолингвистики, В. И. Карасик предлагает **четырехчленную классификацию категорий дискурса**. При рубрикации категорий дискурса он принимает во внимание семь признаков текстуальности: *когезию, когерентность, интенциональность, информативность, приемлемость* (*интерпретируемость*), *ситуативность* и *интертекстуальность*. Учитывая внешне- и внутритекстовые характеристики речи, исследователь предлагает **следующую классификацию категорий дискурса**:

1) ***конститутивные***, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность);

2) ***жанрово-стилистические***, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации/компрессии);

3) ***содержательные (семантико-прагматические)***, раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация);

4) ***формально-структурные***, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия).

Конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных постулатов. Если акт вербальной коммуникации осуществляется согласно мотивам и намерениям коммуниканта, с правилами общения в социуме, то данные характеристики остаются незамеченными.

Они осознаются в случае коммуникативного сбоя. В составе вышеупомянутых категорий выделяется относительная оформленность, т. е. наличие сигнала со стороны адресанта и готовность воспринимать этот сигнал со стороны адресата.

Тематическое, стилистическое и структурное единство дискурса представляет собой его основополагающий признак, который становится очевидным в случаях дезинтеграции текста. В этом контексте ведущим признаком выступает ***стилистический аспект***, так как именно он позволяет интегрировать текст в коммуникативный опыт индивида и оценивать его как текст или «нетекст».

Относительная смысловая завершенность позволяет выделить текст в некотором сверхтексте. Она связана со стилистическим и тематическим единством текста, с одной стороны, и формальной завершенностью – с другой. Здесь заметим, что в соответствии с принципом контекстуализации любой текстовый фрагмент стремится к самодостаточности.

Говоря о ***жанрово-стилистических категориях дискурса***, следует отметить, что они помогают адресату отнести текст к определенной сфере общения, опираясь на нормы и правила коммуникации, а также условия уместности и типы коммуникативного поведения. Эти категории служат ориентирующими, а не смыслообразующими.

Важно учитывать тип коммуникативной ситуации, поскольку в сознании человека формируются концепты, связанные с определенными дискурсами, их типами и жанрами. В числе жанрово-стилистических категорий дискурса В. И. Карасик выделяет категорию проективности. Дискурс представляет собой образование, организованное согласно установленным канонам, которые определяются целями и обстоятельствами общения; именно каноничность дискурса служит основой для его типизации.

Социолингвистический, то есть с позиций участников общения, **подход** к анализу дискурса основан на противопоставлении *личностно-ориентированного* и *статусно-ориентированного* типов дискурса. Таким

образом, уделяется особое внимание коммуникации людей с учетом отнесения общающихся к тем или иным социальным группам и ситуациям.

В. И. Карасик утверждает, что личностно-ориентированный дискурс существует в виде бытового, генетически исходного типа дискурса, присущего каждому индивидууму; бытийный выражается в виде философского, художественного, мифологического диалога; статусно-ориентированный тип дискурса – в виде статусно-ролевого общения, разновидности которого вызваны к жизни сложившимися сферами такого общения и социальными институтами (массово-информационный, политический, деловой, научный, педагогический, военный, спортивный, религиозный, юридический и др. виды институционального дискурса) [Карасик, 2004].

Необходимо отметить, что институциональный дискурс является специализированной клишированной разновидностью общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться установленным нормам социума. Ядро институционального дискурса – коммуникация базовой пары участников (например, учитель и ученик, журналист и читатель, продавец и покупатель и др.).

Институциональный дискурс анализируется с учетом его конститутивных характеристик, таких как участники, условия, организация, способы и материалы общения. Кроме того, также выделяются признаки институциональности, включая социально значимые представительные характеристики участников, а также цели и условия коммуникации. Важным аспектом являются специфические признаки различных типов институционального дискурса, в первую очередь ключевые концепты, соответствующие каждому институту. Рассматриваются также нейтральные признаки, которые относятся как к личностно-ориентированному дискурсу, так и к другим видам статусно-ориентированного общения [Там же, с. 195].

Следует согласиться с мнением Г. Г. Слышкина, который говорит, что в рамках классификации В. И. Карасика, кроме основных типов институционального дискурса можно выделить и множество малых

институциональных дискурсов, которые обладают предельно узкой институциональной принадлежностью. В качестве примера малых дискурсов Г. Г. Слышкин говорит о транспортном дискурсе [Слышкин, 2001, с. 88].

Анализ литературы по теме исследования позволяет говорить о том, что кроме структурных характеристик дискурс обладает тонально-жанровыми измерениями, которые взаимосвязаны: серьезность vs несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону vs конфликту, сокращение vs увеличение дистанции общения, открытое (прямое) vs завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное vs фатическое общение.

Так, В. В. Дементьев, исследуя типологию жанров фатического общения, выделяет **пять основных жанров фатической коммуникации**:

1) доброжелательные разговоры по душам, признания, комплименты;

2) прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры;

3) флирт, шутка;

4) ирония, издевка, розыгрыш;

5) праздноречевые жанры [Дементьев, 1995, с. 55–57].

Следует заметить, что вышеупомянутая типология жанров фатического общения строится при помощи двух осей координат, соответствующих параметрам **степени косвенности и регулирования межличностных отношений** (от унисона до диссонанса).

Личностные характеристики участников дискурса оказывают значительное влияние на типовые модели его реализации. В этом смысле представляется целесообразным выделить типы участников дискурса, такие как инвективный, куртуазный и рационально-эвристический типы языковых личностей. Критерием для классификации служат речевые стратегии конфликтного поведения – инвективный тип характеризуется прямой вербальной агрессией, куртуазный тип демонстрирует эмоцию обиды и стремление к соблюдению этикетных норм, в то время как рационально-эвристический тип проявляет здравомыслие и иронию [Седов, 1999, с. 57].

Отметим, что тип дискурса, его официальность/неофициальность, напрямую зависят от составляющих компонентов речевой коммуникации – фрейма и сценария общения, социальных ролей коммуникантов и отношений между ними, видов и сферы коммуникации [Григорьева, 2007а, с. 52].

Классификация типов дискурса, обслуживающих общество, должна способствовать широкому изучению языка как многоуровневой иерархической системы в функционировании, которое найдет свое проявление в дискурсивно-текстовой деятельности [Бацевич, 2003, с. 102].

Для достижения оптимального упорядочивания дискурсивных типов Т. В. Анисимова предлагает разработать модель дискурса, которая включает необходимые признаки для комплексной характеристики данного феномена. Такой подход позволяет учитывать многообразие аспектов дискурса и способствует более глубокому анализу его структурных и функциональных особенностей в различных контекстах. Эти признаки рекомендуется объединить в три уровня: *системный, стратегический и тактический.*

На *системном уровне* говорится о самых общих признаках, присущих всем типам (жанрам) соответствующей группы, предпринимается попытка установить место дискурсивных типов по отношению друг к другу. По мнению исследователя, «надобность в такой классификации жанров по наиболее общим признакам определяется необходимостью отграничения собственно жанров от других риторических явлений, в частности, от указаний на принадлежность к определенной частной риторике (например, военная речь), от формы выступления (например, радиоречь) и т. п.».

На *стратегическом уровне* устанавливается более точная специфика дискурса, составляется модель дискурса, где указываются его общие признаки. При этом о создании самого текста речь пока не идет, а всего лишь разрабатывается ее идея. Как результат данного этапа «возникает формула жанра, которой оратор должен впоследствии руководствоваться при разработке текста речи с тем, чтобы не уклониться от жанрового стандарта, который чаще всего задается достаточно жестко».

На *тактическом уровне* рассматривается типичная для данного типа дискурса аргументация, композиция, языковые и стилистические особенности, вербальные и невербальные компоненты речи и ситуации общения и др. [Анисимова, 2000, с. 11–17].

В дополнение ко всему вышесказанному представляется важным упомянуть, что в основу типологии дискурса включают также коммуникативный акт и его составляющие: как приветствуют, как прощаются, как просят, как приказывают, как обещают, как соглашаются, как отказывают, как критикуют, как делают комплимент, как порицают, как угрожают, как оскорбляют, как предлагают, как навязывают, как уговаривают, как утверждают, как аргументируют, как предполагают, как оценивают, как восхищаются, как возмущаются и др. [Клюев, 2002, с. 7].

При системном подходе изучения лингвистической литературы посвященной типологическому аспекту дискурса, А. А. Карамова предлагает собственную классификацию, основным принципом которой является разноаспектность. При этом исследователь отмечает, что представляется крайне трудной задачей показать в рамках одной классификации всю разноплановость данного феномена. Так, предлагается следующая унифицированная классификация, по принципу которой можно рассмотреть каждый из основных (тематически-содержательных) типов дискурса, дополняя, развивая ее сообразно специфике конкретных типов:

1. По тематике (частным темам).

2. По жанровому критерию:

а) по иллокутивной характеристике: информативные, этикетные, императивные, оценочные жанры;

б) по форме передачи информации: письменные, устные жанры;

в) по внешней форме: монологические, диалогические жанры;

г) по месту в полевой структуре: прототипные, маргинальные жанры;

д) по способу выражения: вербальные, паралингвистически осложненные жанры.

3. По характеру субъекта: институциональный дискурс и индивидуальный (личностный дискурс).

4. По временному плану.

5. По национально-культурному параметру: русский (российский) дискурс, американский дискурс и др. [Карамова, 2017, с. 365–366].

Таким образом, по мнению исследователя, данная классификация представляет инвариантную и универсальную типологию предполагающую последующее дополнение, спецификацию при описании конкретного тематического типа дискурса.

Как было сказано выше, «дискурс» применяется для анализа различных видов письменных или вербальных продуктов коммуникативных действий. Ю. В. Ирхин подчеркивает, что «абстрактный смысл понятие «дискурс» приобретает, когда оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре». При анализе вышеупомянутых параметров исследователь выделяет следующие дискурс-объекты:

– *дискурсы повседневного общения* (бытовые разговоры, дружеские беседы, слухи, бытовые конфликты и др.);

– *арт-дискурсы* (литературный, музыкальный, модельный дискурсы);

– *дискурс деловых коммуникаций, деловых переговоров и др.*;

– *маркетинговые дискурсы* (рекламный, продаж, потребительский или сервисный дискурсы и т. д.);

– *институциональные дискурсы* (административный, офисный, банковский, педагогический, медицинский, армейский, церковный и др.);

– *публичный дискурс* (дискурс публичного выступления, дипломатический дискурс, PR-дискурс и др.);

– *политические дискурсы* (идеологические, институциональные, процессуальные и др.);

– *медиа-дискурсы* (ТВ-дискурс, интернет-дискурс, дискурс кино и др.);

– *академические* дискурсы (дискурс научной дисциплины или философско-мировоззренческой системы: теории философского дискурса,

политического дискурса и др.) [Ирхин, 2014, с. 128].

Итак, разнообразие типологий дискурсов обусловлено различными методами их классификации. Ключевыми элементами речевого взаимодействия являются фреймы и сценарии коммуникации, социальные роли участников коммуникации, а также тип и контекст взаимодействия. Эти факторы влияют на степень официальности или неофициальности дискурса, что, в свою очередь, проявляется в таких формах, как персональный и институциональный дискурс [Григорьева, 2007а].

Для полного понимания типологического аспекта дискурса в данной работе за основу взята схема, предложенная В. И. Карасиком, так как данная модель дискурса отражает порядок всех его составляющих. При этом, анализ каждого компонента в отдельности дает более точное и объективное представление о сути и типах изучаемого феномена [Карасик, 2004].

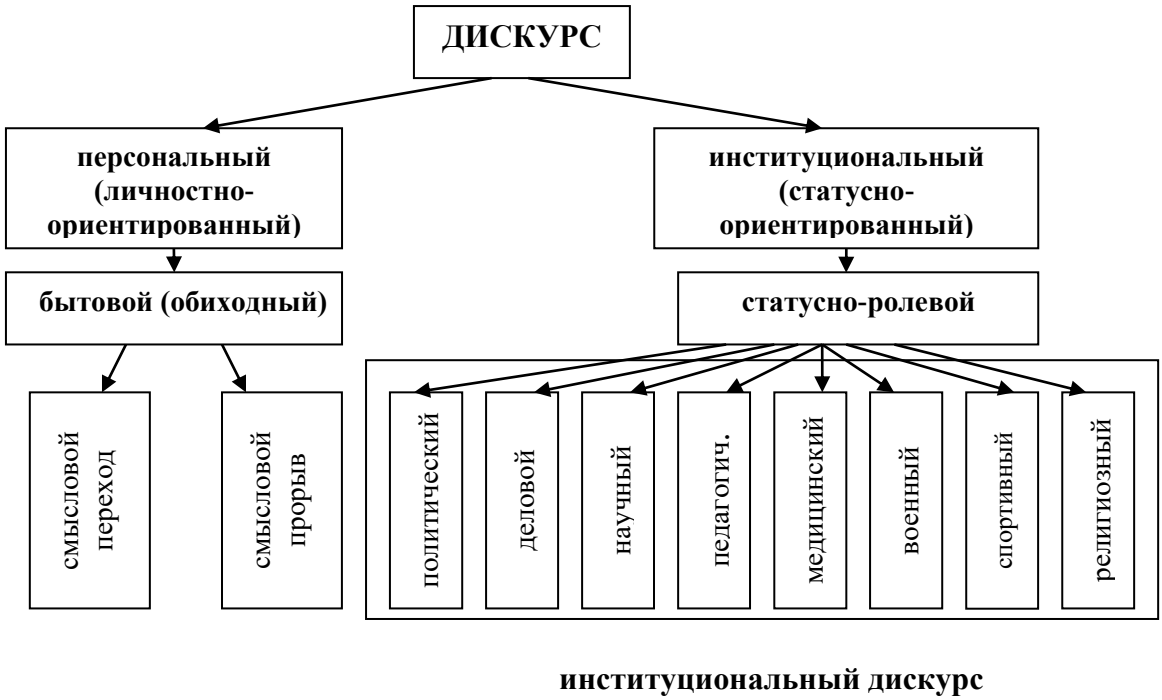


Схема 2. Типы дискурса

Динамика развития типов дискурсов – одна из нерешенных проблем в теории дискурса, так как данный феномен является научной абстракцией. Дискурс способен расширяться до безграничности и использоваться во всех сферах жизни. Следует отметить, что в контексте лингвокультурологических

исследований в типологии дискурса важно учитывать, что ряд исследователей выделяет национальные (разноязычные) дискурсы (например, русский, английский, немецкий, французский и др.), типы, существующие в рамках определенной субкультуры различных этнических сообществ, а также различные подтипы внутри одного национального дискурса. К таковым можно отнести поэтический, эстетический, военный, политический, публицистический, медицинский, а также художественный [Бабаян, 2008, с. 96; Бабаян, 2009, с. 54; Бабаян, 2024б, с. 109; Бутерус, 2012, с. 632; Карамова, 2017, с. 365; Купцов, 2021, с. 125]. Типы дискурса, как правило, «рассматриваются от очень узкого (тип текста) до широкого, социально-направленного (буржуазный дискурс)» [Бутерус, 2012, с. 632].

Исследуя различные типы дискурса, приходим к выводу о том, что у каждого типа этого сложного коммуникативного явления – дискурса – имеются свои специфические когнитивные, прагматические, идеологические и культурные мотивы, в которых наблюдается различие в их способах реализации. Так, например, художественный дискурс является разновидностью дискурса, связанный с созданием и интерпретацией художественных произведений и включающий в себя использование литературных приемов, стилей и жанров для создания произведений, которые обладают эстетической ценностью. Художественный дискурс содержит в себе след культуры, преобладающей на определенном этапе развития общества, подразумевая взаимодействие между писателем (адресантом) и читателем (адресатом) [Купцов, 2023з, с. 169–170].

Таким образом, изучив понятие «дискурс» в современном языкознании, рассмотрев дискурс как сложный коммуникативный феномен, исследовав структуру дискурса, его элементы и их взаимодействие, а также проблему типологии дискурса, считаем уместным и целесообразным обратиться к одному из ключевых для придпринятого исследования аспекту – определению понятия «художественный дискурс» в современном языкознании и его основные характеристики.

1.2. Определение понятия «художественный дискурс» в современном языкознании, основные характеристики художественного дискурса

В рамках антропоцентрической парадигмы и глобализации наиболее актуальным становится аспект моделирования картины мира с точки зрения лингвистических механизмов вербализации когнитивной деятельности творческого субъекта. Важно отметить, что различение категорий автора как затекстового субъекта-продуцента, то есть создателя текстовой модели действительности, и внутритекстового субъекта – рассказчика, повествователя или лирического героя (в случае поэзии) – является необходимым. Это различие обусловлено тем, что субъект (персонаж произведения) может отражать критическое отношение автора к определённым мировоззренческим установкам.

Художественный дискурс представляется как открытая, нелинейная и динамичная система, обладающая способностью включать в себя разные элементы, трансформироваться и подстраиваться под заданную тему. Система данного вида дискурса довольно полиморфная, так как может включать совершенно разные виды дискурса, такие как медиа, политический, педагогический, деловой, военный, медицинский и др. Дискурсы сосуществуют, взаимодействуют, взаимодополняются и создают единое целое. Обладая диалогической взаимоотнесенностью, варьируются стилистические регистры и, как результат, создаются новые лексико-семантические значения [Аксючиц, 2021, с. 145].

Важно отметить, что у каждого типа дискурса есть свои специфические когнитивные, прагматические, идеологические и культурные мотивы, в которых наблюдается различие в их реализации. Одни из типов дискурса существуют в реальном мире, а другие нет, так как полагаются только на воображение писателя. Некоторые лингвисты (A. Mammadov, M. Mammadov) указывают на тот факт, что внутреннее «Я» человека играет магистральную

роль в дискурсе, так как истинный смысл дискурса зависит от внутреннего мира человека, а внутренний контекст проявляется как при акте речевой коммуникации, так и в зависимости от различных соответствующих культурных и морально-этических ценностей [Купцов, 2021, с. 126].

Дискурс в литературе можно рассматривать как художественный текст, погруженный в жизнь и способный трансформироваться в произведение. **Художественный дискурс** представляет собой динамический модус существования системы “литература”. Именно в рамках дискурса наблюдаются системные механизмы литературы: литературный дискурс создает связь между миром воображения и конкретной реальностью, между вымышленным миром литературы и действительностью [Зинченко, 2024].

Художественный текст создается творческой языковой личностью и является отражением сознания и продуктом ее когнитивной деятельности, содержащей «следы определенной эпохи в авторской интерпретации в наиболее приближенном к реальности формате, то есть представляет собой моделирование действительности» [Стародубова, 2021]. Таким образом, **художественный дискурс** отражает особенности культурно-языковой идентичности и миропонимание этноса, то есть передает особенности менталитета и философии народа, создавая уникальную атмосферу и передавая глубокий смысл [Купцов, 2023е; Купцов, 2024а].

Необходимо отметить, что художественный текст организуется в соответствии с законами ассоциативно-образного мышления, поэтому в данном виде текста «за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, вторичная действительность. В подобной «маленькой вселенной», или, используя более привычный термин, авторской картине мира, наиболее значимыми категориями выступают категории пространства и времени, объединяющие одновременно как объективные, так и субъективные, личностно-ориентированные характеристики».

С учетом антропоцентрического характера категорий пространства и времени представляется возможным определить тип сознания автора в зависимости от способа концептуализации категорий пространства и времени. Принимая во внимание безграничные возможности художественного текста как в импликации, так и в экспликации категорий пространства и времени, В. О. Алексеева предлагает следующие темпорально-пространственные индикаторы, связывающие с авторским сознанием данные понятия в единую модель мира:

1) *локальность/бесконечность;*
2) *реальность/ирреальность;*
3) *статика/динамика* [Алексеева, 2008, с. 532-533].

Таким образом, категории пространства и времени, а также средства их текстовой репрезентации представляют возможным выявить определенный тип языковой личности писателя.

При детерминации цели ***художественного дискурса*** Н. Л. Галеева подчеркивает, что «текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей – смыслов и идей, которые обогащают духовное пространство человека. Под духовным пространством понимается при этом совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» [Галеева, 1999, с. 90].

Художественный текст рассматривается как «конгломерат глубинных этносмыслов народа в преломлённой проекции мировидения писателя, как креативный лингвоконструкт реальности, как репрезентационный символ синергии прошлого, настоящего и будущего, синергии, вербализованной языковыми знаками, формирующими таким образом художественный мир, модель которого и находится в эпицентре лингвокогнитивных, лингвокультурологических и иных исследований» [Огнева, 2014а, с. 551].

Считаем важным добавить, что при изучении художественной картины мира автора необходимо учитывать разнообразные факторы, которые повлияли на ее формирование. Как справедливо полагает И. А. Рыжков, определяющим при этом является личность самого автора и определенные черты художественного представления картины мира в его произведениях. Представляется необходимым определить основные языковые средства (например, лексика или синтаксис) организации художественной картины, характерные для творчества того или иного писателя [Рыжков, 2008, с. 585].

Итак, языковая картина мира, являясь единством правил концептуализации и конкретизации мира, усваивается человеком одновременно с языком, что способствует формированию языковой личности [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 12]. Автор художественного произведения является конкретной языковой личностью и продуктом исторического развития этноса [Караулов, 1987].

Таким образом, «текст – это мир знаний и раздумий, мнений и страстей, восприятия и истолкования действительности – той экспликации социолингвистических и индивидуально-лингвистических языковых средств, которые отработаны культурой письменности нации» [Диброва, 1999, с. 92].

Следует отметить, что в концепции интерпретации художественного дискурса расположена текстовая модель картины мира, которую автор создает в соответствии со своими представлениями, знаниями и эмоциональным состоянием. В текстовую модель картины мира входит «индивидуально-авторское воплощение универсальных мыслительных представлений в концептуальном художественном пространстве».

В связи с этим, как полагает Е. В. Алтабаева, представляется целесообразным говорить как о языковой, так и о художественной картине мира в тексте. При этом, как дополняет исследователь, концепты содержат в себе информацию о национально-культурной специфике языкового сознания и национальном характере, о целостных приоритетах личности, об индивидуально-авторских особенностях художественной системы писателя.

В художественном дискурсе их функциональный диапазон разнообразен и отражает когнитивные возможности данных единиц языка [Алтабаева, 2012, с. 617–618], то есть происходит обогащение культурно-национальных концептов авторскими приращениями информативного и коммуникативно-прагматического характера.

Определяя специфику составляющих и специфику организации художественного дискурса, Т. Б. Самарская и Е. Г. Мартиросьян отмечают тот факт, что **«художественный дискурс»** (*выделено нами. – А. К.*) несёт на себе печать культуры определённого этапа в истории общества. Основополагающим для любого исследования художественного дискурса является его отличие от других видов дискурса. Без понимания этого термина невозможно описать механизм взаимодействия эндемичных для культуры, к которой принадлежит читатель, социальных концептов и стереотипов (его персонального «духовного пространства») и аналогичных концептов и стереотипов, подвергнутых переосмыслению, интерпретации и оценке в тексте, взаимодействия происходящего в процессе актуализации художественного текста. Необходимым для понимания процесса актуализации именно художественного текста будет также и выделение непосредственно специфики и параметров его организации, отличающих его от любого другого текста» [Самарская, Мартиросьян, 2012, с. 20].

Существует точка зрения, согласно которой художественная текстовая коммуникация обладает кодовыми параметрами, то есть в художественной коммуникации для передачи информации существует особый код, а также средства воздействия на слушателя/ читателя (адресата). При создании текста автор прежде всего руководствуется определенными установками, коммуникативными намерениями, а также приемами эстетического воздействия на адресата [Масленникова, 2012, с. 65; Маслова, 2001, с. 87; Хуиян, 2017, с. 484]. По мнению В. А. Масловой, кодируемость текста «зависит от общего контекста культуры» [Маслова, 2001, с. 87].

Построение текстовых (ментальных) миров произведения и процесс «вхождения» читателя в эти миры входит в рамки изучения художественных текстов. Интересным представляется в этом отношении мысль Е. М. Масленниковой о том, что «нахождение автора и читателя в одном временном срезе облегчает читателю установление закономерностей внутри Мира текста по отношению к его собственному Миру (как реальному, так и вымышленному), что, в свою очередь, способствует более полному читательскому «проживанию» художественного текста как смыслового континуума. Коммуникативные пространства текста, его автора и читателя вступают между собой в отношения: взаимодополнительности, отождествления, объединения, противопоставления, взаимоисключения. Мир слова, Мир текста, Мир автора и Мир читателя не только связаны между собой, но и обладают собственными конвенциональными шкалами, а СЛОВО, выполняющее роль связки между данными Мирами, организует их взаимную корреляцию» [Масленникова, 2012, с. 65].

Мир, объектированный в художественном тексте, как подчеркивает А. Ф. Гершанова, субъективен, индивидуален, изначально он отрефлексирован и эмоционально пережит самим автором. Автор выстраивает модель мира, которая строится на основе стереотипов, культурных ценностей и эталонов [Гершанова, 2016, с. 421]. Следует также выделить внутренний мир персонажа художественного произведения, который отличается образностью и метафоричностью. Интроспекция персонажа определяется как внутреннее эмоциональное, ментальное, физическое состояние героя произведения, которое определяется и оценивается им самим [Федотова, 2008, с. 595].

Текстовые миры художественной литературы являются когнитивными и культурными конструктами, воображаемыми авторами при написании текста и при создании читателем в процессе его понимания [Кушнерук, 2016, с. 448]. Как отмечает У. Эко, текстовые миры вымысла – богатые, динамические, «населенные», так как их «обживают» индивиды с

определенными характеристиками, которые принимают участие в ситуациях, разворачивающиеся в описываемой обстановке [Эко, 2007].

Художественный текст служит для коммуникации особого рода, так как «рассчитан на особенный тип коммуникантов и специальное распределение ролей между ними» [Хуиян, 2017, с. 484]. В отношении этапа/ времени, как справедливо подчеркивает Е. А. Лебедева, «текстовое художественное время является моделью воображаемого мира и опирается на определенную систему языковых средств» [Лебедева, 2012, с. 8]. Следует добавить, что касается суггестивности художественного дискурса, то данный аспект является основополагающей характеристикой, так как автор осознанно или подсознательно побуждает читателя к размышлениям определенного плана, направляя его сознание своим поэтическим концепциям и идеям [Гончарова, 2001].

Таким образом, главная цель художественного текста – не донести до читателя информацию, а изложить историю, в которой авторское мнение и эстетическая сторона представляются решающими. Образ Мира же создается при функционировании языка в эстетической сфере. Художественный текст представляет собой субъективную интерпретацию мира, которую автор создает на основе личного опыта и его национально-культурных ценностей. Внутренний мир персонажа отражает его эмоциональное и ментальное состояние. Данная интеракция, то есть взаимодействие между авторской моделью мира и внутренним миром персонажа, создает многослойность художественного произведения, позволяя читателю однозначно воспринимать замысел автора и внутренние конфликты персонажей. Итак, акт интерпретации художественного произведения проявляется:

1) в виде многоаспектного анализа;

2) в осмыслении механизмов организации;

3) в интерпретационных свойствах самого текста;

4) в роли свойств в построении картины мира;

5) в культурноспецифических и эстетических факторах [Купцов, 2025].

Отметим, что многослойность художественного дискурса требует многоуровневого анализа литературного текста:

1-й уровень «текст – реальность»;

2-й уровень «текст – язык»;

3-й уровень «автор – текст»;

4-й уровень «читатель – текст» [Миронова, 2021, с. 33].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что интерпретация художественного текста требует более глубокой вовлеченности, способности видеть многослойность значений, в отличие от прямолинейного анализа научных и информационных текстов, а использование комплексного анализа позволяет выявить соотношение между языковыми и текстовыми знаниями.

Г. В. Расторгуева обращает внимание на то, что художественный текст обладает отличительными чертами от других жанров:

1) включение в повествование созданных автором воображаемых миров;
2) авторские стилистические преференции [Расторгуева, 2012, с. 722].

Определяя признаки художественного текста, Н. А. Николина выделяет следующие характерные признаки:

1) внутритекстовая действительность (в сравнении с внетекстовой) имеет креативную природу, т. е. «создана воображением и творческой энергией автора, носит условный, как правило, вымышленный характер. Изображаемый в художественном тексте мир соотносится с действительностью опосредованно, отображает, преломляет, преобразует ее в соответствии с интенциями автора». Данный признак называется «фикциональность», которая отражает вымышленность и опосредованность внутреннего мира текста. «Фикциональность охватывает различные объекты изображения, пространство и время, распространяется на повествование и может включать субъекта речи (повествователя, рассказчика/рассказчиков). Референция в художественном тексте обычно осуществляется к объектам возможных миров, моделируемых в произведении»;

2) по организации художественный текст – сложная система;

3) в художественном тексте «все полно внутреннего значения и язык означает сам себя независимо от того, знаком каких вещей он служит»;

4) художественный текст образуют единицы, обладающие дополнительными «приращения смысла», что и определяет его целостность;

5) элементы художественного текста взаимосвязаны, а его уровни обнаруживают изоморфизм;

6) художественный текст сопряжен с другими текстами. При этом межтекстовые связи способны оказывать влияние на его смысл;

7) художественный текст содержит как прямую, так и неявную информацию.

Таким образом, **художественный текст** – частная система языковых средств, характеризующаяся целостностью, структурированностью и неповторимостью. Это «эстетический объект, который воспринимается во времени и имеет линейную протяженность» [Николина, 2003, с. 8–15].

Что касается структуры художественного дискурса, то данный феномен состоит «из бесконечного числа самоподобных прочтений некоторой совокупности интертекстуальных структур, образующих хаотическое соединение различных эстетических систем и философских учений». При создании произведения автор предлагает некую открытую и свободную структуру, которая способна вызывать у читателя ассоциации, способные сложиться во что-то отличное от исходного сообщения. Текст изначально богаче, чем то, что адресант хочет донести, автор отдается во власть текста, культурной традиции и сложившихся образов. Свойство самоподобия, являясь важным элементом фрактальных структур, помогает реализовать принцип единства и разнообразия, что, в свою очередь, формирует целостное восприятие художественного произведения [Олизько, 2008, с. 577–578].

«Многомерность как осложненность структуры художественного текста усиливается не только благодаря наличию затекста и подтекста, но также по причине его размещения на оси *«текст → интертекст →*

гипертекст». Таким образом, степень открытости текста для интерпретации и читательской рефлексии над ним зависит от определенных аспектов:

− знакомство с традициями и правилами кодирования соответствующих смыслов, в том числе культурнозначимых и/или экзистенциальных;

− использование автором поэтического идиолекта;

− способность читателя к «прочитыванию» авторского поэтического идиолекта;

− экстралингвистические компоненты сообщения.

Необходимо подчеркнуть, что «существование особого смыслового континуума, включающего потенциально бесконечное множество текстов, где хранятся образующие культуру параметры и присутствует пространство, заполненное художественными смыслами» [Масленникова, 2012, с. 65].

Под **художественным дискурсом** также понимается поле пересечения замысла автора и восприятие читателем текста в их совместной деятельности. Интеракция участников коммуникации, то есть автора и читателя, происходит в особых условиях, которые оказывают влияние на понимание текста в разной степени. Общая когнитивная база и инварианты в языковых картинах в сознании автора и читателя создают коммуникацию, то есть организованное художественное общение, осуществляемое опосредованно через текст.

Таким образом, **художественный дискурс** представляет собой «когнитивно-коммуникативное взаимодействие, формирующее единый фонд знаний и представлений о мире, системе его норм и оценок, знаний о стратегиях и тактиках речевого поведения, типичных (стереотипных) эксплицитных и имплицитных способах его языкового выражения». При каждом прочтении текста появляется новый акт художественной коммуникации, т. е. приобретается новый смысл текста, который рождается при читательской интерпретации. А. Ф. Гершанова полагает, что **роль художественного дискурса** – установление границ в понимании, которые

помогают «сохранить смысл текста в пределах авторского замысла». Особенностью художественного дискурса является то, что в результате мы получаем не текст, а его смысл. «Авторский текст выступает в виде статичной языковой субстанции, системно-структурного образования, обладающего упорядоченной (иерархической) организацией единиц-репрезентантов авторского замысла, подвергаемого герменевтической «обработке»». Вербализированное когнитивное образование под воздействием дискурсивных процессов обретает контексты, охватывающие пространственно-временную, субъектно-объектную, причинно-следственную информацию о нем. Так осуществляется расширение/сужение семантики текста, выход за пределы авторского замысла [Гершанова, 2010, с. 164–165].

Дж. Сёрл отмечает, что «почти любое значительное художественное произведение передает «сообщение», передаваемое *посредством* текста, но не присутствующее в *самом* тексте. Только в детских рассказах, содержащих заключительное *«Мораль этой истории такова...»,* или у таких утомительно дидактических авторов, как Толстой, мы получаем эксплицитное представление осуществленных всерьез речевых актов, передать которые является целью (или главной целью) художественного текста» [Сёрл, 1993].

Для художественного дискурса характерна вымышленность, то есть *фикциональность* (Дж. Сёрл). Между художественным речевым высказыванием и нехудожественным, по Дж. Сёрлу, нет явных отличий в формально-языковом отношении, но данные высказывания разграничены в том, что автор хотел продуцировать художественное речевое высказывание, а также связи, позволяющие идентифицировать речевое высказывание как фиктивное, относящееся к сфере художественного вымысла [Searle, 2010].

Так, заметим, что В. П. Руднев, опираясь на понятие ***«художественный дискурс»***, приводит свое определение *«художественной литературы».* Согласно исследователю, «Система художественных дискурсов и правил, порождающих корректные художественные высказывания, называется художественной литературой» [Руднев, 1996, с. 4].

Ю. М. Лотман полагает, что посредником между литературой и языком, а также между литературой и внешней реальностью является пространство художественного дискурса, где формируется «семиотическая среда», которая является необходимым условием реализации коммуникативной функции словесного искусства [Лотман, 1994, с. 438].

Рассматривая функционально-прагматический потенциал художественного дискурса, М. Я. Блох полагает, что основной функцией художественных текстов является пробуждение эстетического чувства у читающего/ пишущего. Языковые средства, используемые автором при написании художественного текста, создают образы персонажей. Цель использования языковых средств писателем заключается в лепке образа, будь то образ персонажа, или любого предмета, «преломленного авторским воображением в составной элемент его произведения» [Блох, 2000, с. 66].

Следует отметить, что диктемно-текстовый комплекс информации организуется соответственно когнитивно-коммуникативному содержанию. Декодирование художественного текста требует обращения к субъективной организации, так как сам текст представляет собой коммуникативное событие, интеракцию и полилог, в котором участвуют субъекты, обладающие определёнными мировоззрениями, картинами мира, системами ценностей и концептами, существующими в заданной системе координат [Стародубова, 2021, с. 22].

Решая когнитивную задачу, читатель находится под воздействием автора, который, прежде всего, решает коммуникативную задачу и подчиняет реализации коммуникативной стратегии «определенный отбор и распределение языковых средств» [Новиков, 2000, с. 120]. Отметим, что автор и читатель имеют разные цели и интенции, только их сотворчество сможет обеспечить полноценную жизнь тексту как произведению. При этом читатель способен не только постигать смысл всего текста, но и усваивать код, т. е. язык художественного произведения [Гершанова, 2012, с. 640].

Как было сказано выше, при создании художественного произведения писатель выражает своё отношение к окружающей действительности и, в свою очередь, художественный текст является результатом его деятельности. Так, «конкретный художественный текст передаёт такой смысл, который, по нашему мнению, не может быть выражен синонимичными высказываниями. Художественный смысл не может быть «семантически представлен» независимо от данного языкового оформления. Изменение языкового оформления влечёт за собой либо разрушение конкретного художественного смысла, либо создание нового» [Степанов, 1988, с. 27].

В. А. Маслова выявляет следующие отличительные черты **художественного дискурса**. Во-первых, художественный дискурс «создает особую виртуальную реальность, предлагает свою версию, модель мира», указывая на то, что художественный дискурс не простое отражение действительности. Во-вторых, художественный дискурс является «динамичным процессом взаимодействия автора и читателя, с одной стороны, и языковыми, социальными и культурными правилами, с другой». И, в-третьих, художественный дискурс «создается социально-индивидуальной действительностью, т. е. через концепты, категории и другие смыслопорождающие процессы речи» [Маслова, 2014, с. 11].

Как полагает В. В. Фещенко, вышеупомянутые характеристики художественного дискурса можно применить к любому типу дискурса в культуре, т. к. они «являются специфичными для художественной деятельности как таковой» [Фещенко, 2021, с. 29].

При этом, обращая внимание на определение В. А. Масловой **художественного дискурса** как «коммуникативно-направленного вербального произведения, обладающего эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия» [Маслова, 2014, с. 13], В. В. Фещенко отмечает, что «в такой характеристике уже фигурирует важнейший фактор художественного дискурса – его эстетическая ценность, однако выявляется она, по нашему мнению, не только в процессе восприятия

художественного произведения (в таком случае интерпретатору достаточно принять любое высказывание за эстетическое без контекста), но и с учетом всей коммуникативной ситуации производства, передачи и получения эстетического сообщения» [Фещенко, 2021, с. 29].

В. А. Маслова также говорит, что художественный текст является полилогом, т. е. «так называемый «парадокс многоголосия»: между автором и читателем, исследователем и читателем, автором и исследователем, текстом и автором, текстом и читателем, текстом и исследователем, автором и читателем и т. д. [Маслова, 2022, с. 28].

Что касается сущности и природы художественного дискурса, Л. А. Манерко пишет: «В отличие от термина «художественный текст» или «текст художественной литературы», указывающий на конечный результат коммуникативного события, термин **«дискурс художественного произведения»** следует понимать как явление динамичное, имеющее отношение к динамике понимания взаимодействия текстового и концептуально-смыслового пространства, помогает понять не только его семантику и семиотику, но и связать это явление с «вертикальностью» текста, показать возможность его интерпретации. Это дискурс, реализующий обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко, 2013, с. 112].

На основе рассмотренных составляющих и особенностей художественного дискурса с позиций лингвоэстетического подхода В. В. Фещенко формулирует следующее определение исследуемого типа дискурса. По мнению исследователя, «**художественный дискурс** представляет собой совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства. Под «произведением искусства» понимается текст, объект или событие, которое обладает эстетической ценностью и является продуктом художественного творчества. Это

определение ставит, таким образом, категорию художественного дискурса в ряд других лингвоэстетических понятий категорий, таких как художественный текст, художественная коммуникация, художественное высказывание и др.» [Фещенко, 2021, с. 30].

Таким образом, можем заключить, что в художественном дискурсе ключевым является внутренний мир отправителя (писателя или поэта), его психологическое состояние во время написания художественного произведения, его стиль мышления, индивидуальные знания человека о реальном мире и др.

В соответствии с целью и задачами настоящего исследования наиболее релевантным и целесообразным представляется определение исследуемого феномена, приведенное З. Д. Асратян, которая детерминирует **художественный дискурс** как вымышленный текст, созданный по эстетическим принципам и наделенный эмотивной функцией воздействия, то есть текст, в котором «изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие, преобразуясь в соответствии с интенцией автора, его идеологическими и эстетическими приоритетами» [Асратян, 2020, с. 23].

Таким образом, следует подчеркнуть, что **художественный дискурс**, являясь особым видом коммуникации, можно определить через ряд ключевых характеристик:

1. **Художественный дискурс** многослоен, многогранен и специфичен. Тексты художественного дискурса обладают многозначностью и открыты для различных интерпретаций. Читатель (реципиент, адресат) имеет возможность воспринимать произведение на разных уровнях и находить в нем новые значения и смыслы.

2. Многоплановость **художественного дискурса** раскрывает многомерность духовной жизни автора текста (адресанта). Авторы могут видоизменять форму, структуру текста, использовать нестандартные приемы и техники для достижения желаемого эффекта.

3. В **художественном дискурсе** авторы часто прибегают к использованию метафор, символов, образов, аллегорий, повествовательных приемов и других художественных средств для создания особой атмосферы и передачи своей идеи.

4. В **художественном дискурсе** важную роль играют эмоции, чувства и символы. Авторы стремятся вызвать у читателя (реципиента, адресата) определенные эмоциональные реакции, передать свои мысли и идеи через символические образы.

5. **Художественный дискурс** является когнитивным диалогом, в котором отражены миросозерцание, «диалектика души» автора (адресанта), а также динамика энергожизни текста – поликультурного языкового кода, воплощающего духовную энергию народа [Миронова, Сокольская, 2021; Купцов, 2024и; Купцов, 2024к; Купцов, 2025з].

Таким образом, приходим к выводу о том, что **художественный дискурс** представляет особый вид дискурса, являющийся воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста художественной литературы.

Выводы по Главе 1

Систематизация концепций по проблематике работы дает возможность сделать следующие выводы относительно феномена **«дискурс»** в современной науке о языке, его структуры, элементов и типов, а также понятия **«художественный дискурс»** и его основных характеристик.

Функционально-коммуникативный подход рассматривает **дискурс** как инструмент коммуникации, который используется для передачи информации, выражения мнений и убеждений, а также для взаимодействия между участниками коммуникативного акта. В рамках этого подхода анализ

текстов и речевых проявлений осуществляется с акцентом на их функционально-коммуникативные цели, что позволяет определить, какие интенции стоят за использованием определенных языковых средств в конкретных коммуникативно-речевых ситуациях. Кроме того, данный подход подчеркивает важность контекста, социокультурных факторов и взаимодействия участников дискурса. Таким образом, *функционально-коммуникативный подход* способствует пониманию достижения определенных целей посредством языка в различных коммуникативно-речевых ситуациях и как социокультурные аспекты влияют на процесс коммуникации и восприятие сообщения (текста). При детерминации понятия **«дискурс»** в современной лингвистике выделяют следующие подходы:

- *коммуникативный (функциональный) подход,*
- *коммуникативно-ориентированный подход,*
- *структурно-синтаксический подход,*
- *структурно-стилистический подход* и др.

В рамках *коммуникативного подхода* понятие **«дискурс»** трактуется как «определённая знаковая структура, которая становится дискурсом в силу своего субъекта, объекта, места, времени, обстоятельств создания.

В рамках *структурно-синтаксического подхода* **«дискурс»** – два или более предложений, находящихся в смысловой связи друг с другом.

В рамках *структурно-стилистического подхода* **«дискурс»** – это нетекстовая организация разговорной речи, для которой характерно нечеткое деление на части.

В рамках *социально-прагматического подхода* **«дискурс»** как текст, погруженный в жизнь, либо как социальный или идеологически неограниченный тип высказываний.

Понятие **«дискурс»** и понятие **«текст»** воспринимаются некоторыми лингвистами как тождественные и взаимозаменяемые. Отметим, что данные термины не следует воспринимать как синонимы, поскольку описание

лингвистических структур предполагает способность дифференцировать различные уровни, которые взаимосвязаны между собой.

Дискурс – прагматический процесс согласования смысла, а **текст** – его продукт. Текст относится к связанным последовательностям знаков и сигналов в их общепринятом значении, воспроизводимых говорящим. **Дискурс** – к иерархически структурированному, мысленно представленному продукту последовательности речевых, пропозициональных, иллокутивных и индексальных актов.

Дискурс является важнейшей формой повседневной практики человека. Различные типы дискурса обладают специфическими *когнитивными, прагматическими, идеологическими и культурными мотивами*, в которых наблюдается различие в их реализации.

Дискурс как сложное коммуникативное явление включает и экстралингвистические факторы: знания о мире и о языке, цели и намерения адресата и др., что способствует адекватному пониманию содержания текста.

Наиболее целесообразным в рамках настоящего исследования представляется определение дискурса, представленное В. Н. Бабаяном с позиции *социолингвистического* и *коммуникативно-ориентированного* подхода. **Дискурс** – связный монологический или диалогический текст, который представляет собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (реплик) в устной или письменной форме, обращенный к слушателю/ читателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников.

Что касается **структуры и элементов дискурса**, отметим, что исследуемый феномен представляет собой сложное языковое явление, которое нельзя свести к простому объединению его компонентов; элементы дискурса взаимосвязаны и организованы в определенном порядке; присвоение семантической или прагматической когерентности этим

отношениям указывает на тот факт, что дискурс может быть интерпретирован как система значений и интенций.

По мнению Т. А. ван Дейка, глобальные структуры (макроструктура и микроструктура) являются определяющими в теоретическом анализе, так как отражают и тематическое содержание, и схематическую форму; они же очень важны в процессах производства и понимания текста. Исследование структуры дискурса через призму принципа релевантности является важным параметром на всех уровнях дискурсивного анализа: на фонологическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Типологические аспекты дискурса касаются, прежде всего, классификации и анализа различных типов дискурсивных практик в зависимости от их характеристик, функций и контекстов:

1. Функциональная типология – дискурс классифицируется в соответствии с его функциональным потенциалом, например, информативный, побудительный и др.
2. Жанровая типология – дискурс классифицируется по жанру. Каждый жанр имеет свои специфические характеристики, структуры и цели.
3. Контекстуальная типология – дискурс классифицируется в зависимости от контекста его возникновения, учитывая национально-культурные и социальные факторы: устный/ письменный; формальный/неформальный.
4. Когнитивная типология – дискурс формирует когнитивные процессы у адресата, то есть активизирует восприятие и интерпретацию.

В настоящем исследовании рассматривается проблема художественного дискурса, поскольку, в ней изучаются амплифаеры в составе предложений-высказываний-реплик дискурса англоязычных, испаноязычных и русскоязычных произведений художественной литературы.

Художественный дискурс представляет собой открытую, нелинейную и динамичную систему, которая включает разные элементы, и способную трансформироваться и подстраиваться под заданную тему. Художественный

дискурс, в отличие от других типов дискурса, является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста.

В целом, **художественный дискурс** представляет собой сложный и многогранный языковой феномен, который отражает культурные и художественные ценности общества. Таким образом, можно сделать вывод о том, что **художественный дискурс** – это особый вид коммуникации, который использует художественные средства и приемы для передачи эстетических ценностей, вызова эмоционального отклика и создания особой культурно-национальной атмосферы, отражая особенности менталитета и философии народа, создавая уникальную атмосферу и передавая глубокий смысл.

В рамках данного исследования понятие **«художественный дискурс»** трактуется как вымышленное пространство, созданное на основе эстетических принципов, в котором изображаемый мир соотносится с реальностью через индивидуальное восприятие автора, трансформирующее его в соответствии с интенциями, идеологическими и эстетическими приоритетами, а также обладающее эмоциональной функцией воздействия.

Изучив основные теоретические положения и подходы к определению понятий «дискурс» и «художественный дискурс» в современной науке о языке, изучив основные характеристики, структуру, элементы и типы этого сложного коммуникативного явления, далее представляется целесообразным на основе теоретического материала рассмотреть диалог как объект лингвистического исследования, прагматические характеристики художественного диалогического дискурса и высказывание-реплику как основную единицу художественного диалогического дискурса.

Глава 2. ДИАЛОГ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Диалог и дискурс представляют собой ключевые понятия в современном языкознании, которые позволяют однозначно истолковать динамику коммуникации и взаимодействие в различных социальных контекстах. Дискурс является речевым потоком, используемым в социальном контексте, тогда как диалог – это дискурсивная форма речевой интеракции, которая скоординированно разворачивается между двумя или более партнерами по общению во время их взаимодействия.

Использование языка по своей сути является социальным явлением. Следовательно, функционирование языка в социальных контекстах представляет собой многогранный процесс, включающий влияние социокультурных факторов на формирование значений и интерпретацию высказываний-реплик в диалогической речи. Соответствующий контекст может включать в себя различные аспекты рассматриваемой ситуации, в том числе цели и интенции коммуникантов, состав участников, среда, в которой ведется коммуникация, средства невербального общения (движения, жесты, эмоции и др.) и др.

Диалог представляет собой дискурсивную форму речевой интеракции, в то время как дискурс рассматривается как речь или текст, помещенный в ситуацию диалога, как бы возвращенный к жизни, то есть обретающий реального автора и реального читателя в конкретной ситуации их диалогической встречи как субъектов. Таким образом, дискурс становится проявлением социального взаимодействия в языковой форме, а также представляет собой структуру и процесс языкового творчества и познания мира человеком [Бахтин, 1996]. Дискурс рассматривается как пространство, в котором осуществляется принцип диалогичности, а его сущностные характеристики выявляются через анализ диалогов.

Следует отметить, что диалогичность является основной характеристикой художественного дискурса, поскольку именно диалогичность способствует наиболее корректной его интерпретации. Соответственно, в настоящей главе исследования акцентируется внимание на особенностях художественного диалогического дискурса.

2.1. Диалог как объект лингвистического исследования

Диалог по-своему фиксирует, закрепляет на какое-то время некоторые существенные моменты происходящего процесса в общении и поведении людей, внешних формах быта и т.д. Многие ученые в своих трудах затрагивают эту проблему, исследуя различные особенности диалога [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2016, Бабаян, 2024; Бабаян, Купцов, 2023, 2025ж; Бахтин, 1996; Гак, 1998; Гапанович, 2013; Голованева, 2013; Григорян, 2017; Девкин, 1979; Денисов, 2012; Колокольцева, 2017; Купцов, 2025б; Лагутин, 1991; Маслова, 2022; Мельникова, 2022; Олянич, 2007; Ремизова, 2001; Скорик, 2010; Тюкина, 2022; Федотова, 2011; Хисамова, 2015; Шопенгауэр, 2001; Kloepfer, 1981].

В современной лингвистической науке понятие **«диалог»** трактуется в широком и узком понимании. *Диалог в широком смысле* есть встреча двух сознаний, и с этой точки зрения недиалогической речи нет, любой текст «двупланов» и «двусубъективен». *В узком смысле диалог* можно определить как одну из основных форм общения, где каждое высказывание направлено непосредственно к собеседнику и связано с текущей темой разговора. Широкое и узкое понимание диалога способствует полной и однозначной интерпретации природы человеческого общения и его роли в обществе. Следовательно, диалог как объект лингвистического исследования позволяет глубже понять механизмы человеческой коммуникации и взаимодействия.

2.1.1. Широкое и узкое понимание диалога в современном языкознании

Проблемам человеческого общения всегда уделялось большое внимание, так как общение как специфическая форма деятельности занимает одно из доминирующих мест в жизни современного человека. Современное языкознание сосредотачивается на изучении языка как системы, обладающей собственной логикой, которая обеспечивает возможность диалогической коммуникации. **Диалог** пронизывает и мышление, которое, как полагает В. А. Маслова, социально и диалогично. Речь и мышление с самого начала были диалогичны, таким образом, «человек обладает некоторой диалогической компетенцией, которая позволяет ему участвовать в создании диалогов» [Маслова, 2022, с. 27].

Человеческая коммуникация основывается на естественной диалогической речи, которая экстраполируется на другие сферы коммуникации. Как отмечает Б. А. Успенский, для диалогической речи характерным является направленность на межличностное (диалогическое) общение, предполагающая обмен репликами. Каноническая речевая ситуация определяется диалогической речью, когда присутствует говорящий и слушающий, которые «связаны единством места и времени, имеют общее поле зрения и могут видеть жесты и мимику друг друга; наиболее важным при этом является наличие говорящего и слушающего, объединенных временем речевого акта» [Успенский, 2011, с. 3].

В контекстах современных лингвистических исследований имеется довольно широкий спектр определений, касающихся понятия **«диалог»**.

«**Диалог** (от греч. **dialogos**), ...форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевая коммуникация посредством обмена репликами» [БЭС, т. 1, 1991, с. 388]. Для него характерен ряд дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих; участники диалога понимают язык, на котором ведется диалог;

участники диалога видят, по крайней мере, слышат друг друга. Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста [Бабаян, Купцов, 2023а, с. 144].

Диалог представляет собой один из видов речи, такой способ активного коммуникативного взаимодействия двух или более субъектов, материальным результатом которого является образование специфического речевого произведения, состоящего из последовательности реплик. Следует отметить, что один из субъектов может носить интегрированный характер, то есть быть представленным группой лиц. В современной коммуникации диалог используется в различных функциональных сферах, стилях и разновидностях речи [Колокольцева, 2017, с. 38].

В «Словаре лингвистических терминов понятие **«диалог»** трактуется как «одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора. Диалог характеризуется относительной краткостью отдельных высказываний и относительной простотой их синтаксического построения» [Ахманова, 2007, с. 132].

Представляется интересным обратить внимание на комплексное определение **диалога**, сформулированное С. А. Ремизовой: «**Диалог** – это тип дискурса, результатом которого является текст, создаваемый в определенной коммуникативной ситуации совместными усилиями двух коммуникантов с большей или меньшей общностью «картины мира», каждый из которых руководствуется своими целями, но при этом имеет более или менее четкое представление о целях собеседника» [Ремизова, 2001, с. 36]. Следовательно, данное определение указывает на текстовую составляющую диалога, на его дискурсивный характер, на наличие коммуникативной ситуации и на когнитивный аспект.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что диалогическая речь обладает следующими свойствами:

1. *Ситуативность*: диалог всегда ситуативно обусловлен, он протекает в определенной ситуации, которая определяет мотив и логику говорения.

2. *Мотивированность*: участник диалога говорит с определенной целью, определяющейся либо внешними, либо внутренними стимулами.

3. *Эмоциональность*: диалогическая речь всегда имеет эмоциональную окраску, поскольку говорящий выражает свои чувства, мысли и отношение к тому, что он говорит.

4. *Адресованность* – диалог всегда обращен к слушателю, адресован к аудитории [Избаева, 2021, с. 148].

Следует отметить, что при кажущейся семантической размытости границ феномена **«диалог»**, каждый диалог имеет *вступление, основную часть, заключение*, а также свою *структуру*, которая, как правило, остается стабильной. Следовательно, можно заключить, что все вышесказанное является проявлением целостности диалога [Борисова, 2009], то есть его единство, завершенность, структурированность. Единство диалога проявляется через различные внеречевые факторы, играющие важную роль в акте коммуникации: коммуникативные интенции участников, их эмоциональное состояние, социальные роли, культурные аспекты и др.

Дискурс рассматривается как коммуникация, а коммуникация – это беседа, разговор, диалог, в котором присутствуют как минимум два индивидуума: продуцент – адресант и реципиент – адресат. В результате обмениваются репликами между адресантом и адресатом формируется диалог, то есть диалоговая коммуникация [Бабаян, 2023; Тюкина, 2022].

В процессе коммуникации возникают диалогические отношения, способные развиваться в различных контекстах. Для того чтобы диалогические отношения могли возникнуть, они должны быть выражены в лексемах и трансформироваться в высказывания-реплики, представляющие позиции коммуникантов. Следовательно, диалогические отношения невозможны без логических и предметно-смысловых связей. Они не ограничиваются этими связями и обладают своей уникальной спецификой.

Для обеспечения успешного взаимодействия в диалоге требуется обмен коммуникативной информацией. Иначе говоря, в коммуникативной информации отражена интеракция между коммуникантами – адресантом и адресатом, то есть между инициатором речи и ее адресатом, направленная на организацию диалогической коммуникации. **В организации диалогической коммуникации выделяют:**

1) *информативность в контактно-регулирующем плане* (поддержание контакта, оформление этапов интеракции);
2) *информативность в оценочно-интерпретационном плане* (когнитивно-модальные оценки речи / ситуации);
3) *информативность в плане интерперсональных отношений* (информатор и адресат) [Цуншуан, 2020, с. 120].

Таким образом, можно заключить, что диалогические отношения и коммуникативная информация взаимно дополняют друг друга, создавая основу для эффективной/успешной коммуникации.

Важно отметить, что особенностью диалогических отношений является их интеграция логических, лингвистических и психологических отношений. Это комплексный тип отношений, когда за каждой репликой стоят языковые личности. Следовательно, **диалогичность** является фундаментальным свойством текста, в том числе и художественного [Маслова, 2022, с. 27].

Диалогичность представляет тип коммуникации, которая «наиболее широко предстает в двух сферах человеческой деятельности: в реальном межличностном общении; в художественном словесном творчестве с двумя его разновидностями – диалог в драме, где он выполняет доминантную, конституирующую текст функцию, и диалог в эпическом произведении» [Лагутин, 1991, с. 4]. Таким образом, диалогичность рассматривается как конститутивный элемент коммуникации, способствующий эффективному/ успешному общению и созданию художественного текста.

Элементом двусторонней коммуникации является диалогический дискурс. Диалогический дискурс представляет собой результат интеракции

двух коммуникантов и включает код, коммуникативно-речевую ситуацию и др., связанные с общим социальным контекстом жизнедеятельности партнеров по общению и отражающие *«текущий момент»* жизни языкового общества. Так, *диалогический дискурс*, являясь *«текстом связной речи»* [Бабаян, 1998; Бабаян, 2006а; Барт, 1994; Винокур, 1993; Макаров, 2003; Олянич, 2007; Степанов, 2008; Йоргенсен, Филлипс 2002; Шейгал, 2004; Crystal, 2019 и др.], *«языковым общением»* [Сусов, 1989], *«категорией естественной речи»* [Арутюнова, 1998; Орлов, 1991] и др., фиксирует, закрепляет на какое-то время некоторые существенные моменты происходящего процесса в диалогической коммуникации и поведении людей, внешних формах быта и т.д. [Бабаян, 2016, с. 164]. Таким образом, **диалог** как динамичное явление обладает универсальным характером, так как область его применения постоянно расширяется.

В контексте теоретических категорий **диалог** обладает как *широким*, так и *узким* значением в научном понимании. В *широком смысле* **диалог** трактуется как встреча двух сознаний, и с этой точки зрения, недиалогической речи нет, любой текст «двупланов» и «двусубъективен». Следовательно, в *широком смысле* **диалог** – конкретное воплощение языка, сфера, где проявляется речевая деятельность человека, форма существования языка и форма речевого общения.

Для *диалога в узком смысле* характерны следующие **дифференциальные признаки**:

1) наличие не менее двух собеседников;

2) обязательная смена говорящих;

3) коммуниканты понимают язык, на котором ведется диалог;

4) они видят, по крайней мере слышат, друг друга [Лагутин, 1991, с. 8].

Как отмечает Ю. М. Лотман, непременным условием диалога является наличие двух выраженных точек зрения, что подразумевает существование двух сопоставимых кусков текста, отличающихся направленностью, точкой зрения, оценкой, ракурсом и совпадающих по некоторому «содержанию»

сообщения или его части [Лотман 1995, с. 228].

И. И. Ковтунова и О. Б. Сиротинина в основном сосредотачиваются на изучении устной диалогической речи, рассматривая ее в контексте противопоставления письменной и монологической речи. Для них характерно использование термина «разговорная речь» вместо «диалогическая речь». Они поддерживают мнение Л. В. Щербы о том, что разговорная речь по своей природе является диалогичной, что подразумевает, что разговорная речь и есть диалогическая речь, а монологической разговорной речи не существует. Так, выделяются следующие основные **характеристики разговорной речи**: 1) *ситуативность*; 2) *контекстуальность*; 3) *непроизвольность*. В качестве лингвостилистических особенностей, реализующих названные черты, выделяют 1) обилие *вопросительных* и *побудительных предложений* в стимулирующих репликах; 2) *повторы* и *переспросы* в реагирующих репликах; 3) *синтаксическая неполнота предложений*; 4) широкое *использование паралингвистических средств*.

Диалог является своеобразным текстом, то есть все его участники – коллективный автор. В диалоге взаимодействуют как минимум две речемыслительные стратегии-программы. Диалогический текст обычно делится на реплики и «диалогические единства» по формальным критериям. В рамках диалогической цепи выделяются «единства», состоящие из двух, трех или более реплик, такие как *двучленные*, *трехчленные* и *многочленные* диалогические единства. Связь между высказываниями-репликами в диалогическом общении всегда проявляется не только на смысловом уровне, но и на языковом, а в некоторых случаях – и на формальном уровне. Все реплики делятся на *инициирующие* и *реагирующие*. Объединение как минимум двух соседних реплик в линейной цепи диалога происходит по правилам семантической, прагматической и синтаксической зависимости, что формирует коммуникативную единицу диалога, диалогические единства.

Определения диалогического единства, предложенные различными исследователями, имеют много общего. Так, Л. С. Маркина рассматривает

диалогические единства как любую совокупность реплик, которые связаны между собой по структуре и по смыслу. В этой связи предшествующая реплика играет роль обусловливающей, а каждая последующая реплика зависит от предыдущей и в свою очередь влияет на следующую. Последняя реплика в этой цепочке является только обусловленной [Маркина, 1973]. Каждое новое высказывание продолжает диалог, а все предшествующие реплики создают интерпретационную рамку для следующего высказывания.

Границы простого диалогического единства обычно четко определяются «физическим» объемом реплик. Инициирующая реплика служит верхней границей единства, а конец реагирующей реплики — его нижней границей. Таким образом, вопрос и ответ образуют коммуникативные единицы только в единстве друг с другом [Блох, Поляков, 1992, с. 10–11]. В зависимости от семантических и формально-структурных критериев различают различные типы диалогических единств.

Высказывания-реплики в диалогическом дискурсе обладают формальной соотнесенностью, что означает каждая последующая реплика синтаксически согласуется с предыдущей, обеспечивая тем самым ее адекватное восприятие. Взаимодействие между высказываниями-репликами может зависеть как от содержания высказывания, так и от пресупозиционных или инференционных связей, а также от эмоциональных реакций участников диалога. Все реплики адресанта и адресата формируют его речевую партию [Свиридова, 2023, с. 68].

По нашему мнению, ограничение анализа диалога выделением диалогического единства, состоящего из двух реплик, не является исчерпывающим. Подчеркивая важность ретроспективного анализа каждой реплики и взаимосвязь последующих высказываний с предыдущими реакциями партнера, нельзя игнорировать стратегические намерения каждого участника общения. В действительности, собеседники постоянно стремятся к компромиссу, формируя свои реплики с учетом ответов друг друга. Однако каждая реплика также соотносится с предшествующими высказываниями

самого говорящего. Каждая речевая реакция может быть переосмыслена партнером как стимул для нового высказывания, но сам говорящий может заранее планировать несколько реплик, продолжая свою предыдущую мысль и игнорируя ответ партнера или исходя не только из смысла сказанного, но и из его контекста, пространственно-временных условий или других своих размышлений. Выделение диалогического единства на основе двух пограничных реплик упрощает задачу исследователя, но вряд ли отражает всю сложность и многообразие процесса диалогической коммуникации.

Таким образом, можно заключить, что **диалог** как форма межличностного диадического взаимодействия в узком понимании характеризуется следующими дифференциальными признаками:

1) в диалоге участвуют как минимум два и более коммуниканта;

2) высказывания-реплики партнеров по диалогу чередуются, то есть участники диалога должны меняться ролями;

3) коммуниканты — продуценты диалога должны владеть языком, на котором ведется общение;

4) участники диалога должны видеть (слышать) друг друга.

В широком понимании **диалога** ученые главным образом изучают устную диалогическую речь в ее противопоставлении письменной, а также монологической речи, то есть разговорная речь приравнивается к диалогической речи [Бабаян, 2024а, с. 86].

Итак, исследование диалогической речи открывает новые возможности для изучения человека, его роли в обществе и социальной коммуникации. Диалог обладает различной формой, различными этапами и уровнями. Реализация диалогов характеризует особенности мышления. Проблемы коммуникации многогранны и отражают культуру и мысли людей. Вопрос об определении концептуального и семантического значения диалога как базового понятия диалогического дискурса очевиден и необходим.

2.1.2. Социальные и психологические аспекты диалогического дискурса: регуляция взаимодействия партнеров по диалогу

На современном этапе развития лингвистических исследований диалогический дискурс приобретает серьезное значение, поскольку он позволяет исследовать взаимодействие между участниками коммуникации, стратегии и способы построения смысла. К аспектам, связанным с диалогическим дискурсом, относятся принципы и правила, которые обеспечивают: эффективность/успешность коммуникации, стратегии ведения диалога, контекст, импликация и др.

Социальные и психологические аспекты диалогического дискурса играют ключевую роль в понимании того, как люди взаимодействуют друг с другом. Прагматика и регуляция взаимодействия являются важными компонентами, которые помогают объяснить, как создаётся смысл и передаётся в процессе коммуникации. Необходимо отметить, что все больше исследователей обращают внимание на социально-психологическое описание поведения личности и ее проявлений в деятельности по порождению речевых высказываний в диалогическом дискурсе.

Проблема проявления личностных характеристик в смысловом содержании высказываний и особенностях речевого поведения человека находится на пересечении психологии и лингвистики. Это требует комплексного изучения общения и речевой активности с применением различных психологических и лингвистических методов. Такой подход открывает новые горизонты для понимания личности и ее речевого поведения в процессе коммуникации, что позволяет расширить лингвистические методы исследования [Доброва, 2011, с. 30].

Диалогическая речь представляет разновидность речевого поведения, отражающая личностные характеристики говорящих, а также характерные черты носителя национальной и языковой культуры. Как известно, в структуре социального взаимодействия совершаются речевые действия,

регулируемые ролевыми предписаниями, содержание которых зависит от ролей коммуникантов. Следует отметить, что ролевые предписания (социальные нормы) рассматриваются «со стороны их функциональной значимости для личности» [Кречмар, 1970, с. 79]. Коммуникация является частью социальных отношений между коммуникантами, представляя собой два неотделимых аспекта речевого взаимодействия. Следовательно, во время акта коммуникации человек включается в систему социальных отношений и оформляет свою речевую деятельность в соответствии с правилами, осуществляющими эти социальные отношения.

Представляется важным отметить, что социальное взаимодействие, прежде всего, носит ролевой характер, так как имеет свое выражение на этапе восприятия участниками диалогической коммуникации друг друга. Социальной ролью является «одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции (статусу) личности. Социальная позиция или статус – формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы» [Горелов, Седов, 2001, с. 141].

В контексте социально-психологических аспектов непосредственной диалогической коммуникации начальный этап коммуникативного акта вызывает особый интерес у исследователей. Следует подчеркнуть, что для успешной коммуникации требуется общность знаковых средств и определенный уровень общего социального опыта [Бабаян, Купцов, 2025]. Для эффективного/успешного диалогического взаимодействия коммуникантам необходима информация:

1) о социальных знаниях собеседника, что позволяет оценить его восприятие и адаптировать свои речевые действия;

2) о соотношении своих социальных статусов, чтобы корректно применять этические нормы при выборе языковых средств.

На различных этапах общения ориентация как в речевой ситуации, так и в собеседнике реализуется при помощи набора определенных средств:

языковых, паралингвистических, кинесических, проксемических. Как пишет В. Н. Бабаян, «для ориентации адресанта в адресате служит система обращений (специфическая для носителей разных языков), предназначенная для установления отношений между членами акта коммуникации». Ориентация в собеседнике реализуется по признакам статусных ролей (пол, возраст, национальность, профессия) и по занимаемой должности, связанной с социальным статусом. «Эти роли личности, идентифицированные в процессе ориентировки, обусловливают и выбор языка (при билингвизме) и выбор языкового кода (при диглоссии)» [Бабаян, 2009, с. 75].

Участники коммуникации, основываясь на визуальном восприятии ролевых знаков, формируют предположения о социальных характеристиках друг друга. Они могут сознательно, так и бессознательно демонстрировать свой статус, а также корректировать свои гипотезы. Таким образом, уточнение гипотез о восприятии и статусах коммуникантов происходит одновременно, так как обе категории гипотез строятся на основе одних и тех же ролевых знаков [Бодалев, 1982].

В реальной речевой коммуникации встречаются как полные формы диалогической речи, так специфические сокращенные элементы, то есть реплики разного рода. Эти реплики, зачастую не имеющие смысла вне контекста диалога, обладают значительной семантической нагрузкой и представляют собой важный социально-психологический компонент межличностной коммуникации [Доброва, 2011, с. 31].

Межличностная коммуникация сквозь призму прагматики позволяет глубже понять динамику коммуникации, выявить скрытые смыслы, то есть как контекст и интенции говорящего влияют на понимание и интерпретацию сообщений в процессе общения.

В теории речевых актов интерес к неязыковому контексту возник из стремления разработать интерпретативную систему понятий, которая бы объяснила контекстуальные значения речевых высказываний.

Так, В. Н. Бабаян справедливо отмечает, что для языковой прагматики неязыковой контекст в процессе изучения смысла речевых действий «есть средство интерпретации различных состояний объекта анализа, то есть занимает вспомогательную роль в деятельности лингвиста: речь развертывается в неречевой деятельности, будучи подчинённой целям последней, неречевая деятельность является по отношению к речи ее детерминатором в каждом конкретном акте общения». Речевые акты, такие как *приказы, вопросы, побуждения, обещания, советы, просьбы, предупреждения* и др., – речевое выражение правил, которые регулируют отношения между участниками коммуникации. Эти правила – *регулятивные* – устанавливают экстралингвистические условия производства и восприятия речевых актов, и *конститутивные правила* их производства и восприятия. Данные правила реализации речевых актов – это *содержание интенций и ожиданий говорящего (адресанта)* по поводу возможностей слушающего (адресата) осуществить просьбу собеседника [Бабаян, 2006а]. Таким образом, *регулятивные и конститутивные правила* являются правилами структурирования взаимодействия, которые могут быть реализованы различными способами.

Теория речевого акта задает вопрос о том, что на самом деле происходит, когда люди общаются друг с другом. Как они реагируют на слова собеседника и придают им конкретный смысл? Эти размышления привели к выводу, что знаки не просто создаются, но и помещаются в определенные смысловые контексты, что происходит по определенным правилам, а не случайным образом. Таким образом, важно определить условия, при которых высказывания функционируют. В связи с этим представляется важным определить условия, при которых высказывания говорящих получают смысл, то есть возникает *категория интенциональности*. Суть данной категории заключается в том, что когда люди общаются, они стремятся достичь определенных целей, и успех в этом зависит от соблюдения системы правил, принятых в соответствующей лингвокультуре.

Как утверждает Дж. Р. Сёрл, «производство конкретного предложения в определенных условиях есть иллокутивный акт, а иллокутивный акт есть минимальная единица языкового общения» [Сёрл, 2004, с. 57]. В речевой ситуации с высказыванием объединены разнообразные акты. Говорящий приводит в движение речевой аппарат, произносит звуки. Одновременно он способен совершать иные акты, состоящие в упоминании тех или иных лиц, явлений, событий, мест, действий и т.п. Говорящий утверждает, задает вопрос, доказывает, предупреждает и т.п. [Там же, с. 56–57].

Разъясняя понятие иллокутивного акта, Дж. Остин подчеркивает: «иллокутивный акт – это конвенциональный акт; акт, осуществленный согласно какой-либо конвенции. Он должен быть категорически противопоставлен осуществлению (producing) определенных воздействий, преднамеренных или непреднамеренных, посредством данного высказывания» [Цит. по Стросон, 2004, с. 37].

Таким образом, можем утверждать, что прагматический аспект диалога представляет собой ключевую область исследования, которая позволяет раскрыть сложные механизмы коммуникации и интеракции между участниками общения, а также подчеркивает важность контекста для адекватной интерпретации значений высказывания.

Одним из ключевых аспектов прагматики является регулятивная функция речи, которая направлена на изменение или управление действиями и реакциями собеседников. Регулятивные высказывания, такие как команды, просьбы или советы, не просто передают информацию, но и служат инструментами воздействия на поведение других людей. Понимание функционирования высказываний в различных контекстах позволяет лучше осознать их силу и эффективность. Отметим, что коммуниканты способны определить по одному обращению характер и особенности отношений (дружеские, враждебные), социальный статус (руководитель, подчиненный), конфессиональную, профессиональную принадлежность и т.п.

Регулятивная деятельность – процесс интеракции партнеров, включающий в себя целый ряд регулятивных речевых действий и актов, которые могут иметь различное языковое оформление. При этом акцент на стратегическом компоненте регулятивной деятельности определяется общей установкой участников общения на эффективное решение поставленных задач и успешное достижение целей коммуникации [Синицына, 2005].

Необходимо отметить, что понятия «*регулятивная речевая тактика*» и «*регулятивная речевая стратегия*» обладают системной связью, то есть взаимодействуют и соотносятся как часть и целое. Так, А. П. Сковородников детерминирует регулятивную речевую (коммуникативную) стратегию как «общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения» [Сковородников, 2004, с. 6].

В подтверждение вышесказанного Т. М. Людерс выражает мнение о том, что «*регулятивная речевая стратегия*, являясь одним из видов речевой стратегии, представляет собой комплексный, когнитивный процесс коммуникативного характера, выражающийся в выборе говорящим/пишущим системы продуманных поэтапных регулятивных речевых действий, формирующих линию регулятивного речевого поведения, принятую на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленную на достижение конечной коммуникативной цели (целей) за счет эффективного использования набора определенных регулятивных речевых тактик, представляющих собой конкретный регулятивный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления стратегии» [Людерс, 2010, с. 248]. Следовательно, регулятивная речевая стратегия и тактика представляют собой единую взаимосвязанную систему, в рамках которой тактики служат средствами для осуществления коммуникативного регулятивного плана или стратегии.

По мнению В. Н. Бабаяна, речь представляет собой деятельность, в которой язык используется для воздействия на собеседника, а также для регулирования его мыслительной деятельности и речевого поведения, что полностью соответствует задачам говорящего (адресанта). Текст, в свою очередь, служит инструментом для такого воздействия, и его природа и структура подчинены этой функции [Бабаян, 2009, с. 81].

Регулятивная функция может служить в качестве механизма, который регулирует речевое поведение коммуникантов. В данном контексте речь идет о регулирующей функции внутренней речи говорящего. С помощью этой функции человек продумывает и регулирует свои последующие действия в процессе коммуникации [Лурия, 1979]. Следовательно, можем заключить, что *регулятивная функция* речи, возникшая на основе коммуникативной функции, играет важную роль в регулировании взаимодействий между участниками в ходе конкретного акта коммуникации.

Далее считаем уместным рассмотреть проблему сходных и отличительных свойств естественного и художественного диалогов.

2.1.3. Прагматическая характеристика художественного диалогического дискурса

В художественной речи проявляются различные аспекты языка, отражающие мировоззрение и мастерство автора. Диалог в литературе не возникает в результате непосредственного общения, как это происходит в повседневной беседе. С одной стороны, диалогическая речь является результатом работы автора, а, с другой – основывается на естественной разговорной речи [Шведова, 1982].

Диалогичность является одной из ключевых характеристик художественного дискурса, определяющей его многослойность и сложность. Это понятие основано на идеях М. М. Бахтина, подразумевает наличие множества голосов, точек зрения и смыслов, которые взаимодействуют друг

с другом, создавая динамическое поле значений. В художественном произведении диалогичность проявляется через многообразие персонажей, каждый из которых представляет свою уникальную перспективу и внутренний мир. Это позволяет авторам глубже исследовать человеческую природу, моральные дилеммы и социальные конфликты.

Диалогичность рассматривается как неотъемлемая категория текста, так как учет разных параметров такого сложного многогранного феномена как художественный текст может дать совершенно разный набор категорий. Следует подчеркнуть, что текстовая категория является признаком, который присущ всем текстам и без которого не может существовать ни один текст, таким образом, это типологический признак текста [Федотова, 2011].

Категория **диалогичности**, по мнению Т. Н. Колокольцевой, воплощается в речевых произведениях разных типов. Как правило, это диалогические дискурсы, в которых реплики разных коммуникантов сменяют друг друга. Категория диалогичности обладает свойством воплощаться в речевых произведениях, созданных одним субъектом, но с отчетливо выраженной ориентацией на другого, апелляцией к нему, предугадыванием его возможной реакции на сообщаемое. Как отмечает исследователь, диалог необходимо рассматривать как основное, но далеко не единственное проявление категории диалогичности [Колокольцева, 2001].

Текст как завершенное речевое сообщение всегда нацелен «на другого», даже если этот «другой» — сам автор. Категория диалогичности переходит в категорию субъектности, где автор предстает как реальное лицо, повествователь, лирический герой или персонаж. Также важно учитывать категорию адресованности, которая связывает текст с конкретным адресатом, обобщенным образом адресата, пронизывающим всю структуру произведения, и с художественным образом персонажа-адресата [Болотнова, 2009, с. 164–165]. Итак, **художественный диалог** представляет собой сложный вид художественно-литературной коммуникации, субъектами которой становятся автор, читатель и персонажи.

Е. А. Гапанович полагает, что **художественный диалог** является проводником авторских художественно-идейных воззрений, которые отражаются в организации содержательной составляющей произведения с использованием форм и средств [Гапанович, 2013, с. 25].

Художественный дискурс – это, прежде всего, динамичный процесс диалогического взаимодействия адресанта (автора) и адресата (читателя), а также взаимодействие языковых и культурных явлений. Таким образом, формируется социально-культурный опыт общества и индивидуальный опыт человека [Арутюнова, 2007; Арутюнова, 2009]. Так, в процессе чтения адресат (читатель) определяет цели и задачи сообщения, соотносит новую информацию с ранее усвоенной, интерпретирует в тексте определенные факты, спорит или соглашается с мнением автора, ищет связи между различными фактами, событиями и предметами, пытаясь воссоздать образ описываемой действительности [Ленкова, 2011, с. 134–135].

Как отмечает О. С. Федотова, категория диалогичности признается принципиальным признаком художественного текста, так как автор (адресант) пытается донести конкретную информацию до читателя (адресата), который в свою очередь ее декодирует согласно авторскому замыслу. Следовательно, «завязываются коммуникативные отношения, в результате которых произведение обретает новый смысл, который выходит на уровень взаимодействия с внетекстовой реальностью» [Федотова, 2013, с. 167].

Художественный дискурс, рассматриваемый как текст, вовлечённый в процесс диалога между автором и читателем, открывает новые перспективы для анализа сходств между письменным художественным выражением и устной речью. Это позволяет переосмыслить взаимодействие различных высказываний внутри художественного текста. Художественный нарратив имеет следующие характеристики:

а) коммуникативность;

б) адресованность;

в) интертекстуальность.

Все вышесказанное служит подтверждением его диалогической природы. При этом диалогичность охватывает более широкий спектр, чем просто прямое взаимодействие между автором и читателем. Диалогичность художественного текста включает в себя систему средств, которые способствуют успешному продвижению читателя по произведению и оптимальному декодированию авторского замысла и прагматических задач текста. Следует отметить, что данные средства, создавая многоуровневые смысловые связи, позволяют читателю глубже погрузиться в текстуальный мир и активизировать собственное восприятие.

При дифференцировании текстовых категорий следует обращать внимание на то, как они формируют художественную реальность. Категории текста определяются на основе того, каким образом текст представляет события в соответствии с замыслом автора. Таким образом, главными текстовыми категориями являются те, «которые локализуют описываемое событие во времени и пространстве и раскрывают авторскую интерпретацию того события (цепочки событий), которое составляет информационную канву художественного произведения» [Федотова, 2017, с. 176].

В. А. Садикова полагает, что художественный диалог эстетически самоценен и сам каузирует дискурс, является его причиной. Следовательно, читающий художественное произведение восстанавливает дискурс на основе прочитанного диалога [Садикова, 2015, с. 19–20].

Интеракциональность в художественном тексте представлена в форме диалога, или композиционно-смысловых единств, «вербализующих нормативные стратегии речевого поведения в художественном диалоге (стилизованном дискурсе, который по-своему отражает личностное пространство общения персонажей в произведении)». Е. Ю. Ильинова, исследуя интеракциональные комплексы в художественном тексте, приходит к мнению, что в его сюжетном пространстве примеры диалогической речи выполняют двойственную эстетико-художественную функцию.

Исследователь отмечает, что в смысловом пространстве художественного текста выделяется, как правило, бытовой и институциональный диалоги, которые рассматриваются не только как проявление информативно-художественной функции (развитие сюжетной линии в повествовании; создание образа литературного персонажа и его характеризация), но и как «проявление коммуникативно-прагматической функции дискурса, отражающей высший уровень коммуникативной компетенции личности – умения строить общение (диалог) с учетом мотивационных, ролевых, статусных, эмоциональных параметров речи» [Ильинова, 2007, с. 142].

В современной лингвистической науке существует множество определений изучаемого феномена. **Художественный диалог** представляет собой коррелирующую систему функций, ядро которых составляют *эстетико-коммуникативная*, *сюжетообразующая*, *текстообразующая*, *характерологическая и оценочная функции* [Хисамова, 2009].

Художественный диалог – это диалог-монолог автора (адресанта), не устный, а всегда письменный, то есть особый вид продуманной текстовой речи, обращенной к читателю (адресату), отдаленному от автора пространственно и во временном плане. Следует отметить, что данный диалог является неточным выражением разговорной речи. Письменная речь менее выразительна по сравнению с устной, так как она не обладает паралингвистическими элементами, которые присутствуют в звучащем речевом общении [Шопенгауэр, 2001]. Следует отметить, что наиболее часто говорят о стилизации и типизации устной речи. «Художественная литература всегда отражала и отражает подлинную разговорную речь не «один к одному», а сугубо условно. Диалоги действующих лиц в драматургии – это не фотография, а творческий процесс, порой достаточно далекий от оригинала» [Долинин, 1985, с. 230].

На основании вышесказанного можно выделить следующие основные признаки художественного диалога:

1) письменный характер коммуникации;

2) подготовленность;

3) тщательное обдумывание, большая забота о форме выражения;

4) незначительная доля невербальной коммуникации.

Таким образом, драматический диалог состоит из высказываний-реплик и фраз участников акта речевой коммуникации. Высказывания-реплики героев произведения в диалогической речи «взаимообусловлены, их структура подчинена определенным законам художественной логики конкретного драматического произведения» [Бабаян, 2009, с. 94].

Представляется важным отметить, что **художественный диалог** обладает рядом характерных свойств, которые делают его важным элементом произведения. Так, М. А. Голованева при изучении специфики драматургического диалога определяет его следующие свойства:

1) монологизация реплик персонажей;

2) моноцентричность (принадлежностью только автору) замысла;

3) наличие общественно обусловленного когнитивного диссонанса между коммуникантами;

4) минимум резких тематических переходов;

5) неспонтанный характер драматургического диалога [Голованева, 2013, с. 13].

Анализ литературы по исследуемой проблеме позволил выявить также иную точку зрения относительно свойств диалогизированного художественного текста. Для данного текста характерны следующие признаки: *коммуникативность*, *адресованность*, *ответность*, *интертекстуальность*, *полифоничность*, *целостность* и *связность*. К свойствам диалогизации художественного текста относятся:

1) двунаправленность, свидетельствующая об обратимость процесса диалога между основными участниками – автором и читателем. Автор произведения – отправитель сообщения, читатель – реципиент, который воспринимает сообщение и реагирует на него. Таким образом, происходит двусторонний контакт, то есть репликой автора является художественный

текст, реплика читателя выражается его мыслительной деятельностью, поступками, эмоциями и др. Текст является отражением программы деятельности как писателя, так и читателя;

2) процессуальность, подчеркивающая сущность диалогизации художественного текста как процесса диалогического общения между автором и адресатом;

3) полисубъектность, свидетельствующая о наличии нескольких субъектов речи в процессе диалогизации. Позиция автора художественного произведения может быть выражена не только в его комментариях и прямых обращениях к читателю, но и в репликах персонажей, в их внутренней (изображенной) речи;

4) вариативность выражения, характеризующаяся тем, что диалогизации подвергаются различные речевые компоненты художественного текста, например, авторское повествование, диалоги героев и внутренняя речь персонажа;

5) полифункциональность, характеризующаяся способностью диалогизации художественного текста одновременно выполнять несколько функций: коммуникативно-прагматическую, стилистическую и фатическую и др. [Скорик, 2010, с. 9-10].

При дискурсивно-диалогическом анализе художественного текста можно обнаружить разные аспекты и типы диалогической организации художественного дискурса как внутри, так и во вне текста: внешний и внутренний, явный и скрытый, интертекстуальный и другие типы диалога. В диалогической организации художественного текста основным носителем диалогичности является автор произведения. Находясь в центре пересечения «диалогических нитей» всего произведения, автор выбирает «ту или иную роль для себя (речевую маску), которая помогает всем участникам диалога выразить себя в полный голос, раскрыть себя в полной мере – участвовать в создании разделенного смысла» [Плеханова, 2011, с. 285].

В основе построения художественного текста лежит принцип диалога, то есть диалогические отношения как вербальное взаимодействие субъектов пронизывают весь текст, развиваемый авторским диалогом. Таким образом, данный подход к художественному тексту позволяет:

1) представить авторский диалог как языковое воплощение диалогического принципа организации художественного текста;

2) раскрыть основные дискурсивные характеристики художественного текста;

3) доказать, что установка на диалог реализуется всей стратегической организацией текста с созданием в нем зон диалогического контакта, а также диалогическими структурами авторского дискурса, такими как побудительные предложения, вопросо-ответные единства, риторические вопросы, сентенционные предложения [Плеханова, 2011, с. 300].

Особенностью художественного диалога является его эстетическая функция, которая репрезентирует процесс художественно-образного мышления. Писатель при помощи диалога способен создавать целый текст, в котором завязывается сюжет, отражено миропонимание автора и персонажей. Следовательно, диалог – это способ моделирования «речевой маски», выражающей особенности речевого поведения героев. Именно в художественных диалогах проявляются черты мировосприятия, этические и ценностные ориентиры персонажей [Хисамова, 2015, с. 39–40].

Существует точка зрения, что диалогичность целесообразно рассматривать через призму читателя, который, воспринимая художественный текст, вступает в диалог с автором, рассказчиком или персонажами. Читатель способен восполнять пропущенные или скрытые в художественном тексте аспекты содержания и предугадывать действия и мысли героев. В свою очередь, автор художественного произведения стремится вовлечь читателя в свое повествование, задавая вопросы, требующие размышлений, и поднимая актуальные проблемы. Таким образом, происходит совместное творчество автора и читателя, их

диалогическая интеракция [Kloepfer, 1981].

Представляется важным заметить, что хронотоп определяет художественное единство литературного произведения, связывая его с реальной действительностью. В пределах одного произведения может содержаться множество хронотопов, один из которых становится доминантным. Так, М. М. Бахтин пишет, что «хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях». При этом характер взаимоотношений является диалогическим, так как принадлежит миру автора и читателя. Как отмечает исследователь, данный диалог «не может войти в изображенный в произведении мир, ни в один из его (изображенных) хронотопов: он – вне изображенного мира, хотя и не вне произведения в его целом. Он (этот диалог) входит в мир автора, исполнителя и в мир слушателей и читателей. И эти миры также хронотопичны» [Бахтин, 1975, с. 400].

На основе изученного материала относительно диалогичности в художественном тексте представляется важным подчеркнуть, что полученная информация формирует основу для моделирования процессов формирования нарративного дискурса.

Следует учитывать, как отмечает О. С. Федотова, что в самом понятии «диалогичность» содержится многообразие форм диалога, лежащих в основе нарратива. Полученные и систематизированные к настоящему моменту данные относительно диалогичности в произведениях литературы создают предпосылки для моделирования процессов формирования нарративного дискурса. При этом необходимо учитывать, что под общим названием «диалогичности» скрывается определенное многообразие форм диалога, лежащих в основе нарратива: 1) речь может идти о диалоге автора и читателя. Такой диалог способен принимать формы в зависимости от его темы: автор может, обращаясь к читателю, высказывать свое мнение об окружающем мире, но может также обсуждать с читателем события,

составляющие сюжет нарратива; 2) возможностью рассмотрения диалога между персонажами. Менее ярко выраженным являются следующие две разновидности – «диалог автора и персонажа, а также диалог персонажа с самим собой, то есть персонажная интроспекция, которая уже подвергалась тщательному исследованию» [Федотова, 2013, 167].

Таким образом, приходим к выводу о том, что художественный диалог имеет следующие особенности:

1. *Цель и функция*: Для художественного диалога основной целью является развитие сюжета, передача тем и идей произведения и др.

2. *Структура и форма*: Художественный диалог структурирован и включает в себя риторические приемы и стилистические элементы.

3. *Характер и стиль*: Художественный диалог, как правило, стилизован в соответствии с определенным стилем/эпохой, может быть идеализирован.

4. *Контекст*: Художественный диалог используется для создания определенной атмосферы, служит для передачи подтекста, скрытых смыслов.

5. *Развитие персонажей:* В художественном диалоге развитие происходит через их интеракцию в диалоге, что представляется наиболее точно понять адресату (читателю) их внутренний мир.

Необходимо добавить, что лексическое наполнение высказываний-реплик персонажей в художественном диалоге отражает их индивидуальные характеристики, включая социальную, возрастную, половую, профессиональную и т.д. Таким образом, диалогичность как основная характеристика художественного дискурса формирует пространство для взаимодействия различных голосов, идей и смыслов.

Далее в целях предпринятого исследования представляется целесообразным и уместным рассмотреть особенности и классификации высказываний-реплик, так как они являются ключевым элементом в художественном дискурсе, обеспечивающим функционирование диалога как формы общения.

2.2. Художественный диалогический дискурс как сложное коммуникативное явление

Художественный диалогический дискурс характеризуется многоаспектностью, включая прямую речь и внутренние монологи, а также контекстуальностью, которая зависит от социального и культурного фонда. Художественный диалог, обладая определенной протяженностью, факультативной для реального диалога, спонтанным характером и подчиненному правилам времени, ритма, темпа, представляет собой сложный лингвистический феномен. Коммуникативной единицей художественного диалогического дискурса является высказывание-реплика, поскольку именно высказывание представляет собой наименьшую структурную единицу двустороннего речевого общения. Реплики способны изменять смысл предшествующих высказываний, создавая контекст и развивая коммуникацию. Анализ высказываний-реплик позволяет однозначно интерпретировать особенности речевого поведения участников коммуникации и их интенции.

2.2.1. Высказывание-реплика как основная единица художественного диалогического дискурса

Несмотря на важность дискурсивных единиц для сегментации и интерпретации дискурса, в современной лингвистической науке нет единого мнения о том, что именно представляет собой дискурсивная единица и каким образом ее следует истолковывать. Для интерпретации единиц анализа дискурса представляется целесообразным рассмотреть соотношения традиционных лингвистических понятий предложения и высказывания, так как разграничение данных понятий все еще остается дискуссионным, не существует единых общепризнанных толкований понятий предложения и высказывания и их соотношения. Следует подчеркнуть, что предложение

(фраза) как наименьшая коммуникативная единица принимается многими лингвистами в современном языкознании за предельный компонент при разбиении текста связной речи.

Существует точка зрения, согласно которой предельной единицей анализа дискурса может быть не только целое предложение, но и словосочетание, синтагма, которая была бы сравнимой с другой синтагмой этого же текста. Так, перед тем как начать анализ, З. Хэррис (1969) преобразует текст, унифицирует все сегменты текста и в заключении делает выводы по конструируемому образу дискурса, а не самому оригиналу.

Следует отметить, что относительно анализа текста существуют также иные точки зрения. Так, например, С. И. Гиндин не подвергает текст никаким преобразованиям. При данном анализе форма текста, то есть материальная основа лингвистического исследования, сохраняется в неприкосновенности.

Онтологическим признаком предложения является сложная многоуровневая структура. Так, *выделяют синтаксический уровень, семантический уровень и уровень организации высказывания*. Третий уровень – *уровень организации высказывания* – возможность раскрыть смысловой потенциал коммуниканта (говорящего) и продемонстрировать “язык в действии”. Данное положение развилось в лингвистических исследованиях как “скользящий коммуникативный фокус” (Н. Д. Арутюнова) и “функциональная перспектива предложения” (М. А. К. Хэллидей). Таким образом, предложение, являясь языковой единицей, ориентировано на коммуникативную функцию [Болдырев, Фурс, 2004, с. 71].

Э. Бенвенист предлагает рассматривать **высказывание** как «акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком». Таким образом, основное внимание уделяется исследованию того, как говорящий выражает свою субъективность через язык, как он применяет языковые средства для достижения своих целей, присваивая себе язык в процессе **высказывания** [Бенвенист, 1974, с. 312].

Анализируя дискурс, высказывание и речевой акт, Е. А. Красина заключает, что в речевой деятельности предложение становится высказыванием, так как «приобретает коммуникативную функцию, оформляется интонацией и порядком слов, наделяется интенциями говорящего и слушающего и др.». При этом в коммуникативной функции интеракция предложения и высказывания, как правило, отождествляются «к некоторой симметрии, которая обнаруживается в акте коммуникации и результирует в акте означивания фрагмента действительности, ситуации или события». Проявляется дуализм предложения и высказывания, который проявляется как и в самом дублировании, выполняя функцию формы выражения, так и в солидарности с предложением как формой содержания. Таким образом, они образуют двусторонний знак в рамках речевой деятельности, в котором высказывание становится означающим, а предложение — означаемым [Красина, 2016, с. 95].

Высказывание — это «эксплицированный вариант предложения, принадлежащий языку в действии, выступающий в контексте речевой деятельности, у́же — речевого акта, как реальная единица, в то время как предложение, будучи виртуальной единицей, оказывается носителем инвариантных значений, например, значения предикативности». В взаимодействии дискурса, речевого акта и высказывания выделяется определенная иерархия: дискурс представляет собой пространство, в котором наряду с другими элементами существуют речевые акты и высказывания [Там же, с. 96–99].

В рамках настоящего исследования выразим согласие с мнением исследователей, которые полагают, что предложение нельзя рассматривать в качестве основной единицы дискурса, так как оно является категорией языка как системы, рассматриваемой в статике, в отрыве от реального функционирования. Данное положение находит поддержку в работах ряда лингвистов [Алефиренко, 2005; Бабаян, 2016а; Бабаян, Тюкина, 2020; Бергельсон, 2007; Борботько, 2019; Купцов, 2023а; Linell, 1998 и др.],

которые говорят, что основной единицей дискурса является структурный коррелят предложения – *высказывание*. Так, Г. А. Орлов понимает под **высказыванием** речевое произведение, где формально-содержательные характеристики связаны с определенной ситуацией коммуникативного акта [Орлов, 1991, с. 165]. И. И. Сущинский пишет о том, что **высказывание** является минимальной и основной коммуникативной единицей, обеспечивающей реализацию всех коммуникативных задач общающихся. Высказывание дает возможность сделать вывод о том, не противоречит ли содержание сообщаемого действительному положению вещей. Задачи высказывания предопределены речевой ситуацией и интенциями говорящего. Следовательно, «говорящий подвергает высказывание соответствующей обработке, используя при этом такие языковые и внеязыковые способы, приемы и средства, которые обладают ингерентным или же потенциальным прагматическим свойством» [Сущинский, 1984а, с. 50].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что высказывание следует рассматривать только в качестве минимальной структурной единицы вербального общения, так как завершенный речевой обмен состоит из сочетания отдельных (минимум – двух) *высказываний-реплик* участников коммуникации [Бабаян, 2009, с. 29].

Как отмечает Е. В. Цупикова, высказывание, являясь элементом дискурса и компонентом текста, имеет разные характеристики. Так, в тексте высказывания анализируются с точки зрения логических отношений:

1. *Конъюкция*.
2. *Дизъюнкция*.
3. *Импликация*.
4. *Установление эквивалентности*.
5. *Материальная эквивалентность (семантическая вариативность)*

Исследователь отмечает, что высказывание не является равнозначным предложению как синтаксической единице, так как его границы определяются по смыслу, а не по паузам – наличие нескольких

семантических вариантов, соответствующих одному мыслительному инварианту. Следовательно, в тексте это выражается как трансформации различного типа:

1. *Трансформация распространения* – переход от элементарных конструкций к производным и дальнейшего усложнения последних.

2. *Трансформация свертывания*:

a) опущение того или иного элемента синтаксической структуры является основной и единственной операцией;

b) опущение выполняет роль вспомогательной операции (когда мы имеем дело с обусловленной трансформацией). Следствием обеих операций является образование эллипсиса.

3. *Трансформация вставления* (дублирование семантемы или «удвоение» ситуации посредством сложного предложения).

4. *Трансформация замещения* (дейксис).

5. *Трансформация перемещения* (инверсии).

6. *Семантическая трансформация* – это грамматические изменения в предложении, не вызывающие изменения смысла» [Цупикова, 2010, с. 93-94].

Следует отметить, что в зарубежных исследованиях в области диалогического дискурса **высказывание** понимается как единица дискурса, поскольку данный феномен является единицей социальной жизни. Другими словами, преимущество диалогического подхода к изучению языка заключается в том, что дискурс воспринимается не как маргинальное, частичное или случайное явление в наших жизненных процессах, а как процесс становления, который непосредственно интегрируется в конкретные социальные явления [Haye, Larraín, 2014].

По мнению М. Фуко, основанием для дискурса является «высказывание», то есть «атом» речевой практики, некое первоначальное обобщение и др., что и делает возможным разговор. Как пишет ученый, фраза «напрасно пытается стать незначащей, она всегда с чем-нибудь соотносится постольку, поскольку является высказыванием» [Фуко, 2004].

Анализ лингвистической литературы по теме исследования позволяет установить, что в ряде своих исследований В. Г. Гак также принимает **высказывание** за единицу речи, при этом ученый отмечает главную особенность высказывания – ориентацию на участников речи. В высказывании объединяются единицы разных уровней, взаимодействуют значения, представленные лексически, грамматически и интонационно. Ситуативность и избирательность являются неотъемлемой характеристикой высказывания. При этом В. Г. Гак отмечает, что «**высказывание** является целостным обозначением отрезка действительности» [Гак, 1998, с. 217].

Выразим свое согласие с мнением Н. Ф. Алефиренко о том, что **высказывание** используется как «строительный материал» в процессе речемыслительного порождения текста-дискурса [Алефиренко, 2005, с. 299].

Анализируя интенции реплицирования в диалоге, Н. Н. Шпильная представляет модель порождения **диалогического высказывания** (реплицирования) в виде нескольких этапов:

1) *мотивационно-прагматический этап*, на котором формируется коммуникативная интенция реплицирования;

2) *этап реплицирования*, на котором осуществляются квантование инициальной реплики и актуализация словоформы как суппозиции для разворачивания второй реплики в диалоге;

3) *этап внутреннего программирования*, на котором осуществляется структурирование внешней и внутренней формы второй реплики;

4) *лексико-грамматический этап*, предполагающий языковое оформление мысли;

5) *артикуляционный или графический этап*, на котором осуществляется произношение высказывания (при устной речи) или его графическая актуализация (при письменной речи) [Шпильная, 2022, с. 71–72].

Таким образом, можем заключить, что этапы, задействованные в процессе порождения диалогического высказывания, играют важную роль в

обеспечении адекватности и однозначности передачи мысли, от выбора лексем до структурирования высказывания-реплики.

При рассмотрении вопроса о единицах дискурса В. Г. Борботько говорит о необходимости сегментировать дискурс на предельные компоненты, «которые обладали бы относительной самостоятельностью смысла в составе целого дискурса, но внутри которых уже не действовали бы средства, правила межфразового синтаксиса» [Борботько, 1981, с. 19].

Исследователь справедливо полагает, что введение термина «**высказывание**» является вполне оправданным, так как это даёт возможность изучить некоторые речевые отрезки как целостное коммуникативное образование [Там же, с. 22].

Представляется довольно интересным мнение М. М. Бахтина, который отмечает, что **высказывание** является реальной единицей речевого общения. Исследователь говорит о том, что «речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» [Бахтин, 1996, с. 172]. При этом М. М. Бахтин говорит, что, несмотря на наличие общих структур и четких границ, у высказываний как единиц речевого общения, границы определяются сменой речевых субъектов. Это указывает на диалоговую природу высказывания, рассматриваемую им как изначальную форму общения — своего рода «обмен мыслями» [Там же, с. 179].

Изложенные мнения М. М. Бахтина относительно **высказывания** в основных аспектах вполне вписываются в теорию речевых жанров, которая была разработана еще до появления термина «дискурс». Принципиальные положения содержат следующее:

1. «Эта завершенная целостность высказывания, обеспечивающая возможность ответа (или ответного понимания), определяется тремя моментами (или факторами), неразрывно связанными в органическом целом высказывания: 1) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-

жанровыми формами завершения».

2. «Мы представляем себе, что хочет сказать говорящий, и этим речевым замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания».

3. «Каждое отдельное высказывание – звено в цепи речевого общения … отражает речевой процесс, чужие высказывания, и прежде всего предшествующие звенья цепи (иногда ближайшие, а иногда – в областях культурного общения – и очень далекие)».

4. «Жанры соответствуют типическим ситуациям речевого общения, типическим темам» [Там же, с. 179–191].

В соответствии с подходами, предложенным М. М. Бахтиным, ряд исследователей стремится к глубинному анализу и интерпретации высказывания. Так, В. Б. Кашкин определяет **высказывание** как минимальную единицу дискурса, соотносимую с предложением или сверхфразовым единством, но не более [Кашкин, 2005].

Придерживаясь подобной точки зрения, М. Л. Макаров выделяет три ступени анализа дискурса: **высказывание** – объединенная по дискурсивным параметрам группа высказываний (микроуровень дискурса) – тематическое единство высказываний (макроуровень дискурса) [Макаров, 2003].

Если М. М. Бахтин высказывает мнение о том, что **высказывание** представляет собой минимальную единицу речевого общения, то С. Е. Тупикова предлагает рассматривать такой единицей «речевой акт (или реплику), следующей единицей – собственно высказывание (в письменном тексте аналогом является предложение или сверхфразовое единство / сложное синтаксическое целое) и затем – дискурс, состоящий из цепи высказываний [Тупикова, 2008, с. 149].

Р. Водак конкретизирует двоякое содержание дискурса. Данный феномен, с одной стороны, «социально конституирован», то есть принадлежит какой-то прецедентной цепи **высказываний**, сфере общения, с другой, – дискурс сам «конституирует ситуации, объекты знания, социальные

идентичности людей, групп и их взаимоотношения» [Wodak, 1996, p. 15].

Что касается коммуникативной ориентированности **высказывания**, отметим, что Н. Д. Арутюнова подчеркивает идею о том, что «…все высказывания… обладают функциональной общностью: все они представляют собой отнесённые к действительности сообщения, выражающие некоторую реакцию на полученный стимул и сами способные служить речевым стимулом» [Арутюнова, 1972, с. 321].

Т. А. ван Дейк также отмечает, что «…предложения являются формальными конструктами грамматики, а не эмпирическими единицами» и что в «процессе речепроизводства говорящий оперирует **высказываниями**» [van Dijk, 1972, p. 3].

Отождествляя дискурс и высказывание, И. С. Шевченко и Д. Шиффрин высказывают мнение о том, что предложение становится актуальным в **высказывании**, выполняя определенные функции (sentence vs. utterance) [Шевченко, 2007; Schiffrin, 1994]. Детерминация дискурса как высказывания подразумевает, что дискурс представляет собой не просто примитивный набор отдельных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостную систему функционально организованных, контекстуализованных языковых единиц [Макаров, 2003, с. 86].

В настоящее время активно изучается динамическая парадигма прагмалингвистики, которая фокусируется на функциональных характеристиках языка в контексте познавательно-коммуникативной деятельности, рассматривая язык как активный процесс. В этой связи текст становится основной единицей общения, исследуемой в его динамике (текстовой деятельности). Так, в работах Г. Г. Почепцова особое внимание уделяется *прагматическому синтаксису*, который анализирует *семантические особенности высказываний* и прагматически обусловленные явления, проявляющиеся в структуре предложения. Это включает в себя отношение говорящего к описываемому им в продуцированном высказывании-реплике предмету или ситуации [Почепцов, 1985].

Высказывания-реплики в диалогическом дискурсе анализируются в контексте прагматической связности, которая выражается во взаимодействии интенциональной стороны речевых актов: *вопрос – ответ*; *предложение – принятие предложения*; *команда/приказ – ответ на команду / приказ* и т.д. Следовательно, прагматическая когерентность высказываний-реплик в диалогическом дискурсе опирается на идее иллокутивного вынуждения последующей реплики [Гельпей, 2007; Купцов, 2023б]. Отметим, что для создания диалога применяются различные типы связи между репликами, которые носят эксплицитный или имплицитный характер [Арутюнова, 1999].

К прагматическим типам связям в диалоге Е. В. Падучева относит средства взаимосвязи высказываний-реплик, «в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т.п.» [Падучева, 1982, с. 306]. Итак, выделяют следующие прагматические **типы связей реплик в диалоге:**

– согласование реплик по иллокутивной функции;

– связь через использование реплики, обращенной на условия речевого акта;

– связь посредством реплики, обращенной на презумпцию предшествующего высказывания;

– связь реплик, на основе импликатур дискурса [Падучева, 1982].

Таким образом, отметим, что **высказывание-реплика** складывается из одного или из нескольких речевых актов, если они продуцируются одним говорящим до момента передачи им права говорить собеседнику.

Как утверждает Х. Г. Косогорова, «… элементарным звеном диалога является взаимодействие двух реплик — стимулирующей (инициирующей) и реагирующей (ответной), которые образуют основной элемент диалога — так называемое диалогическое единство». Двусторонняя коммуникативная направленность реплики состоит в том, что в первом случае реплика отражает как новую информацию, так и то, что существенно важно, то есть

эксплицитно выражает реакцию участника речевого акта на факт действительности. Во втором случае коммуникативная направленность реплики состоит в том, что реплика выражает отношение говорящего к объекту реакции (отрицание/подтверждение сказанного, экспрессивно-эмоциональную реакцию на сказанное и т.д.) [Косогорова, 2006, с. 46–47].

В. И. Лагутин высказывает мнение о том, что под репликой понимается «цепочка высказываний-предложений (или одно предложение) одного из собеседников, продолжающаяся до тех пор, пока она не прервется речью другого собеседника или концом диалога». Организация как минимум двух пограничных реплик по правилам семантической, прагматической и синтаксической зависимости в линейной цепи диалога образует коммуникативную единицу диалога [Лагутин, 1991, с. 10].

Итак, анализ теоретического материала позволяет сделать вывод о том, что предельный сегмент дискурса обладает смысловой независимостью и коммуникативной ориентированностью в рамках любого типа дискурса, включая и художественный дискурс, а высказывание-реплика является минимальной единицей речевой коммуникации. Таким образом, можно заключить, что художественный дискурс является сложным коммуникативным явлением, при анализе которого необходимо учитывать как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы, характеризирующие его.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в диалогическом дискурсе/тексте содержится многомерное смысловое содержание, которое можно выявить и определить в процессе коммуникативно-прагматического анализа. В высказываниях-репликах диалогического дискурса содержится коммуникативный смысл, который состоит из интенциональной, модальной, эмоциональной, социальной, фокальной, социальной информации, которая в процессе продуцирования диалога интерпретируется партнерами по акту диалогической коммуникации. Следует подчеркнуть, что информативные пласты в диалогическом дискурсе

разнородны, эти информативные пласты создаются различными языковыми средствами, но в совокупности они (высказывания-реплики) составляют тот самый смысловой объем, которым обмениваются говорящие/пишущие в процессе ведения коммуникативного речевого акта для согласования своей деятельности как речевой, так и практической. Важно заметить, что коммуникативной единицей диалогического дискурса является высказывание-реплика, так как высказывание представляет собой наименьшую структурную единицу двусторонней речевой интеракции. Следует подчеркнуть, что именно высказывания-реплики в диалогическом дискурсе играют ключевую роль, способствуя созданию особой глубины и многослойности художественного дискурса.

2.2.2. Классификация высказываний-реплик художественного диалогического дискурса

Диалогу присущи следующие характерные особенности: диалог эмоционально окрашен, высказывания-реплики в нем синтаксически кратки, неполны (эллипсис), в диалоге возможны повторы (слов, словосочетаний, речевых формул, выражений и др.), в диалоге широко распространена вопросно-ответная форма изложения. Диалог осуществляется в контексте живой коммуникации между людьми, при его анализе следует учитывать экстралингвистические факторы и средства невербального общения. Важным аспектом диалога является указание на ситуацию, в которой происходит речевое взаимодействие коммуникантов [Бабаян, Круглова, 2016а, с. 155].

Результатом успешного диалога является диалогическое единство, где участники диалога не просто обмениваются высказываниями-репликами, но и создают совместное коммуникативное пространство, что позволяет достигать общих целей в общении. В диалогическом дискурсе основной единицей является диалогическое единство, или диалогическая синтагма, которая, как правило, представлена в терминах двух реплик: инициирующей

и ответной, или реплики-стимула и реплики-реакции [Борботько, 2019, с. 37].

При анализе прагматических типов связей между репликами следует обратить внимание на классификации диалогов. Однако стоит отметить, что при всем разнообразии лингвистических исследований в настоящее время многие вопросы относительно типов диалога получают различное толкование.

Так, Ю. В. Рождественский приводит следующую классификацию высказываний-реплик в диалоге **по видам модальности**:

– высказывание-реплика – *побуждение*;

– высказывание-реплика – *вопрос*;

– высказывание-реплика – *повествование* [Рождественский, 1979, с. 89].

Исследователь при этом учитывает также и реакцию партнера по коммуникации, обращая внимание на то, что устное сообщение ставит его адресата перед выбором ответов:

– *ответ* (словесный) с новым содержанием;

– *действие*;

– *пересказ*;

– *умолчание или отсутствие действия* [Там же, с. 90].

Представляется важным указать на тот факт, что данная классификация учитывает наличие или отсутствие реакции на полученное высказывание, как словом, так и действием. В этих формах речи высказывание подразумевает наличие второго лица – конкретного адресата, который участвует в речевой коммуникации и находится с говорящим в одном пространстве и времени.

Считаем необходимым отметить, что классификация диалога, предложенная Г. Ипсеном (G. Ipsen), основана на принципе функционального взаимодействия между вопросом и ответом. Выделяют **три основные категории**: 1) диалог, в котором вопрос и ответ взаимодополняют друг друга, формируя целостное высказывание о конкретном предмете; 2) диалог, в котором ответ служит контраргументом к исходному высказыванию; 3) диалог, в котором вопрос и ответ уточняют и поясняют

первоначальное утверждение. Данная классификация основывается на различных функциях, которые выполняют вопросы и ответы в процессе диалога, а также на их роли в развитии коммуникации. **Диалог** состоит из диалогических единств, то есть структурно-семантических единиц, состоящих из двух и более компонентов, «примыкающих к единому смысловому центру и взаимообусловленных семантически, структурно и коммуникативно» [Блох, Поляков, 1992, с. 27].

Основываясь **на внешней структуре диалога** и его общем характере, законченные высказывания классифицируют на: 1) расспрос, 2) беседу, 3) диспут или дискуссию и 4) разновидность дискуссии или беседы – спор [Бородулина, 1968].

В *расспросе* ключевыми элементами являются вопросы и ответы, которые часто чередуются. Иногда роли спрашивающего и отвечающего остаются неизменными. Основная цель каждого вопроса — получение информации. Ответы могут быть краткими, иногда ограничиваясь одним словом, как «да» или «нет». В *беседе* реплики представляют собой развернутые высказывания. Хотя вопросы имеют важное значение, они не играют решающую роль. Внимание сосредоточено на комментариях и выражении личных мнений. В *беседе* также возрастает значимость оценочных высказываний и тех, которые могут изменить ход разговора. *Диспут/дискуссия* тесно связаны с монологическими высказываниями, которые несут основную логическую нагрузку, в то время как элементы диалога добавляют эмоциональную окраску (фразы с утвердительным, отрицательным, одобряющим или порицающим содержанием, а также реплики, выражающие удивление или сомнение и т.д.).

Так, на материале текстов диалогов художественного дискурса Ю. М. Скребнев выделяет наиболее частотные типы отношений между сополагающимися высказываниями-репликами:

1) *вопрос-ответ*;

2) *вопрос-вопрос*;

3) *вопрос-переспрос*;

4) *утверждение-утверждение*;

5) *утверждение-вопрос*.

При этом, как отмечает исследователь, представляется довольно сложной задачей привести исчерпывающую классификацию смысловых отношений между высказываниями-репликами, сочетающимися в диалогическом единстве в связи с лингвистической непредсказуемостью содержательного аспекта речевого поведения коммуникантов. Тем не менее, вполне перспективно исследование структурного влияния реплики-высказывания-стимула на реплику-высказывание-реакцию. Исследователь подчеркивает, что не существует никакой внутреннеязыковой закономерности построения высказывания-реплики под структурным влиянием предшествующей [Скребнев, 1985, с. 194].

В диалогической речи не все реплики являются совершенно адекватными своей преформе, что, как отмечает В. Г. Борботько, «не разрушает диалогического единства, а лишь вносит в нее некоторые отклонения от симметрии дополнительности». Реплики можно классифицировать на **несколько основных типов**:

а) *подтверждение* вызова, которое реализуется либо в виде утвердительного сигнала, либо в эхолалической (дублирующей вызов) форме, как в случае ответа на приветствие; эхолалическая реплика является одновременно и копией своей преформы;

б) реплика-*исполнение* предписания, которая может быть либо развернутым речевым исполнением (ответом на предписание: *Скажи!*), либо сигналом о его неречевом исполнении *(Готово!, Есть!*);

в) *контрреплика,* которая может быть выражением приятия/неприятия предписания (согласия или отказа), встречным (уточняющим) вопросом или же эхолалическим «передразниванием»;

г) реплика-*ответ* на вопрос;

д) реплика-*уклонение* от ответа или другого исполнения; это относится

к случаям намеренного переключения диалога на другую тему; реплика-уклонение блокирует ту ориентацию, которая задается преформой;

е) *нулевая* реплика; если назначение сигнала отмены – блокировать дальнейшее речевое взаимодействие, то ему должна соответствовать нулевая реплика, молчание;

ж) реплика-*реакция* на внешний стимул в форме импульсивного восклицания; реактивная реплика может быть откликом и на речевую преформу и на вызвавший ее неречевой стимул [Борботько, 2019, с. 39].

Таким образом, исследователь заключает, что структурные типы образуются в зависимости от характера преформы реплик диалогического единства. Необходимо подчеркнуть, что в наибольшей степени разработано описание вопросно-ответных диалогических единств.

В рамках вопросно-ответного диалогического единства рассматривают виды *реагирующих реплик* по коммуникативно-синтаксическому принципу: *простые реплики-реакции* и *сложные реплики-реакции*. *Инициирующие вопросительные реплики* по лексико-грамматическому оформлению вопросительного высказывания трактуются как коммуникативно-синтаксическое основание для классификации. Так, выделяются реплики с местоименными вопросами *кто, где, что, как, откуда, где, куда, почему* и реплики с неместоименными вопросами. Двучленное вопросно-ответное диалогическое единство характеризуется следующими особенностями:

1) синтаксической и смысловой взаимосвязанностью и взаимозависимостью входящих в него реплик;

2) синтаксической замкнутостью;

3) коммуникативной завершенностью [Агапова, 2004].

В современной науке о языке активно исследуются различные типы инициальных реплик, особенно вопросительных. Так, С. А. Ремизова классифицирует инициирующие вопросительные реплики, включая следующие категории: *справочный вопрос, вопрос-просьба, любезный вопрос, стратегический (конфликтный) вопрос, экзаменующий вопрос, вопрос-*

побуждение, который охватывает вопросы-приказы, вопросы-предложения, вопросы-приглашения и др.). Что касается реагирующих ответных реплик на инициирующие вопросительные реплики, то исследователь предлагает классификацию, основанную на пяти признаках:

1) *вербальные и невербальные*;

2) *изоморфной и неизоморфной структуры*;

3) *уровень информативности* — достаточно информативные, избыточно информативные, недостаточно информативные и неинформативные;

4) *соответствие интенции инициирующей реплики* — полностью или частично соответствующие, а также не соответствующие;

5) *типы реакций* — предупредительные, унисонные, стратегические (конфликтные) и умышленное молчание [Ремизова, 2001, с. 156–157].

Таким образом, акцентируется внимание на классификации ответных реплик в коммуникации, выделяя вербальные и невербальные аспекты, структуру ответов, уровень информативности, соответствие интенции и типы реакции, что позволяет глубже проанализировать динамику взаимодействия между коммуникантами.

Побудительные инициирующие реплики подразделяются на три класса реплик в соответствии индикации разновидности императивной иллокутивной силы, внутри которых реализуется детализация типов высказываний-реплик.

1) **стимулирующие реплики побудительной семантики** – *приказ* – высокая степень возможности и исполнения каузируемого действия обусловливается авторитарным положением говорящего;

2) **стимулирующие реплики побудительной семантики** – *разрешение* – действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые говорящий компетентен снять речевым актом *разрешение;*

3) **стимулирующие реплики побудительной семантики** – *инструкция* – при осуществлении каузируемого действия в интересах агенса необходимо следовать определенным указаниям [Депутатова, 2004, с. 13].

В рамках концепции «речевой коммуникации и грамматики диалога» Л. Л. Федорова предлагает классификацию акций и интеракций в свете особенностей речевого воздействия, так как оно представляет высокий уровнем в структуре коммуникации, формирует цели и стратегии интеракции:

1. Социальные воздействия (фатические акты). *Реплики-акции*: приветствия, прощания, представления, благодарности, извинения, прощения, соболезнования, обязательства (обещания, клятвы, присяги, поручительства. *Реплики-реакции* – конвенциональны, заданы социальными нормами (приветствия, прощания, принятие к сведению обещания и пр.).

2. Волеизъявления. *Реплики-акции*: приказ, повеление, призыв, агитация, убеждение, совет, предложение, просьба, просьба о разрешении, пожелание. *Реплики-реакции*: отклик, согласие, несогласие, возражение, отказ, разрешение, запрет.

3. Информативные воздействия. *Реплики-акции*: запрос информации: выяснение, уточнение, то есть – вопрос (он может рассматриваться и как волеизъявление — просьба дать информацию), информирование, сообщение, указание, инструкция, разъяснение; спор. *Реплики-реакции* – симметричны.

4. Оценочные и эмоциональные речевые воздействия. (А) Оценочные воздействия. *Реплики-акции*: порицание, осуждение; похвала, одобрение, обвинение; защита, оправдание. (Б) Эмоциональные воздействия. *Реплики-акции*: оскорбление, угроза, насмешка, ласка, одобрение, утешение, признание вины, покаяние. Реплики-реакции – симметричны для (А) и (Б) [Федорова, 2007].

В современном диалоговедении дальнейшая классификация *реплик-акций* и *реплик-реакций* осуществляется по отдельности. Так, в словаре Т. В. Жеребило предложена общая классификация *реплик-стимулов*:

1) вопрос, требующий ответа;

2) побуждение к действию;

3) высказывание, инициирующее тему, нуждающееся в уточнении или пояснении, экспрессив (речевой акт, выражающий эмоции говорящего) [Жеребило, 2010, с. 304].

Таким образом, каждая категория включает как *реплики-акции*, так и *реплики-реакции*, которые могут быть стандартными или варьироваться в зависимости от контекста, отражая интенции и стратегии собеседников в коммуникации.

Опираясь на существующие классификации высказываний-реплик, В. О. Прокаева в качестве маркера коммуникативной координации в диалоге анализирует следующие *дискурсивные реплики-повторы*:

1. По синтаксической структуре и лексическому составу – *абсолютные,* или *эхо-повторы* (дословные, с соблюдением строгой последовательности элементов), и *неабсолютные*. Последние разделяются на *синонимические, реформуляции* (повторы, основанные на перефразировании, с изменением порядка слов, лексического состава и частеречной принадлежности элементов), *реплики-сокращения* и *реплики-расширения*.

2. По месту нахождения *реплики-повторы* разделяются на *контактные* и *дистантные*. *Контактные повторы* характеризуются наличием «стыка», возникающего, когда фраза следующего участника диалога начинается с повтора элемента, завершающего высказывание предыдущего говорящего.

3. *Реплики-повторы* классифицируются по их иллокутивной функции. В классификацию включены *реплики-подтверждения* (характеризуются наличием вербального согласия), *реплики-переспросы*, характеризующиеся наличием точного повтора с вопросительной интонацией, *реплики-исправления* с частным случаем так называемого «рекастинга»;

4. *Повторы-реконтекстуализации* (перемещение части высказывания коммуниканта в контекст специализированного предметного поля), наводящими вопросами-подсказками [Прокаева, 2024, с. 38-39].

Выделение типов дискурсивных реплик-повторов в соответствии с синтаксической структурой, местом нахождения и иллокутивной функцией

позволяет наиболее точно анализировать стратегии взаимодействия участников речевого акта, а также способствует пониманию ролей повторов в поддержании эффективности/успешности общения.

Анализ теоретического материала позволяет утверждать, что выделяют «*реплики-стимулы*» для обозначения первой реплики диалогического единства как простого, так и сложного, и «*реплики-реакции*» для обозначения отзывной реплики. Реплики-стимулы реализуют «стимулирующую валентность, которая обусловливает появление у собеседника ответной реакции в виде речевого или неречевого поведения». При возникновении у коммуниканта вербальной реакции, формируется структурная единица текста – реплика-реакция, основанная на заданной сочетаемости.

Представляется важным для данного исследования отметить, что высказывания-реплики в художественном диалоге представляют собой важный компонент литературного произведения, выполняя различные функции (коммуникативную, эмоциональную, динамическую и др.), которые способствуют как развитию сюжета, так и глубинному раскрытию характеров персонажей.

В контекст ситуации наряду с репликой персонажа входят языковые средства, которые применяются для ввода реплики в текст повествования, то есть предшествующая и последующая реплики, а также графико-пунктуационные средства. Реплика в диалоге художественного текста, как справедливо полагает Ж. С. Питиримова, «отвечает целям экономии языковых средств при углублении плана содержания, что достигается посредством стилизации разговорной речи». Учитывая лексические особенности реплик, ученый выделяет следующие их типы: *уточняющие* и *дополняющие* или непосредственно формирующие их коммуникативную направленность. При этом авторский комментарий, оформляющий реплики персонажей в диалоге произведения, предполагает передачу как вербальных, так и невербальных действий [Питиримова, 1992, с. 7].

Репликой персонажа является ответ, который выражает ту или иную реакцию коммуниканта: согласие или возражение, уточнение или дополнение. При определении прагматической оценки реплики возникает необходимость обращения к предшествующему высказыванию, так как реакция персонажа может быть не на слово, а на интонационные и кинетические показатели в речи собеседника. Данное явление наиболее выражено при выделении *реплик-оценок* и *вопросительных реплик*, так как представляют собой реакцию на предшествующую реплику. Учитывая лексическую выраженность реплик и элементов контекста ситуации в художественном тексте, Ж. С. Питиримова выделяет реплики, которые соотнесены с ситуациями *сообщения* информации с целью уведомить кого-либо о чем-либо, *побуждения к действию* и выражения эмоционального с выраженным рисунком *состояния* говорящего, конкретизирована реализация более конкретных по целевой направленности действий, таких как *начало сообщения*, *представление*, *констатация факта*, *уточнение*, *объяснение*, *рассуждение*, *оправдание*, *согласие*, *несогласие, оценка*, *вывод*, *утверждение*; *просьба*, *приказ*, *предложение*, *совет*, *вопрос*; *безразличие, сочувствие*, *благодарность*, *догадка*, *удивление*, *радость-восторг*, *недовольство-негодование* и др. Как отмечает исследователь, данное деление грешит условностью, так как радоваться, удивляться, благодарить и т. д. можно по-разному, то есть необходимо учитывать меру эмоциональной насыщенности. Специфика этих подгрупп реплик представлена с акцентом на способности вводящих языковых средств реализовывать элементы смысла, необходимые для оформления коммуникативной завершенности реплик [Там же, с. 8].

Итак, следует отметить, что высказывания-реплики персонажей в диалоге художественного текста представляют собой сложные коммуникативные единицы, которые способны отражать не только реакцию на предшествующее высказывание-реплику, но и учитывать различные аспекты интеракции между участниками диалога (адресантом и адресатом). Учет лексической выраженности высказываний-реплик и контекста ситуации

способствует более глубокому осмыслению их прагматической оценки. В конечном итоге, высказывания-реплики становятся не только средствами коммуникации, а также важными элементами, формирующими структуру и содержание литературного произведения.

Выводы по Главе 2

В настоящей главе рассмотрены ключевые аспекты диалогического речевого взаимодействия: *диалог* и *диалогичность*, *социально-психологические* и *прагматические аспекты диалогического общения*, *прагматика художественного диалога*. Одной из главных проблем в изучении художественного диалогического дискурса, как показал анализ работ современных исследователей, является определение **высказываний-реплик** и их классификации.

Диалог как форма межличностного взаимодействия представляет собой многоуровневый процесс, который в узком понимании характеризуется четкими признаками. Наличие как минимум двух коммуникантов, чередование высказываний-реплик, владение языком общения и возможность непосредственного восприятия друг друга создают условия для эффективного/успешного обмена информацией и эмоциями. В более широком контексте диалогическая речь рассматривается в сравнении с письменной и монологической речью, что подчеркивает ее уникальность и важность в человеческом общении. Таким образом, понимание диалога не только как структуры, но и как динамичного процесса взаимодействия, позволяет глубже осознать его роль в социальной жизни и коммуникации.

Проблема проявления личностных характеристик в речевом поведении человека находится на стыке психологии и лингвистики, что требует комплексного подхода к изучению общения. Разговорная речь отражает индивидуальные черты коммуникантов и особенности их культурной идентичности. В процессе социального взаимодействия речевые действия

регулируются ролевыми предписаниями, которые имеют функциональное значение для личности и включают коммуникацию в более широкие социальные контексты. Таким образом, коммуникация становится неотъемлемой частью социальных отношений, а речевая деятельность оформляется в соответствии с установленными нормами, что подчеркивает взаимосвязь между языком и социальной структурой. В рамках социально-психологических аспектов диалогической коммуникации начальный этап коммуникативного акта представляет особый интерес. Так, для успешной коммуникации требуется общность знаковых средств и определенный уровень общего социального и психологического опыта. Для продуктивного диалогового взаимодействия необходима следующая информация:

1) о социальных знаниях собеседника, что позволяет оценить его восприятие и адаптировать свои речевые действия;

2) о соотношении своих социальных статусов, чтобы корректно применять этические нормы при выборе языковых.

Прагматический аспект диалога фокусируется на использовании коммуникантами языка для выражения своих интенций и достижения целей, учитывая социальные, культурные и ситуационные факторы. В данном контексте особое внимание уделяется влиянию высказывания-реплики на поведение собеседников.

Одним из ключевых аспектов прагматики диалога является регулятивная функция речи, которая направлена на изменение или управление действиями и реакциями собеседников. Речь – это деятельность, в которой язык используется для воздействия на собеседника, а также для регулирования его мыслительной деятельности и речевого поведения, а текст – это инструмент для такого воздействия. Регулятивная функция речи имеет ключевое значение в регулировании взаимодействий между участниками в ходе конкретного акта коммуникации. Что касается регуляции, то основной из трех функций которой – *гностической, коммуникативной* и *регулятивной* – является последняя. При этом первая и вторая функции речи –

гностическая и *коммуникативная* - «обслуживают» её основную, *регулятивную* функцию.

Что касается построения художественного текста, отметим, что в его основе лежит принцип диалога. Диалогические отношения, являясь вербальным взаимодействием субъектов, пронизывают весь текст, развиваемый авторским диалогом. Следовательно, данный подход к художественному тексту позволяет представить авторский диалог как языковое воплощение диалогического принципа организации художественного текста, раскрыть его основные дискурсивные характеристики и доказать, что установка на диалог реализуется всей стратегической организацией текста с созданием в нем зон диалогического контакта. Основная характеристика художественного диалога – это его эстетическая функция, которая отражает весь процесс художественно-образного мышления. С помощью диалога автор создает целый текст, в котором завязывается сюжет, отражены особенности речевого поведения героев, их этические и ценностные ориентиры, а также миропонимание автора и персонажей.

Предельный сегмент дискурса обладает смысловой независимостью и коммуникативной ориентированностью в рамках любого типа дискурса, включая художественный, а высказывание-реплика является минимальной структурной единицей дискурса, так как именно она даёт возможность рассмотреть речевые отрезки как целостное коммуникативное образование.

На материале текстов диалогов художественного дискурса выделяют наиболее частотные типы отношений между сополагающимися высказываниями-репликами: 1) *вопрос-ответ*; 2) *вопрос-вопрос*; 3) *вопрос-переспрос*; 4) *утверждение-утверждение*; 5) *утверждение-вопрос*.

Следует отметить, довольно сложно привести исчерпывающую классификацию смысловых отношений между высказываниями-репликами диалогического единства в связи с лингвистической непредсказуемостью содержательного аспекта речевого поведения коммуникантов.

В диалогической речи не все реплики являются совершенно адекватными своей преформе, что не разрушает диалогического единства, а лишь вносит в нее некоторые отклонения от симметрии дополнительности. Реплики можно классифицировать на несколько основных типов:

а) *подтверждение вызова*;

б) *реплика-исполнение предписания*;

в) *контрреплика*;

г) *реплика-ответ на вопрос*;

д) *реплика-уклонение от ответа или другого исполнения*;

е) *нулевая реплика*;

ж) *реплика-реакция на внешний стимул импульсивным восклицанием*.

Итак, из вышеприведенных классификаций **диалога** и **высказываний-реплик** видно, что реплики в диалоге являются многоплановыми коммуникативными единицами, отражающими как реакцию на предшествующее высказывание, так и учитывающими различные аспекты интеракции между участниками диалога. Следовательно, **высказывания-реплики** – не просто средства коммуникации, а важные элементы, формирующие структуру и содержание художественного текста.

Таким образом, можем утверждать, что диалог представляет собой своеобразный связный текст, авторство которого разделяют все его участники. Следовательно, на структуру и содержание диалога оказывают влияние социально-психологические характеристики как адресанта, так и адресата. Изучив основные теоретические вопросы художественного диалогического дискурса, представляется целесообразным рассмотреть системные принципы и методы классификаций амплифаеров как неотъемлемых конституентов высказываний-реплик, а также их функции в разноструктурных – английском, испанском и русском – языках.

Глава 3. АМПЛИФАЕРЫ КАК КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящее время при анализе дискурса особое внимание уделяется механизмам порождения текста и условиям текстопорождения. Текстообразующая функция дискурса является одной из ключевых свойств, поскольку именно дискурс определяет методы и приемы взаимодействия с внеязыковой информацией, необходимой для формирования и интерпретации текста, то есть дискурс «есть практика текстопостроения, процесс создания, развертывания текста во времени и пространстве». В современной лингвистической науке семиотика дискурса заменила семиотику текста, которая призвана изучать:

1) *смысловые предпосылки*;
2) *смысловые последствия*;
3) *лингвистические механизмы текста*, причем в синтезе и динамике всех трех составляющих дискурса как процесса текстопостроения и рецепции текста [Миловидов, 2015].

Если тексты рассматриваются как компрессия сложных иерархических структур, то интерпретация текста подразумевает создание представления о его фундаментальных структурах. Текст, как в устной, так и в письменной форме, служит средством передачи информации, и эффективность его построения напрямую влияет на успешность понимания. Важно отметить, что одной из основных задач исследования письменного дискурса является выявление сигналов, которые направляют читателей в процессе формирования их представлений.

Создание текста всегда основывается на определённых структурных и грамматических правилах, присущих конкретному языку. Однако существуют универсальные инструменты для формирования текста, применимые к большинству языков. Так, для эффективного построения текста, особенно в художественном диалогическом дискурсе, используются

различные механизмы, одним из которых являются *амплифаеры*. Эти элементы структурируют мысли, превращая набор предложений в связную логическую последовательность. В рамках предпринятого исследования придерживается точка зрения, что основная функция амплифаеров заключается в выделении наиболее важных моментов содержания текста, а также в выражении дополнительных коннотативных оттенков значений и связей между сегментами дискурса. Следовательно, можем заключить, что амплифаеры обеспечивают смысловую цельность текста, способствуя его связности как на глобальном уровне (когерентность), так и на локальном уровне (когезия) [Купцов, 2023б; Купцов, 2023и].

Для достижения цели настоящего исследования, то есть выявление семантического и коммуникативно-прагматического диапазона амплифаеров в разноструктурных языках, представляется важным рассмотреть онтологию коммуникативных амплифаеров в современном языкознании.

3.1. Онтология коммуникативных амплифаеров художественного диалогического дискурса

Коммуникация представляет собой комплексный и полиаспектный процесс обмена информацией между индивидуумами с использованием языковых знаков, включающей вербальные и невербальные средства. Этот процесс прежде всего основывается на кодировании и декодировании информации (сообщений), где адресант формирует и выражает свои мысли и идеи с помощью языковых средств, а адресат воспринимает и интерпретирует их. Обратная связь, которая включает в себя реакцию получателя (адресата) на сигнал, инициирует новый круг смыслового обмена информацией, а процесс коммуникации завершает полный цикл, возвращаясь к отправителю (адресанту).

Процесс коммуникации можно проиллюстрировать в виде схемы, где *адресант* – отправитель сообщения; *кодирование* – процесс формирования

мысли в сообщении; *канал передачи* – средство, через которое сообщение передается (речь, текст); *адресат* – получатель сообщения; *декодирование* – процесс интерпретации сообщения адресатом; *интерпретация сообщения* – понимание и осмысление полученной информации; *обратная связь* – реакция адресата на полученное сообщение; *реакция адресата* – инициирует новый круг обмена информацией, возвращая внимание к адресанту. Таким образом, следующая схема подчеркивает цикличность процесса коммуникационного процесса и важность обратной связи [Купцов, 2025б].

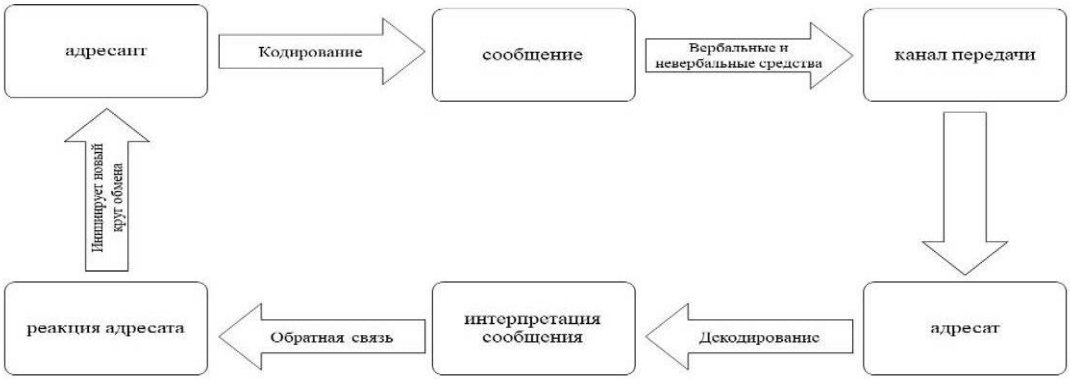


Схема 3. Процесс коммуникации

Как известно, коммуникация ориентирована на непосредственного адресата, в процессе которой коммуниканты не ограничиваются лишь обменом мыслей или выражением своего отношения к предмету речи. Цель собеседников – стремление оказать воздействие на партнера, чтобы добиться от него определенной реакции, поведения или состояния, которые отвечали бы замыслам и ожиданиям участников коммуникации. Следовательно, как отмечает И. И. Сущинский, такой вид вербального общения для реализации объективно-модальной, субъективно-модальной и прагматической задач и есть языковая коммуникация [Сущинский, 1984а, с. 50].

Следует отметить, что в основе коммуникативно-прагматической организации предложения проявляется коммуникативная установка говорящего, а также его субъективная оценка информации в высказывании-реплике. Порождая высказывание-реплику, адресант преследует определенную цель, выбирает речевую тактику, организует высказывание-

реплику в соответствии с тем, чему в сообщении адресант придает наибольшее значение. Кроме того, важно отметить, что каждая конкретная коммуникативная стратегия соответствует условиям определенной прагматической ситуации, то есть социальным ролям коммуникантов и эмоциональному фактору [Купцов, Бабаян, 2021а, с. 126].

Представляется важным добавить, что «просто использование слов и предложений, содержащих фактуальную информацию, не всегда бывает достаточным для эффективного донесения до слушающего/читающего всего того, что хочет сказать адресант, т. е. основные коммуникативные единицы, сообщающие факты, могут быть не восприняты или восприняты неадекватно, неполно – не так, как это планировал говорящий/пишущий». В связи с этим коммуниканту необходимо прикладывать особые усилия для того, чтобы его факты были восприняты должным образом. В арсенале коммуникантов находится выработанный веками большой набор вспомогательных вербальных и невербальных средств, помогающих им контролировать свою речь. Эти средства выражают информацию иного рода – дискурсивную (или дискурсивно-прагматическую), которая направлена на организацию дискурса и речевого контакта, самовыражение автора и взаимодействие его с адресатом» [Викторова, 2016, с. 20-21].

М. В. Каменский пишет, что поскольку «дискурс по своей природе социален, существенное влияние на возникновение, развитие и использование в речи дискурсных маркеров оказывают социальные факторы, такие как социально-профессиональная стратификация общества, возрастная дифференциация, сфера и ситуация речевого общения, социальное взаимодействие дискурсов и интержаргонизация» [Каменский, 2007, с. 173].

Считаем целесообразным в рамках настоящего исследования под дополнительными вспомогательными средствами понимать все вербальные средства, объединенные в лексическую категорию **амплифаеров**, поскольку именно данные лексические средства являются важнейшим ресурсом, который не только организует процесс коммуникации, но и играет важную

роль в интерпретации текста. Важно добавить, что при анализе словарей и научных работ, посвященных **амплифаерам**, выяснилось, что в ряде источников этот термин отсутствует. Это объясняется тем, что понятие «амплифаеры» стало активно использоваться в лингвистике лишь в последние годы. Следовательно, отсутствие упоминания данного термина в ряде словарей и научных работах свидетельствует о недостаточной разработанности исследуемой проблемы, касающихся языка и дискурса.

Представляется важным отметить, что при исследовании **амплифаеров** как лексических единиц языка в их системе обнаруживается большое количество пересекающихся подклассов, которые связаны между собой самыми различными отношениями, то есть представляют собой целую транскатегориальную систему коммуникативных единиц. Таким образом, в данной работе понятие **«амплифаеры»** рассматривается в широком смысле, включая *модальные слова, модальные глаголы, прилагательные, наречия,* то есть лексические единицы знаменательных частей речи в дискурсивном употреблении, *коммуникативные частицы* (выделительно-ограничительные, модальные, усилительные и др.), *междометия, предлоги* и *союзы*.

Следует упомянуть, что в современной лингвистической литературе существует множество терминов, обозначающих языковые единицы, которые выполняют в различных видах дискурса вспомогательную, коммуникативно- и речеорганизующую функцию. Так, например, данные лексические единицы называют *дискурсивными маркерами* [Бабаян, 2022; Викторова, 2016; Купцов, 2022д; Fraser, 2009; Lutzky, 2013; Redeker 2006; Schiffrin, 1987], *маркерами дискурса* [Егорова, 2009], *дискурсивными словами* [Кобозева, 2007], *дискурсивами* [Викторова, 2016; Купцов, Шилова, 2022а], *дискурсивными частицами* [Aijmer, 2002; Fischer, 2000; Stede, 2000; Wierzbicka, 2003], *коммуникативными частицами* [Купцов, Бабаян, 2021а; Купцов, 2021а], *частицами-дискурсивами* [Котюрова, Баженова, 2020; Купцов, 2023з], *модальными частицами* [Аверина, 2022], *модальными словами* [Виноградов, 1986], *прагматическими частицами* [Beeching, 2002],

модальными операторами [Радбиль, 2013], *прагматемами* [Богданова-Бегларян, 2015], *прагматическими коннекторами* [van Dijk, 1999], *вспомогательными коммуникативными единицами* [Андреева, 2005], *конструктивно-синтаксическими единицами* [Викторова, 2016], *дискурсивными связками* [Blakemore, 2002], *дискурсивно-прагматическими единицами* [Pichler 2013], *функторами* [Айдукевич, 1999], *функтивами* [Черемисина, 2020], *макроорганизаторами* [Nattinger, DeCarrico, 1992], *дискурсивными операторами* [Redeker, 1991], *конверсационными маркерами* [Zorraquino, Lázaro, 1999; Urbano, 2003; Borreguerro, López, 2010], *акцентуаторами* [Сущинский, 1984а; Иванова, 2006; Кожина, 1986; Купцов, 2025], *бустерами* [Богинская, 2024; Викторова, 2023; Hyland, 2000; Takimoto, 2015], *интенсификаторами* [Allerton, 1987; Dahl, 2004; King, 2016; Poonlarp, 2009], *амплифаерами* [Купцов, Бабаян, 2025а; Купцов, 2025г; Biber, 1999; Greenbaum, 1970; Hinkel, 1999; Pérez-Paredes, Díez-Bedmar, 2012] и т. д. Таким образом, как видим, для обозначения **амплифаеров** применяют множество различных терминов, что указывает на неопределенность их статуса [Furkó, 2005]. Следует добавить, что терминологическое разнообразие часто отражает теоретические различия либо между формальным и функциональным подходами, либо внутри только функционального подхода [Dér, 2010].

Необходимо заметить, что некоторые авторы не проводят различия между дискурсивными и прагматическими маркерами, используя данные термины как синонимы. По мнению Б. Фрейзера, *дискурсивные маркеры* указывают на последовательную связь между текущим сообщением и предыдущим, тогда как *прагматические маркеры* указывают на типы прямых (в отличие от подразумеваемых) сообщений, которые говорящий/пишущий намеревается передать [Fraser, 1990].

Как отмечают Е. Г. Борисова и П. Б. Паршин, термин «дискурсный маркер» стал широко распространенным и почти стандартным, однако нельзя считать его универсальным по своей сути, так как не все маркеры относятся к

дискурсным [Борисова, Паршин, 2024]. Таким образом, как видим, исследователи языка применяют различные термины для обозначения одних и тех же лексических единиц. Кроме того, они могут как увеличивать, так и уменьшать количество исследуемых лексических единиц, часто используя разные критерии для их определения и анализа. Следовательно, систематизировать и классифицировать данные языковые единицы представляется достаточно сложной задачей.

Начиная с развития теории организационной коммуникации, а именно, с теории текста и диалога, дискурса и прежде всего различных подходов к прагматике, то есть включения прагматических факторов в грамматику, изучению **амплифаеров** уделяется всестороннее внимание из разных теоретических ориентаций, применяемое к различным разноструктурным языкам. Несмотря на неослабевающий интерес к данным лексическим единицам в разноструктурных – английском, испанском и русском – языках, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения. Таким образом, исследования в области лингвистики наполняются новыми неизученными аспектами, позволяющими глубже проникнуть в природу данных лексических единиц, указывая на их неслучайное появление и развитие в языковой системе.

Впервые термин **«амплифаер»** (англ. *amplifier* – усилитель) был введен в лингвистику С. Гринбаумом. Исследователь использовал данный термин для обозначения определенных наречий, которые употребляются перед глаголом [Greenbaum, 1970], то есть данные лексические единицы (усилители) представляют собой выразительные языковые средства и используются для полной или частичной модификации предикатов, привнося в высказывания-реплики дополнительные смысловые оттенки значения (*ограничение*, *добавление*) [Biber, 1999; Hinkel, 1999; Quirk, Greenbaum, 1985; Pérez-Paredes, Díez-Bedmar, 2012]. Следовательно, усилители представляют собой наречия, которые маркируют точку на шкале интенсивности, которая может быть высокой или низкой [Quirk, Greenbaum, 1973]. Так, в *современном*

английском языке к **амплифаерам** относят следующие лексические единицы: *so*, *very*, *highly*, *strongly*, *clearly*, *fully*, *potentially*, *statistically*, *too*, *quite*, *completely*, *entirely*, *extremely* и др. [Biber, 1999; Quirk, Greenbaum, 1985], которые, несомненно, отличаются ярко выраженной коммуникативной направленностью. Следует обратить внимание на то, что ряд исследователей относит к амплифаерам не только наречия, но прилагательные и глаголы, которые интенсифицируют тот или иной компонент в высказывании-реплике [De Devitiis, Mariani, O'Malley, 1989]. А. Партингтон определяет амплифаеры как языковые средства, которые употребляются для выражения эмоций, убеждений, оскорблений и др., влияя на восприятие сообщения адресатом [Partington, 1993]. Как видим, зарубежные исследователи относят к амплифаерам, как правило, только наречия, тогда как прилагательные и глаголы включаются в данный класс значительно реже, что, на наш взгляд, существенно сужает коммуникативно-функциональный диапазон исследуемых единиц языка в организации и структурировании дискурса. Необходимо заметить, что составление инвентаря амплифаеров в соответствии с их функциональным потенциалом в современных английском, испанском и русском языках в действительности представляет довольно трудную задачу.

Как было сказано выше, в настоящем исследовании **«амплифаеры»** понимаются в широком смысле, то есть в данное понятие включены различные категории лексических единиц (например, дискурсивные маркеры, коммуникативы, коммуникативные частицы и др.) в дискурсивном употреблении. Так, ряд исследователей английского языка [Болсуновская, 2015; Викторова, 2016; Вишневская, Лихарева, 2000; Власян, 2011; Aijmer, 2013; Andersen, 2000; Brinton, 1996; Fraser, 1991; Redeker, 1991; Schiffrin, 1987 и др.], испанского языка [Корнева, Долбилова, 2020; Цупа, 2021; Monasterio, 2010; Garrido Rodríguez, 2004; Zorraquino, Portolés, 1999 и др.], русского языка [Андреева, 2009; Богданова-Бегларян, 2015; Викторова, 2016; Жеребило, 2011; Кобозева, 2007; Манаенко, 2010; Николаева, 2010;

Сиротинина, 2008 и др.] традиционно объединяют большое количество наречий, предлогов, союзов, частиц, междометий и др. в семантико-функциональные группы в соответствии со спецификой их употребления и денотативно-коннотативными значениями в лексической системе языка.

В связи с тем, что в отечественном и зарубежном языкознании за дискурсивными маркерами (дискурсивами) закреплены разноплановые названия, считаем целесообразным систематизировать и унифицировать номинацию исследуемых лексических единиц и называть *акцентуаторы, дискурсивные маркеры, дискурсивы, интенсификаторы, коммуникативы, хезитативы* и т. п. более широким в смысловом отношении термином ***амплифаеры***. Все исследуемые языковые единицы мы относим к категории амплифаеров, поскольку они выполняют *функцию выделения и подчеркивания значимости определенных элементов в высказывании-реплике*, способствуя тем самым более четкому и адекватному восприятию сообщаемой информации и акцентированию внимания слушателя/читателя на ключевых аспектах высказывания-реплики адресанта и соответственно всего дискурса в целом. Следовательно, считаем уместным рассмотреть онтологию коммуникативных *амплифаеров-акцентуаторов*, *амплифаеров-дискурсивов* и *амплифаеров-частиц*, так как данные группы лексических единиц являются наиболее обширными и многочисленными.

Для обозначения средств, влияющих на акцентуацию в речи, И. И. Сущинский впервые вводит в лингвистику понятие «**акцентуатор**». Прагматическая задача акцентирования состоит в том, что адресант при помощи акцентирования придает своим высказываниям значения истинности, чтобы «повысить их вербальную действенность и добиться от партнера по общению коммуникативно-прагматического согласия/ консенсуса, ибо достижение взаимопонимания – основная цель коммуникации» [Сущинский, 1984а, с. 51].

Таким образом, определяя природу и сущность этого коммуникативно-прагматического феномена, под **амплифаерами-акцентуаторами** ученый

понимает «языковые и внеязыковые средства, наделенные свойством подчеркивать, выделять коммуникативную значимость тех или иных элементов речи, представленных словом, словосочетанием, предложением или сложным синтаксическим целым» [Там же, с. 51]. Как пишет исследователь, используя амплифаеры-акцентуаторы в своей речи, автор сообщения стремится не только привлечь внимание собеседника, но и подкрепить свою истинную точку зрения, чтобы добиться от партнера по акту коммуникации желаемой интеллектуальной, эмоциональной или физической реакции [Сущинский, 1991, с. 14].

Согласно стилистическому энциклопедическому словарю русского языка, «**Акцентуаторы** — разноуровневые языковые, собственно текстовые, а также графически оформленные средства смыслового выделения важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним читательского внимания [Иванова, 2006, с. 15]. Следовательно, можем заключить, что амплифаеры-акцентуаторы играют ключевую роль в текстовой коммуникации, позволяя авторам выделять важные моменты содержания и направлять на них внимание читателя. Амплифаеры-акцентуаторы способны проявляться на различных уровнях языковой иерархии – от лексических и синтаксических до графических, что усиливает выразительность художественного текста. Кроме того, амплифаеры-акцентуаторы вносят дополнительные коммуникативные оттенки значения как отдельному акцентируемому синтаксическому компоненту – слову или словосочетанию, так и всему высказыванию-реплике в целом.

При анализе амплифаеров-акцентуаторов Т. Б. Иванова приходит к выводу о том, что акцентирующие средства в системе языка "разложены" по разным ярусам, то есть "разобщены". Так, как пишет исследователь, «без специального "акцентирующего фонда", имеющегося в самой языковой системе, без своеобразных "заготовок", "полуфабрикатов" акцентирование в речи <…> было бы чрезвычайно осложнено». В зависимости от функционального стиля языка и от экстралингвистических факторов

происходит динамическое появление новых амплифаеров-акцентуаторов [Иванова, 1988, с. 78–79]. Следует заметить, что в состав акцентирующих средств входят отдельные слова (акцентирующие частицы, некоторые модальные слова, разного рода усилители-интенсификаторы и др.) и специальные обороты речи, типа *"подчеркнём, что...", "обратим внимание на то, что..."* и целые предложения и даже их ряд (например, восклицательные и вопросительные предложения); это и особый словопорядок, и графические средства (курсив, разрядка и др.). Важно заметить, что Т. Б. Иванова объединяет все эти языковые средства в **три основные группы**:

1) *лексико-грамматические акцентуаторы*;

2) *синтаксические акцентуаторы*;

3) *текстовые акцентуаторы* [Там же, с. 92–103].

В. С. Харитонов отмечает, что термин **«акцентуаторы»** первоначально касался лишь вопросов грамматики. Однако спектр использования данного термина оказался шире. Так, особое признание он получил в стилистике, где стал ключевым элементом функциональной семантико-стилистической категории акцентности. Эта категория исследует языковые и графические средства, с помощью которых автор реализует свой коммуникативный замысел в тексте. Исследователь определяет **амплифаеры-акцентуаторы** в поэтическом тексте как «важные средства смыслового выделения, используемые автором для дополнительного привлечения внимания к важным аспектам текста, благодаря чему версия интерпретатора коррелируется с авторской позицией». Следовательно, контент изучаемого понятия и его коннотации позволяют широко использовать данное определение в различных видах дискурса [Харитонов, 2015, с. 79].

Таким образом, анализ литературы свидетельствует о том, что термин «**амплифаеры-акцентуаторы**» в большинстве случаев не используется, а данная группа лексических единиц остается недостаточно исследованной в рамках современного языкознания. Кроме того, отметим, что выбор термина зависит от того, к какой научной парадигме принадлежит исследователь.

В научном сообществе отсутствует единое мнение по поводу классификации амплифаеров-дискурсивов как синтаксических или прагматических категорий, а также по поводу типов высказываний-реплик, которые они охватывают. Кроме того, продолжаются дискуссии о взаимосвязи данных лексических единиц с другими установленными категориями, такими как междометия, модальные частицы и наречия, ориентированные на говорящего/пишущего [Lewis, 2011].

Теория **амплифаеров-дискурсивов** предполагает, что в языке существуют определенные слова, выражения или конструкции, которые несут дополнительную информацию о структуре и организации дискурса. *Амплифаеры-дискурсивы* помогают структурировать и организовать текст, указывают на связи между частями текста, выделяют ключевые моменты или идеи, а также управляют вниманием читателя/слушателя [González Sanz, 2015; Redeker, 1991]. Данные лексемы представлены как гетерогенный класс, выполняющий определенную функцию в дискурсе, в основном, являясь метаязыковой стратегией для поддержания связности между высказываниями [Schiffrin, 1987; Fraser, 1990; Schourup, 1999; Aijmer, 2013]. Их полифункциональность позволяет коммуникантам достичь максимума во взаимодействии при минимуме лингвистических и когнитивных усилий в различных ситуациях [House, 2013].

Амплифаеры-дискурсивы представляют собой важный объект исследования в области прагматики, так как они существенно влияют на прагматическую компетентность говорящих [Lam, 2009; Müller, 2005]. Их использование способствует повышению ясности и выразительности речи [Crozet, 2003], а также улучшает взаимодействие с коммуникантом [Weydt, 2006]. Кроме того, дискурсивные маркеры выполняют множество функций, связанных с управлением в дискурсе и установлением отношений между адресантом и адресатом [Crible, 2017]. Данные единицы языка определяются и анализируются преимущественно через их функциональные характеристики и роли, которые они могут выполнять в процессе коммуникации.

Следует отметить, что определенные *амплифаеры-дискурсивы* влияют на способ восприятия и интерпретации текста или коммуникации, то есть данные лексические единицы имеют различные денотативно-коннотативные значения. Так, А. А. Кибрик полагает, что исследуемые лексические единицы регулируют дискурсивный процесс в целом [Кибрик, 1992]. По мнению исследователя, *амплифаеры-дискурсивы* – это «незнаменательное слово или словосочетание, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом», дискурсивный маркер регулирует и организует дискурсивный поток, не неся пропозициональной информации [Кибрик, 2009, с. 390]. К. Хайленд описывает *амплифаеры-дискурсивы* как лингвистические выражения, обладающие саморефлексивным характером и относящиеся к тексту, автору и предполагаемому читателю этого текста [Hyland, 2004]. В том же ключе В. Коппл говорит о том, что данные лексические единицы являются элементами языка, которые не влияют на референциальное значение высказывания [Kopple, 2012]. М. Сорракино и Х. Портолес при детерминации *амплифаеров-дискурсивов* указывают на тот факт, что данные лексические единицы представляют собой неизменяемые языковые единицы, которые не осуществляют синтаксической функции в предложении, но выполняют специфические функции в рамках дискурса [Enciclopedia de Lingüística Hispánica, 2016, p. 690].

Система *амплифаеров-дискурсивов*, по Е. Ю. Викторовой, неоднородна. В процессе десемантизации, грамматикализации и прагматикализации данный класс лексем постоянно пополняется новыми лексемами. Основная функция данных элементов языка заключается в том, чтобы помочь говорящему/пишущему (адресанту) и слушающему/читающему (адресату) в формировании, осуществлении и восприятии дискурса. Как отмечает исследователь, амплифаеры-дискурсивы «не только разнородны по своей морфологической и даже синтаксической исходной принадлежности, но и квалифицируются как разноуровневые» [Викторова, 2016, с. 22].

Амплифаеры-дискурсивы обладают особенными характеристиками, которые отличают их от других единиц языка. Так, в метадискурсе К. Хайленд выделяет следующие их отличительные особенности: 1) не вносят в содержание пропозициональной информации; 2) задействованы исключительно в тех аспектах дискурса, где необходимо установить взаимодействие писателя и читателя и/или говорящего и слушающего; 3) выполняют различные функции в разных контекстах [Hyland, 2019]. К. Чапетон, анализируя ключевые работы, посвященные характеристикам ***амплифаеров-дискурсивов***, выделяет ряд их **основных особенностей**:

1) характерны как для устной, так и для письменной речи;
2) являются короткими и фонологически сокращенными;
3) характеризуются мобильностью, способностью их передвижения в составе предложения;
4) не имеют четкой грамматической функции;
5) их отсутствие в дискурсе может привести к потере определенных смысловых нюансов в высказывании;
6) полифункциональны [Chapetón, 2009].

Д. Шиффрин отмечает, что употребление данных лексем зависит от последовательности смыслов, которые функционируют в различных сферах: когнитивной, социальной, экспрессивной и др. Таким образом, в рамках теории дискурса исследователь использует определение «*дискурсивные маркеры*», которое обозначает «секвенциально зависимые частицы, которые разграничивают единицы речи» («I operationally define markers as sequentially dependent elements which bracket units of talk») [Schiffrin, 1987, p. 31].

Амплифаеры-дискурсивы обладают как прагматическим, так и пропозициональным значением. Эти лексемы служат для объединения предложений и абзацев, обеспечивая связность текста. Они применяются как в письменной, так и в устной речи, способствуя формированию диалогической речи и обозначая отношение говорящего/пишущего к высказываемому. Как лингвистические элементы дискурсивные маркеры

выполняют важные функции в дискурсах различных стилей [Dylgjeri, 2014].

Б. Фрейзер обращает внимание на грамматический статус *амплифаеров-дискурсивов*, включая в их число только лексические выражения и исключая усилительные частицы и междометия. Так, исследователь анализирует прагматическую сторону дискурса и определяет амплифаеры-дискурсивы как прагматический класс лексических выражений, взятый в основном из синтаксических классов союзов, наречий и предложных сочетаний, функционирующих в сегменте дискурса и выражающих отношения адресанта к действительности [Fraser, 1999].

На основе изложенного исследователь выделяет следующие **группы амплифаеров-дискурсивов**:

1) *базовые маркеры* (*англ*. basic markers), указывающие на характер основного сообщения и его иллокутивную силу;
2) *комментирующие маркеры* (*англ*. commentary markers), передающие комментарии к основному сообщению, к основной теме высказывания относятся: оценка, маркеры очевидности, источник информации, смягчение;
3) *параллельные маркеры* (*англ*. parallel markers), дополняющие основное сообщение: обращения, маркеры солидарности, маркеры недовольства и т. д.;
4) *дискурсивные маркеры* (*англ*. discourse markers), отражающие отношения между фрагментами дискурса: маркеры смены топика, контрастивные маркеры, маркеры детализации и др. [Fraser, 1996, p. 167-190].

Итак, Б. Фрейзер определяет *амплифаеры-дискурсивы* как важный прагматический класс лексических выражений, помогающих организовать и структурировать дискурс, отражая отношение адресанта к действительности.

На основе классификации Б. Фрейзера и анализе языковых фактов исследовательского корпуса, Г. М. Вишневская и Н. И. Кремень предлагают новую классификацию *амплифаеров-дискурсивов* на материале

политического дискурса (политические дебаты). Отметим, что при этом исследователи учитывают тот факт, что для данного вида устной коммуникации характерна диалогичность, спонтанность, ситуативность и коллоквиальные лексические единицы и др. В данную классификацию входят такие **амплифаеры-дискурсивы**, как:

1) *сопоставительные маркеры*;

2) *информационные маркеры*;

3) *импликативные маркеры*;

4) *дополняющие маркеры*;

5) *маркеры смены темы*;

6) *маркеры перечисления*;

7) *маркеры хезитации*;

8) *комментирующие маркеры*;

9) *маркеры маскировки истинности высказывания* [Вишневская, Кремень, 2014].

Как видим, приведенная классификация амплифаеров-дискурсивов Г. М. Вишневской и Н. И. Кремень включает их функциональный диапазон по структурированию информации, управлению вниманием, созданию контекста, формированию мнений и установлению связей между аргументами, а также интонационное оформление амплифаеров-дискурсивов в политическом дискурсе.

В рамках когнитивного подхода М. В. Каменский указывает на то, что *амплифаеры-дискурсивы* несут процедурное значение в дискурсе и регулируют дискурсивное поведение участников коммуникативного акта» [Каменский, 2015, с. 7]. Как отмечает исследователь, целесообразно объединять данные лексемы в соответствии с функционально-прагматическим критерием, объединяющим их по наличию когнитивной нагрузки, которая отражает их способность управлять развертыванием дискурса [Каменский, 2013]. Таким образом, «умение оперировать дискурсными маркерами, управляющими коммуникативным процессом на когнитивном уровне в ходе

дискурсивного взаимодействия, входит в языковую способность коммуникантов и является важным аспектом ее использования» [Каменский, 2015, с. 7]. Эти лексические единицы актуализируются в зависимости от контекста и от коммуникативной ситуации и реализуют «определенную когнитивно нагруженную дискурсивную функцию, направленную на активизацию определенных знаний и представлений в сознании реципиента с целью вызвать определенную ответную реакцию, которую с позиций исследуемой теории мы рассматриваем как сценарий поведения» [Там же, с. 89]. Итак, можем заключить, что умение эффективно использовать данные лексические единицы является ключевым элементом языковой способности коммуникантов, так как исследуемые лексические единицы играют важную роль в управлении коммуникативным процессом на когнитивном уровне.

Амплифаеры-дискурсивы наделены когнитивной нагрузкой, а именно, свойствами, реализующими их способность управлять интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия. Так, когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия определяется тем или иным дискурсивным маркером. М. В. Каменский предлагает следующие интерпретации:

– *понятийный*, включающий в себя выражение некоторого абстрактного понятия о ходе дискурсивного взаимодействия и его логическом развертывании;

– *ассоциативный*, связанный с установлением ассоциативных отношений между фактами в высказывании;

– *эмоциональный*, связанный с воздействием дискурсного маркера на эмоциональное состояние адресата;

– *поведенческий*, связанный с прагматическим воздействием дискурсного маркера и его способностью вызывать конкретные ответные действия;

– *культурологический*, проявляющийся в том, что дискурсные маркеры культурно детерминированы и являются характерными признаками национального мышления;

– *языковой*, проявляющийся в закрепленности когнитивной нагрузки в качестве неотъемлемого компонента смыслового наполнения дискурсного

маркера, закрепленного в языковой системе;

– *референциальный*, проявляющийся в соотнесенности дискурсного маркера с определенным сегментом высказывания [Каменский, 2013, с. 114].

В соответствии с реализацией когнитивного подхода к изучению данных лексем исследователь детерминирует их как «функциональный класс лексических единиц языка, выступающих когнитивными регуляторами дискурса, оказывающими влияние на его восприятие и на интерпретацию участниками коммуникативного акта, и, значит, несущих определенную когнитивную нагрузку в рамках иллокуции». При этом когнитивная нагрузка связана с воздействием на когнитивные представления партнеров коммуникативного акта о контексте дискурса.

В контексте когнитивного подхода также существует точка зрения, что участникам коммуникативного акта характерна «металингвистическая осведомленность» и амплифаерам-дискурсивам присуща рефлексивность, так как эти лексические единицы отражают ментальные процессы, следовательно, они реализуют функцию индикаторов металингвистической деятельности сознания [Aijmer, 2013].

С точки зрения функций, которые данные лексические единицы выполняют в рамках дискурса, они представляют собой средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую целостность текста, а также организующие смысловую связь между его единицами [Болсуновская, 2015]. Следовательно, *амплифаеры-дискурсивы* рассматриваются как слова или фразы, которые используются для привлечения внимания слушателя к определенной связи между произносимым высказыванием и актуальным контекстом [Redeker, 1991, p. 1168].

М. Маккарти выделяет группы *лексических* и *грамматических амплифаеров-дискурсивов*. Так, ***грамматические маркеры*** классифицируются ***на три типа:*** референция (*англ*. reference) (личные, притяжательные, указательные местоимения, определенный артикль, конструкция *«such a»*); опущение (*англ*. ellipses)/замена (*англ*. substitution); союзы (*англ*. conjunctions)

[McCarthy, 1991, p. 35]. В связи с тем, что прагматизация единиц языка осуществляется через изменение значения и функции лексической единицы, С. В. Шустова и Н. М. Царенко дополняют данную классификацию следующими дискурсивными маркерами:

1) *прагматические идиомы* (Could you…? Would you …? Would you mind …? Would you like…? и т. д.);
2) *модальные глаголы как единицы речевого этикета и как синкретичные дискурсивные маркеры* (**Can** I open the door? **May** I come in? **Couldn't** you repeat this again, please? He **must** be at home. What **can** I do for you? и т.д.);
3) *инфинитивные конструкции* (to begin with, to sum up, to be sure, to put it mildly и т. д.);
4) *наречия степени уверенности* (definitely, certainly, probably и т. д.) [Шустова, Царенко, 2018].

В Кембриджском словаре *амплифаеры-дискурсивы* определяются как «words or phrases <…>. We use them to connect, organise and manage what we say or write or to express attitude» // «слова и фразы, которые мы используем, чтобы связать, систематизировать и управлять тем, что мы говорим или пишем, или выразить свое отношение» (перевод наш. – *А. К.*). Классы амплифаеров-дискурсивов в данном словаре выделяются в соответствии с функцией, которую они выполняют в речи: 1) *организующие то, что мы говорим* (in general, anyway, okay, right); 2) *контролирующие то, что мы говорим* (I mean, you know, actually, well); 3) *служащие в качестве ответов* (wow, certainly, I see, yes, exactly, all right); 4) *определяющие отношение говорящего* (actually, frankly, if you ask me, hopefully); 5) *делающие высказывание-реплику менее прямолинейной* (surely, maybe, kind of, just); 6) *дискурсивные маркеры* (um, erm); 7) *дискурсивные маркеры: междометия* (Oh! Gosh! Yippee! Oh no!) [Cambridge Online Dictionary].

Итак, можем заключить, что *амплифаеры-дискурсивы* играют важную роль в организации и управлении речью, позволяя говорящему

структурировать свои мысли, контролировать дискурс, выражать отношение и смягчать прямолинейность высказываний. Их использование способствует более эффективной/успешной коммуникации, облегчая и создавая пространство для взаимодействия между партнерами по диалогу.

В справочнике «Practical English Usage» («Практическое использование английского языка») М. Свон детерминирует *амплифаеры-дискурсивы* как «words and expressions which help to structure spoken exchange and written text» // «слова и выражения, которые помогают структурировать как устные, так и письменные тексты» (перевод наш. – *А. К.*) [Swan, 2016, p. 284]. По мнению исследователя, данные лексические единицы показывают связь между тем, что говорится, и более широким контекстом. Таким образом, *амплифаеры-дискурсивы* можно определить как единицы языка, которые несут прагматический смысл [Swan, 2005]. Как отмечает исследователь, некоторые *амплифаеры-дискурсивы* используются во всех видах дискурса, некоторые, как правило, в официально-деловом стиле речи или же в неформальном стиле. В зависимости от функционального диапазона исследуемых лексических единиц М. Свон выделяет следующие группы: 1) представление или разъяснение темы (*as regards, as far as, finally* и др.); 2) отражение типа межличностного общения (*on the whole, in some cases, in general* и др.); 3) выражение отношения автора к тому, о чем он говорит, или к ожиданиям читателя (*no doubt, in my view, at least* и др.) [Swan, 2016].

Д. Блейкмор рассматривает дискурсивные маркеры с точки зрения их функции в установлении связности в дискурсе, то есть когерентность, которая означает понятийно-смысловую цельность текста. Когерентность рассматривается как когнитивное явление, которое включает в себя интеграцию воспринимаемой слушателем информации в более обширную структуру текста. Это предполагает наличие структурной связи между отдельными текстами, что способствует формированию целостного понимания содержания и намерений автора [Blakemore, 1988, p. 183–195].

К. Эйджмер и А. Симон-Ванденберген проводят различие между дискурсивными и прагматическими маркерами, придавая большее значение последним. Они отмечают, что прагматический маркер — это слово или выражение, которое не влияет на пропозициональное содержание высказывания, в то время как дискурсивный маркер указывает на отношения когерентности. Несмотря на это различие, граница между этими двумя категориями может быть размыта [Aijmer, Foolen, Simon-Vandenbergen, 2006]. Следовательно, приходим к выводу о том, что амплифаеры-дискурсивы в письменной и устной речи играют ключевую роль в когерентности и когезии текста, позволяя авторам более эффективно управлять вниманием слушателя/ читателя и акцентировать важные аспекты обсуждаемой темы. Правильное применение амплифаеров-дискурсивов способствует лучшему восприятию и пониманию информации (сообщения) и формированию определенного эмоционального отклика у адресата. Таким образом, важно отметить, что амплифаеры-дискурсивы играют важную роль в межличностной коммуникации и могут быть использованы в процессе коммуникации как средство усиления аргументации и убеждения в различных контекстах.

Рассмотрев основные аспекты *амплифаеров-дискурсивов* – онтологию, определение, основные характеристики, классификации, представляется целесообразным и уместным для настоящего исследования перейти к изучению основных лингвистических особенностей **амплифаеров-частиц**.

Современная лингвистика делит языки на две категории: языки с развитой системой частиц (например, славянские и германские) и слабопартиклевые языки, где система частиц развита слабо (например, романские языки). Следовательно, различия в использовании амплифаеров-частиц в языках влияют на их грамматическую структуру и на способы выражения смыслов. Языки с развитой системой амплифаеров-частиц могут наиболее гибко варьировать смысл высказываний-реплик, тогда как слабопартиклевые языки полагаются на другие грамматические механизмы

для передачи аналогичных смыслов. Следует добавить, что использование данных лексических единиц отражает национально-культурную действительность общества и проявление явления лакунарности.

Амплифаеры-частицы как часть речи представляют собой неоднородный элемент лексического состава языка. Некоторые из них, такие как союзы и предлоги, являются необходимыми для построения предложения, обеспечивая синтаксическую связь между членами предложения. В то же время другие частицы не влияют на основной смысл высказывания, но придают ему различные модальные оттенки [Шведова, 1980]. Сравнительно-сопоставительный анализ классификаций частей речи показывает, что статус частиц варьируется в разных языках и изменяется в зависимости от теоретических подходов различных авторов. Тем не менее, выделение частиц в отдельную категорию частей речи предоставляет возможность провести углубленный анализ их специфических характеристик и способствует дальнейшему исследованию данного класса [Купцов, 2021].

Многие классификации предполагают отнесение *амплифаеров-частиц* к классу служебных частей речи, объединяя их, как и другие служебные части речи, функциональной общностью. Считаем, что формальные различия данных лексем не имеют значения для настоящего исследования (первообразные/непервообразные, простые/составные частицы), и, сосредоточимся исключительно на их функционально-семантических признаках. Так, следует упомянуть *акцентирующие и усилительные частицы, выделительно-ограничительные, контрастивные, вопросительные, пропозициональные, градуирующие* и другие, представленные в научно-исследовательской литературе «как бы терминологические атрибуты слова частица, причем за этим терминологическим изобилием скрывается как реальное, интуитивно наглядное и поддающееся экспликации семантико-прагматическое многообразие языковых единиц, так и произвольная и часто незначимая вариативность». При этом, как пишут исследователи, ни одно из

предложенных обозначений не способно в полной мере охватить все многообразие языковых единиц и их категорий [Борисова, Паршин, 2024, с. 43–44]. Таким образом, в контексте данного исследования считаем целесообразным обозначать данные лексические единицы *амплифаерами*.

Проблема определения *амплифаеров-частиц* как отдельная часть речи осложняется рядом особенностей: 1) частицы не имеют денотативного значения; 2) частицы морфологически не изменяются; 3) частицы не являются членами предложения. Важно отметить, что отсутствие определенных признаков подчеркивает уникальность этого класса слов по сравнению с другими частями речи и свидетельствует об отличии *амплифаеров-частиц* от других классов слов [Овчинникова, 2009, с. 7].

Каждая часть речи имеет свои специфические коммуникативные задачи, что и определяет ее уникальность и отличия от других частей речи. Следовательно, учет признаков или набора характеристик, присущих только данному классу слов, служит основным принципом их классификации [Кобрина, 2007]. В ходе изучения *амплифаеров-частиц* как лексических единиц языка выявляется множество пересекающихся подклассов, которые взаимосвязаны различными отношениями. Феномен *амплифаеров-частиц* проявляется в уникальном коммуникативном аспекте языковой системы. Язык, будучи динамичным явлением, постоянно развивается и не ограничивается своими возможностями [Купцов, 2021а].

Изучение *амплифаеров-частиц* вызывает несомненный интерес, поскольку они передают разнообразные логические и грамматические значения в дискурсе. Как известно, данные лексемы «кодируют» прагматические значения, устанавливают связь между высказываниями-репликами и отношения между адресантом и адресатом, а также соотносят его с ситуацией непосредственного действия [Николаева, 2005, с. 3–7]. Итак, амплифаеры-частицы передают широкий спектр коммуникативных характеристик, поэтому их роль в коммуникации в значительной степени определяется потребностями коммуниканта в том, чтобы точно и адекватно

выразить цель своего высказывания-реплики [Купцов, 2022; Шилова, 2023].

С. А. Манаенко справедливо говорит о том, что классификации дискурсивных лексических единиц содержат характеристики, которые соотносятся прежде всего с коммуникативным уровнем (сообщение, высказывание, эмоциональная окрашенность речи) и отмечается текстовая ориентированность, следовательно, подчеркивается их дискурсивная природа [Манаенко, 2016]. Представляется важным отметить, что «дискурсивные слова не образуют «естественный» класс единиц. Этот класс, во-первых, не имеет четких границ и, во-вторых, объединяет единицы, которые традиционные классификации относят к различным частям речи (частицам, наречиям и др.). Попытки задать подобные слова списком оказываются весьма спорными, а принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев» [Дискурсивные слова…, 1998].

Все лексические единицы в дискурсивном употреблении, в том числе и амплифаеры-частицы, относятся не к отдельным словам, а к определенным фрагментам высказывания. Для адекватного анализа специфики данных лексем необходимо учитывать более широкие контексты [Манаенко, 2009]. Следовательно, дискурсивное употребление единиц языка определяется коммуникативными потребностями говорящего/пишущего, который в зависимости от интенций актуализирует определенный компонент плана содержания *амплифаеров-частиц*, варьируя его [Манаенко, 2016]. Такое варьирование может зависеть от контекста, особенности которого в свою очередь может усиливать или ослаблять определенные компоненты семантики дискурсивных лексических единиц [Манаенко, 2017].

Данные лексические единицы способны придавать высказыванию-реплике дополнительные смысловые оттенки, влияя на значение высказывания-реплики в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса), доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание-реплику

большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента в высказывании-реплике [Аверина, 2022; Бабаева, 2008; Бабаян, 2016а; Бабаян, 2023а; Борисова, 2024; Виноградов, 2008; Гак, 2010; Купцов, 2021; Кобрина, 1999; Маковеева, 2001; Манаенко, 2009; Николаева, 2005; Олтиев, 1992; Павличкова, 1993; Рылов, 1978; Щур, 1988; Стародумова, 1997; Bolinger, 1971; Fraser, 1976; Hentschel, 1991; Hinkel, 1999; Quirk, 1973; Simpson, 2014; Wierzbicka, 1976; Zifonun, 1997 и др.]. Следовательно, данные лексемы языка как бы встраивают пропозицию в определенный коммуникативный контекст и отражают отношение говорящего/пишущего к действительности [Hancil, 2015], выдвигают на передний план наиболее важную информацию и выделяют информативную значимость в высказывании-реплике, усиливают выразительность речи, оказывают влияние на эмоционально-экспрессивную окраску, которая создаётся за счёт различных оттенков коннотативного характера. Кроме того, являясь средством интенсификации высказывания-реплики, амплифаеры-частицы оказывают влияние на формирование у адресата (слушающего/ читающего) определённого мнения и концентрируют внимание на поступающей новой информации.

В контексте широкого изучения *амплифаеров*, охватывающего различные аспекты их функционирования в языках, представляется уместным рассмотреть основные – семантический, функциональный, коммуникативно-прагматический – принципы классификаций этих лексем.

3.2. Семантический потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса

В современном языкознании наиболее актуальными в семантике являются следующие проблемы: 1) когнитивная сущность языкового значения; 2) внутренняя структура значения; 3) значения, функции и значимости как типы языкового знания; 4) типы значений по их структуре,

функции и значимости (системному статусу); 5) взаимодействие языковых знаний с неязыковыми; 6) лексикографическое представление системы языковых значений [Васильев, 2009, с. 1156]. Следовательно, исследования в области семантики подчеркивают важность контекстуального подхода к пониманию значений лексических единиц и фраз.

Семантика лексем формируется и изменяется в зависимости от культурного, социального и ситуационного контекста. Несомненно, это предоставляет новые перспективы для изучения многозначности, полисемии и прагматических аспектов, что позволяет более точно моделировать и предсказывать языковое поведение. Таким образом, интеграция контекстуальных факторов в семантическую теорию способствует более глубокому пониманию динамики языка и его роли в коммуникации.

Семантическое развитие лексических единиц любого языка сопряжено с расширением в плане сочетаемости. Чем больше слово удаляется от своей типовой узуальной сочетаемости, тем больше возможностей для его семантического развития. «Слово, обращенное к другому объекту мира, меняет свою семантику, одновременно меняя для говорящих сам фрагмент языковой картины мира [Скляревская, 2001, с. 181]. Таким образом, становится вполне очевидным, что лексикографическое значение слова не охватывает всю многообразную семантику, возникающую в процессе коммуникации людей в повседневной жизни [Новиков, 2001].

И. В. Арнольд отмечает, что «семантическая структура слова образует некоторую абстрактную модель, в которой лексико-семантические варианты противопоставлены друг другу и характеризуются относительно друг друга. Такая модель может служить основой для предсказуемости семантических свойств слова. По одному из значений и известной грамматической характеристике слова можно будет судить и о других возможных для него значениях» [Арнольд, 2016, с. 7].

Расширение семантической парадигмы лексических единиц в основном происходит на основе существующих слов в языке, что позволяет им

приобретать новые значения и оттенки значений, обогащая коммуникацию [Касимова, 2021]. Т. В. Маркелова указывает на тот факт, что «процесс коммуникации убедительно доказывает усиление прагматической составляющей семантической структуры слова и ее влияние на развитие полисемии, изменение первоначальной этимологической парадигмы, то есть начало новой жизни слова. <…> Меняющийся мир – изменение языковой картины мира – отражение в языковой репрезентации – преображение семантики лексемы (как правило, без изменения лексикографической картины номена) – актуально для развития лингвистики» [Маркелова, 2023, с. 2].

Следовательно, можно заключить, что сам процесс коммуникации демонстрирует, как меняется семантика лексических единиц, что приводит к полисемии и изменению их первоначального значения. Данные изменения указывают на трансформации как в языке, так и в культуре, несомненно, отражая национальную специфику языковой картины мира. Необходимо отметить, что функциональная семантика амплифаеров изменяется с течением времени, а само их развитие идет в направлении повышения их лингвоспецифичности [Аверина, 2024, 134–135; Шмелев, 2005, с. 450].

Изучением семантического потенциала амплифаеров занимались многие ученые, принадлежащие к разным школам семантического анализа [Апресян, 2000; Арнольд, 2016; Киселева, Пайар 1998; Падучева, 2004; Ajimer, Foolen, Simon-Vanderbergen, 2006; Fisher 2006; Traugott, Dasher, 2002; Wierzbicka, 1992 и др.]. Растущий интерес к исследованию семантического потенциала амплифаеров связан с активным развитием семантики и лингвистики текста, теории пресуппозиции и акцентом на коммуникативно-прагматических аспектах речи. Как справедливо отмечает И. М. Кобозева, данные лексические единицы помогают лингвистам «продемонстрировать возможности новых семантических теорий» [Кобозева, 1991, с. 147].

Определение семантики амплифаеров представляет собой довольно сложную задачу, поскольку они выражают субъективные оттенки значения, которые привносит говорящий или пишущий (адресант), и используются для

акцентирования или ограничения определенных аспектов в высказывании-реплике. Как отмечает И. И. Сущинский, акцентирование может быть реализовано просодическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими, фразеологическими, графическими и типографическими средствами. Так, исследователь выделяет несколько групп лексических амплифаеров. Считаем целесообразным дополнить эту классификацию примерами из английского, испанского и русского языков.

1. **Акцентирующие частицы со значением уточнения**: *exactly, exactamente, именно*; *only, sólo, только*. У данных амплифаеров с нулевой флексией семантика ослаблена в значительной мере, однако не в такой степени, чтобы их можно было отождествлять. Значение акцентирования реализуется на базе семы «уточнение». Подчеркивая коммуникативную важность лексемы, данные амплифаеры маркируют логический предикат, обращают внимание адресата на выделяемом элементе, усиливают языковое воздействие на адресата, побуждают его к соответствующей реакции, помогают адресанту подкрепить точку зрения на сообщаемое, более выразительно передать свои чувства и др. Амплифаеры позволяют в сжатой форме сообщать ряд дополнительных модально-логических оттенков.

2. **Акцентирующие частицы со значением подчеркивания**: *just, sólo, просто; quite, completamente, вполне*; *absolutely, absolutamente, абсолютно* и др. Данные амплифаеры: а) подкрепляют отношение говорящего/пишущего к сообщаемому; б) подчеркивают коммуникативную важность выделяемого элемента в речи; в) активизируют внимание адресата и усиливают действенность излагаемого; г) не выделяются ударением; д) не отделяются паузами в речи от примыкаемых единиц; е) занимают препозицию по отношению к определяемым словам; ж) характеризуются морфологической неизменяемостью; з) не допускают степеней сравнения и не могут определяться наречиями степени; и) исключают употребления отрицательного слова *не, not, no* перед собой.

3. **Акцентуаторы с уточняюще-подчеркивающим значением**: *especially, especialmente, особенно* и др. Амплифаеры данной группы выполняют следующие функции: уточняют отношение целого и части, указывают на последующую конкретизацию определенных элементов речи, подчеркивают их информативную весомость в сообщении.

4. **Группа акцентуаторов**: *firstly, primero, во-первых*; *secondly, segundo, во-вторых* и др. Выполняют подчеркивающую, связующую функцию и выступают как средство структурной организации, то есть оформляют логическую связь между отдельными частями.

5. **Акцентуаторы** *yes, sí, да, no, no, нет* встречающиеся, как правило, **в художественной литературе и публицистике**, реализуют акцентирующую задачу, когда подкрепляют высокую степень уверенности говорящего в последующем утверждении или отрицании излагаемого факта [Сущинский, 1984а, с. 51–55].

Таким образом, подчеркнем, что данная классификация подтверждает гипотезу о том, что амплифаеры представляют собой значимый элемент, способствующий передаче нюансов значений и эмоциональных оттенков. Употребление данных лексических единиц в речи позволяет коммуникантам более точно формулировать свои мысли и чувства, что, в свою очередь, делает речь более выразительной и информативной. Использование амплифаеров обогащает языковую систему и способствует более глубокому пониманию коммуникативных интенций говорящего/ пишущего, а также повышает уровень взаимопонимания между участниками коммуникации.

С точки зрения *структурного и семантического своеобразия* В. А. Данилевская предлагает следующую классификацию амплифаеров-акцентуаторов в научном тексте: А) *собственно языковые единицы* и Б) *речевые единицы*.

А. Собственно языковые единицы

1. *Акцентуаторы*, выраженные отдельными лексическими единицами. Это, как правило, частицы, в том числе усилительные; союзы в функции

усилительных частиц; вводные слова; наречия или имена прилагательные в функции усиления качественной характеристики: *уже, лишь, только, собственно, хотя (и), однако, же, весьма, именно, еще (не), иначе, очевидно, конечно, кстати, итак, по-видимому, главное, всякий, естественно, чрезвычайно, как будто (бы), тем более, ибо*, союз *и* как одиночный либо в сочетании с другими дискурсивами и др.

2. *Акцентуаторы*, представляющие собой некоторые простые сочетания, в том числе вводные или сочетания союзов/составные союзы, типа *прежде всего, но главное, в свою очередь, к сожалению, в том числе, особенно необходимо, тем не менее, не только… но и, а не, как и, вместе с тем, что и, а именно, опять же* и др.

3. *Синтаксические акцентуаторы*, представляющие собой малые по объему односоставные (чаще всего безличные) конструкции, выступающие в роли либо главных частей в составе сложноподчиненных предложений, либо в роли вводных: *важно учесть, совершенно очевидно, собственно* и др.

Б. Акцентуаторы – речевые единицы

1. *Восклицательные предложения*. Чаще всего (но не всегда) приводятся в скобках, то есть как присоединительные конструкции, а значит, имеющие акцентирующую семантику.

2. *Парцеллированные конструкции.*

3. *Синтаксическая инверсия.*

4. *Олицетворение.*

5. *Графические средства* – разрядка, курсив, полужирный шрифт, подчеркивание.

Данная классификация амплифаеров-акцентуаторов отражает как их структурное своеобразие (собственно языковые амплифаеры-акцентуаторы и речевые единицы), так и функциональное своеобразие (собственно амплифаеры-акцентуаторы с функциями выделения важного, уточнения мысли из левого контекста, активизации внимания читателя, усиления противопоставления и акцентирования и др.) [Данилевская, 2024, с. 1269].

На наш взгляд, в некоторых случаях семантика амплифаеров-акцентуаторов несколько «размыта», но не утрачена полностью. Таким образом, имеет смысл говорить о двух группах амплифаеров-акцентуаторов: первую составляют лишенные семантики слова и выражения, вторую – те, значение которых полностью не утрачено. Подобная размытость семантики исследуемых лексических единиц языка является их особенностью, так как они обозначают отношения, характер которых неоднороден, а факторы, формирующие эти отношения, так разнообразны, что раскрытие семантики амплифаеров-акцентуаторов представляется довольно трудной задачей. Следует отметить, что, на наш взгляд, вышеприведенные семантические классификации не отражают всех свойств исследуемых единиц языка.

Как отмечает М.-В. Хансен, употребление амплифаеров-дискурсивов носит систематический характер, подчиняясь как семантическим, так и прагматическим принципам, которые определяют их использование в языке. Однако, по мнению исследователя, наличие амплифаеров-дискурсивов не способствует пропозициональному содержанию дискурса, а облегчает его интерпретацию. Так, на основе лексико-семантических и функционально-прагматических критериев исследователь выделяет **следующие подгруппы амплифаеров-дискурсивов**: а) междометия, б) предлоги; в) вводные слова, г) сочинительные и подчинительные союзы, д) некоторые наречия, е) модальные частицы [Hansen, 1998].

При анализе комбинаций амплифаеров-дискурсивов в английском языке в соответствии с их семантическим потенциалом Б. Фрейзер выделяет **три группы лексических единиц**: 1) дискурсивные маркеры и их омонимы с пропозициональным значением (*as a conclusion, as a result)*; 2) дискурсивные маркеры, омонимы которых обладают иной семантикой (*then, however*); 3) лексические конструкции, выполняющие роль дискурсивных маркеров (*nevertheless, on the contrary*) [Fraser, 2005].

Опираясь на функционально-семантическую специфику амплифаеров-дискурсивов, К. Л. Кисилева и Д. Пайар разработали классификацию, где

выделяют **четыре класса лексических единиц**: 1. *«Элемент-множество»* – лексемы, которые отражают отношения между элементом и множеством элементов (*всего лишь, только, по крайне мере* и др.); 2. *«Реализация»* – лексемы, позволяющие рассмотреть несколько случаев реализации определённого положения вещей (*снова, заново, опять* и др.); 3. *«Установочная база»* – лексемы, указывающие на введение новой информации (*кстати, кроме того, все равно* и др.); 4. *«Гарант»* – лексемы-индикаторы истинности высказывания (*пожалуй, авось, разумеется* и др.) [Киселева, Пайар, 1998]. Следовательно, можем сделать вывод о том, что основными характеристиками амплифаеров-дискурсивов являются отсутствие денотата, непредметность их значений и то, что их можно исследовать исключительно через контекст употребления.

Исследование амплифаеров-дискурсивов Г. М. Вишневской и И. П. Лихаревой предлагает детализированную **семантическую классификацию** исследуемых лексем языка, которые организуют и структурируют текст: 1) *перечисление*: first/firstly, second/secondly, third/thirdly, next, then; 2) *добавление информации, развитие ранее известных идей и фактов*: and, in addition; 3) *пояснение* – for example, for instance; 4) *противопоставление, изменение направления коммуникативного акта во время аргументации*: but, however; 5) *сравнение*: as, in the same way as; 6) *обобщение*: in general, on the whole; 7) *результат*: as a result; 8) *объяснение*: in other words, because [Вишневская, Лихарева, 2000, с. 74–79].

Семантические особенности амплифаеров-дискурсивов заключаются в их многозначности, то есть один и тот же амплифаер может выполнять разные функции в зависимости от конкретной коммуникативно-речевой ситуации, интонации и интенций адресанта. Для амплифаеров-дискурсивов характерны следующие семантико-прагматические признаки: 1) непропозициональность, то есть их ключевое значение является процедурным, а не концептуальным; 2) бессоставность, то есть амплифаеры-дискурсивы не имеют фиксированного грамматического состава и могут

проявляться в разных формах в зависимости от контекста; 3) полифункциональность, то есть, имея несколько значений, данные лексемы способны выполнять ряд различных функций; 4) зависимость от контекста, то есть значение варьируется от контекста [Aijmer 2002; Blakemore, 2002; Dér, 2010; Fraser, 1999; Schiffrin, 1987; Wilson-Sperber, 1993].

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной лингвистике существуют различные классификации амплифаеров-дискурсивов, О. Н. Губарева разработала типологию изучаемых лексических единиц, за основу которой берется семантический признак, поскольку, как полагает исследователь, именно семантический признак позволяет отразить метадискурсивную сторону употребления **амплифаеров-дискурсивов**: 1) указывающие на порядок следования информации: *во-первых, во-вторых, сначала, first(ly), secondly), to begin with, next, in (its) turn, accordingly, former* и т. д.; 2) указывающие на порядок расположения материала на странице или в тексте: *как говорилось выше, как мы укажем ниже, in this chapter and the next we focus on, we start this chapter by* и т. д.; 3) указывающие на введение новой или дополнительной информации: *еще один, можно отнести следующее, заметим, что, сводится к следующему, moreover, in addition, as follows, not only, the reason is that, in particular* и т. д.; 4) указывающие на повтор информации: *другими словами, так сказать, таким образом, это можно представить, снова, то есть, вновь, that is, or, equivalently, more precisely, i. e., similarly, as before, namely* и т. д.; 5) указывающие на выделение и важность информации: *более того, особенно, только, даже, по крайней мере, следует отметить, уместно подчеркнуть, совершенно ясно, purely, all the more, clearly, even, especially, of course, truly, merely, furthermore, precisely, needless to say* и т. д.; 6) указывающие на противопоставление или отход от основной линии изложения: *однако, в отличие, с одной стороны, с другой стороны, тем не менее, наоборот, между тем, при этом, правда, instead, however* и т. д.; 7) указывающие на введение примеров: *такие как, например, к примеру, для иллюстрации, consider, for instance, suppose, let, for*

example, imagine, assuming, such as и т. д.; 8) указывающие на вывод или заключение: *таким образам, следовательно, суммируя, в результате, в конце концов, итак, thus, ultimately, hence, it is easy to see, to sum it up* и т. д.; 9) указывающие на авторскую оценку вероятности информации, соотношение информации и ситуации: *может быть, возможно, в какой-то степени, на самом деле, фактически, почти, как правило, в сущности, скорее, quite, relatively, generally, in general, almost, probably, in fact, in part, just about, rather* и т. д.; 10) указывающие на аффективную оценку информации: *к счастью, к сожалению, удивительно, как ни странно, почему-то, it is not surprising that, luckily, unfortunately, remarkably* и т. д.; 11) указывающие на источник информации: *согласно, как пишет, as they label them, in the (blunt and brutal) words of...* и т. д.; 12) указывающие на апелляцию к фоновым знаниям или отсылку к изложенному раннее материалу: *известно, что, понятно, что, не секрет, что, общеизвестно, как известно* и т. д.; 13) указывающие на манеру изложения: *в широком смысле слова, в переносном смысле слова, буквально, literally, in terms of, for simplicity* и т. д. [Губарева, 2011, с. 12–13].

Как видим, в приведенной классификации амплифаеров-дискурсивов представлены различные категории связующих слов и выражений, которые помогают организовать и структурировать информацию в тексте. Амплифаеры-дискурсивы играют важную роль в организации коммуникации, структурируя информацию и передавая эмоциональное отношение адресанта. Они способствуют акцентированию внимания на ключевых аспектах, создавая общее концептуально-семантическое поле, что способствует лучшему пониманию сообщения.

Основываясь на функционально-семантическом принципе Э. В. Хилханова и Д. Л. Хилханов выделяют такие **группы амплифаеров-дискурсивов**, как: 1) аксиологические (оценочные), 2) эпистемические, 3) эмфатические и характеризующие, 4) объяснительные, 5) усиление и повтор, 6) контраст и альтернатива, 7) детализирующие и уточняющие,

8) маркеры обобщения, 9) маркеры допущения и уступки, 10) указательные маркеры и 11) интерактивные маркеры [Хилханова, Хилханов, 2019, с. 257–258]. Таким образом, каждая группа амплифаеров-дискурсивов выполняет специфическую функцию в коммуникации. Аксиологические маркеры выражают оценку высказывания, эпистемические указывают на степень уверенности, а эмфатические подчеркивают важность сказанного. Объяснительные маркеры помогают разъяснить информацию, тогда как маркеры усиления акцентируют внимание на ключевых моментах. Контрастные и альтернативные маркеры выделяют противопоставления, детализирующие маркеры уточняют определенные факты в высказывании-реплике, а маркеры обобщения подводят итоги. Маркеры допущения и уступки указывают на возможные исключения, указательные помогают акцентировать внимание на конкретных элементах в высказывании-реплике, а интерактивные способствуют взаимодействию между говорящим/пишущим (адресантом) и слушателем/читателем (адресатом).

Авторы монографии «Дискурсивные слова русского языка» отмечают, что выявить различия между значением дискурсивных слов и значением контекста представляется сложной процедурой, чем в случаях конкретной лексики: «Многие дискурсивные слова, особенно частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов. «Амальгамированию» семантики дискурсивных слов и семантики контекста способствует также их формальное строение: значительная часть этих единиц представляет собой одно-двухсложные выражения, прозрачные для интонации» [Дискурсивные слова..., 1998, с. 9–10].

Следовательно, приходим к выводу о том, что дискурсивные слова и частицы, играют важную роль в языковом взаимодействии, поскольку они способны эффективно интегрироваться в контекст, усиливая или уточняя значение отдельных фрагментов. Их использование позволяет не только передавать дополнительную информацию, но и создавать более сложные смысловые структуры, что способствует улучшению восприятия и

интерпретации высказываний-реплик. Таким образом, дискурсивные слова и частицы служат связующим звеном между различными элементами текста, обеспечивая его когерентность.

Для определения значения амплифаера-частицы «необходимо принимать во внимание тот минимальный контекст, в котором это значение реализуется. Обязательными компонентами минимального контекста являются акцентируемый частицей компонент и предикативная часть высказывания: содержание предикативной части ограничивается каким-либо единственным проявлением». От семантических особенностей амплифаеров-частиц зависит их функциональный диапазон. Минимальным условием для реализации значения является связь акцентированного частицей компонента с предикативной частью высказывания-реплики. Простое высказывание представляет собой *минимальный контекст*, в котором реализуется значение амплифаера-частицы [Стародумова, 1988, с. 19–25]:

В семантике амплифаеров-частиц выделяют **два основных типа значений**: *объективные*, которые учитывают информацию, дополнительной по отношению к сообщаемому, и *субъективные*, которые отражают отношение адресанта к сообщаемому в терминах разного рода оценок [Кобозева, 1991, с. 157]. Т. М. Николаева рассматривает семантику модальных частиц в виде субъективной части, то есть говорящий выражает собственное отношение, и в виде объективной части, соотносящейся с нормой и с генерализацией [Николаева, 2000, с. 92]. Полагаем, что представляется уместным интегрировать данные точки зрения относительно семантики амплифаеров-частиц и рассматривать как субъективную, так и объективную части, так как такой подход «позволяет глубже проникнуть в своеобразное устройство семантики частиц» [Бирюкова, 2007, с. 21].

Представляется важным отметить, что с каждым амплифаером-частицей связан определенный набор сем, и каждая частица соответствует определенному контексту, при этом далеко не все контексты, даже для близких по семантике частиц, взаимозаменяемы. Следовательно, каждый

амплифаер-частица обладает своим индивидуальным значением, привнося в высказывание-реплику некоторую специфическую дополнительную информацию, что является их существенной особенностью. В иерархии типов «скрытой семантики» представляется важным учитывать следующие **шесть параметров для раскрытия семантики частиц**:

1) определение отношения говорящего к сообщаемому;
2) внесение характеристик в основную ситуацию;
3) сообщаемое и генерализация;
4) выявление других объективных факторов;
5) сообщение и норма;
6) сообщение об отношении высказывания к контексту.

Таким образом, через функции амплифаеров-частиц в высказывании-реплике, выявляется категория «скрытой семантики» [Николаева, 2005, с. 85]. Данные лексические единицы обладают собственным значением, которые отличают один амплифаер-частицу от другого, вносит различные, не лежащие на поверхности смыслы, – «высказывание-тень». Следовательно, данные лексемы, «максимально ответственные за удачу общения» и обладающие «размытой семантикой, значениями неясными и неопределенными» [Там же, с. 14–18], являются «активным выразителем скрытых, субъективных и явных, объективных, смыслов эмоциональных оценок и усиления их качества, участвуя тем самым в реализации коммуникативных намерений говорящего» [Маркелова, 1995, с. 94].

Необходимо подчеркнуть, что с «позиции современной семантики значения частиц должны описываться как операция над смыслом целого предложения-высказывания, то есть речевого акта, в котором находится данное предложение-высказывание. Семантическая функция частиц заключается в расширении конкретно-лексического содержания высказывания» [Олтиев, 1992, с. 7].

Что касается лексических и грамматических значений, то различие между ними следует искать не в характере стоящих за ними понятий, а в

особом модусе существования каждого из них. Здесь релевантны следующие признаки грамматического значения: а) семантическая неавтономность; б) синтаксическая несамостоятельность; в) морфологическая слитность с показателями лексического значения; г) обязательность употребления [Никитин, 2007, с. 66–67]. Таким образом, учитывается неоднозначный и довольно сложный характер семантики амплифаеров-частиц. Каждый амплифаер-частица имеет индивидуальное значение, обладает собственной семантикой (семантический аспект), и своим функциональным потенциалом, действия которого распространяются на уровни языковой реализации: на уровень высказывания, на уровень текста, на уровень синтаксической конструкции (функциональный аспект) [Николаева, 2005, с. 28–31].

Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой амплифаеры-частицы не имеют вполне самостоятельного реального и материального значения, а их лексические значения совпадают с их грамматическими или экспрессивно-стилистическими функциями [Виноградов, 1986, с. 544].

Для настоящего исследования важно отметить, что в функциональном аспекте рассматриваются также и прагматические особенности амплифаеров-частиц, так как их существование прежде всего связано с выполнением ими определенных коммуникативных функций в составе высказывания-реплики. Содержательную сущность амплифаеров-частиц составляет именно прагматика, то есть выражение отношения адресанта к речевому акту и его участникам. Следовательно, амплифаеры-частицы являются одним из первичных способов передачи субъективных значений – наряду с другими «периферийными» разрядами слов (вводными словами, междометиями и др.), а также порядком слов, просодией, специальными морфемами [Падучева, 1996, с. 215–217]. Необходимо подчеркнуть, что семантическая и прагматическая близость подходов к описанию и изучению амплифаеров-частиц является очевидной. Прагматический подход связан прежде всего с семантическим, то есть описать то или иное значение амплифаера-частицы представляется возможным только исходя из ее прагматических свойств.

Таким образом, приходим к выводу, что семантические и прагматические функции находятся в сложном соотношении. Так, последние «могут рассматриваться как особый аспект семантических функций, заключающийся в передаче отношения содержания языковых единиц и высказывания в целом к участникам речевого акта и его условиям» [Бондарко, 2003, с. 9]. За каждым амплифаером-частицей закреплено лексическое и коммуникативно-прагматическое значение, то есть семантика амплифаеров-частиц проявляется в их функциях и включает в себя прагматические компоненты и элементы объективной информации, что делает данные лексические единицы важнейшим средством организации связного текста [Купцов, 2011а, Купцов, 2021а]. Амплифаеры-частицы выражают отношение адресанта к высказыванию-реплике, выделяя тот или иной компонент высказывания, внося различные смысловые оттенки, что связано с их контекстуальной обусловленностью. В целом значение амплифаеров-частиц можно охарактеризовать как коммуникативное, являющееся дополнительным к содержанию высказывания-реплики, то есть основным их назначением является участие в организации высказывания и всего процесса коммуникации.

3.3. Функциональный потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса

Язык является не только средством коммуникации, но и сложной системой, в которой лексические единицы выполняют множество различных функций. Лексические единицы представляют собой основополагающие элементы языковой структуры, обеспечивающие передачу смыслов и информацию. Они служат связующим звеном между мыслью и ее выражением, позволяя человеку не только описывать окружающий мир, но и формировать абстрактные концепции, передавать эмоции и устанавливать социальные связи. Таким образом, можем отметить, что лексические

единицы играют ключевую роль в языковом механизме и обладают большим количеством функций по сравнению с другими языковыми единицами.

Функции языковых единиц связаны с их значением, иначе говоря, исследование функции определенной формы включает анализ ее значений. Однако функции не следует отождествлять со значением, поскольку они реализуются в процессе взаимодействия языковых системных объектов и их контекста [Нерушева, 2011]. Изучение функционального диапазона лексических единиц языка представляет собой одну из главных задач в лингвистике, поскольку оно позволяет глубже понять механизмы функционирования языка и его роль в человеческом взаимодействии.

Амплифаеры-акцентуаторы определяются и анализируются, как правило, в рамках теории функциональных семантико-синтаксических категорий (ФССК). ФССК трактуется как «система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля. Иначе говоря, без реализации этого признака текст не состоится как определенное функционально-стилистическое образование» [Кожина, 2014, с. 477]. Следовательно, можно заключить, что ФССК объединяет языковые средства по функциональным, семантическим и стилистическим признакам, обеспечивая специфические характеристики текста в рамках определенного функционального стиля. Таким образом, М. Н. Кожина высказывает мнение о том, что *амплифаеры-акцентуаторы* – это языковые единицы, которые подчеркивают логичность, объективность и выразительность речи, способствуя эффективной/успешной коммуникации и адекватному пониманию передаваемой информации [Кожина, 1986]. В соответствии с функциональным диапазоном языковых средств, которые используются с целью особого акцента, выделяются **следующие группы амплифаеров**:

1) вопросно-ответный комплекс;
2) конструкции и обороты связи (в том числе включающие выражение побуждения как обращения);
3) противительные союзы;
4) некоторые семантические группы частиц (усилительно-ограничительные, отрицательные);
5) вводные слова со значением выражения отношения между частями высказывания и др.

М. Н. Кожина отмечает, что применительно к научным текстам можно говорить о «функциональной семантико-стилистической категории акцентности как о функциональной системе языковых средств различных языковых уровней, выступающих в научных текстах в роли смыслового акцента (выделенности)» и тем самым связанных между собой в текстах на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, то есть функционально-стилистически [Кожина, 1987, с. 37]

С проблемой семантической акцентности непосредственно связан вопрос об экспрессивности и выразительности. Взаимосвязь всех средств ее выражения основывается на выполнении единого коммуникативного задания, обусловленного его экстралингвистической основой. Следовательно, главным принципом акцентности является «стремление автора подчеркнуть самое важное в содержании, при этом освободив его от всего лишнего, ненужного для уяснения подлинного смысла [Иванова, 1988, с. 48–49].

Необходимо отметить, что амплифаеры-акцентуаторы являются вспомогательными средствами по отношению к развернутым вариативным повторам (РВП), которые формируют основу механизма текстообразования. С точки зрения функциональной специфики амплифаеров-акцентуаторов их можно **классифицировать на несколько групп**:

1. *Сигналы РВП*, фигурирующие в тексте в качестве акцентуаторов таких значимых компонентов содержания, которые автор специально повторяет с той или иной точки зрения, а именно с точки зрения обобщения,

уточнения, пояснения, конкретизации, акцентуации, ретроспекции ранее уже эксплицированной в тексте мысли или ее проспекции.

2. *Собственно акцентуаторы* – дискурсивные единицы, регулирующие смысловые отношения между высказываниями, выделяя наиболее значимые, с точки зрения автора, компоненты содержания, но не имеющие отношения к повторам [Данилевская, 2024, с. 1270].

Рассматривая текстообразующий потенциал амплифаеров-акцентуаторов в научной коммуникации, В. А. Данилевская выявляет **следующие функции**:

1) выделение важного, уточнение мысли из левого контекста, активизация внимания читателя;
2) актуализация сопоставительно-противительных отношений;
3) выражение уверенности в истинности знания;
4) усиление ограничительных отношений;
5) усиление противопоставления;
6) усиление акцентирования с оттенком отрицания второго компонента однородного ряда;
7) акцент на большей значимости правого компонента однородного ряда;
8) акцент на совместной значимости двух явлений;
9) акцент на неожиданности полученного нового знания.

Исследователь указывает на тот факт, что возможны также другие функции, которые от перечисленных не будут отличаться, так как все амплифаеры-акцентуаторы в целом «играют роль усилителей важных, с точки зрения автора, мыслей и одновременно выступают единицами связи между последними, «подталкивая» динамику смыслового развертывания, или, иначе, логику смысловой сменяемости». Амплифаеры-акцентуаторы различных семантических и формальных уровней формируют прагматически ориентированную рельефность содержания текста, одновременно воздействуя как на читателя, так и на самого автора. Эта «смысловая выразительность» способствует более эффективной организации знаний

автора об исследуемом объекте. Развернутые вариативные повторы и амплифаеры-акцентуаторы, переплетаясь и взаимодействуя, формируют фон смысловых акцентов, который служит адресату в качестве «путеводителя», помогая ему ориентироваться в тех концептуальных смыслах, которые автор развивает на протяжении всего текста [Там же, с. 1270–1271].

Что касается амплифаеров-дискурсивов, функциональный принцип их классификации основывается на их роли в организации и структурировании текста или речи. Следовательно, за каждой лексемой закреплена конкретная функционально-смысловая нагрузка. Необходимо отметить, что в термине *амплифаер-дискурсив* первый элемент уточняет функцию данных единиц – маркировать и акцентировать определенные части сообщения, а второй элемент термина указывает на то, что обозначаемое явление относится к дискурсу, то есть к процессу последовательного развития речевого взаимодействия с учетом всех его факторов.

Несмотря на кажущуюся тривиальность амплифаеров-дискурсивов, как пишет М. В. Каменский, их исследование представляет собой сложную задачу главным образом из-за отсутствия у них конкретного предметного значения, а также из-за их структурной неоднородности и полифункциональности [Каменский, 2015].

В коллективной работе «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка» указано, что амплифаеры-дискурсивы «обеспечивают связанность текста, …отражают процесс взаимодействия адресанта и адресата, …выражают истинность и этические оценки пресуппозиции, мнения, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [Баранов, 1993, с. 7].

Д. Шиффрин, выделяя одиннадцать амплифаеров-дискурсивов, представленных сочинительными и подчинительными союзами (*and, but, or because*), темпоральными и союзными наречиями (*now, then, so*), междометиями (*oh, well*), вводными предложениями (*you know, I mean*), отмечает, что основная функция данных лексем – это обеспечение когезии

текста, так как они указывают на отношения между сегментами дискурса. Следовательно, исследователь обращает внимание на то, как различные выражения используются для организации диалогов, учитывая влияние каждого высказывания-реплики на ход беседы, его тональность, а также лингвистические особенности и контекст, в который оно вписывается. Амплифаеры-дискурсивы определяются как дейктические элементы и приписывают им индексную функцию. Употребление данных лексем зависит от последовательности смыслов, которые функционируют в различных сферах: когнитивной, социальной, экспрессивной и др. [Schiffrin, 1987].

Я. Лиу также придерживается мнения, что амплифаеры-дискурсивы представляют собой слова или фразы, которые функционируют в основном как структурная единица разговорного языка (например, *actually, now, anyway, so, I mean, well*), а также сигнализируют адресату о намерениях адресанта обозначить смысловые границы в дискурсе, что может включать как смену говорящего, так и ввод новой темы [Liu, 2006]. Амплифаер-дискурсив связан с прагматическим значением на многоязычном уровне дискурса. Он используется для того, чтобы сигнализировать адресату, что именно хочет донести до него адресант, а также играет важную роль в связывании частей дискурса [Fraser, 1996; Heine, 2013; Lenk, 1997]. Структурирование организации дискурса может заменять грамматические правила. Эмоциональный аспект речи способствует созданию определенной тональности общения. Эта функция позволяет выражать субъективное отношение, проявляющееся в дополнительных оценках и комментариях, которые сопутствуют основному содержанию [Бабаева, 2008]. Таким образом, можем сделать вывод о том, что основная функция амплифаеров-дискурсивов заключается в установлении связи между высказыванием и контекстом дискурса, что включает установки говорящего/пишущего и взаимодействие между коммуникантами.

Сообразно цели настоящего исследования заслуживает особого внимания мысль о том, что каждая дискретная единица «представляет собой

функциональный слот, включающий определенный набор дискурсных маркеров. Каждому функциональному слоту сопоставлен следующий набор характеристик, описывающих входящие в него дискурсные маркеры с позиции их лингвистического статуса в языковой системе и когнитивно-функционального потенциала в дискурсе: лингвистический статус (лексическая / грамматическая принадлежность) – характеристика, отражающая лексическую и грамматическую принадлежность дискурсного маркера; дискурсивная функция – функция дискурсных маркеров как синтаксических или прагматических элементов дискурсивного взаимодействия; иллокутивный потенциал – набор функционально вспомогательных иллокуций, реализуемых посредством данного дискурсного маркера для достижения коммуникативной цели высказывания; когнитивная нагрузка – когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия, определяемая данным дискурсным маркером [Каменский, 2014, с.54].

К. Шодрон и Дж. Ричардс в зависимости от функционального потенциала выделяют микромаркеры и макромаркеры. Микромаркеры обеспечивают связь между предложениями и выполняют функцию заполнителей пауз, предоставляя адресату больше времени на осмысление сказанного. Макромаркеры акцентируют наиболее важную информацию и организуют порядок ее следования в тексте [Chaudron, Richards, 1986].

К. Бауер-Рамазани выделяет **четыре типа амплифаеров-дискурсивов**, основной функцией которых является связь предложений в английском языке: 1) *сочинительные союзы* (coordinating conjunctions); 2) *коннекторы* (connectors) (наречия, союзные наречия); 3) *подчинительные союзы* (subordinating conjunctions); 4) *фразовые связующие средства* (phrase linkers) (предлоги, существительное с предлогом) [Bauer-Ramazani, 2005]. Согласно утверждению К. Бауер-Рамазани приходим к выводу, что сочинительные союзы соединяют равноправные элементы, подчинительные союзы обеспечивают зависимость между частями предложения, коннекторы, включая наречия и союзные наречия, служат для логического перехода

между предложениями-высказываниями, а фразовые связующие средства, такие как предлоги и существительные с предлогами, помогают создавать более сложные связи в тексте.

Категории амплифаеров-дискурсивов по своей сути и в конечном счете межличностны, и одна из их главных целей – убедить читателя. Таким образом, данные единицы языка подразделяются на функциональные категории *межличностных* и *текстовых маркеров*. Текстовые амплифаеры-дискурсивы относятся к аспекту организации дискурса, они выполняют функцию убеждения и обеспечивают убедительный эффект. В то время как межличностные амплифаеры-дискурсивы отражают позицию автора как по отношению к содержанию текста, так и к потенциальному читателю [Brinton, 1996; Hyland, Tse, 2004]. В текстовой функции Л. Бринтон **выделяет еще восемь функций**: 1. Маркер открытия новой темы – инициирует дискурс, включая внимание адресата; 2. Маркер закрытия темы – завершает дискурс; 3. Маркер, отвечающий за очередь – помогает говорящему либо получить, либо уступить слово; 4. Филлер – служит в качестве наполнителя, используемого для поддержания дискурса; 5. Маркер смены темы – указывает на переход/переключение на новую тему; 6. Индикатор информации – передает либо новую, либо старую информацию; 7. Маркер последовательности/релевантности; 8. Маркер, который восстанавливает собственный или чужой дискурс.

Межличностная функция связана с ролью адресанта и адресата, то есть это обмен информацией между коммуникантами. Так, исследователь в межличностной функции выделяет **дополнительно две функции**:

1) субъективность выражения ответа или реакции на предшествующее высказывание включает в себя не только вербальные, но и невербальные сигналы понимания, а также проявление непрерывного внимания к говорящему в процессе его изложения мысли;

2) сотрудничество, которое включает в себя выражение понимания и вежливое выражение разногласий [Brinton, 1996, p. 35–40].

Исходя из предыдущего обсуждения о том, что *текстовые маркеры* помогают структурировать дискурс, а *межличностные маркеры* отражают позицию автора как по отношению к содержанию текста, так и к предполагаемому читателю, можно выделить схожие классификации амплифаеров-дискурсивов. Различия в классификациях, как правило, заключаются в варьировании групп исследуемых лексических единиц. Добавим, что в следующей классификации амплифаеров-дискурсивов акцент сделан на **логическую организацию текста**. Структурируя дискурс, амплифаеры-дискурсивы помогают обозначать последовательность изложения информации, конкретизировать, акцентировать внимание адресата, обозначать причинно-следственные связи и др.: 1) *амплифаеры-дискурсивы*, указывающие на последовательность изложения информации (first, initially, second, then, further, finally); 2) *амплифаеры-дискурсивы*, вводящие примеры (for example, for instance, as examples); 3) *амплифаеры-дискурсивы*, конкретизирующие или повторяющие мысль (that is, in particular, similar to (similarly), again, likewise, specifically, briefly, relatedly, in a similar vein); 4) *амплифаеры-дискурсивы*, акцентирующие внимание (indeed, actually, of note, in fact); 5) *амплифаеры-дискурсивы*, вводящие дополнительную информацию (furthermore, moreover, in addition to, also, additionally); 6) *амплифаеры-дискурсивы*, указывающие на противопоставление (while, on the one hand, on the other hand, however, whereas, although, nonetheless, despite, regardless of, instead (of), conversely, in practice); 7) *амплифаеры-дискурсивы*, обобщающие (altogether, in principle, on the whole); 8) *амплифаеры-дискурсивы*, указывающие на причинно-следственную связь (thus, therefore, consequentially, as a consequence, because (of this), for this reason, since, as); 9) *амплифаеры-дискурсивы*, подводящие итог (to summarize/to conclude, in summary, in all, as a result, in conclusion/in concluding) [Шугаева, Коровина, 2021, с. 32–33; Hyland, Tse, 2004, p. 156–157].

Кроме того, в зависимости от функций межличностных амплифаеров-дискурсивов К. Хайленд и П. Цэ классифицируют их на **пять групп**:

1. *Хеджи* – средства выражения эпистемической модальности (may, might, would, perhaps, maybe, it is likely, it is probable).
2. *Маркеры, выражающие уверенность* (undoubtedly, of course, naturally, in fact, you know).
3. *Атрибутивные маркеры*;
4. *Маркеры, выражающие отношения* (must, have to, surprisingly, strangely, it is difficult, impossible, I think, I believe).
5. *Маркеры-комментарии* (риторические вопросы, обращения, маркеры персонализации) [Hyland, Tse, 2004, p. 156–177].

Таким образом, можем с уверенностью говорить о том, что **амплифаеры-дискурсивы** выполняют **две основные функции**: *дискурсивную функцию* и *межличностную*. Дискурсивная функция связана с обозначением отношений между различными частями текста – как между предыдущими, так и последующими элементами дискурса, связывая дискурсивные элементы между собой. Межличностная функция заключается в выражении позиции говорящего/пишущего.

В «Дескриптивной грамматике испанского языка» М. Сорракино и Х. Портолес классифицируют изучаемые лексические единицы, исходя из выполняемых ими дискурсивных функций, которые в разной степени зависят от семантики и семантических свойств **амплифаеров-дискурсивов**:

– структурирующие информацию (estructuradores de la información);

– маркеры-соединители (conectores);

– маркеры перифраза (reformuladores);

– аргументативные операторы (operadores argumentativos);

– диалогические (речевые) маркеры (marcadores conversacionales) [Zorraquino, Portolés, 1999].

Классификация лексических единиц по дискурсивным функциям осуществляется с точки зрения их прагматического характера и подчеркивает их разнообразие и важность в структуре коммуникации, где каждая категория выполняет уникальную роль в организации и интерпретации

информации. Структурирующие элементы помогают упорядочить содержание, маркеры-соединители обеспечивают логическую связь между частями текста, а маркеры перифраза способствуют уточнению и переформулированию мыслей. Аргументативные операторы усиливают убедительность высказываний-реплик, в то время как диалогические маркеры способствуют поддержанию взаимодействия между участниками диалогического дискурса. Таким образом, важно подчеркнуть, что понимание семантических свойств данных амплифаеров-дискурсивов является ключевым для анализа их функциональной значимости в языке.

Амплифаеры-дискурсивы, будучи важными инструментами метадискурса, выполняют функции, способствующие структурированию и организации текста, а также обеспечивают ясность и логическую последовательность изложения:

1) *перемещение (transition)*: and, furthermore, moreover, by the way, likewise, equally, similarly, in the same way, correspondingly;
2) *маркер структуры текста (frame marker)*: first, then, at the same time, next, to sum, in sum, by the way of introduction;
3) *внутритекстовая ссылка (endophoric marker)*: refer to the next situation, as noted above, as mentioned before;
4) *маркер доказательства (evidentials)*;
5) *глоссы (code glosses)*: as a matter of fact, called, defined as, e. g., for example, for instance, i.e., in fact [Hyland, 2004].

Амплифаеры-дискурсивы представляют собой языковые элементы, которые играют ключевую роль в метадискурсе, обеспечивая структурирование и организацию текста или речи. Амплифаеры-дискурсивы помогают установить связи между идеями, выделяя логические отношения, такие как последовательность, дополнение или противопоставление, и тем самым способствуют улучшению понимания и восприятия сообщаемой информации. Следует добавить, что использование данных лексических единиц не только облегчает навигацию по тексту, но и отражает отношение

автора к представленным идеям, что делает их важным инструментом для эффективного/успешного общения в различных контекстах.

Функциональный принцип амплифаеров-частиц служит основой для их классификации. Важно отметить, что различные интерпретации таких общих категорий и понятий, как формообразование и модальность, приводят к расхождению в классификационных группах амплифаеров-частиц в разноструктурных языках. Основным свойством данных лексем является их коммуникативная свобода, самостоятельность и мобильность. Амплифаеры-частицы входят в синтаксические конструкции и реализуются в пределах высказывания-реплики [Купцов, 2021; Купцов, 2022е; Купцов, 2022ж].

Функциональный диапазон амплифаеров-частиц в тексте определяется семантическими особенностями частиц [Бирюкова, 2007; Борисова, 2021; Купцов, 2011а; Купцов, 2016; Купцов, 2021а; Купцов, 2024б; Шилова, 2023; Николаева, 2005; Стародумова, 1988], следовательно, «полная и ясная картина функционирования частиц может быть представлена только на основе “пословного” их описания», то есть исследование каждого слова с учетом его парадигматических связей с другими функционально подобными словами» [Стародумова, 1974, с. 3].

В контексте изучения функционального диапазона амплифаеров-частиц в высказывании-реплике существует обширный объем исследований. Считаем целесообразным сосредоточиться на основных аспектах данного вопроса. Так, исследуемые лексические единицы указывают на отношение между частями высказывания-реплики, создавая логические связи; изменяют смысл выказывания-реплики, придавая последней дополнительные оттенки значения; придают особую градуальную окраску (усиление или уменьшение степени признака); выражают отношение говорящего/пишущего к действительности и др. [Бирюкова, 2007; Колесникова, 2012; Клюшина, 2020; Купцов, 2021а; Купцов, 2022; Купцов, 2024; Купцов, 2025б; Николаева, 2000; Николаева, 2010; Стародумова, 1988 и др.].

Данные лексические единицы могут относиться к средствам

пропозициональной установки говорящего (адресанта) и выражают различные виды субъективно-модальных значений: эпистемической модальности (достоверно / недостоверно), аксиологической модальности (хорошо / плохо, желательно / нежелательно) и адмиративной модальности (ожидаемо / неожиданно)» [Крылова, 2009, с. 112]. Р. И. Бабаева отмечает, что с помощью амплифаеров-частиц происходит актуализация информации, релевантной для ситуации общения, помогая собеседнику (адресату) понять смысл высказывания [Бабаева, 2008]. Амплифаеры-частицы способны с минимальными затратами передавать широкий спектр прагматических значений: они отражают внутренние предпосылки, установки, интенции говорящего/ пишущего (адресанта), а также его отношение к адресату и к самой коммуникативно-речевой ситуации в целом [Николаева, 2005; Купцов, 2021б; Купцов, 2022; Купцов, 2022б; Купцов, 2023ж; Купцов, 2024б; Wierzbicka, 1976].

И. А. Нагорный указывает на то, что данные лексемы с модальным значением «соответствуют качествам знака, которые и составляют основу выполняемой ими в высказывании-реплике информативно-знаковой функции обработки и кодирования определенного вида квалификативного информационного материала. Эти модальные средства относятся к типу языковых знаков, которые предназначены прежде всего для передачи информации от коммуниканта к коммуниканту путем квалификации этой информации в модально-предположительном аспекте. С их помощью адресант доносит до адресата сведения о степени вероятности осуществления или неосуществления в действительности описываемой денотативной ситуации» [Нагорный, 2013, с. 66–67]. Следовательно, амплифаеры-частицы выражают субъективную модальность, а именно, отношение говорящего (адресанта) к действительности и его иллокутивной силе.

Существование большого количества амплифаеров-частиц в разноструктурных – английском, испанском и русском – языках объясняется спецификой их функционирования в речи. Данная особенность лексем

заключается в их способности усиливать, подчёркивать определённую информацию (В. Д. Девкин), акцентировать внимание на отдельных элементах высказывания (Е. Ю. Оберемченко) и довольно ёмко доносить больше информации, чем содержится во фразе (И. И. Сущинский) [Дягтерева, 2018, с. 58]. Для более адекватного понимания говорящий (адресант) использует амплифаеры-частицы для выделения фрагмента значения, который представляется важным «для данного сообщения в большей степени, чем можно предполагать» [Борисова, 2018, с. 39].

Для амплифаеров-частиц характерна *акцентирующая функция* [Стародумова, 1988; Николаева, 2010; Купцов, 2014; Купцов, 2017; Купцов, 2017б; Купцов, 2018; Купцов, 2018а; Купцов, 2021а]. Данные лексемы служат для усиления значимости слов и выражений, привнося в высказывание дополнительную композиционно-смысловую нагрузку. Из-за своей уникальной грамматической структуры, которая заключается в том, что они привязаны к конкретному компоненту высказывания, частицы акцентирующего класса обычно не входят в традиционные лексико-грамматические и синтаксические категории.

Акцентное выделение и акцентирующие частицы, как справедливо отмечает Т. М. Николаева, имеют схожие функции, так как они связаны с частичной функциональной синонимией и в сознании носителей языка довольно часто воспринимаются как одна функциональная единица [Николаева, 2010]. Следовательно, их взаимозаменяемость в восприятии носителей языка подчеркивает их единую роль в коммуникативном процессе. Амплифаеры-частицы являются «своеобразными качественными показателями смыслового веса слова или высказывания в целом» [Виноградов, 1986, с. 546], так как обладают лексическим значением, для которого характерно отражение коммуникативной организации высказывания-реплики – прагматическая информация. Итак, далее считаем уместным и целесообразным рассмотреть проблему коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров.

3.4. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров художественного диалогического дискурса

Коммуникация и прагматика тесно связаны между собой, поскольку понимание одного аспекта невозможно без учета другого. Исследование прагматических аспектов общения позволяет глубже понять механизмы взаимодействия, что важно как для теоретической лингвистики, так и для практического применения в различных сферах человеческой деятельности.

Коммуникация включает в себя как передачу информации, так и передачу содержания. Социальная реальность участников коммуникации создается через взаимные акты выражения и интерпретации смыслов [Григорьева, Любимова, 2006]. При изучении дискурса и амплифаеров важно учитывать как *коммуникативный*, так и *прагматический подходы*. Как справедливо отмечает Н. И. Формановская, *коммуникативный подход* выявляет такие характеристики языковых единиц, которые проявляются в процессе коммуникации; здесь «актуализируются интенциональные, социальные и другие сугубо коммуникативные смыслы»; в то время как *прагматический подход* акцентирует внимание на важном аспекте языковых единиц, связанном с человеком, который использует язык «для достижения поставленных целей при ориентации в ситуации в целом, в социальных признаках адресата и т. д.» [Формановская, 2002, с. 5]. Кроме того, прагматический аспект непосредственно связан с коммуникативной целью и отношением человека «к языковым знакам, с выражением его установок, оценок, эмоций, интенций при производстве (и восприятии) речевых действий и высказываний в дискурсах» [Формановская, 2007, с. 93].

Таким образом, можем заключить, что *коммуникативный подход* фокусируется на взаимодействии участников общения, анализируя, как различные элементы языка, включая амплифаеры, которые помогают передавать намерения, эмоции и различные значения. Этот подход учитывает контекст, т. е. коммуникативно-речевую ситуацию, в которой происходит

общение, и роль каждого участника в этом процессе. В то время как *прагматический подход* акцентирует внимание на том, как язык используется в конкретных ситуациях, включая не только лексическое значение слов, но и их смысл в определенном контексте. Данный подход рассматривает, как амплифаеры могут изменять значение высказывания-реплики в зависимости от ситуации, интонации, невербальных сигналов и других факторов. Совмещение этих подходов позволяет более полно понять функции амплифаеров в языке, их роль в организации дискурса и влияние на интерпретацию сообщений в различных социальных контекстах.

Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров прежде всего связан с категорией акцентирования. Изучение вопросов данной категории позволяет точнее детерминировать природу языка и его функциональный потенциал, а именно, изучение функционирования языка в конкретных типах речевой деятельности и сферах общения. Акцентирование позволяет адресанту успешно реализовывать коммуникативную стратегию, то есть мысленный план говорящего/пишущего, который способствует речевой деятельности и определяет выбор средств для успешной реализации его намерений, а также достигать коммуникативно-прагматического эффекта, то есть целенаправленного воздействия высказывания-реплики на адресата, что зависит от содержания, от формы и организации речевого акта. Акцентирующий механизм позволяет слушателю/читателю однозначно декодировать информацию и интенции автора. Таким образом, понимание микросистемы средств выделения элементов речи – амплифаеров-акцентуаторов – помогает адресанту управлять вниманием адресата во время всего коммуникативного акта [Сущинский, 1984].

Акцентированию подвергается как отдельный синтаксический компонент предложения-высказывания, так и словосочетание или целое предложение. Амплифаеры-акцентуаторы обозначают субъективные оттенки значения, которые вносит говорящий/пишущий (адресант), и служат для выделения или ограничения некоторых моментов в высказывании-реплике.

Следовательно, усиливается коммуникативно-информативная весомость и действенность элементов речи, которые, по оценке адресанта, являются коммуникативным центром высказывания-реплики [Иванова, 1988; Купцов, 2021а; Купцов, 2023в; Купцов, 2023г; Купцов, 2024г; Купцов, 2024ж; Николаева, 2000; Николаева, 2010; Стародумова, 1988; Сущинский, 1984].

Основываясь на вышеизложенных положениях, И. И. Сущинский приходит к выводу, что полифункциональная коммуникативно-прагматическая категория «акцентирование» выполняет ряд функций: 1) подчеркивает коммуникативную значимость элемента речи; 2) сосредоточивает внимание адресата на выделяемом элементе речи; 3) подкрепляет точку зрения говорящего/пишущего на излагаемое; 4) активизирует внимание и усиливает речевое воздействие на слушателя/читающего; 5) облегчает коммуникативно-прагматическую ориентацию адресата в процессе общения; 6) создает наибольший коммуникативно-прагматический эффект; 7) обеспечивает коммуникативную согласованность между коммуникантами; 8) привносит дополнительно смысловое содержание; 9) позволяет адресанту более четко и выразительно передать свои чувства; 10) уточняет логико-модальное содержание высказываний; 11) осуществляет логико-синтаксическую связь между элементами речи; 12) создает благоприятные предпосылки для целенаправленного восприятия информации [Сущинский, 1984а, с. 55].

Т. Б. Иванова подчеркивает, что амплифаеры-акцентуаторы, образующие речевую системность, взаимосвязаны между собой коммуникативно-стилистически. Данные лексемы языка обладают коммуникативной функцией: подчеркивают наиболее значимые моменты содержания «с целью привлечения к ним внимания читателя, убеждения его в истинности авторской точки зрения и достижения в конечном итоге взаимопонимания в процессе общения». Как отмечает исследователь, амплифаеры-акцентуаторы выполняют ряд частных функций: подчеркивают важность и достоверность какого-либо факта, а также усиливают логико-смысловые отношения сопоставления (противопоставления), ограничивают,

уточняют, облегчают коммуникативно-прагматическую ориентацию адресата в процессе коммуникации и др. [Иванова, 1988, с. 105–106]. Из всего вышесказанного можем сделать вывод о том, что амплифаеры-акцентуаторы в языке играют важную роль в формировании речевой системности, обеспечивая коммуникативную и стилистическую взаимосвязь. Они помогают выделять значимые моменты содержания, убеждать, воздействовать на читателя и способствовать взаимопониманию коммуникантов, а также помогают говорящему/пишущему адекватно донести цель своего высказывания-реплики.

Что касается амплифаеров-дискурсивов, данные лексические единицы целесообразно интерпретировать в соответствии с лингвистическим или концептуальным контекстом. Опираясь на это положение и в зависимости от их функционального потенциала и коммуникативно-прагматических особенностей, выделяют **четыре группы амплифаеров-дискурсивов:**

1. *Базовые (основные) маркеры*. В этой группе выделяются эмотивные слова/междометия и *группа маркеров согласия/несогласия*, которые отражают бинарную оппозицию отношения коммуниканта к предыдущему или последующему сегментам. Эмотивные слова выражают отношение участника коммуникации к ситуации и к высказыванию-реплике собеседника.

2. *Группа комментирующих маркеров*. Данные единицы языка используются в комментарии базового сообщения. В соответствии с коммуникативно-прагматическими функциями выделяют *маркеры оценки*, которые выражают субъективную оценку коммуниканта относительно последующего сегмента, *маркеры манеры речи*, которые направлены в сторону самого говорящего, *маркеры уверенности/неуверенности*, которые отражают степень уверенности или неуверенности говорящего о содержании базового сообщения, и *маркеры эмфазы*, которые выполняют функцию подчёркивания силы базового сообщения.

3. *Организационные маркеры* отражают качество взаимосвязи двух сегментов дискурса. В данной группе выделяют *маркеры*

противопоставления, которые сигнализируют о том, что следующий сегмент является или отрицанием предыдущего, или сопоставлением с элементом предыдущего сегмента, *маркеры уточнения*, которые довольно часто используются для продолжения или развития повествования, *маркеры причинно-следственной связи*, указывающие на то, что высказывание-реплика является выводом, который можно сделать из последующего или предыдущего сегмента, и *маркеры направления темы*, которые используются для того, чтобы изменить, перенаправить, закончить или начать новую тему.

4. *Параллельные маркеры*, которые вводят целое сообщение в дополнение к основному сообщению. В данной группе выделяют *фокусирующие маркеры*, которые используются для того, чтобы направить внимание собеседника на конкретный факт или ситуацию, а также чтобы установить контакт с собеседником [Власян, 2022; Fraser, 1996]. Таким образом, можем сказать, что общей чертой всех амплифаеров-дискурсивов является дополнение к сообщению. Кроме того, данные лексемы оформляют сообщение в понятный для адресата дискурс, а также облегчают взаимопонимание между участниками коммуникации.

Амплифаеры-дискурсивы выполняют важные коммуникативно-прагматические функции, способствуя организации и структурированию речи, уточнению и пояснению информации, выражению отношения говорящего, созданию связности и когерентности текста, вовлечению собеседника в диалог, а также указанию на временные и пространственные отношения. Амплифаеры-дискурсивы устанавливают логические связи между высказываниями-репликами, подчеркивают эмоциональную окраску и намерения говорящего, что способствует успешной коммуникации.

В исследованиях, посвященных диалогическому дискурсу, Е. А. Иванова разделяет амплифаеры-дискурсивы на *маркеры начала*, *прерывания* и *окончания* диалогической коммуникации. Исследователь выделяет следующие группы маркеров: аппеляторы, маркеры возвращения к теме и подведения итога, прерывания и начала новой диалогической

единицы, оценочные, маркеры прерывания, метатекстовые комментаторы завершения, этикетные показатели конца [Иванова, 2023]. Следовательно, можно заключить, что указанные группы маркеров выполняют аналогичную функцию установления контакта, однако с точки зрения коммуникации и прагматики их функциональный диапазон может варьироваться в зависимости от контекста коммуникации, интенций участников диалогического взаимодействия. Отметим, что указанные факторы играют важную роль в формировании динамики коммуникации и могут влиять на восприятие и интерпретацию сообщений.

Амплифаеры-частицы выполняют по отношению к коммуникативно-нейтральному предложению функцию формирования так называемых «теневых высказываний», возникающих параллельно с исходным высказыванием-репликой. Таким образом, присутствие частиц сливается с идеей акцентирования, создавая «комплекс: частица+акцентирование» [Николаева, 2000, с. 90–91]. По мнению Е. А. Стародумовой, акцентирующая функция частиц заключается в их выделении определенного компонента с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую этот выделяемый компонент обозначает [Стародумова, 1974]. Одна и та же структурная схема предложений с амплифаером-акцентуатором способна «реализовывать разные коммуникативные интенции говорящего» [Сущинский, 1984, с. 11].

Коммуникативно-прагматические функции амплифаеров-частиц связаны с выдвижением на передний план информации, которая обладает наибольшей ценностью. Являясь средством усиления смысловой нагрузки слова, словосочетания или всего высказывания-реплики в целом, амплифаеры-частицы подчеркивают информативно-семантическую значимость акцентируемого компонента, а также несут дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном диалогическом дискурсе. Необходимо отметить, что основной коммуникативно-прагматической функцией исследуемых лексических единиц является их способность фокусировать внимание реципиента/читателя (адресата) на

последующей новой информации в высказывании-реплике, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание-реплику большую интенсивность, усиливать то или иное значение акцентируемого ими компонента (члена) предложения-высказывания. Амплифаеры-частицы способны вносить в высказывание-реплику различные оттенки дополнительных значений (смыслов), при этом, несомненно, влиять на значение высказывания-реплики в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Амплифаеры-частицы способны усиливать выразительность речи (высказывания-реплики), оказывать влияние на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания-реплики и всего диалогического дискурса, которая создаётся за счёт различных оттенков коннотативного характера [Купцов, 2022; Купцов, 2023з; Купцов, 2024л].

В акте коммуникации амплифаеры-частицы «функционируют как яркий инструментарий выражения интенций субъекта, поскольку они способны сжато и емко актуализировать квалификативную реакцию субъекта относительно сообщаемого, донести данную личностную точку зрения до адресата и таким образом прагматически воздействовать на него».

Согласно этому положению И. А. Нагорный выделяет следующие **коммуникативно-прагматические функции амплифаеров-частиц:**

1. *Репрезентативно-экспликационная функция*, которая отражает разноаспектные параметры репрезентации данными лексемами точки зрения говорящего (адресанта). Выполнение данной функции позволяет не только «продуктивно рефлектировать модальные, эмоциональные, оценочные или интеллектуальные квалификативные ментальные операции субъекта, его разнообразные коммуникативные реакции в преломлении на реалии окружающей действительности, но и активно проецировать указанные реакции, мнения и оценки на собеседника».

2. *Функция речевого воздействия*, которая напрямую связана с «репрезентативно-экспликационной функцией частиц, лежит в основе не

только донесения говорящим до собеседника при помощи частицы собственного взгляда на событие, но и желания озвучить адресату собственное личностное квалификативное мнение как модальную или оценочную характеристику сообщаемого, его эмоциональную или интеллектуальную коммуникативную реакцию, экспрессивно окрашенный взгляд на событие».

3. *Локализационная функция* заключается в том, что «автор, включая в состав своего высказывания-реплики частицу как инструмент реакции на воспринимаемую информацию, фокусирует при помощи данной частицы собственное коммуникативное намерение в координатах «я/здесь/сейчас». Таким образом происходит локализация в указанных координатах речевого высказывания как субъективно-авторской «точки зрения» на событие и согласование этого мнения с ситуацией общения в целом.

4. *Функция рематизации*, то есть актуализация частицами смыслового и коммуникативного центра сообщения. Амплифаеры-частицы способны реализовать коммуникативную задачу – рематизируют и, тем самым, способствуют определению коммуникативного центра высказывания. «Коммуникативная сфера – это сфера локализации антропоцентрической составляющей любого языка не только на понятийно-семиотическом уровне, но и на уровне репрезентативном, где наиболее ярко проявляется субъективированная сущность конкретных языковых средств актуализации прагматически обусловленной коммуникативной позиции говорящего». Амплифаеры-частицы, как коммуникативно-прагматические языковые средства, выполняют «роль репрезентантов и индивидуальной, и концептуальной языковой картины мира человека, показателей универсальности целого комплекса лингвокультурных факторов, а также знаков специфики лингвистического мировосприятия окружающего мира субъектом» [Нагорный, 2019, с. 373–377].

Представляется важным отметить, что амплифаеры-частицы обладают актуализирующей функцией, конкретизируя определенное слово или

словосочетание в контексте высказывания-реплики. В семантику амплифаеров-частиц входит «информация о том, насколько то или иное сообщение оказывается новым, неожиданным для слушателя». Данная информация непосредственно связана с коммуникацией, поэтому относится к коммуникативной организации высказывания-реплики [Борисова, 1990, с. 115].

Коммуникативный аспект любого высказывания характеризуется актуализацией его определенных частей (составляющих). Каждый язык обладает довольно развитой системой средств выражения коммуникативной структуры предложения. Амплифаеры-частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения маркируют и рему (новое), и тему (известное) в предложении-высказывании, то есть являются универсальными средствами репрезентации актуальной информации.

Представляется важным отметить, что коммуникативная структура является, наряду с семантической структурой, неотъемлемой частью плана содержания любого высказывания-реплики. Однако если семантическая структура представляет собой вещественное отражение какого-то факта действительности и является лишь статическим образом референтной ситуации, назначение коммуникативного членения заключается в коммуникативной организации образа данной экстралингвистической ситуации. Распределяя компоненты семантической структуры между составом темы и составом ремы, актуальное членение оказывается в центре содержательной стороны предложения и определяет в конечном итоге его основное содержание, то есть смысл предложения. Более того, актуальное членение не только определяет смысловую организацию предложения, но и оказывает влияние на его формальное построение, диктует выбор таких лексико-грамматических средств, которые позволили бы адекватно отразить коммуникативное намерение говорящего (пишущего) [Купцов, 2009; Купцов, 2010а; Купцов, 2011а; Егорова, Купцов, 2012]. Отметим, что дискурс, несомненно, определяется и категориями коммуникативного (актуального) членения предложения.

Вполне очевидна в связи с этим важность как с теоретической, так и с практической точки зрения изучения закономерностей построения предложения в соответствии с его функциональной (коммуникативной) перспективой. Знание закономерностей структурно-функциональной организации предложения и, в частности способов выражения его тема-рематического членения, с одной стороны, позволяет реципиенту правильно распознавать состав темы и состав ремы чужого высказывания-реплики, а значит, адекватно понимать ее основное содержание, а с другой стороны, позволяет адресанту сделать правильный выбор языковых средств с тем, чтобы построить коммуникативно однозначное высказывание-реплику, адекватно отражающее его коммуникативное намерение [Купцов, 2009а, Купцов, 2013; Купцов, Бабаян, 2021; Купцов, 2021б].

Амплифаер-частица, прикрепляясь к части/компоненту предложения, способна выделять его, а также сосредотачивать внимание на той реалии, которую данный компонент обозначает, таким образом частица акцентирует логически сильно выделенный компонент в предложении. Данные лексические единицы, акцентируя синтаксические компоненты предложения, также притягивают к себе фразовое ударение, создают коммуникативный центр высказывания-реплики и усиливают значимость актуальной информации. Среди универсальных средств выражения коммуникативной структуры высказывания-реплики, таких как порядок слов, специальные выделительные синтаксические конструкции, артикль, интонация, фразовое ударение, особое место занимают амплифаеры-частицы, которые относятся к числу самостоятельных лексических единиц, отличающихся ярко выраженной коммуникативной направленностью. Необходимо отметить, что в настоящем диссертационном исследовании, а также в работах, опубликованных ранее, поддерживается точка зрения исследователей, которые считают, что амплифаеры-частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения в высказывании-реплике способны актуализировать как рему, так и тему [Купцов, 2010; Купцов,

2011а; Купцов, 2016; Купцов, 2016а; Купцов, 2017б; Купцов, 2017в; Купцов, 2021б; Купцов, 2022в; Купцов, 2024б].

Итак, приходим к выводу о том, что амплифаеры-частицы обладают способностью передавать различные коммуникативные характеристики, таким образом, коммуникативная роль данных единиц обусловлена, в первую очередь, коммуникативными потребностями человека, а именно точно и адекватно донести до реципиента цель своего высказывания-реплики.

Выводы по Главе 3

Проведённый анализ по изучению онтологии коммуникативных амплифаеров, их семантический, функциональный и коммуникативно-прагматический потенциал позволяет сделать следующие выводы:

Коммуникация является многогранным процессом, в котором обмен информацией происходит посредством вербальных и невербальных средств, что подразумевает активное участие в ней как отправителя (адресанта), так и получателя (адресата) сообщения. Кроме того, порождая высказывание-реплику, адресант преследует определенную цель, выбирает речевую тактику, организует высказывание-реплику в соответствии с тем, чему в сообщении адресант придает наибольшее значение. Ключевыми этапами этого процесса являются кодирование, когда адресант формирует сообщение, и декодирование, когда адресат интерпретирует его содержание. Обратная связь служит важным элементом, позволяя получателю реагировать на информацию и инициировать новый цикл коммуникации, что подчеркивает динамичность и взаимодействие в этом процессе. Таким образом, коммуникация не только передает информацию, но и создает контекст для дальнейшего обмена значениями, обеспечивая взаимопонимание и развитие межличностных отношений.

Для эффективности/успешности акта коммуникации участникам коммуникационного процесса необходимы дополнительные

вспомогательные средства (амплифаеры), которые используются для интеракции. Следует заметить, что данные средства коммуникации представляют собой единицы языковой системы: фонетического, морфологического, синтаксического и лексического уровней. Амплифаеры являются важнейшим ресурсом, который не только организует процесс коммуникации, но и играет важную роль в интерпретации текста.

Амплифаеры играют ключевую роль в процессе коммуникации, функционируя как сигналы, которые помогают организовать и структурировать высказывания-реплики, а также направляют внимание адресата на важные аспекты сообщения. В системе **амплифаеров** обнаруживается большое количество пересекающихся подклассов, которые связаны между собой самыми различными отношениями, то есть представляют собой целую транскатегориальную систему коммуникативных единиц. Феномен **«амплифаеры»** рассматривается в широком смысле, включая модальные слова, модальные глаголы, прилагательные, наречия, то есть лексические единицы знаменательных частей речи в дискурсивном употреблении, коммуникативные частицы (выделительно-ограничительные, модальные, усилительные и др.), междометия, предлоги и союзы. Таким образом, дискурсивные маркеры, дискурсивы, коммуникативы, хезитативы, частицы и т. п. относятся к категории **амплифаеров**, поскольку они выполняют функцию выделения и подчеркивания значимости определенных элементов в высказывании-реплике, способствуя тем самым более четкому и адекватному восприятию информации и акцентированию внимания адресата на ключевых аспектах дискурса.

В результате анализа ключевых исследований, посвященных характеристикам амплифаеров, можно выделить несколько их основных особенностей. **Амплифаеры** характеризуются универсальностью, проявляясь как в устной, так и в письменной речи. Их мобильность позволяет свободно перемещаться в пределах предложения-высказывания. Отсутствие данных элементов в дискурсе может привести к утрате определенных

смысловых нюансов высказывания-реплики и всего диалогического дисурса. Кроме того, амплифаеры демонстрируют полифункциональность, выполняя различные коммуникативные задачи в зависимости от конкретной коммуникативно-речевой ситуации.

На основе анализа **амплифаеров** можно сделать вывод об их сложной семантической и прагматической природе. Каждый амплифаер обладает как лексическим, так и коммуникативно-прагматическим значениями, что подчеркивает важность исследуемых лексических единиц в организации связного текста (дискурса). Эти элементы не только выражают отношение адресанта к высказыванию-реплике, но и позволяют выделять определенные его компоненты, внося разнообразные смысловые оттенки. Таким образом, **амплифаеры** играют ключевую роль в структурировании высказываний-реплик и в целом в процессе коммуникации, дополняя содержание реплики и способствуя более точной передаче информации.

Амплифаеры в различных языках, играют важную роль в речевой коммуникации, обеспечивая акцентуацию и выделение ключевых элементов высказывания-реплики. Их функциональная специфика заключается в способности усиливать и подчеркивать значимую информацию, что позволяет говорящему/пишущему более эффективно передавать смысл сообщения. Эти лексические единицы языка не только обогащают содержание высказываний-реплик, но и способствуют более точному восприятию информации слушателем/читателем, выделяя те фрагменты в высказывании-реплике, которые имеют особую значимость в контексте общения. Следовательно, **амплифаеры** представляют собой мощный инструмент для организации и структурирования речевого потока, что подтверждает их значимость в языковом взаимодействии.

Коммуникативно-прагматический подход позволяет глубже понять функции **амплифаеров** в языке, поскольку они не только способствуют эффективному/успешному взаимодействию участников общения, но и уточняют и придают дополнительный смысл высказыванию-реплике в

зависимости от контекста, интонации и невербальных сигналов. Коммуникативный подход акцентирует внимание на динамике взаимодействия и намерениях говорящих, тогда как прагматический подход исследует конкретные ситуации использования языка, подчеркивая важность контекстуальных факторов для интерпретации сообщений. Таким образом, интеграция данных подходов обеспечивает более полное понимание роли **амплифаеров** в организации дискурса и их влияния на восприятие и интерпретацию информации в различных социальных ситуациях.

Несмотря на то, что в упомянутых в настоящем диссертационном исследовании работах **амплифаеры**, как правило, рассматриваются на материале одного языка и отсутствует системное исследование данных лексических средств в контексте художественной речи, многие конкретные лингвистические наблюдения за средствами выражения оттенков коннотативного характера и специфики их употребления в лексической системе представляют значительный интерес для выявления коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров в разноструктурных – английском, испанском и русском – языках на материале художественного диалогического дискурса.

Глава 4. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АМПЛИФАЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ, ИСПАНОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современные исследования в лингвистической науке активно изучают способы функционирования языка и закономерности использования языковых единиц в зависимости от целей и задач участников коммуникации. Следовательно, представляется важным определить, каким образом контекст, социальные факторы и индивидуальные намерения влияют на выбор лексем и структур, а также на интерпретацию высказываний-реплик. Данное направление включает анализ коммуникативно-прагматических аспектов языка, таких как акт коммуникации, предполагаемые значения и интенции адресанта, что позволяет глубже понять динамику взаимодействия коммуникантов и роль языка в социальной практике.

В. Г. Гак отмечает, что «языкознание все пристальнее изучает использование языковых фактов и структур в практике речевого общения в условиях их функционирования». Отсюда возникает значительный интерес к исследованию языковых явлений в реальных коммуникативных актах, речевых ситуациях и текстах, а также к стремлению анализировать язык в его конкретной реализации [Гак, 1985, с. 5]. Таким образом, исследуются подразумеваемые значения и интенции говорящего/пишущего, что позволяет более точно и адекватно интерпретировать сообщения.

Язык становится не просто средством передачи информации, а инструментом для построения социального взаимодействия коммуникантов, выражения их идентичности и выполнения различных социальных ролей. Язык, будучи основным средством коммуникации, представляет сложную систему, состоящую из множества элементов. Среди основных компонентов этой системы являются *амплифаеры*, которые организуют и структурируют высказывание-реплику в художественном диалогическом дискурсе.

Проведенный обзор лингвистической литературы по теме исследования позволяет говорить о том, что одним из еще недостаточно разработанных вопросов современного языкознания является вопрос об изучении коммуникативно-прагматического и функционального потенциала амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Исследуемые лексические единицы – амплифаеры – в совокупности с риторическими средствами (*порядок слов, лексические повторы, инверсия, фразовое ударение, интонация, специальные выделительные синтаксические конструкции*) и с художественными образными формами выражения образуют риторические отношения для достижения определенных коммуникативных целей при передаче как актуальной, так и дополнительной информации в художественном дискурсе [Куцов, Бабаян, 2021; Купцов, 2022б].

Как отмечалось выше, коммуникативно-прагматический и функциональный потенциал амплифаеров заключается в их способности организовывать и структурировать речь, а также в выражении эмоциональной окраски и отношения говорящего/пишущего к высказыванию. Данные лексические единицы служат важными инструментами для управления дискурсом, позволяя участникам общения указывать на смену темы акта коммуникации, подводить итоги, уточнять информацию или выражать согласие/несогласие и др. В зависимости от ситуативного контекста и социальной ситуации амплифаеры могут выполнять различные функции, отражая культурные нормы и ожидания участников коммуникативного процесса, что делает их незаменимыми в анализе коммуникативных стратегий в различных типах дискурса [Купцов, 2025з; Купцов, 2025к]. Следует добавить, что «ситуативный контекст формируется в процессе когнитивной обработки знания. <…> создание текста в значительной степени зависит от перцептивного моделирования информации, как это видится непосредственно автору. Таким образом, воспринимаемое знание в виде конкретной модели облегчает его понимание.

Конкретные фрагменты понимания исходного знания рассматриваются как ситуации познания, формирующие контекст» [Алексеева, Дудина, 2023, с. 9].

Необходимо отметить, что для достижения цели данного исследования, направленного на получение объективных и систематизированных результатов, считаем необходимым сформулировать единое определение амплифаеров, разработать коммуникативно-прагматическую классификацию изучаемых лексических единиц, определить методологические подходы к их изучению и выявить функционально-прагматические особенности в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

4.1. Коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе

В настоящее время амплифаерам приписываются функции на различных уровнях анализа. Таким образом, как единицы языка амплифаеры выполняют важные функции в различных стилях и регистрах дискурса: *смена темы, переформулировка, акцентирование, обратная связь* и др. Эти функции можно классифицировать на три основные группы: (а) отношения между элементами высказывания-реплики; (б) отношения между говорящим и содержанием сообщения; (в) отношения между говорящим и слушателем [Купцов, 2025а]. Следовательно, в рамках настоящего исследования *амплифаеры* понимаются как лексические единицы, выполняющие коммуникативно-прагматические функции в различных регистрах художественного диалогического дискурса, которые организуют и структурируют высказывания-реплики, выражают отношения между элементами сообщения, а также между адресантом, адресатом и содержанием, актуализируют конкретный смысл высказывания-реплики, добавляют смысловые оттенки и расширяют контекст, способствуя более эффективной коммуникации.

Один из аспектов, который необходимо изучать, заключается в том, что амплифаеры охватывают разнообразные характеристики и обладают сложностью в плане их функционального диапазона и использования в языке, что полная систематизация данных лексем – амплифаеров – представляется затруднительной. Анализ материала позволил определить, что классификация амплифаеров основывается на двух критериях: а) сгруппированные лексемы должны обладать однородными грамматическими свойствами (рассматриваемые единицы языка, как правило, вписываются в традиционные категории прилагательных, наречий, частиц, междометий и др.); б) семантические характеристики лексических единиц должны отражать дискурсивные функции, то есть амплифаеры не имеют референциальное или денотативное содержание, а скорее демонстрируют смысловые отношения в тексте.

Таким образом, предложение собственной коммуникативно-прагматической классификации амплифаеров важно, поскольку позволяет глубже понять их функциональные роли в языке. Предложенная классификация помогает выявить способы влияния амплифаеров на структуру высказываний-реплик, организовать информацию и регулировать отношения между участниками коммуникации. Иллокутивный потенциал амплифаеров заключается в их способности выполнять различные коммуникативно-прагматические функции и влиять на интеракцию между коммуникантами. Следовательно, коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе может быть основана на их функциях и ролях в коммуникации.

Заметим, что в рамках предпринятого исследования на основе анализа существующих классификаций амплифаеров, представленных в Главе 3, считаем целесообразным представить свою классификацию амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Ниже представлена общая классификация, которая

выделяет основные категории амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе:

1. ***Амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса*** – это лексические единицы языка, которые способны выражать лингвистические (семантические и структурные) отношения между фрагментами дискурса, регулируя тематику коммуникации, выстраивать семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, обеспечивая целостную коммуникативно-речевую ситуацию, реализовывать интертекстуальные связи и способны систематизировать актуальную информацию, создавая логические структуры [Купцов, 2025г]. В корпусе данных лексических единиц выделяются:

амплифаеры установления логических и семантических связей: *firstly, secondly, moreover, however, therefore, on the one hand, on the other hand* в английском языке; *bueno, primero, segundo, en segundo lugar, además, en primer lugar, por un lado, por otro lado, por una parte, por otra parte, pues* в испанском языке; *во-первых, во-вторых, кроме того, однако, таким образом, с одной стороны, с другой стороны* в русском языке;

амплифаеры уточнения и ***пояснения мысли***: *actually, basically, indeed, in fact, in essence, fundamentally, that is, namely, in other words, for example, as an example, for instance, on the merits, such as, in particular* в английском языке; *así, así pues, a fondo, de facto, de hecho, en esencia, esencialmente, en serio, fundamentalmente, realmente, en realidad, en el fondo, en efecto, efectivamente, es decir, por ejemplo, como un ejemplo, como, en particular, tal como, por caso, sin duda* в испанском языке; *в действительности, действительно, в сущности, по сути, в самом деле, на самом деле, серьезно, фактически, таким образом, например, как пример, к примеру, такой как, такие как, в частности, а именно* в русском языке;

амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения: *as a result, because, for this reason, consequently, then, so* в английском языке; *pues, por lo tanto, por consiguiente, por eso, por esta razón, por ende, en*

consecuencia, de ahí в испанском языке; *следовательно, по этой причине, поэтому, в этой связи, в результате, таким образом* в русском языке;

амплифаеры, подводящие итоги (генерализаторы): *after all, as a rule, generally, in most cases, in short, in conclusion, in the end, overall* в английском языке; *al final, al fin y al cabo, en suma, en conclusión, en definitiva, en fin, en general, en conjunto, en la mayoría de los casos, por regla general* в испанском языке; *в итоге, в общем, как правило, в большинстве случаев, в целом, в конце концов, в конечном итоге, в совокупности* в русском языке. Например:

*(англ.) The qualities of both men had contributed to this not-inconsiderable discrepancy. **On the one hand**, the architect's devotion to his idea, to the image of a house which he had created and believed in – had made him nervous of being stopped, or forced to the use of makeshifts; **on the other**, Soames's not less true and whole-hearted devotion to the very best article that could be obtained for the money… (Galsworthy);*

*(исп.) – No puede ser. No todos los barcos tienen el mismo destino. Sabes que la temporada de navegación es corta. Si los barcos no zarpan, se retrasará todo el comercio y no podrán volver a tiempo; perderán algún viaje y eso encarecerá las mercancías. Todos perderemos dinero. —«Tú incluido», pensó Arnau—. **Por otra parte**, la espera de los barcos en el puerto de Barcelona es peligrosa; si hubiese algún temporal... (Falcones);*

*(рус.) Колхозу «Память Чапаева», который и без того кое-как сводил концы с концами, не повезло сразу с двух сторон. **Во-первых**, рядом с ним, в одной деревне, обосновался леспромхоз – богатый, денежный, причем деньги, как в сказке, выдавали аккуратно через каждые полмесяца, и молодежь всякими правдами и неправдами побежала из колхоза (Распутин).*

2. ***Амплифаеры-аддитивы в художественном диалогическом дискурсе*** – это лексические единицы языка, которые организуют текст, указывают на связь между идеями, вводят дополнительную информацию или

продолжают мысли, тем самым обеспечивая логическую связность текста [Купцов, 2025а]. В корпусе данных лексем выделяются следующие подтипы:

амплифаеры добавления информации: *additionally, and, apart from, besides, furthermore, moreover, in addition, similarly* в английском языке; *adicionalmente, además, de hecho, aparte, y* в испанском языке; *дополнительно, более того, и, кроме того, помимо того* в русском языке;

амплифаеры контраста: *by contrast, but, in turn, in contrast to this, at the same time, for comparison, in the meanwhile, whereas* в английском языке; *a su vez, por el contrario, al mismo tiempo, en comparación, pero, por el contrario, mientras tanto, mientras que, sin embargo, no obstante* в испанском языке; *в свою очередь, в отличие, в противоположность этому, в то же время, в то время как, для сравнения, в противовес этому, между тем, наоборот, но, однако, по сравнению, тем не менее* в русском языке. Например:

(англ.) I saw at once that, in spite of your carefully studied unfilial remarks, you were in reality passionately protecting her from something. I very soon knew what that something was. I knew it long before I encountered your mother one morning in an unmistakable state of intoxication. ***Moreover****, her case, I could see, was one of secret bouts of drinking--by far the most difficult kind of case with which to deal (Christie);*

(исп.) – Mire usted, el tabaco de colillas siempre se nota; por más que lo laven siempre le queda un gusto un poco raro. ***Además****, el tabaco de colillas huele a vinagre a cien leguas y aquí ya puede usted meter la nariz, no notará nada raro (Cela);*

(рус.) – Для меня это очень сильное средство, — сухо сказал губернатор, вставая. — ***Кроме того****, я спешу. На прощанье позволю себе дать вам совет: одумайтесь, Олексин (Васильев).*

3. ***Амплифаеры, выражающие модальные значения*** – лексические единицы языка, которые вносят субъективно-модальные оттенки значений (*вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, рекомендации, убеждения, разрешение/запрет, оценку и*

степень оценки), которые создаются в определенных прагматических аспектах коммуникации, определяя ее коммуникативную направленность [Купцов, 2024г]. В рамках этой группы выделяются 2 группы амплифаеров:

а) ***амплифаеры, выражающие деонтическую модальность***. Амплифаеры связаны с обязательствами, разрешениями/запретами: *must, can't, may, should, it is recommended, it is prohibited, it is advisable, ought to* в английском языке; *conviene, deber, hay que, sería bueno que, no se puede, se puede, se prohíbe, se recomienda, es recommendable, recomendado, tener que* в испанском языке; *должен, желательно, нельзя, нужно, можно, следует, стоит, рекомендуется, запрещено* в русском языке. Например:

(англ.) "I've some conditions too," she said before she drunk it. "I can't live all the time down here. I ***must*** *have some fresh air and light. I* ***must*** *have a bath sometimes. I* ***must*** *have some drawing materials. I* ***must*** *have a radio or a record-player. I need things from the chemist. I* ***must*** *have fresh fruit and salads. I* ***must*** *have some sort of exercise."(Fowles);*

(исп.) – Sí, señor, ningún Dean en el hotel esta noche, señor. ¿Cuándo es de suponer que habría llegado?

– Hoy. ***Debe*** *haber llegado hoy (Marías);*

(рус.) – Не надо, Ульяна Трофимовна. Не надо, чтобы ребята видели слезы,— и так же тихо и печально добавил: — Будьте здесь. В комнату никого не впускайте. Я пойду звонить. Нужно, чтоб Гошу увезли в городской морг. Здесь ему, к сожалению, ***нельзя****... (Астафьев).*

б) ***амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность***.

Данные лексические единицы помогают обозначить, насколько адресант уверен в истинности высказывания, выражают степень уверенности, предположения и оценки в различных контекстах коммуникации: *apparently, finally, of course, probably, surely, maybe, most likely, surprisingly, undoubtedly, unfortunately, it is worth nothing* в английском языке; *cabe destacar, claro, claramente, desafortunadamente, en mi opinión, evidentemente, desde luego, por*

lo visto, probablemente, seguramente, quizá/ quizás, lo más probable, sin duda, por supuesto, sorprendentemente в испанском языке; *безусловно, возможно, вероятно, наверняка, судя по всему, конечно, может быть, по моему мнению, скорее всего, к сожалению, следует отметить, поразительно, удивительно* в русском языке. Например:

(англ.) "Of course it's disgusting, darling! You'll ***probably*** *get terribly bored and blas by and by. In the meantime enjoy the triumphal progress in the golden car. Only I wonder, I really do wonder, what will happen when you want to go down a street which has a board up saying No Thoroughfare. " (Christie);*

(исп.) – No pienso perderte – le dijo –. Antes de que eso suceda abandonaré al viejo y te reclamaré. Todo el mundo sabrá lo que ha habido entre nosotros, caerás en desgracia, te expulsarán de la cofradía y ***probablemente*** *de la ciudad y entonces sólo me tendrás a mí; sólo yo estaré dispuesta a seguirte (Falcones).*

(рус.) – Нельзя травить мадеру от Митьки! Распутин, получив ящик с вином, ***наверняка*** *позвонит Митьке по телефону, чтобы поблагодарить за подношение. А тот скажет: «Какая мадера? Я не посылал…» – и наш отличный план сразу же рухнет (Пикуль).*

4. ***Амплифаеры-рестриктивы*** – это лексические единицы языка, которые реализуют эмотивный фон, выполняя *функцию ограничения, выделения, усиления, противопоставления или уточнения* значений слов и фраз, а также, употребляясь в императивных речевых ситуациях или в речевых ситуациях с повелительным значением, выражают *модальные значения желания* или *намерения*, тем самым реализуя интенции коммуникантов [Купцов, 2025г]. В корпусе данных лексем выделяются следующие амплифаеры: *alone, barely, but, only, just, merely, simply, solely* в английском языке; *casi, por lo menos, sólo, solamente, tan sólo, nada más, no más, siempre que, limitarse a, únicamente* в испанском языке; *единственно, только, лишь, всего лишь, исключительно, почти* в русском языке. Например:

(англ.) “Am I?”

*“I **merely** wondered, Mr. Urfe.” He held out his hand. “If for some reason you cannot come, leave a message at Sarantopoulos’s for Hermes. It will get here the next day.” (Fowles);*

*(исп.) – Aunque te hubiese prometido algo habría sido igual. No, habría sido peor aún. En nuestras circunstancias, el haberte hecho una promesa, el haberte **sólo** pedido una dilación para nuestro enlace, habría sido peor (Unamuno);*

*(рус.) – Это в компетенции штаба Черняева. Мы **всего лишь** чиновники. Денщика я вписал в вашу подорожную, господин поручик (Васильев).*

5. ***Амплифаеры-хезитативы*** – лексические единицы языка, которые выражают *неопределенность*, *сомнение*, *неуверенность*, *предоставляют время для размышления*, *уточнения* и *переформулирования*, а также создают *неформальную атмосферу общения* [Купцов, 2024з]. В рамках данной группы выделяются следующие амплифаеры: *actually, like, you know, so, oh, okay, yeah, right, kind of, well, you know, you see, sort of, right, I mean, Let me think, Hold on, Just a second, Let’s see* в английском языке; *bueno, eh, entonces, este, sabes, o sea, vale, A ver, quizá/s, no sé cómo decir, no puedo decir/expresar/describir, es difícil decir/expresar/describir, cómo decir/expresar/describir, quiero decir* в испанском языке; *вроде как, значит, знаешь, как бы, как его (ее, их)?, или как сказать?, наверное, ну как бы, скажем так, ну, по идее, или как сказать, типа, ну, в общем, эм, это самое, не это самое, Я имею ввиду* в русском языке. Например:

(англ.) There was a silence.

*“**Ah well**,” the man said, surprised by his own disappointment. “**Ah well**, I tell you what, son, I’ve not heard it for a while myself, so I think I’ll just carry on and tell it.” (Miéville);*

(исп.) – ¿Trabajas todo lo que puedes, ayudas a don Moisés?

*– **A ver**, sí señor, por la cuenta que me tiene (Delibes);*

(рус.) Начальник милиции поморщился:

*– **Ну**, это не вашего ума дело. Мы сами с усами. – И, смягчаясь тоном и лицом, отвел глаза. – Не все вам равно, сто или сто две единицы будут здесь шаромыжничать? (Астафьев).*

6. ***Амплифаеры-интеръекции*** – лексические единицы языка, которые служат для передачи *выражения согласия/несогласия*, *формирования интеррогативных высказываний-реплик*, *выражения формальной и неформальной просьбы*, *выражения переспроса*, *выражения сожаления*, *привлечения внимания партнера по диалогу*, *выражения хезитации* [Купцов, 2025г]. В корпусе данных лексических единиц выделяются: *ah, aaah, alas, boo, oh, Damn!, Good God! Fie!, eh, ha-ha, hey, hmm, Hush!, oops, uh-uh, um, well, whoa, wow, yay, yup* в английском языке; *¡Abajo!, ¡Ah!, ¡Anda!, ¡Andando!, ¡Arriba!, ¡Ay!, ¡bah!, bueno, ¡Dios mío!,¡Eh!, pues, ¡Oh!, ¡Oiga!, ¡Ojalá!, ¡Puf!, ¡Vaya!* в испанском языке; *а-а-а, м-м-м, э-э-э, ага, Боже мой!, Бог с тобой!, Вот тебе и раз!, Вот это да!, да ну, ну, Ну и ну!, Ну хорошо!, Ну ладно!, ого, ой, ох, увы, Ура! цыц* в русском языке. Например:

*(англ.) "And do you mean to say that you've built up this important business and amassed a fortune of thirty thousand pounds without being able to read or write? **Good God**, man, what would you be now if you had been able to?" (Maugham);*

(исп.) – Tú sí que eres una niña – le espetó Aledis.

*–¡**Vaya**, habló la mujer! – contestó Alesta dándole la espalda y utilizando la misma expresión que empleaba su madre cuando alguna de las dos reclamaba algo que por edad no les correspondía (Falcones);*

(рус.) – Вы, по сути, прикрыли целое перспективное направление. Разве так решают научные споры?...

*– Поделом мне, поделом. **Боже мой**, так ошибиться! (Гранин).*

7. ***Амплифаеры со значением удивленного переспроса*** – лексические единицы языка, которые используются продуцентами высказываний-реплик для выражения *удивления*, *недоумения*, *неожиданности* или *неуверенности* и

др. по поводу информации, полученной от партнера по общению, а также *важности событий*, создавая драматический эффект [Купцов, 2024и]. В представленном корпусе выделяются следующие амплифаеры: *Really?, Serious?, Are you serious?, Yes?, No?, Is that true?, What?!* в английском языке; *¿De verdad?, ¿En serio?, ¿Seguro?, ¿Cómo?,¿Es cierto?, ¿Qué?, ¿Sí?, ¿No?,* в испанском языке; *Как?, Как так?, Правда?, Серьезно?, Неужели?, В самом деле?, Что?, Да?, Нет?, Точно?* в русском языке. Например:

*(англ.) "He frowned. '**Really**? Oh – shame." He began clowning, 'The Young Hawks have taken the little kids' pool (Lessing);*

(исп.) – ¿Quién pervirtió a vuesa merced?

– D... disculpe su eminencia pero no puedo responder a esa pregunta; lo he jurado.

*– ¿**Es cierto** que vuesa merced posee una hacienda importante en Pedrosa? (Delibes);*

*(рус.) «**Неужели** без обмера думает принимать? Не надул бы! Они такие, эти завхозы!» – такое подозрение мелькнуло одновременно у всех парней (Астафьев).*

8. ***Амплифаеры консенсуса/диссенсуса*** – лексические единицы языка, которые способны формировать иллокутивные действия речевых актов, таких как *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия* и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия между партнерами по общению*, *отрицательное отношение* или *запрет*, *недовольство*, *опровержение* [Купцов, 2025г]. В корпусе данных лексем выделяются:

Амплифаеры консенсуса: *certainly, true, yes, yeah, sure, Ok, I agree, absolutely, exactly, of course* в английском языке; *absolutamente, sí, claro, exacto, vale, verdad, de acuerdo* в испанском языке; *да, ладно, точно, конечно, согласен (согласна), верно, именно так* в русском языке. Например:

(англ.) 'To Jericho!' said Dreamer, again coming round his corner; 'quite so.

*People oughtn't to go to Jericho, ought they, Mrs. Dartie?' And he raised his gown into a sort of fantail. '**I agree**. We can go forward. Is there anything more?' (Galsworthy);*

(исп.) – «¡Claro que no! – pensó Arnau sonriendo al bastaix –, ¿cómo va a romperse?» Se colocó el cojín sobre el cogote, en la frente la correa de cuero que lo sujetaba, y volvió a sonreír.

Ramon comprobó que el cojín quedase en el sitio adecuado.

*– **Vale** – dijo dándole una palmada—. Sólo te falta el callo (Falcones);*

*(рус.) – **Ладно, ладно**, – примирительно проворчал комиссар. – Не старайтесь меня профанировать. Мы, бельгийцы, придерживаемся в Европе добрых отношений со всеми странами, и нам совсем не хотелось бы вызывать лишнее раздражение Берлина.*

– Не понял вас, господин комиссар (Пикуль).

***Амплиферы диссенсуса**: no, not exactly, not necessarily, not yet, quite so, I disagree, not necessarily* в английском языке; *ni, no, No estoy de acuerdo, no necesariamente, No estoy seguro de eso* в испанском языке; *нет, ни, не точно, пока нет, Я не согласен (согласна)* в этом в русском языке. Например:

(англ.) "Yes. And I'm not going to play at things any more. I've played twice, and this time I'm going all out."

"You weren't playing in North Carolina."

*"**Not exactly**. But this is different. It didn't matter there. – What are peaches, anyway? (Galsworthy);*

(исп.) – Te asustan estas conversaciones, ¿verdad?

Enrique se había tumbado en el sofá, con la mano izquierda en la nuca y la derecha en el porro, mirando a Elena, que continuaba sentada en la butaca de su madre. Enrique sonrió, parecía muy joven aquel día.

*– **No**, mujer – dijo –, a mí me asustan ya muy pocas cosas (Millás);*

*(рус.) – Нет, кривить **я больше не согласен**! – усмехнулся Корнилов. – Хватит. Покривил раз!*

– Это когда же? – испугался Потапов (Домбровский).

Итак, анализ функционального диапазона и построенная классификация амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволили выявить, что данные лексемы вносят различные смысловые оттенки коннотативного характера. Лексическое значение амплифаеров проявляется в их коммуникативно-прагматических функциях и включает в себя элементы объективной информации, что делает данные лексемы важнейшим средством организации связного художественного диалогического текста. Итак, амплифаеры являются важными инструментами для обеспечения логической структуры и связности. Их иллокутивный потенциал включает различные функции: от добавления информации, корректирования точки зрения адресанта в аспекте недостоверности сообщаемого, выражения причинно-следственных отношений между событиями/идеями, обозначения контраста и встречных аргументов в коммуникации, выражения модальных отношений и др. Данные лексические единицы в художественном диалогическом дискурсе способствуют убедительности аргументации, а также являются вспомогательными инструментами, которые создают как формальную, так и более неформальную атмосферу взаимодействия коммуникантов. Использование вышеупомянутых амплифаеров позволяет эффективно структурировать текст, выделять значимые идеи и поддерживать диалог, что делает их незаменимыми инструментами в коммуникации.

Таким образом, из всего вышесказанного можно заключить, что изучение коммуникативно-актуализационных параметров амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе указывает на то, что их функциональные свойства имеют важное значение с коммуникативно-прагматической точки зрения. Амплифаеры служат важным инструментом для создания конкретных ситуативных смыслов в художественном диалогическом дискурсе и имеют значительную коммуникативно-прагматическую ценность как для адресанта, так и для адресата, которые являются участниками акта коммуникации.

4.2. Методологические подходы к изучению амплифаеров: обоснование и описание

Дискурс-анализ включает в себя множество методов и подходов для изучения использования языка в устной и письменной речи, а также в социальных практиках. Таким образом, методы широко варьируются в зависимости от конкретных целей исследования.

В настоящем диссертационном исследовании используется методология дискурсивного анализа, ориентированная на коммуникативно-прагматический анализ амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, что позволяет подробно изучить их коммуникативно-прагматический потенциал в процессе коммуникации. Выбор данной методологии обусловлен необходимостью выявления специфики употребления амплифаеров в контексте (в конкретной коммуникативно-речевой ситуации), что способствует пониманию влияния амплифаеров как на структуру и содержание отдельного высказывания-реплики коммуниканта, так и всего художественного диалогического дискурса в целом.

Представляется важным указать на тот факт, что исследование амплифаеров опирается на следующие теоретические основы – *аналитический подход*, *прагматический подход*, *когнитивно-дискурсивный подход*, *лингвостатистический подход и лингвокультурный подход*.

Аналитический подход к изучению амплифаеров сосредоточен на анализе языка в контексте его использования в коммуникации. Следовательно, с помощью данного лингвистического подхода представляется возможным выявить, как амплифаеры функционируют в художественном диалогическом дискурсе и как они влияют на интерпретацию высказывания-реплики.

При *прагматическом подходе* к изучению амплифаеров язык рассматривается в контексте его использования и функционирования,

акцентируя внимание на значении высказываний-реплик в конкретных ситуациях. Таким образом, амплифаеры рассматриваются как инструменты, которые помогают однозначно передать интенции говорящего/пишущего и его отношение к элементам высказывания-реплики или ко всему высказыванию-реплике. Прагматическое воздействие в диалогической речи представляет собой сложный многоаспектный процесс, в котором семантика конкретного высказывания-реплики формируется как на основе его лексико-грамматического содержания, так и в контексте социальной ситуации, культурных ценностей и эмоционального состояния коммуникантов. Существенными аспектами этого процесса являются речевые акты, которые включают двусторонний процесс порождения текста, прагматические пресуппозиции, референции адресанта, воздействие высказывания-реплики на партнеров по общению и др.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению амплифаеров объединяет элементы когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. При данном подходе исследуется, каким образом исследуемые лексические единицы отражают когнитивные процессы, влияющие на интерпретацию художественного диалогического дискурса.

Лингвостатистический подход к изучению амплифаеров предполагает количественное исследование амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с использованием статистических методов, что позволяет создать объективную базу для более точного контекстного анализа функционирования изучаемых лексических единиц. Для этого используется программные инструменты для автоматизированного анализа текста, что позволяет выявить закономерности и тенденции в использовании амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. В рамках настоящего исследования для верифицирования и определения частотности амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используется программа *Text*

Statistics Analyzer, которая анализирует статистику частоты символов, слов и строк. Частота выражается в процентном соотношении, что обеспечивает объективность результатов исследования.

Лингвокультурный подход к изучению амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляет собой исследование лексических единиц языка, которые выполняют функцию организации дискурса в контексте национальных, культурных и социолингвистических факторов.

Таким образом, из всего вышесказанного материала можно сделать вывод о том, что изучение и анализ амплифаеров в контексте высказывания-реплики и художественного диалогического дискурса в целом требует специального комплексного подхода, который способен учитывать как качественные, так и количественные аспекты контекста. Использование различных методологических подходов к исследованию амплифаеров позволяет однозначно и релевантно определить функции и значения амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе.

4.3. Амплифаеры как инструменты управления коммуникацией в художественном диалогическом дискурсе: коммуникативно-прагматический анализ

Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе заключается в их способности не только структурировать взаимодействие между персонажами (коммуникантами), но и передавать эмоциональную окраску, социальные отношения и индивидуальные намерения участников межличностной коммуникации. Кроме того, данные лексические единицы выполняют роль связующих элементов, позволяя авторам создавать динамику диалога, подчеркивать конфликты или согласие между персонажами, а также управлять ритмом и темпом речи [Купцов, 2025б]. Использование

амплифаеров в рамках художественного дискурса сопряжено с интенциями автора показать образы персонажей и их стиль речи, передать атмосферу художественного произведения [Каменский, 2007].

В художественном контексте амплифаеры помогают глубже раскрыть характеры, их внутренние переживания и социальные контексты, что способствует более полному восприятию произведения читателем (адресатом). Таким образом, отметим, что употребление амплифаеров в высказывании-реплике (речи) коммуниканта является важным инструментом в создании многослойного и выразительного диалога, который отражает сложность человеческого общения. Следовательно, изучение данных лексических единиц – амплифаеров – в художественных произведениях предоставляет новые пути для понимания механизмов, с помощью которых автор воздействует на читателя (адресата), формируя смысловые слои художественного диалогического дискурса и всего художественного произведения в целом.

4.3.1. Амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса

Амплифаеры структурирования дискурса объективируют ментальные процессы адресанта, связывают сегменты дискурса, организуют и структурируют речь. Иллокутивный потенциал данной группы лексем заключается в организации речи или текста, указывая на последовательность идей или аргументов. Анализ фактического материала настоящего исследования показал, что в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе функционально-семантическая насыщенность определяется дискурсивно-прагматической природой данной группы амплифаеров. Как уже было сказано, в корпусе амплифаеров структурирования художественного диалогического дискурса выделяются ***амплифаеры установки логических и семантических связей***, ***амплифаеры***

уточнения и пояснения мысли, амплификаторы, выражающие причинно-следственные отношения, амплификаторы-генерализаторы.

В ходе работы выявлено, что амплификаторы, выполняя функцию маркирования структуры англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса, маркируют начало новой темы, а также способны ее изменять или перенаправлять. Например:

*(англ.) There was a moment's silence – a silence of dismay and bewilderment. Then the judge's small clear voice took up the thread once more. "We will now proceed to the next stage of our inquiry. **First**, **however**, I will just add my own credentials to the list." He took a letter from his pocket and tossed it onto the table (Christie);*

(исп.) – Pues ya que lo dice – respondió la voz –, permítame que dimita de ese repugnante trabajo en este momento. Nunca debí aceptar una investigación de esta clase.

– ¿Por qué dice eso? – pregunté en tono seductor, por miedo a que colgara el teléfono.

*– **Primero**, señora, porque nunca se debe trabajar para un cliente sin rostro; **segundo**, porque siempre se debe conocer el fin hacia el que está orientada la investigación; y, **tercero**, porque en este caso estamos cometiendo un atropello contra una mujer absolutamente indefensa y a la que sólo se le puede achacar una inclinación patológica al juego, inclinación de la que me consta que se está apartando (Millás);*

*(рус.) – Нет уж, увольте! – Тюрберт развел руками и картинно поклонился. – **Во-первых**, ссадил его ваш денщик, стало быть, вам приз и принадлежит. А **во-вторых**, господа соотечественники, ваших людей он не убивал, вашей жизни не угрожал – вам, знаете ли, как-то проще проявлять нежные чувства. А посему разрешите удалиться для исполнения прямых командирских обязанностей. Вернусь через час, надеюсь, что к этому времени вы кончите страдать и обстановка прояснится (Васильев).*

Анализ лексического толкования вышеуказанных амплифаеров позволяет сделать вывод о том, что данные единицы языка в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе являются лингвистическими инструментами его структурирования, то есть выражают семантические и структурные отношения между фрагментами дискурса, вносят ясность в изложение, тем самым помогая адресату (читателю) интерпретировать прагматические связи. Следовательно, данные лексемы языка позволяют понимать, что актуальная информация представлена в определенной последовательности и подготавливает аудиторию к восприятию новых фактов. Таким образом, художественный диалогический дискурс представляет собой структурированную и связную речь, которая имеет определенную цель и контекст. Данные амплифаеры несут коммуникативно-прагматическую и смысловую нагрузку.

Следует также отметить, что в англоязычном художественном диалогическом дискурсе амплифаер *however* в примере *"We will now proceed to the next stage of our inquiry. **First**, **however**, I will just add my own credentials to the list."* употребляется не для обозначения противопоставления, а для создания паузы в логике повествования, тем самым этот амплифаер делает особый акцент и маркирует важность добавляемой информации в высказывание-реплику. Особенностью этих амплифаеров является организация и связывание элементов в высказывании-реплике, обеспечивая когерентность и когезию художественного диалогического дискурса.

Как отмечалось выше, коммуникация является полиаспектным процессом обмена информацией между индивидуумами, которая основывается на кодировании и декодировании сообщений (информации), тем самым представляет собой циклы обратных связей. Учитывая цикличность коммуникации, считаем целесообразным представить художественный диалог с амплифаерами маркирования структуры дискурса в виде схемы (см. ниже, Схема 4), где *инициация коммуникации* – установление контакта, в котором происходит двусторонний акт

коммуникации; *введение темы* при помощи амплифаеров структурирования дискурса *first/firstly*, *second/secondly* в английском языке, *primero*, *segundo* в испанском языке, *во-первых, во-вторых* в русском языке; *изложение актуальной информации/дискуссия* – этап, на котором состоится интеракция коммуникантов, то есть обсуждение представленной информации (сообщения), получение обратной связи – реакция на предстоящее высказывание-реплику партнера по диалогу; *подведение итогов*, то есть завершение обсуждения с заключениями на основе проведенного диалога; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии/новой темы, смена темы разговора, продолжая процесс коммуникации.

Схема 4. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами маркирования структуры дискурса

Отметить, что схема циклической структуры художественного диалога с амплифаерами маркирования структуры дискурса в исследуемых языках подразумевает, что после завершения одного цикла обсуждения может возникнуть необходимость начать новый цикл, что позволяет поддерживать динамику коммуникативно-информационных процессов.

Обзор семантики данного корпуса амплифаеров дает представление о разнообразии факторов процесса коммуникации в художественном диалогическом дискурсе, учет которых необходим при анализе данных лексических единиц. Отметим, что факторы, связанные с употреблением амплифаеров структурирования дискурса, неоднородны по своей природе.

Семантика амплифаеров связана с различными прагматическими и синтаксическими особенностями. Функционально-семантический анализ контекстов позволил выявить, что для данного корпуса амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе характерно установление ***логических и семантических связей***, то есть высказывания-реплики образуют связную логическую последовательность. Например:

(англ.) Blore said aggressively:

*“Well, why not? We all heard that accusation last night. May be sheer moonshine-just plain lunacy! **On the other hand**, it may not. Allow for the moment that it's true. Rogers and his missus polished off that old lady. Well, where does that get you? They've been feeling quite safe and happy about it” (Christie);*

(исп.) – ¡Tú crees? – le dije yo, sin reconocérselo.

*– Madrid es lo que tiene: que, **por un lado**, te agota, pero, **por otro**, te mantiene vivo. Por una parte, te engancha y, por otra, te quema y te maltrata… Y lo que te pasa a ti es que estás en la fase en la que te quema. Desde hace mucho, además (Llamazares);.*

(рус.) – Да черт с ним! Пусть бежит от греха подальше, – сказал вдруг Суровцев от окна. – Он все ведь, кажется, на Север, в Сибирь все укатывает? Ну и скатертью дорога! Там люди занятые, им не до анонимок! Что, не так разве? – обернулся он к Смотряеву.

*– Да, **с одной стороны** так, – недовольно поморщился он, – **а с другой**… Но вы хоть последний раз поговорили с ним начистоту? (Домбровский).*

Приведенные примеры контекстов отражают противоположные точки зрения. Исследуемые лексические единицы помогают структурировать аргументацию и делать речь персонажа более связной и логичной. Амплифаеры, выражая *логические и семантические связи*, выстраивают семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик в художественном диалогическом дискурсе, обеспечивая их целостность.

Следует отметить, что в англоязычном художественном диалогическом дискурсе, как правило, амплифаер *on the one hand* опускается, но при этом имеется в виду, в то время как амплифаер *on the other hand* характеризуется большей частотностью употребления в высказывании коммуниканта. Схема художественного диалогического дискурса с амплифаерами контраста в английском, испанском и русском языках имеет следующий вид (см. Схема 5), где *инициация коммуникации* – стартовый момент акта коммуникации; *введение первой точки зрения с помощью амплифаера* ***on the one hand*** в английском языке, ***por un lado, por una parte*** в испанском языке, ***с одной стороны*** в русском языке, то есть представление определенной точки зрения и подготовка к дальнейшему обсуждению; *изложение актуальной информации* – интеракция коммуникантов; *введение альтернативной точки зрения с помощью амплифаера* ***on the other hand*** в английском языке, ***por otro lado, por otra parte*** в испанском языке, ***с другой стороны*** в русском языке; *изложение актуальной информации* – процесс представления информации, важный для определенного контекста; *подведение итогов*, то есть завершение обсуждения на основе проведенного диалога; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии одним из участников диалога.

Схема 5. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами контраста

Как показал вышеизложенный практический материал, амплифаеры, устанавливающие логические связи в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, выражают ***уточнение*** **и** ***пояснение мысли*** *that is* в английском языке; *es decir* в испанском языке; *то есть* в русском языке. Следовательно, анализируемые в настоящем исследовании лексические единицы – амплифаеры – способны конкретизировать и корректировать высказывание-реплику с целью получить результативную интеракцию между партнерами по общению в коммуникационном процессе. Например:

(англ.) "I have learnt all that I can learn here," said Annette. "From now on I shall educate myself. I shall go out into the School of Life."

*"As to your having learnt all that you can learn here," said Miss Walpole, "**that is** clearly untrue. Your style of entertaining is distinctly Continental, and as I had occasion to remark the other day, you still go upstairs on all fours like a dog." (Murdoch);*

*(исп.) – Pero en Francia – dijo, recordando su paso por este país – los hugonotes bautizan a sus hijos en católico a escondidas y, a escondidas, asisten a las misas papistas en París. **Es decir**, la doctrina de Calvino, aun siendo éste francés y francesa su lengua, no ha uniformado religiosamente a Francia (Delibes);*

(рус.) – Помню, что вы походили тогда на общипанного грачонка.

*– Ну а вы, разумеется, были самим собой, **то есть** ни на кого не похожи, уникальны. Вы никогда не замечали, что вам удивляются, вами любуются? (Тендряков).*

Как видно из приведенных примеров художественного диалогического дискурса, данный корпус амплифаеров создает диалогическое единство, то есть совокупность высказываний-реплик, связанных по структуре и по смыслу. Кроме того, *амплифаеры уточнения и пояснения* не только конкретизируют и разъясняют сказанное персонажами, но и способны

манипулировать ожиданиями читателя (адресата), углубляя семантические (смысловые) слои литературного произведения.

Амплифаеры структурирования дискурса способны выражать в художественном диалоге ***причинно-следственные отношения*** в английском языке, испанском языке и русском языке. Например:

(англ.) "I would lie if I told you that I write this without pride. I am full of it like food, ***because*** *I have … found a story to tell, of what had not been done since the Ghosthead Empire and was achieved once more, a thousand years ago" (Miéville);*

(исп.) – Tienes razón, Tula; perdónamelo.

– Sí, una vez más, ***porque*** *tú eres así. Yo no espío, pero tampoco oculto nunca nada. Vi la carta (Unamuno);*

(рус.) – Многие его не любили, считали хмурым, нелюбезным. Боялись, ***потому что*** *всякую глупость он высмеивал, подчеркивая разницу уровней (Гранин).*

Приведённые выше примеры англоязычного, испаноязычного и русскоязычного контекстов указывают на то, что амплифаеры, эксплицирующие причинно-следственные отношения в художественном диалогическом дискурсе, упорядочивают актуальную информацию, фокусируют внимание адресата на важной информации в высказывании-реплике адресанта, поясняют и реализуют интертекстуальные связи, то есть реализуют связь компонентов локального контекста с компонентами пресуппозиции, которые содержатся в тексте внешнего контекста. Таким образом, в силу своей многоаспектной семантической и коммуникативно-прагматической природы исследуемые амплифаеры являются эксплицитно выраженными экспонентами каузальных отношений в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Амплифаеры причинно-следственных отношений в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют собой единицы лексической системы языка, которые обладают

структурно-смысловой функцией при построении текста, и служат ориентиром для адресата, тем самым позволяя следить за ходом мысли адресанта. Например:

(англ.) Look, for the sake of argument, we'll say that however much good you tried to do in society, ***in fact*** *you'd never do any good. That's ridiculous, but never mind. There's still yourself. I don't think the Campaign for Nuclear Disarmament has much chance of actually affecting the government. It's one of the first things you have to face up to. But we do it to keep our self-respect to show to ourselves, each one to himself or herself, that we care. And to let other people, all the lazy, sulky, hopeless ones like you, know that someone cares. We're trying to shame you into thinking about it, about acting (Fowles);*

(исп.) La abandoní a los tres años. En el 88, después de cinco o seis juntos. Fue un error más en mi trayectoria. ***En realidad****, toda mi vida amorosa, no sólo la de aquel tiempo, es una suma de errores, un rosario de equivocaciones que componen en conjunto el cuadro de un gran fracas. Pero, en aquellos acos, los que siguieron a mi separación de Julia y, sobre todo, a la posterior de Eva (que provoqué, como aquella, después de pensarlo mucho), la lista de mis equivocaciones fue tan absurda como interminable (Llamazares);*

(рус.) – Боюсь, не совсем еще понимаете, — вздохнул Артамонов.— Времена рыцарских сражений ушли безвозвратно, современная война жестока, кровава и, ***по сути****, свободна от нравственности. Не пора ли задуматься, как же сочетать честь личную с честью отечества в этих новых условиях? И тогда… (Васильев).*

Настоящее исследование позволило установить, что исследуемые лексические единицы – амплифаеры – пронизывают весь художественный текст, эксплицируют элементы аргументации/контраргументации, обеспечивая семантическую, грамматическую и смысловую цельность художественного диалогического дискурса, тем самым организуя его

макроструктуру. Следовательно, заключим, что иллокутивный потенциал данных амплифаеров-аргументативов заключается в усилении аргументации, маркируя специфические логические отношения в аргументативных структурах художественного текста, акцентировании внимания на определенных аспектах высказывания-реплики и в интенсификации убедительности в контексте художественного диалогического дискурса.

Результаты предпринятого исследования показали, что **амплифаеры-генерализаторы** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, систематизируют информацию с целью структурирования идей и мыслей персонажей/ коммуникантов и автора, а также являются индикатором перехода к новой теме, тем самым указывая на завершение одной части коммуникационного акта и начало другой, выделение общих тенденций или представлений универсальных утверждений. Например:

(англ.) "And you said yes."

*"And **in the end** we said yes." She looked tentatively at me, as if she did not expect me to believe her; such gullibility. "We had got to know him better by then. So we thought." (Fowels);*

(исп.) –¡Nos ha merengao! ¡Todas tenemos nuestras cosas! Pero lo que yo le digo a usted, Elvirita, y ya sabe que yo siempre quiero para usted lo mejor, es que con don Pablo bien le iba.

*– No tanto. Es un tío muy exigente. Y además un baboso. **Al final** ya lo aborrecía, ¡qué quiere usted!, ya me daba hasta repugnancia (Cela);*

*(рус.) – А чего он мне мог сделать? – Осокин прищурился. Он сидел прямо, смотря вдаль. – От таких, как он, я не зависел. Я ему мог сделать, это да. А я полиберальничал. **В итоге** вишь он как… Мне понятно, к чему идет дело. Тень положить, охаять, пересмотреть. Вот, мол, не признавали. Не те люди стояли… (Гранин).*

Амплифаеры, позволяющие коммуниканту подводить итог в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном

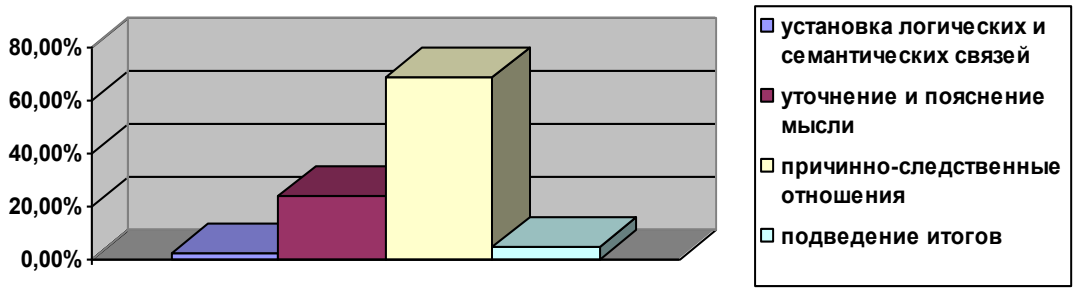
диалогическом дискурсе, помогают адресанту эксплицитно выразить логический вывод в его высказывании-реплике, а адресату, в свою очередь, получить положительный когнитивный эффект, то есть представление истинной информации (сообщения), а также позволяют реципиенту сконцентрировать внимание на более существенной информации. Таким образом, данные лексические единицы способны систематизировать актуальную информацию в высказывании-реплике, подчеркивать ее значимость, создавая логические структуры, то есть логическую последовательность. Следует отметить, что в ходе исследования выявлено, что циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами, *выражающими уточнение, пояснение, причинно-следственные отношения, подводящими итоги,* имеют аналогичную структуру (см. Схема 6). Схема художественного диалогического дискурса с амплифаерами во всех исследуемых языках будет иметь следующий вид, где *инициация коммуникации адресантом* – завязывание речевого общения; *изложение актуальной информации* – этап, на котором проходит интеракция; *введение амплифаеров* ***that is, because, in the end*** в английском языке; ***es decir, porque, al final*** в испанском языке; ***то есть, потому что, в итоге*** в русском языке; *подведение итогов* – завершение обсуждения; *новый цикл* – инициирование нового круга общения.

Схема 6. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающие уточнение, пояснение, причинно-следственные отношения, подводящими итоги

Как видим, англоязычный, испаноязычный и русскоязычный художественный диалогический дискурс состоит из совокупности интертекстуальных структур, где автор произведения представляет довольно свободную структуру, которая вызывает у читателя определенные образы и ассоциации. Исследуемые амплифаеры являются языковыми инструментами структурирования дискурса, которые несут коммуникативно-прагматическую и смысловую нагрузку, регулируя тематику диалогического акта коммуникации. Кроме того, *амплифаеры структурирования дискурса* отражают контрастные точки зрения, уточняют и поясняют, обозначают причинно-следственные связи, тем самым устанавливая логические и семантические отношения в художественном диалогическом тексте. Следовательно, амплифаеры структурирования дискурса формируют структурно-функциональные и коммуникативно-прагматические параметры речи. Необходимо отметить, что в английском, испанском и русском художественном диалогическом дискурсе определены как минимум три циклические структуры с использованием *амплифаеров структурирования дискурса*, что свидетельствует об аналогичных функциях и об их универсальной лингвокультурной особенности в исследуемых языках. Тем не менее, отметим, что частотность употребления данных лексических единиц может варьироваться. Таким образом, количественный анализ амплифаеров структурирования в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе даёт возможность получить наиболее общее представление об употреблении данных лексических единиц и выявить закономерности и тенденции, характерные для исследуемых в настоящей работе языков.

Далее в целях предпринятого исследования представляется интересным и целесообразным выявить и проанализировать степень частотности употребления амплифаеров структурирования дискурса в английском, испанском и русском языках. На основе собранного эмпирического материала в настоящем исследовании представляется уместным провести

сравнительно-сопоставительный анализ употребления рассматриваемых амплифаеров, выражающих *установку логических и семантических связей*, *уточнение и пояснение мысли*, *причинно-следственные отношения*, *подведение итогов* в художественном диалогическом дискурсе в трех исследуемых лингвокультурах и сделать вывод о выявленных *универсальных* и *национально-специфических особенностях* использования исследуемого корпуса амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Следует отметить, что амплифаеры расположенны от высокочастотных к низкочастотным.

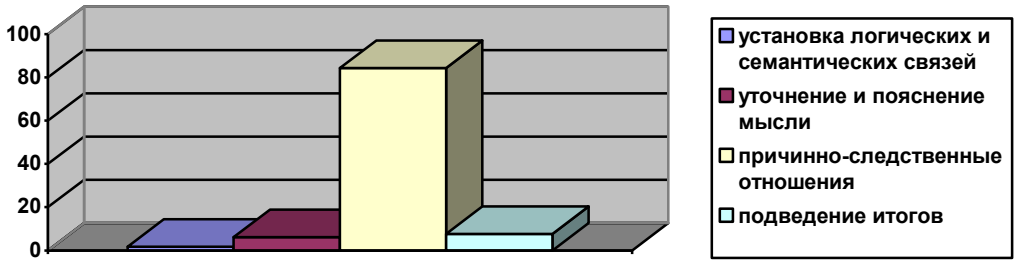


Гистограмма 1. Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в английском языке

Из приведенной выше Гистограммы 1 «Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в английском языке» видно, что в высказывании-реплике англоязычного художественного диалогического дискурса наиболее употребительными оказываются **амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения** – 69 %. Данное явление можно объяснить тем фактом, что этот тип амплифаеров структурирует и усиливает аргументацию в художественном диалогическом дискурсе, способствует установлению связи между адресантом и адресатом, таким образом, усиливая эффективность акта коммуникации.

Лингвостатистический анализ употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в английском языке показывает, что далее по частотности употребления

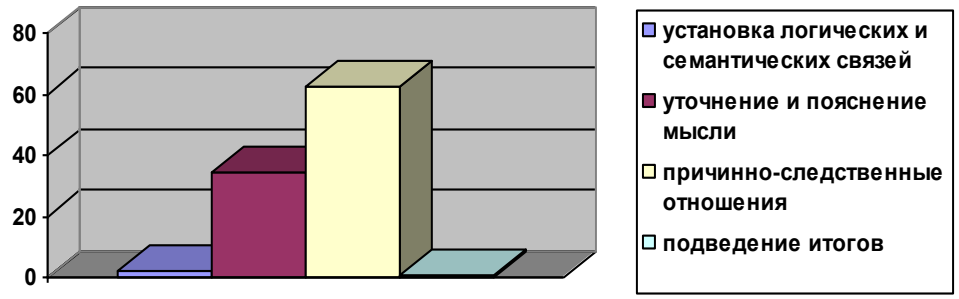
исследуемых лексических единиц в англоязычном художественном диалогическом дискуре следуют **амплифаеры уточнения и пояснения мысли** – 23,8 %. Далее в порядке убывания показателя частотности использования амплифаеров в контексте их функционального потенциала следуют **амплифаеры подведения итогов** – 4,9 %. Лингвостатистический анализ позволил установить, что реже всего в английском высказывании-реплике употребляются **амплифаеры установки логических и семантических связей** – 2,3 %.



Гистограмма 2. Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в испанском языке

Количественный анализ частотности употребления амплифаеров структурирования дискурса в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе (Гистограмма 2) позволил выявить следующие закономерности. Наиболее часто в испаноязычном высказывании-реплике художественного диалогического дискурса употребляются **амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения** – 84,4 %. По частотности использования лексических единиц в контексте их функционального потенциала в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса далее следуют **амплифаеры, подводящие итоги** – 7,7 %. Необходимо отметить, что согласно лингвостатистическому анализу далее в порядке убывания показателя частотности употребления амплифаеров структурирования дискурса находятся **амплифаеры уточнения и пояснения мысли** – 6,2 %. Следует подчеркнуть, что гораздо реже в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе

употребляются **амплифаеры установки логических и семантических связей** – 1,7 %.

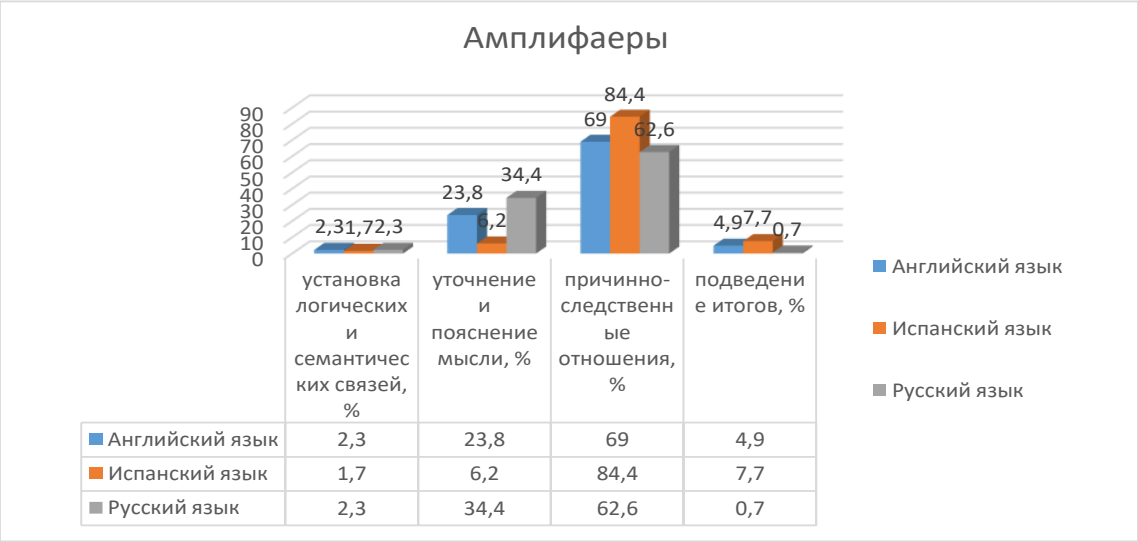


Гистограмма 3. Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в русском языке

Как видим, приведенная выше Гистограмма 3 «Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в русском языке» отражает следующие, присущие исследуемому корпусу амплифаеров, закономерности: в высказывании-реплике русскоязычного художественного диалогического дискурса чаще всего употребляются **амплифаеры**, **выражающие причинно-следственные отношения** – 62,6 %. Далее по показателю частотности использования в высказывании-реплике коммуникантов следуют **амплифаеры уточнения и пояснения мысли** – 34,4 %. Как показывает лингвостатистический анализ, гораздо реже в высказывании-реплике русскоязычного диалогического дискурса употребляются **амплифаеры установки логических и семантических связей** – 2,3 %. Следует обратить внимание на тот факт, что гораздо реже в контексте функционального потенциала в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используются **амплифаеры**, которые способствуют **подводению итогов** межличностного акта коммуникации – 0,7 %.

Далее рамках настоящего диссертационного исследования представляется интересным и целесообразным показать частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в англоязычном, испаноязычном и

русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в сопоставительном плане (см. Гистограмма 4).



Гистограмма 4. Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в английском, испанскоми русском языках в сопоставительном плане

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков приведенная выше Гистограмма 4 «Частотность употребления амплифаеров структурирования дискурса в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках» отражает определенные закономерности, присущие каждому из исследуемых языков. Таким образом, для однозначного понимания толкований показателей, приведенных в Гистограмме 4, считаем необходимым описать закономерности (частотность) употребления амплифаеров структурирования дискурса согласно приведенному перечню функционального потенциала в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в сопоставительном плане.

Следовательно, *амплифаеры установки логических и семантических связей* чаще всего употребляются в английском и русском языках, при этом отметим, что показатели являются аналогичными в обоих языках – по 2,3 %. Далее в порядке уменьшения показателя частотности употребления данных амплифаеров следует испанский язык – 1,7 %.

Представим показатели использования *амплифаеров пояснения и уточнения мысли* в изучаемых – английском, испанском, русском – языках. Так, согласно лингвостатистическим данным Гистограммы 4 данные амплифаеры довольно часто употребляются в художественном диалогическом дискурсе русского языка – 34,4 %. На втором месте по частотности употребления амплифаеров пояснения и уточнения мысли находится английский язык – 23,8 %. Гораздо реже данные лексические единицы употребляются в испанском языке – 6,2 %.

Амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения художественного диалогического дискурса употребляются чаще всего в испанском языке – 84,4 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данного корпуса амплифаеров следует английский язык – 69 %. По Гистограмме 4, незначительно реже амплифаеры используются в русском языке – 62,6 %. Таким образом, приходим к выводу, что различие в использовании амплифаеров, выражающих причинно-следственные отношения, в исследуемых языках довольно велико.

Что касается *амплифаеров, подводящих итоги*, отметим, что по частотности их использования в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса выделяется испанский язык – 7,7 %. Вслед за испанским языком, в порядке уменьшения показателя частотности употребления исследуемых лексических единиц в художественном диалогическом дискурсе следует английский язык – 4,9 %. Согласно показателям Гистограммы 4, довольно редко, по сравнению с испанским и английским языками, данный корпус амплифаеров используются в высказываниях-репликах диалогического дискурса в русском языке – 0,7 %.

В целом, как показывают результаты предпринятого исследования, в корпусе амплифаеров структурирования дискурса классифицируются на подтипы в зависимости от выполняемых ими функций: *амплифаеры установки логических и семантических связей, амплифаеры уточнения и пояснения мысли, амплифаеры, выражающие причинно-следственные*

отношения, *амплифаеры-генерализаторы*. Так, данные амплифаеры в соответствии с коммуникативно-прагматическим потенциалом и учетом дополнительных контекстуальных факторов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе способны выражать лингвистические (семантические и структурные) отношения между фрагментами дискурса, регулируя тематику коммуникации, выстраивать семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, обеспечивая целостную коммуникативно-речевую ситуацию, реализовывать интертекстуальные связи и систематизировать актуальную информацию, создавая логические структуры.

4.3.2. Амплифаеры-аддитивы в художественном диалогическом дискурсе

Иллокутивной функцией амплифаеров-аддитивов в художественном диалогическом дискурсе является организация текста, указание на связь между идеями, введение дополнительной информации или продолжение мысли, тем самым обеспечивая логическую связность текста. Аддитивные маркеры в художественном диалогическом дискурсе создают последовательное аргументирование, позволяя читателю (реципиенту) следить за развитием мысли и фокусируя внимание реципиента на последующей новой дополнительной для него информации. Таким образом, иллокутивный потенциал данного корпуса лексических единиц заключается в связи элементов речи, в модифицировании смысла высказываний-реплик, тем самым создавая контекстуальные связи между коммуникативными интенциями адресанта и адресата в диалогических высказываниях-репликах художественного дискурса. Как отмечалось выше, амплифаеры-аддитивы в художественном диалогическом дискурсе подразделяются на ***амплифаеры добавления информации*** и ***амплифаеры контраста***.

Проведенное исследование позволило установить, что в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе лексемы данного корпуса амплифаеров не только вводят дополнительную информацию, но и дополняют актуальной информацией предыдущее высказывание-реплику, тем самым выступая в роли когезивных средств. Например:

(англ.) "Miss Coldwine," he interrupted, "if it were down to me I would escort you myself, but I cannot, and I am afraid that is an end to the matter. ***But besides*** *..." He looked up furtively, then whispered again. "****Besides*** *... please don't speak of this but ... you'll have no need of the warehouse (Miéville);*

(исп.) – Entonces – intervino Margarida –, ¿qué importancia tiene el puerto?

– Eso te lo podrá explicar mejor tu padre – contestó el preceptor mientras Grau asentía.

– Mucha, muchísima importancia, Margarida. ¿Ves aquella nave? – le preguntó señalándole una galera rodeada de pequeñas barcas –. Si tuviésemos puerto podría descargar en los muelles, sin necesidad de todos esos barqueros que recogen la mercancía. ***Además****, si ahora se levantase un temporal, se hallaría en gran peligro, ya que no está navegando y está muy cerca de la playa, y tendría que abandonar Barcelona (Falcones);*

(рус.) – Напротив, ваше превосходительство. Хорошенькие лица способствуют аппетиту.

– Для меня это очень сильное средство, – сухо сказал губернатор, вставая. – ***Кроме того****, я спешу. На прощанье позволю себе дать вам совет: одумайтесь, Олексин (Васильев).*

Приведенные выше примеры высказываний-реплик англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса наглядно демонстрируют, как исследуемые амплифаеры выполняют функцию формулирования мысли адресантом и фокусирования

внимания реципиента (адресата) на последующей новой для него информации, квалифицируя актуальную информацию с точки зрения выражаемых ими модусных значений: *знание/незнание*, *аксиологическая оценка*, *сомнение*, *истинность* и др.

Кроме того, следует отметить, что ***амплифаеры добавления информации*** способны выражать сопоставление элементов информации, квалифицируя ее с точки зрения генерализации (обобщения) или расчленения. Следует заметить, что амплифаеры обладают параметрами, которые соотносятся с коммуникативным уровнем, где отмечается их текстовая ориентированность. Функциональный диапазон данных лексических единиц – амплифаеров добавления информации – отражается в связывании высказываний-реплик коммуникантов и абзацев в тексте и в установлении логической последовательности мыслей. Другими словами, амплифаеры добавления информации способствуют формированию когерентности художественного диалогического текста, то есть данные лексические единицы способствуют связности и логическому единству всех элементов (сегментов) текста, таких как сюжет, персонажи, описание, диалоги и т.д. Следовательно, можем с уверенностью сказать, что *амплифаеры добавления информации* способствуют связности художественного диалогического текста на глобальном уровне (когерентность) и на локальном уровне (когезия).

Считаем также необходимым отметить, что когерентность обеспечивает адекватную интерпретацию, правильное понимание и восприятие текста реципиентом-читателем как целого, а не отдельных фрагментов, что, в свою очередь, создает законченность и целостность мыслей и идей персонажей литературного произведения.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что когнитивно-дискурсивная природа данного корпуса амплифаеров как когезивных средств обуславливает универсальный характер их употребления в исследуемых – английском, испанском и русском – языках.

Следует обратить внимание на то, что в англоязычном художественном диалогическом дискурсе *амплифаер добавления информации* ***besides*** употребляется вместе с *амплифаером контраста* ***but***, указывая на контраргументацию, то есть несогласие, с предшествующим высказыванием-репликой. Таким образом, *амплифаеры* ***besides*** и ***but*** вводят дополнительные аргументы, придавая всему высказыванию-реплике коммуниканта повышенную экспрессивность, способствуя созданию многогранной коммуникации между партнерами по диалогу.

В результате настоящего исследования выявлено, что в приведенных ниже отрывках *амплифаер добавления информации* ***but*** в английском языке, ***y*** в испанском языке, ***и*** в русском языке в художественном диалогическом дискурсе создают короткие паузы, тем самым добавляя что-то новое к текущему топику или маркируя плавный переход к новому топику, объединяя высказывания-реплики коммуникантов. Таким образом данные лексические единицы усиливают коммуникативное значение высказывания-реплики, а также в совокупности обогащают текстуальную выразительность. Следовательно, как видим, семантика *амплифаеров добавления информации* проявляется на определённом фоне, выражая конкретные смысловые отношения. Например:

(англ.) "I thought that was so, coming on the cars, from Liverpool. I saw a lot of grass and one or two sheep, but I didn't see anybody working. The people all live in the towns, then?"

"Except a few unconsidered trifles. You must come down to my father's; they still grow a turnip or two thereabouts."

"It's sad," said Francis Wilmot.

*"It is. We began to grow wheat again in the war; but they've let it all slip back – **and** worse."*

"Why was that?" (Galsworthy);

*(исп.) **Y ... y** a mí ¿podría decirme vuesa merced en qué basa su convencimiento? (Falcones);*

(рус.) – Как же не слыхать, я ведь их меньшего сына Виктора нянчила... А Виктор – это брат Николая Владимировича. Известный в нашей стране соболятник. Между прочим, полная противоположность Зубру. Нетороплив, тих, застенчив. Он восстановил стране соболя. Во многом именно ему мы обязаны тем, что численность соболя стала больше, чем во времена Ивана Грозного.

*– ... **И** Николая я знала (Гранин).*

Как свидетельствует анализ фактического материала, исследуемый корпус лексических единиц – амплифаеров добавления информации – создает интонационно-синтаксические паузы, служит для логического членения речевого потока в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе и формирует грамматико-смысловые единства, тем самым создавая сверхфразовое – интонационное, грамматическое и смысловое – единство. Таким образом, *амплифаеры добавления информации* играют ведущую роль в когнитивной и прагматической структурах языка, так как функционируют как маркеры дискурсных отношений, обеспечивая связность и последовательность высказываний-реплик.

На основе функционально-семантического анализа *амплифаеров добавления информации* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляется целесообразным на основе фактического материала представить циклическую структуру художественного диалогического дискурса (см. Схема 7), где *инициация коммуникации* – завязывание речевого общения между партнерами; *ответ/реакция коммуниканта* – ответ на сообщение источника (адресанта); *введение новой темы/тем или возвращение к изначальной теме с помощью амплифаера добавления информации – процесс начала обсуждения нового вопроса/процесс возвращения к обсуждаемому аспекту; подведение итогов* – завершение обсуждения; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии.

Схема 7. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами добавления информации

Что касается ***амплифаеров контраста***, то, как отмечает М. В. Каменский, данные лексемы как когнитивное средство создания контраста в дискурсе «обладают особыми когнитивно-функциональными свойствами как имманентными, детерминирующими способность данного класса языковых единиц вводить контрастирующие высказывания в ход дискурсивного взаимодействия» [Каменский, 2014, с. 55]. Следовательно, приходим к выводу, что лексические единицы контрастирования обладают полифункциональностью и когнитивной нагрузкой в акте коммуникации.

В ходе исследования установлено, что ключевой функцией ***амплифаеров контраста*** является *дискурсорганизующая функция*, тем самым лексические единицы данного корпуса амплифаеров отграничивают контрастирующие высказывания-реплики или части высказывания-реплики, которые противоположно трактуются коммуникантом. Например:

(англ.) "They're beautiful. But sad."

Everything's sad if you make it so, I said.

*"**But** it's you who make it so!" She was staring at me across the drawer.*

"How many butterflies have you killed?" (Fowles);

(исп.) – ¡Hipócrita bruja! decía Marco-. Cuando seas un gran personaje, se arrodillará y te besará los pies.

*– ¡**Pero** si no importa! dijo Ilé-. ¡A mí no me importa lo que ésa dice!... Todo el mundo... (Matute);*

(рус.) – Нельзя изобрести способ производства, Толя.

– Но?.. Ведь есть же у вас в запасе «но», Георгий Петрович?

*– **Но** можно уловить его появление.*

– Где?

– В жизни, разумеется. Первые робкие росточки (Тендряков).

Как следует из вышеприведённых примеров, ***амплифаеры контраста*** *but* в английском языке; *pero* в испанском языке; *но* в русском языке обладают пропозициональным значением при частичной семантической прозрачности и возможности интерпретировать коммуникативно-прагматическое значение, так как высказывание-реплика соотносится с предыдущим высказыванием-репликой. Обратим внимание на то, что данные амплифаеры часто употребляются в инициальной позиции в высказывании-реплике, что придает последующей информации большую убедительность, а позицию адресанта по обсуждаемому вопросу – более релевантной.

Контрастивные амплифаеры в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе являются лексическими единицами, позволяющими адресату однозначно интерпретировать смысл высказывания-реплики с учетом дополнительных контекстуальных факторов, а именно, из внутреннего и внешнего контекстов. Следовательно, данные лексические единицы используются адресантами (продуцентами высказываний-реплик) с целью оказать влияние на формирование у адресата определённого мнения и сконцентрировать его внимание на поступающей новой информации. *Амплифаеры контраста* способствуют уточнению и проясняют суть отношений между высказываниями-репликами или между частями высказываний-реплик, так как они – *амплифаеры контраста* – в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе маркируют конкретные связи (отношения), исключая возможность неоднозначной их интерпретации.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет выделить несколько подвидов ***амплифаеров контраста*** в зависимости от семантико-прагматических функций – в англоязычном, испаноязычном и

русскоязычном художественном диалогическом дискурсе:

1) ***амплифаеры контрастного сопоставления***: *by contrast, in contrast, for comparison, on the contrary* в английском языке; *en comparación, por el contrario, por contraste* в испанском языке; *наоборот, напротив, по сравнению, для сравнения* в русском языке. Иллокутивный потенциал заключается в маркировании контраста между двумя и более высказываниями-репликами, акцентируя внимание адресата на различиях и сходствах, а также как одно явление соотносится с другим, обеспечивая логичность и структурированность художественного диалога. Например:

(англ.) "Oh! by the way, Uncle Soames – do you advise me to buy P.P.R.S. shares?"

*"**On the contrary**. I'm going to advise your mother to sell. Tell her I'm coming in to-morrow." (Christie);*

(исп.) – El vínculo – dije.

*– Sí, eso es, el vínculo – respondió Deán –, no hay menos vínculo porque deje de existir lo que pudo existir, **al contrario**, quizá hay más unión todavía, quizá une más la renuncia a lo que pudo ser y era común que su aceptación o su consumación o su desarrollo sin trabas ... (Marías);*

(рус.) – Я ничего вам не должен за это? – спросил писарь.

*– **Напротив**, это мы должны вам ...(Пикуль).*

2) ***амплифаеры опционного контраста***: *or, otherwise, differently* в английском языке; *de lo contrario, de otra manera, de otro modo, o* в испанском языке; *или, иначе, иным образом* в русском языке. Иллокутивный потенциал заключается в обозначении условия, при котором ситуация может измениться, обеспечивая когнитивную связность художественного диалогического дискурса, а также создают параллельные конструкции, тем самым позволяя продуцентам высказываний-реплик выразить несколько идей в одном контексте. Например:

(англ.) "All that's only fancy," said Low.

"I know it is," I answered, 'but it seems to fit the circumstances."

*“There must have been a weak strain in him. **Otherwise** he could have fought and conquered.” (Maugham);*

(исп.) – Pues Helena parece tenerlo. Debe de querer a otro, aunque este no lo sepa: Estoy seguro de que quiere a otro.

– ¿ Y por qué?

*– **De otro modo** no me explico su actitud conmigo (Unamuno);*

*(рус.) – Ставлю на тридцать шесть! – прошептал он себе. – **А иначе** и не стоит играть... Только бы не забыть этот дурацкий номер счета в банке Гонконга (Пикуль).*

3) ***амплифаеры замещающего контраста***: *instead, instead of, rather than* в английском языке; *en lugar de, en vez de* в испанском языке; *вместо того чтобы, нежели* в русском языке. Иллокутивный потенциал заключается в акцентировании внимания адресата на предпочтении одного явления другому, маркируя его значимость и целесообразность. Например:

*(англ.) “Are you up to something? I believe you are. Of course I authorize you. Make it the Sale of Work; it would be lovely to get some real money **instead of** those awful sachets and comic pen-wipers and depressing children’s frocks and dusters all done up to look like dolls (Christie);*

*(исп.) – Y, además – continuó explicando la señorita Eskarne –, si lo que pretende demostrarnos es su caridad, otras son las cosas que debería proporcionar al muchacho, **en lugar de** chacolí (Matute);*

*(рус.) – Мы скверно работаем, друзья. Мы царапаем землю, **вместо того чтобы** ее пахать. Мы причесываем, а не бороним. Мы непозволительно запаздываем со сроками и сеем кое-как, лишь бы избавиться от зерна (Васильев).*

Приведенные примеры англоязычных, испаноязычных и русскоязычных высказываний-реплик художественного диалогического дискурса позволяют сделать вывод о том, что данные подвиды амплифаеров контраста – *амплифаеры контрастного сопоставления, амплифаеры опционного контраста, амплифаеры замещающего контраста* –

рассматриваются в качестве инструментов художественного диалогического дискурса, так как способствуют формированию ментальных моделей (контрастное сопоставление, опционный контраст, замещающий контраст) и выступают в роли комментариев, используемых для формирования аддитивного кодирования актуальной информации с целью усиления экспрессивности высказывания-реплики, привнося дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественный диалогический дискурс. При этом следует отметить, что функциональный потенциал данного корпуса лексических единиц определяется в соответствии с конкретной речевой ситуацией и коммуникативно-прагматическими установками партнеров по общению.

Функционально-семантический анализ *амплифаеров-контраста* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволяет представить циклическую структуру художественного диалогического дискурса. Необходимо подчеркнуть, что *амплифаеры-контраста* и их подвиды – *амплифаеры контрастного сопоставления, амплифаеры опционного контраста, амплифаеры замещающего контраста* – имеют одинаковую циклическую структуру художественного диалогического дискурса в исследуемых – в английском, испанском и русском – языках.

Схематически художественный диалогический дискурс с *амплифаерами-контраста* имеет следующий вид (см. Схема 8), где *инициация коммуникации* – установление контакта, в которой происходит диалогический акт коммуникации; *изложение актуальной информации/дискуссия* – обсуждение информации (сообщения); *введение противоположной мысли при помощи амплифаера* – введение новой контрастной информации; *изложение актуальной информации/дискуссия* – обсуждение представленной информации (сообщения); *подведение итогов*, то есть завершение обсуждения; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии/новой темы, продолжая процесс диалогической коммуникации.

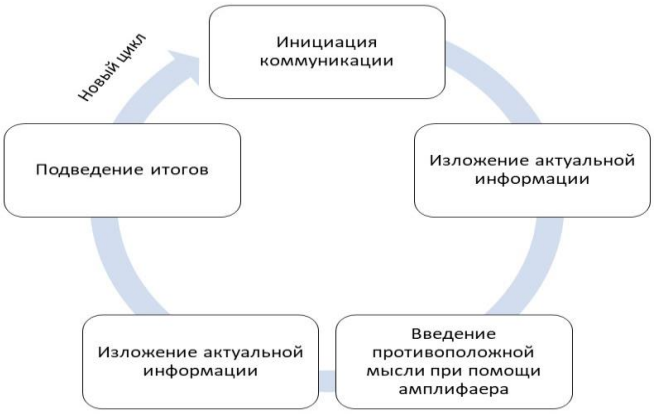
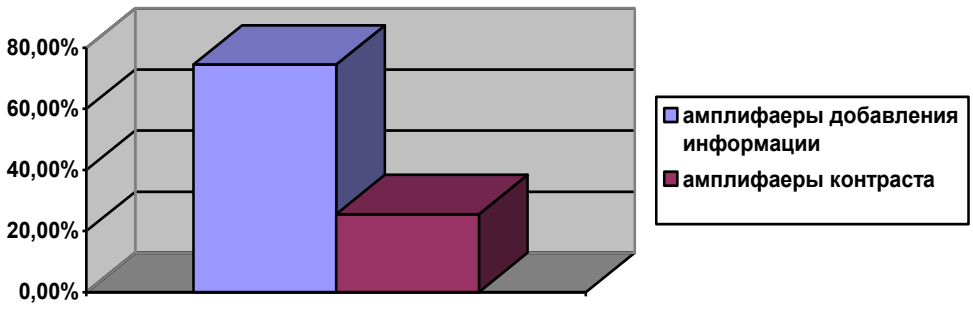


Схема 8. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-контраста

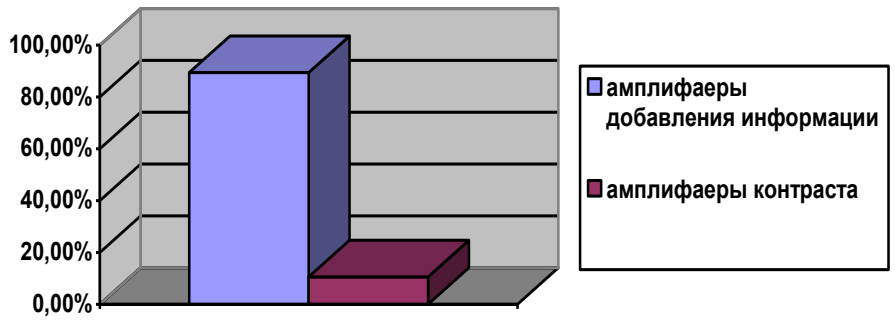
Таким образом, в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе выявлены как минимум две циклические структуры с использованием *амплифаеров-аддитивов*, что демонстрирует схожий коммуникативно-прагматический потенциал и отражает общую лингвокультурную значимость в исследуемых языках. В связи с тем, что *амплифаеры-аддитивы* в художественном диалогическом дискурсе рекуррентны и имеют широкий коммуникативно-прагматический потенциал в английском, испанском и русском языках, в рамках настоящей работы, считаем, что получение лингвостатистических данных, а именно, выявление и анализ степени частотности употребления данного корпуса амплифаеров, позволит выявить определенные закономерности, которые являются характерными для художественного диалогического дискурса в исследуемых разноструктурных языках.



Гистограмма 5. Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в английском языке

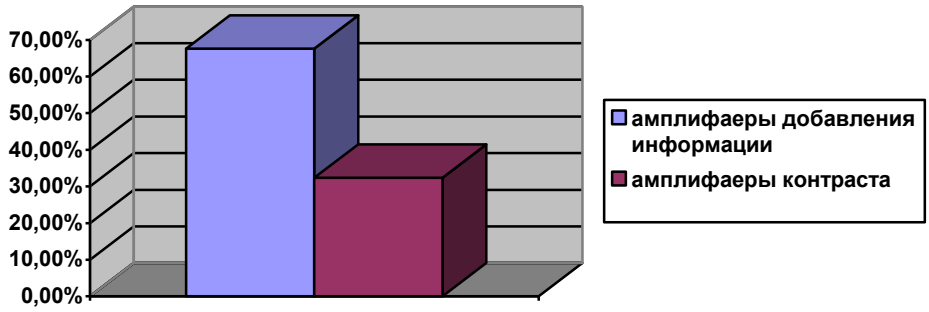
Лингвостатистические данные, отображённые в гистограмме «Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в английском языке», представляют частотность употребления амплифаеров-аддитивов в англоязычном художественном диалогическом дискурсе.

В целом, как показывают результаты предпринятого исследования, довольно часто в англоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются **амплифаеры добавления информации** – 74,5%, в то время как **амплифаеры контраста** употребляются значительно реже – 25,5%. Полагаем, что количественное доминирование **амплифаеров добавления информации** над **амплифаерами контраста** в англоязычном художественном диалогическом дискурсе объясняется структурными особенностями английского языка, интенциями и стремлением продуцентов высказываний-реплик к расширению аргументации, убеждению, уточнению, созданию когерентности текста, то есть обладают не только более широким дискурсивным потенциалом, но также и более широкой когнитивной нагрузкой в англоязычном художественном диалогическом дискурсе. Необходимо отметить, что **амплифаеры контраста** в художественном диалогическом тексте представляют собой когнитивно-функциональные инструменты противопоставления между идеями, утверждениями и др. в дискурсивном взаимодействии.



Гистограмма 6. Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в испанском языке

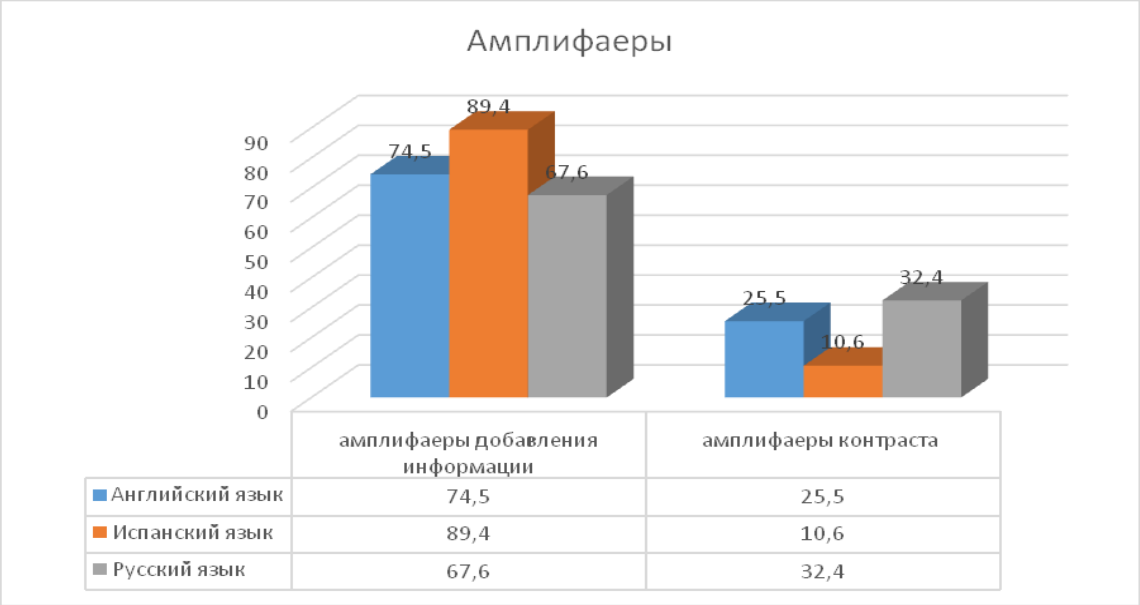
Количественный анализ (Гистограмма 6) показал следующие закономерности употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в испанском языке. **Амплифаеры добавления информации** в испанском языке довольно часто используются в художественном диалогическом дискурсе – 89,4%, при этом гораздо реже употребляются **амплифаеры контраста** – 10,6%. Существенная разница в употреблении данных лексических единиц объясняется их функциональным потенциалом в процессе коммуникации, с особенностями коммуникативной стратегии и интенциями общающихся. В процессе коммуникации **амплифаеры добавления информации** создают детализированное представление о сообщаемой информации, что способствует однозначной ее интерпретации и взаимодействию коммуникантов, в то время как **амплифаеры контраста** вносят изменения в логику высказывания-реплики и создают паузы в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе.



Гистограмма 7. Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в русском языке

Лингвостатистический анализ позволяет получить наиболее общее представление об употреблении амплифаеров-аддитивов в русском языке. Как видим из Гистограммы 7 «Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в русском языке», наиболее часто в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используются **амплифаеры добавления информации** – 67,6 %, в то время как **амплифаеры контраста** используются реже – 32,4 %. Полагаем, что количественные различия в использовании данных лексем в художественном

диалогическом дискурсе зависят от структурных особенностей русского языка, характеризующих специфику русскоязычной коммуникации. Кроме того, добавим, что структурные особенности прежде всего связаны с когнитивными и коммуникативно-прагматическими аспектами коммуникации.



Гистограмма 8. Частотность употребления амплифаеров-аддитивов в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

Считаем целесообразным и уместным истолковать закономерности (частотность) употребления амплифаеров-аддитивов, а именно, *амплифаеров добавления информации* и *амплифаеров контраста* в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках. Как видим, амплифаеры добавления информации чаще всего употребляются в испанском языке – 89,4 %. Менее распространённым употребление *амплифаеров добавления информации* обнаруживается в английском языке – 74,5 %. Далее в порядке уменьшения показателя употребления данных единиц языка следует русский язык – 67,6 %. Как показывает Гистограмма 8, гораздо чаще употребление *амплифаеров контраста* в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса обнаруживается в русском языке – 32,4 %. Далее по частотности употребления амплифаеров

контраста в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса находится английский язык – 25,5 %. Довольно реже исследуемый тип амплифаеров используется в испанском языке – 10,6 %.

Таким образом, можно заключить, что лингвостатистический анализ амплифаеров-аддитивов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в целом отражает их специфические принципы функционирования национального языка, демонстрирует наличие схожих тенденций употребления, что объясняется универсальностью коммуникативно-прагматических функций в процессе коммуникации. Несмотря на различия в лексико-грамматических системах исследуемых языков, общие прагматические и когнитивные потребности коммуникантов в диалогическом дискурсе формируют схожие стратегии и интенции в использовании языковых средств для передачи дополнительных смысловых, эмоционально-экспрессивных оттенков значений художественного текста и выражают специфические референции.

4.3.3. Амплифаеры с модальным значением в художественном диалогическом дискурсе

Амплифаеры как конституенты функционально-семантического поля модальности в художественном диалогическом дискурсе являются неизменяемыми языковыми единицами, которые не выполняют синтаксической функции в рамках предикационной структуры предложения, но обеспечивают интенсивность речи, выражая различные модальные значения. Являясь средством усиления смысловой нагрузки слова, словосочетания или всего высказывания-реплики в целом, данный корпус амплифаеров подчеркивает информативно-семантическую значимость акцентируемого компонента, то есть является композиционно-семантическим элементом художественного текста.

Национально-культурную природу имеют практически все языковые феномены и категории. Категория модальности, исторически изменчивая, испытывающая влияние мировоззрения носителей языка, их ментальности, ценностных установок и т.д. В силу особенностей исторического развития категории модальности, она обладает чертами, которые делают её понимание и объяснение затруднительным. Следует отметить, что помимо различий в определении понятия модальности существуют расхождения в мнениях на категориальную принадлежность данного понятия. Разными авторами модальность определяется как грамматическая (Р. А. Будагов), синтаксическая (Л. С. Ермолаева), семантическая (В. В. Виноградов, Е. А. Зверева). Вопрос в определении модальности в лингвистике остается до сих пор очень спорным, так как высказывается довольно много точек зрения о языковом составе и о составе частных значений данной категории. Таким образом, дать чёткое определение категории модальности, которое отражало бы, по крайней мере, основные из заключенных в ней значений, представляется довольно трудной задачей.

Что касается языковых средств выражения модальности, отметим, что модальность может передаваться как лексическими, так и грамматическими способами. К лексическим средствам относят, как правило, модальные частицы, модальные слова, модальные глаголы и их аналоги, к грамматическим – наклонение. Если объективная модальность получает свое выражение на синтаксическом уровне предложения, то субъективная модальность выражается на уровне актуального членения предложения, где появляется познавательная установка говорящего (адресанта), который соотносит свои мысли с передаваемой в предложении ситуацией, указывает на степень их достоверности и соответствия действительности [Купцов, 2007; Купцов, 2023д; Купцов, 2023е; Купцов, 2024в].

Как видим, в субъективной модальности проявляется коммуникативная установка говорящего (адресанта), его субъективная оценка информации, заключенной в высказывании-реплике. Модальность получает свое

формальное выражение в художественном диалогическом дискурсе с помощью специально предназначенных для этого языковых средств, в частности, с помощью *амплифаеров с модальным значением*. Отражая субъективную оценку говорящего (адресанта), амплифаеры выполняют одновременно ярко выраженную коммуникативно-прагматическую функцию в высказывании-реплике [Купцов, 2008; Купцов, 2022].

Проблема модальности, а именно, вопросы, непосредственно связанные с особенностями употребления амплифаеров семантического поля модальности и модальных значений в художественном диалогическом дискурсе, издавна привлекали внимание лингвистов. Однако несмотря на значительное число работ, посвященных данной проблематике, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения [Купцов, 2024в]. Как было сказано выше, в корпусе амплифаеров с модальным значением в художественном диалогическом дискурсе выделяются ***амплифаеры, выражающие деонтическую модальность*** и ***амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность***.

Необходимо отметить, что *деонтическая модальность* и *эпистемическая модальность* демонстрируют категорию с антропоцентрическим содержанием. *Деонтическая модальность* относится к выражению обязательств, разрешений/запретов, рекомендаций и др. в языке, позволяя формулировать определенную систему норм. *Деонтическая модальность* зависит от контекста, в котором употребляется высказывание-реплика, позволяя однозначно интерпретировать ситуации, где действия могут расцениваться как обязательные, разрешенные или запрещенные. Следовательно, *деонтическое высказывание-реплика* способно устанавливать определенные нормы поведения. *Эпистемическая модальность* выражает степень уверенности, знания, вероятности, предположения или рационально-оценочное отношение. Данная категория не является фиксированной и меняется в зависимости от убеждений партнеров по общению. Следовательно, амплифаеры как инструменты данных категорий помогают

продуцентам реализовывать в высказываниях-репликах различные виды отношений в выражаемых сентенциях.

В контексте всего вышеизложенного, считаем необходимым акцентировать внимание на определенных уточнениях, которые могут оказать значительное влияние на понимание исследуемой проблемы.

1. Модальная характеристика определяет субъективно-объективное отношение содержания высказывания-реплики к окружающей действительности.

2. Языки располагают целой системой морфологических и лексико-синтаксических средств, позволяющих в соответствии с конкретными речевыми ситуациями и определенными коммуникативными целями выражать как ***деонтическую***, так и ***эпистемическую модальность*** в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса.

3. Амплифаеры с модальным значением, являясь эксплицитными средствами, относятся к средствам пропозициональной установки адресанта и выражают различные виды субъективно-модальных значений.

4. Модальные оттенки значений тесно взаимодействуют и переплетаются с экспрессивными и эмоциональными, играя важную роль в композиционно-смысловой интенсификации высказываний-реплик в художественном диалогическом дискурсе, реализуя иллокутивные возможности когнитивных моделей в процессе коммуникации.

Поскольку языковые средства, выражающие модальные значения обладают обширным функциональным потенциалом в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, попытка выявить коммуникативно-прагматические функции данного корпуса амплифаеров представляет несомненный интерес.

Собранный эмпирический материал позволил установить, что в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе довольно часто встречаются ***амплифаеры, выражающие деонтическую модальность*** в *коммуникативно-*

прагматических ситуациях рекомендации, *персуазивности*, *разрешения/запрета* и др. Эксплицитными средствами выражения в коммуникативно-прагматической ситуации персуазивности являются амплифаеры, связанные с функцией вербального воздействия адресанта на сознание адресата в процессе акта коммуникации. Следует отметить, что персуазивность интерпретируется как прагматическое значение языковых компонентов. Например:

(англ.) "We've got to be seen about a bit more. Saul dropped in."

"I suppose so," said Lil, her voice heavy, and low.

"We ***should*** *be seen on the beach, all four of us."(Lessing);*

(исп.) – ¿Qué querías?

– Nada..., que ***conviene que*** *entre todos arreglemos la cosa.*

Mi mujer puso un gesto como suplicante.

– Pascual, ¿serías capaz? (Cela);

(рус.) – Мужицкие дети, это ты хотела сказать? – с усмешкой спросил Гавриил.

– ***Не стоит****, Варвара.* ***Не стоит*** *наступать на мозоль. И забыть нам о ней не дадут, даже если бы мы сами хотели этого. Не дадут, господа лошаки, не дадут-с! (Васильев).*

Амплифаеры, создавая убедительный и настоятельный тон, в персуазивной коммуникации маркируют целесообразность действия, совет, возможность с оттенком настоятельности, воздействие направлено на сознание адресата в художественном диалогическом дискурсе, то есть на стимуляцию его к выполнению определенных действий после акта коммуникации. В ситуациях персуазивности довольно часто употребляются клишированные фразы *should* в сочетании с глаголом чувственного восприятия в англоязычном художественном диалогическом дискурсе, *conviene que* с глаголом в сослагательном наклонении в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе, когда речь идет о достижении соглашения или консенсуса, и в русскоязычном художественном

диалогическом дискурсе *не стоит* в сочетании с инфинитивом, указывая на нецелесообразность выполнения действия. Необходимо отметить, что в английском и испанском языках употребляется скрытый императив, то есть имплицитно выражено повелительное значение, что позволяет партнерам по общению выстраивать свои высказывания-реплики более вежливо и учтиво. Кроме того, в англоязычном художественном диалогическом дискурсе наблюдается изоморфизм модального глагола *should* в качестве иллокутивного амплифаера в различных контекстах, сохраняя при этом основные семантические характеристики.

Результаты предпринятого исследования позволили установить, что амплифаеры, употребляясь в *коммуникативно-прагматических ситуациях рекомендации* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, маркируют позицию адресанта и степень уверенности в рекомендациях. Например:

(англ.) "Look here, Annette! it's very simple, only it wants understanding. Our professional and leisured classes still think themselves a cut above our business classes, except of course the very rich. It may be stupid, but there it is, you see. ***It isn't advisable*** *in England to let people know that you ran a restaurant or kept a shop or were in any kind of trade. (Galsworthy);*

(исп.) – Sí, y me gusta mucho – le dije –. He estado allí dos o tresveces, hace ya tiempo.

– Sí, viene ***recomendado*** *en las guías – dijo Deán con buena fe, como disculpándose (Marías);*

(рус.) – Артамонов опять пожевал губами и стал тереть пальцами лоб. Молчание затягивалось.

– Мне ***желательно*** *знать… – с генеральскими интонациями начал было Скобелев, но Паренсов так глянул на него, что он сразу примолк и начал рассеянно поглаживать бакенбарды.*

– Я – не пророк, – тихо сказал Артамонов (Васильев).

Амплифаеры, выражающие деонтическую модальность в *коммуникативно-прагматических ситуациях рекомендации*, как важный прагматический класс лексических выражений, организуют и структурируют художественный диалогический дискурс и упорядочивают референции, отражая отношение адресанта к действительности.

В *коммуникативно-прагматических ситуациях разрешения/запрета* инвентарь употребляемых лексических единиц в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе довольно широк. Наш взгляд, данный феномен объясняется тем, что контексты и формы взаимодействия, в которых используются данные лексемы, разнообразнее, маркируя *разрешение (одобрение)* на совершение какого-либо действия в художественном диалогическом взаимодействии продуцентов высказываний-реплик. Например:

(англ.) "Young Marston was a fairly reckless car driver-had his licence endorsed twice and he ***ought to have been prohibited*** *from driving, in my opinion"(Christie);*

(исп.) – ¡Oh, Ilé! – le dijo –. ¿Para qué odiar? No es fácil. No tiene sentido. ***No se puede*** *odiar a los sueños.* ***No se puede*** *odiar. (Matute);*

(рус.) – В науке никому ***нельзя*** *верить, – сказал Крылов. – Старик нас пытается лепить по своему подобию. Это у него непроизвольно. Нам* ***нельзя*** *поддаваться. Ради него же. Тут такая антимония получается (Гранин).*

Анализ фактического материала показывает, что амплифаеры в *коммуникативно-прагматических ситуациях разрешения/запрета* имеют ярко выраженную коммуникативно-прагматическую направленность, так как задают определённую коммуникативную перспективу. Влияя на развитие всего акта коммуникации в художественном диалогическом дискурсе, данный корпус лексем привносит в высказывание-реплику как дополнительную информацию, так и оттенки модальных значений. Таким образом, амплифаеры, выражающие деонтическую модальность в коммуникативно-

прагматических ситуациях *рекомендации*, *убеждения*, *разрешения/запрета*, выражают субъективное отношение адресанта, то есть доносят до адресата квалификативные смыслы высказываний-реплик. Выражая деонтическую модальность, данные амплифаеры одновременно участвуют в организации высказывания-реплики, выполняя функцию лексико-семантических конкретизаторов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами, выражающими деонтическую модальность в *коммуникативно-прагматических ситуациях рекомендации*, *персуазивности*, *разрешения/запрета* обладает схожей структурой (см. Схема 9), где *инициация коммуникации* – установление вербального контакта; *изложение актуальной информации* – этап, на котором происходит обмен информацией между коммуникантами; *введение амплифаера* – введение маркера дискурса; *изложение актуальной информации* – изложение информации и трансформация смысла высказывания-реплики при помощи амплифаера; *подведение итогов* – завершение диалога; *новый цикл* – инициирование нового цикла взаимодействия.

Схема 9. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающими деонтическую модальность

Проведенное исследование позволило установить, что ***амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность*** в исследуемых – английском, испанском и русском – языках вносят модальные и дополнительные смысловые значения в высказывание-реплику художественного диалогического дискурса, а также выражают различные **субъективно-модальные оттенки значений**, например, такие как: *вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, логическую вероятность* и др.

(англ.) "I didn't know … I mean, I did know, of course, Theo isn't the ideal husband."

*"You **can** say that again."*

*"It seems to me it's you who **should** be getting a divorce." (Lessing);*

(исп.) – ¿Por qué atípica? – preguntó la voz al otro lado.

*– Porque usted **no deberá** conocer a la persona que encarga la investigación. Yo soy la secretaria de su cliente, que es un hombre muy conocido en ámbitos financieros y políticos y desea que su nombre quede fuera de todo este asunto (Millás);*

*(рус.) – Черт с ней, с судьбой. Судьба, рок, провидение – все это как в книжках. Я последнее время дотумкивать начал, что не по книжкам жизнь-то идет. Вон… – Толя чуть не проговорился о Валериане Ивановиче, о том, что он в белой армии был, а теперь их воспитывает, но Зинка, **наверное**, уже все это знала, а ей и без того… (Астафьев).*

Амплифаеры с модальным значением в художественном диалогическом дискурсе несут на себе логическое ударение и, как правило, стоят в препозиции. Данные лексемы являются лексико-семантическими конкретизаторами в высказывании-реплике, так как выражают определённую степень уверенности адресанта в возможности осуществления определенного действия. Так, эти амплифаеры в определении семантического содержания высказывания-реплики, несомненно, играют важную роль в художественном

диалогическом дискурсе исследуемых языков, так как привносят определённые эмоционально-экспрессивные модальные оттенки, которые создаются в конкретных прагматических условиях и субъектом речи.

Исследуемые амплифаеры с модальным значением выражают модальность *условной достоверности* в художественном диалоге:

1) *модальность обусловленности с облигаторной степенью очевидности*. Например.

(англ.) "I'm not going," said Alban.

"Alban, you must," cried Anne. She could not believe her ears.

"Nonsense. It would be madness. Oakley's ***obviously*** *useless. He's sure to have a temperature in a few hours. He'd only be in the way. That leaves nine guns. (Maugham);*

(исп.) – Mire, es Campanadas a medianoche – repetí una vez más – . Se rodó aquí en España, en el mismo Madrid algunas partes. No será difícil, en Televisión tendrán copia, ***obviamente*** *(Marías);*

(рус.) – Нет, зачем же, наоборот, много разговаривали о работе, но ведь вас же не это интересует.

– А что нас интересует?

– Ну, ***очевидно****, вас интересуют его настроения, так я про них ровно ничего не знаю (Домбровский).*

2) *модальное значение вероятности с однозначной интерпретацией информации.* Например.

(англ.) "I suspect it's government business," said Johannes carefully. "This is the last serious outpost. Beyond this the New Crobuzon sphere of influence becomes far more…attenuated. There are ***probably*** *all manner of things to be attended to, out here (Miéville);*

(исп.) –¿Y luego?

–¿Luego? Que ***probablemente*** *tendrá usted que criar sola, sirviéndose de un ama de cría, por supuesto, un crío más. Tiene ya cuatro; cargará con cinco (Unamuno);*

*(рус.) – Пока ничего, – вызывающе сказал Данкевич. Во-первых, необходимо закончить исследование по методике нахождения центров грозы, **вероятно**, тут могут встретиться (Гранин).*

3) *модальное значение вероятности с амбивалентной интерпретацией информации.* Например.

(англ.) "Not the Thought Police! You didn't honestly think that?"

*"Well, **perhaps** not exactly that. But from your general appearance – merely because you're young and fresh and healthy, you understand – I thought that probably" (Orwell);*

(исп.) Tras varios días, el alguacil compareció ante su señor, en la torre del homenaje del castillo:

*– Hemos buscado en las demás masías, en los bosques y en los campos. No hay ni rastro de Estanyol. Habrá huido a alguna ciudad, **quizá** a Manresa o a... (Falcones);*

*(рус.) – Суд, – деловито начал Станислав Милицер, – **возможно**, сочтет меня слишком пристрастным свидетелем, ибо я лично немало пострадал от грязных доносов подсудимой, которая ненавидела меня с первого же дня нашего знакомства (Пикуль).*

Амплифаеры с модальным значением, выражающие *условную достоверность* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе оказывают доминирующее влияние на весь акт коммуникации, позволяя конкретизировать степень уверенности в высказывании-реплике, маркируют условия, при которых декодирование актуальной информации трактуется как подлинное или потенциальное, а также создают контексты для однозначной интерпретации высказываний-реплик, то есть позволяют однозначно понимать интенции и коммуникативные цели коммуникантов.

Проведенный анализ фактического материала – высказываний-реплик в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с использованием ***амплифаеров***, ***выражающих***

эпистемическую модальность – показал, что данные лексические единицы в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса являются средствами выражения *эвалюативности*, то есть оценки объектов и явлений. Отметим, что в рамках предпринятого исследования вслед за Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Е. М. Вольф, Г. П. Гавриличевой полагаем, что оценочная семантика является одним из видов модальной семантики, поскольку придерживаемся широкого понимания категории модальности. Оценочная семантика выражает субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания-реплики, при этом отражая оценочное значение. Следовательно, считаем целесообразным в рамках данного исследования называть данные лексические единицы ***амплифаеры-эвалюативы***, так как иллокутивный потенциал данных лексических единиц заключается в выражении оценки коммуниканта по отношению к информации, подчеркивая её значимость или неожиданность. Например:

(англ.) "Are there any members of the Armstrong family living?"

*"That, **unfortunately**, I do not know. I think I remember reading of a younger sister of Mrs. Armstrong's." (Christie);*

*(исп.) – ¡Un hombre extraordinario! Dicen que es riquísimo y que no sabe, el pobrecillo de Dios, cómo emplear su dinero, en dirección al bien. Un maniático, **sin duda** (Matute);*

*(рус.) – О, я слышу голос парижанина! – Турок вновь отвесил изящный поклон. – А что касается меня, господа, то я бы давно покончил с этой глупой комедией, рождающей, **к сожалению**, столь много трагедий (Васильев).*

Приведенные выше примеры высказываний-реплик в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с использованием ***амплифаеров-эвалюативов*** подтверждают тот факт, что категория эвалюативности относится к способности единиц языка маркировать степень оценки и значения, актуализирующие отрицательную и положительную семантику, иными словами, данная категория сопряжена с

оценочной семой *«плюс»* или с оценочной семой *«минус»*. Кроме того, ***амплифаеры-эвалюативы*** способны отражать в конкретных коммуникативно-речевых ситуациях определенные фрагменты картины мира партнеров по диалогу, каждый из них ориентируется как на свои интенции и цели, так и на интенции и цели своего визави. Следовательно, приходим к выводу, что художественный диалог обладает дискурсивным характером, коммуникативно-речевой ситуацией и когнитивным аспектом.

Циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами, выражающими эпистемическую модальность в *коммуникативно-прагматических ситуациях вероятности, возможности, необходимости совершения действия, уверенности, логической вероятности, оценочности* содержат аналогичную структуру (см. Схема 10), где *инициация коммуникации* – начало взаимодействия партнеров по диалогу; *изложение актуальной информации* – этап, на котором осуществляется коммуникация; *введение амплифаера* – введение маркера дискурса; *изложение актуальной информации* – изложение информации и трансформация смысла высказывания-реплики посредством амплифаера; *подведение итогов* – завершение обсуждения (диалога); *новый цикл* – инициация нового цикла коммуникации.

Схема 10. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающими эпистемическую модальность

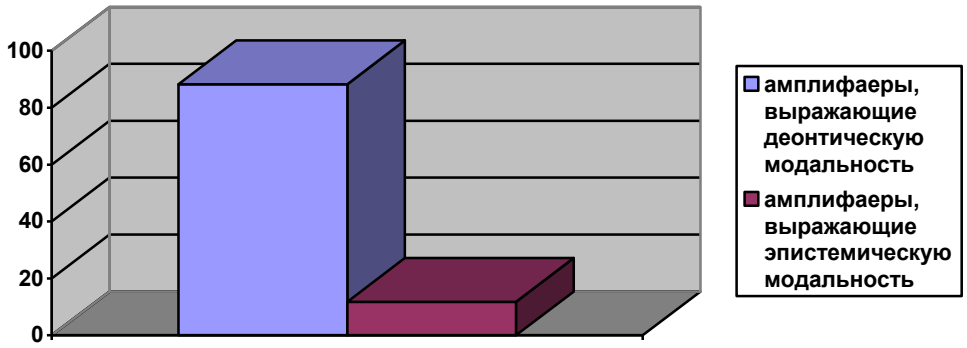
Таким образом, функционально-семантический анализ ***амплифаеров, выражающих деонтическую модальность*** и ***амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволяет сделать вывод о том, что исследуемые лексические единицы в художественном диалоге вносят модальные оттенки значений, которые создаются в определенных прагматических аспектах коммуникации, определяя ее коммуникативную направленность.

Данные амплифаеры являются важными элементами в семантико-коммуникативном и коммуникативно-прагматическом аспектах, так как отражают стратегию ведения диалога и позицию адресанта по отношению к сообщаемым фактам. Кроме того, выражая субъективную модальность, исследуемые лексические единицы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе одновременно участвуют в организации высказываний-реплик, выполняя функцию лексико-семантических конкретизаторов в коммуникативной структуре высказываний-реплик. Как лексико-семантические конкретизаторы исследуемые ***амплифаеры*** способны вносить различные **субъективно-модальные оттенки значений**: *вероятность*, *возможность*, *необходимость совершения действия*, *уверенность*, *рекомендации*, *убеждения*, *разрешение/запрет*, *оценку* и *степень оценки*, то есть отличаются полифункциональностью.

Таким образом, данные лексические единицы способны демонстрировать причастность литературных героев и автора художественного произведения (адресанта) к происходящему, отражая их миропонимание. Функциональный диапазон ***амплифаеров, выражающих деонтическую модальность*** и ***амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность*** в художественном диалогическом дискурсе зависит от контекста и цели высказывания-реплики, кодируясь в широком разнообразии лексических единиц и грамматических структур. Тем не менее,

как показал анализ эмпирического материала, соотносить данные амплифаеры разноструктурных языков в рамках одной функции представляется трудной задачей в связи тем, что каждому изучаемому языку характерны дополнительные смысловые оттенки в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса. Считаем необходимым обратить внимание на тот факт, что в английском, испанском и русском художественном диалогическом дискурсе определены как минимум две циклические структуры с использованием амплифаеров, выражающих деонтическую модальность и амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность.

На основе проведённого лингвостатистического анализа представляется целесообразным и необходимым привести описание частотности употребления амплифаеров, выражающих деонтическую модальность и амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

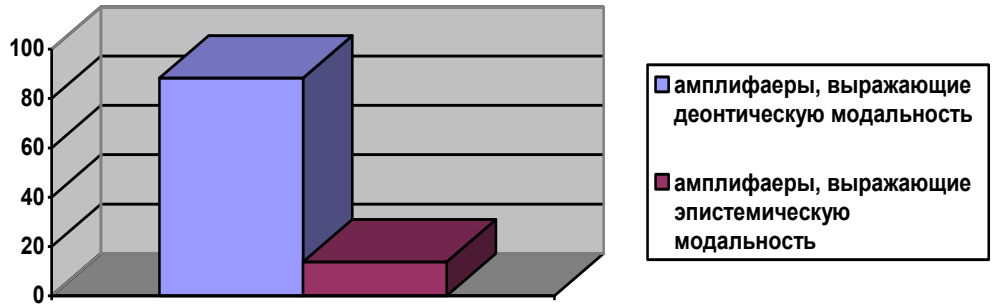


Гистограмма 9. Частотность употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в английском языке

Лингвостатистический анализ (Гистограмма 9) показал следующие закономерности употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в английском языке. **Амплифаеры, выражающие деонтическую модальность** в англоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются гораздо чаще –

88,2 %, чем **амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность** – 11,8 %, которые употребляются в художественном диалогическом дискурсе гораздо реже.

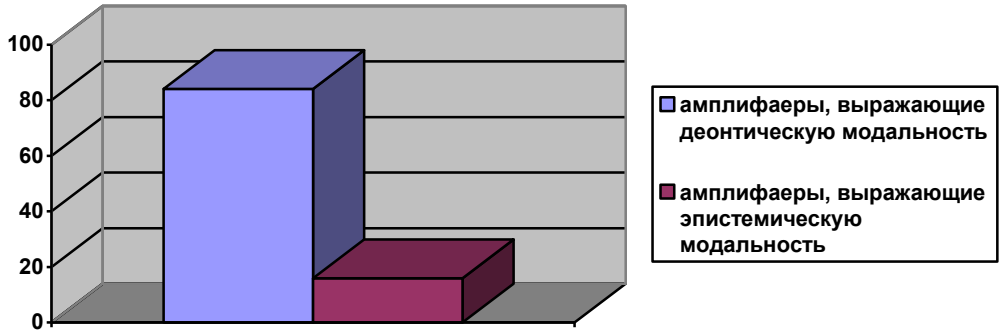
Значительная разница в употреблении данных амплифаеров объясняется их функциональной значимостью в контексте интеракции парнеров по общению в англоязычном художественном диалогическом дискурсе, то есть исследуемые лексические единицы – амплифаеры, выражающие модальные значения – представляют собой специализированные инструменты, однозначно маркирующие выполняемую ими функцию.



Гистограмма 10. Частотность употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в испанском языке

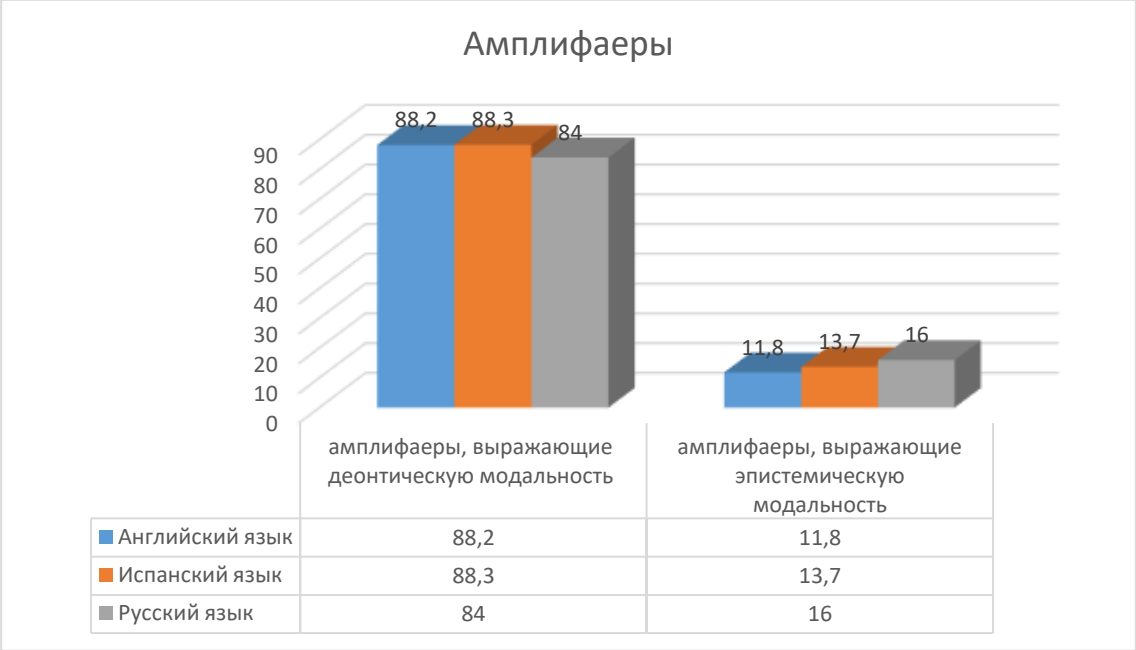
Из приведенной Гистограммы 10 видно, что **амплифаеры, выражающие деонтическую модальность** в испанском языке употребляются гораздо чаще в художественном диалогическом дискурсе – 88,3 %, чем **амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность** – 13,7 %. Количественное доминирование **амплифаеров, выражающих деонтическую модальность** над **амплифаерами, выражающими эпистемическую модальность** в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе объясняется важностью их использования для самих коммуникантов, так как исследуемые амплифаеры позволяют, с одной стороны, адресанту строить коммуникативно однозначное высказывание-

реплику, а с другой, позволяют адресату адекватно понимать основное содержание полученного высказывания-реплики.



Гистограмма 11. Частотность употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в русском языке

Как видно из вышеприведенной Гистограммы 11 «Частотность употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в русском языке», высокий показатель частотности употребления **амплифаеров, выражающих деонтическую модальность** – 84 % характерен и для русскоязычного художественного диалогического дискурса по сравнению с показателем частотности употребления **амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность** – 16 %. Русскоязычный материал позволяет прийти к выводу о том, что довольно высокий показатель частотности употребления **амплифаеров, выражающих деонтическую модальность** в художественном диалогическом дискурсе связан с тем, что из-за своей нейтральности лексические единицы данного корпуса амплифаеров становятся общеупотребительными. Универсальность позволяет использовать данные лексемы в различных контекстах, что помогает организовывать структурированную коммуникацию, маркировать субъективные оттенки коннотативного характера, которые адресант вносит в художественный диалогический дискурс, отображая окружающую действительность.



Гистограмма 12. Частотность употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

На основе проведённого в настоящей работе лингвостатистического анализа (Гистограмма 12) представляется необходимым дать описание частотности употребления амплифаеров, выражающих модальные значения в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Вполне очевидно, что *амплифаеры, выражающие деонтическую модальность*, широко используются в исследуемых разноструктурных языках. Чаще всего данный корпус амплифаеров употребляется в испанском языке – 88,3 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования амплифаеров, выражающих деонтическую модальность, следует английский язык – 88,2 %, на третьем месте по частотности употребления данных амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе находится русский язык – 84 %.

Представим показатели использования *амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность*, в исследуемых – английском, испанском, русском – языках. Так, согласно лингвостатистическим данным (Гистограмма 12) лексические единицы, входящие в данный корпус, довольно часто употребляются в художественном диалогическом дискурсе

русского языка – 16 %. На втором месте по частотности употребления амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность, находится художественный диалогический дискурс испанского языка – 13,7 %. Реже данные лексические единицы употребляются в англоязычном художественном диалогическом дискурсе – 11,8 %. Таким образом, можем сказать, что *амплифаеры, выражающие деонтическую модальность*, в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе рекуррентны, что объясняется жанровой спецификой и коммуникативными целями и интенциями продуцентов высказываний-реплик, то есть данные лексические единицы языка отражают миропонимание литературных героев/персонажей (коммуникантов) и самого автора художественного произведения.

Следует заметить, что *амплифаеры, выражающие модальные значения* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе способны отражать коммуникативные реакции в контексте окружающей действительности, а также модальные, эмоционально-экспрессивные, квалификативные, эмоционально-оценочные (внутреннее состояние литературных героев и их отношение к действительности) и образные (выражение внешнего облика реальной действительности) характеристики в высказывании-реплике участников диалогического акта коммуникации.

4.3.4. Амплифаеры-рестриктивы в художественном диалогическом дискурсе

Амплифаеры-рестриктивы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют собой лексические единицы, которые выполняют *функцию ограничения, выделения, усиления, противопоставления или уточнения* значений слов и фраз, способствуя формированию коммуникативно однозначного

высказывания-реплики. Кроме того, лексемы данного корпуса амплифаеров играют роль качественных показателей смыслового веса слов/слова, словосочетания или высказывания-реплики в целом, так как позволяют логически выделить, эмоционально окрашивать отдельные элементы синтаксической структуры предложения. Следует отметить, что также встречаются нерасчленённые высказывания-реплики, в состав которых может входить амплифаер-рестриктив, который употребляется для выделения частного признака ситуации или предмета [Купцов, 2010; Купцов, 2021а]. Таким образом, изучение амплифаеров-рестриктивов позволяет понимать механизмы семантической структуры языка и его способности выражать различные оттенки коннотативного характера в диалоге.

Все вышеупомянутые значения – *ограничение*, *выделение*, *усиление*, *уточнение, противопоставление* – представляют крайне необходимые денотативно-коннотативные значения, проявляющиеся в коммуникативной единице, и характерны для разноструктурных – английского, испанского и русского – языков [Купцов, 2021б]. По своей семантике данные лексические единицы рассматриваются в ряду «логических слов», так как «именно их логическим характером» объясняется высокая частотность данных лексем. Отметим, что важно учитывать минимальный контекст, то есть простое высказывание-реплику, в котором данное значение реализуется. Обязательными компонентами этого минимального контекста являются компонент, выделяемый лексической единицей, и предикативная часть высказывания-реплики [Стародумова, 1988, с. 18-19].

При исследовании прагматического аспекта функционирования рестриктивных высказываний-реплик Т. Н. Филиппова приходит к выводу о том, что сама категория *ограничения* в языке основывается на утверждении эксплицитного члена и отрицании имплицитных компонентов высказывания-реплики. При этом, как отмечает исследователь, «имплицитные члены составляют пресуппозиционный компонент высказывания, представленный "в свернутом виде" рестриктивом, следовательно, в рестрикции

интегрируются и взаимодействуют как эксплицитный, так и имплицитный смысловые компоненты [Филиппова, 1996, с. 3]. Кроме того, следует отметить, что введение амплифаеров-рестриктивов в структуру высказывания-реплики в художественном диалогическом дискурсе заключается не только в выражении основного содержания высказывания-реплики. Так, выделительное или ограничительное значение предопределяется смыслом более широкого контекста, то есть той коммуникативной установкой, которую выражает говорящий/ пишущий (адресант) [Купцов, 2021б]. Следовательно, амплифаеры-рестриктивы представляют собой экспрессивно-эмоциональный инвентарь индивидуально-речевого уровня языкового абстрагирования [Кошевая, 1976].

Анализ материала показал, что амплифаеры-рестриктивы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе доносят до адресата смыслы оценочного характера. Отметим, что амплифаеры-рестриктивы не являются моделирующими компонентами структуры высказывания-реплики, при этом актуальная информация следующих высказываний-реплик заключается как в выделительном, так и в ограничительном значениях. Например:

(англ.) The fat boy stood by him, breathing hard.

"My auntie told me not to run," he explained, "on account of my asthma."

"Ass-mar?"

"That's right. Can't catch my breath. I was the ***only*** *boy in our school what had asthma," said the fat boy with a touch of pride. "And I've been wearing specs since I was three." (Golding);*

(исп.) Se detuvo un momento y prosiguió: – Éste sería el ideal del cuerpo, el ideal del hombre si todo fuese materia. Mas habiendo detrás un alma, merced a la cual el cuerpo alienta, supone una aberración vivir ***sólo*** *para el mundo (Delibes);*

(рус.) – Что же думаешь делать?

– Я у тебя денег хочу попросить. В долг. Уехать хочу.

– К Василию?

*– Я еще не решил. Мне все равно, **лишь** бы маменьку не волновать.*

– Маменьку… – Гавриил вздохнул. — Мама скончалась, Федя (Васильев).

Амплифаеры-рестриктивы относятся к части высказывания-реплики, отграничивая одну часть от другой. Коммуникативно-прагматическая функция амплифаеров-рестриктивов позволяет им выполнять в художественном диалогическом дискурсе свою доминирующую функцию, то есть донесение до адресата квалификативных смыслов.

Интерпретативный анализ лексических единиц указывает, что амплифаеры-рестриктивы в высказывании-реплике английского, испанского и русского художественного диалогического дискурса употребляются для повышения эффективности акта коммуникации в целом, так как они способствуют организации дискурса, помогают выстроить его логично, связно и последовательно. Относясь к предикату в высказывании-реплике, амплифаеры-рестриктивы способны вносить значение интенсивности действия, тем самым выделяя конкретные пресуппозиции. Например:

(англ.) “Do you mind if I strum, Dad?”

*“Not at all. Your mother’s got some French songs there.” He didn’t mind what she did, **if only** she could get that look off her face. But music was emotional stuff, and French songs always about love! It was to be hoped she wouldn’t light on the one Annette was for ever singing (Galsworthy);*

(исп.) Marco calló fatigado. Y añadió:

– Ella ya sabe lo que le espera. Pero no creas, soy un buen hombre y no pienso vengarme. Ya, nada me importa lo que me hizo sufrir aquella noche y todos estos días. Porque eso ya pasó, y ahora no sufro. Ahora, no estoy sufriendo. Así y todo, ¡pobre Zazu! ¡Qué desgraciada será y qué feliz también! ¿No te da un poco de lástima? Vamos, quiero decir:

*esperando **siempre que** yo vuelva a su lado. ¡Bah, bah! ¡Cuánta historia para nada! ¡Estoy pensando si valía la pena todo esto! Casi ni estoy alegre (Matute);*

*(рус.) – Мой сатана сильнее вашего! – орал Гидаль, выкручиваясь из дружеских объятий. – Можете стрелять в меня, **только бы** все это кончилось! Плевал я на всех императоров... (Пикуль).*

Приведенные выше примеры высказываний-реплик в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе показывают, что амплифаеры-рестриктивы, употребляясь в императивных высказываниях-репликах, выражают *модальные значения желания* или *намерения*, а также усиливают выразительность речи, благодаря чему увеличивается её воздействующая сила. Следовательно, экспрессивная окраска речи в художественном диалогическом дискурсе создаётся за счёт различных оттенков коннотативного характера. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров-рестриктивов в художественном диалогическом дискурсе зависит от контекста, то есть данные лексические единицы обладают различным функциональным потенциалом, адаптируясь к коммуникативной ситуации и влияя на смысл высказывания-реплики. Необходимо отметить, что в примерах высказываний-реплик англоязычного и испаноязычного художественного диалогического дискурса императивное значение выражено имплицитно, в отличие от императивных высказываний-реплик в русском языке. На наш взгляд, данный феномен можно объяснить тем, что употребление амплифаеров-рестриктивов варьируется от лексико-грамматического строя языка и от социокультурного пространства. В английском и испанском языках повелительное значение в высказываниях-репликах «смягчается» с помощью лексических и синтаксических средств, в то время как в русском языке, напротив, повелительное значение выражается более прямолинейно, что связано с особенностями социальной коммуникации, которая отражается в художественном диалогическом дискурсе. Итак, амплифаеры-рестриктивы могут интенсифицировать или

ослаблять высказывания-реплики в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, тем самым создавая поливариантные императивные структурно-семантические модели.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет прийти к выводу о том, что амплифаеры-рестриктивы придают высказыванию-реплике «*количественную*» и «*градационную*» интерпретацию, выделяя конкретные пресуппозиции. Например:

(англ.) "She knew I was going to be married."

"When?"

"I sent her back to the village before I left here. I told her it was all over. I gave her what I'd promised. She always knew it was ***only*** *a temporary arrangement. I was fed up with it. I told her I was going to marry a white woman." (Maugham);*

(исп.) O tal vez sólo quería contar lo que ya había contado una vez, esa noche a Luisa durante la cena, contar una historia como pago de una deuda, aunque sea simbólica o no exigida ni reclamada por nadie, nadie puede exigir lo que no sabe que existe y a quien no conoce, lo que ignora que ha sucedido o está sucediendo y por tanto no puede exigir que se revele o que cese.Hacía tan ***sólo*** *unas horas Luisa Téllez no sabía de mi existencia (Marías);*

(рус.) – Настоящее ***только*** *это, – сказал Тулин. – Все остальное – ерунда.*

– А я решила, что больше не нужна тебе.

– Ты единственное, что мне нужно (Гранин).

Приведенные примеры высказываний-реплик в художественном диалогическом дискурсе исследуемых языков позволяет утверждать, что при количественной интерпретации высказывание-реплика рассматривается в количественном соотношении с другими элементами, а при градационной интерпретации высказывание-реплика приобретает иной смысл, то есть получает определенное место среди подобных реалий. Таким образом, употреблением в речи амплифаеров-рестриктивов адресант имплицитно

оценивает качества и действия адресата или предметов.

Как свидетельствует анализ фактического материала, исследуемые амплифаеры в художественном диалогическом дискурсе употребляются в моделях противительного отрицания вместе с частицей ***not*** в английском языке, частицей ***no*** в испанском языке и частицей ***не*** в русском языке, что способствует увеличению эмоциональной нагрузки и экспрессивности высказываний-реплик, усиливая выразительность речи. Например:

(англ.) "I can't help it,' he said, as she had earlier. She smiled and he said bitterly, "It's ***not just*** *an amusement for me.' And then, 'Stop the car, stop it now." (Lessing);*

(исп.) – Tal vez a vuestra paternidad no le guste lo que dice – dijo.

– Y ¿eso qué importa? Hay que conocer ***no sólo*** *lo que hacemos sino lo que nos atribuyen (Delibes);*

(рус.) – Я не кляну этого земледельца, Аристотель, нет! Он и не знал, что открывает злую дверь в мир. Он хотел только больше обработать земли, больше получить хлеба, чтоб не голодать с детьми. И получил… Да, да, соха ***не только*** *накормила его досыта, но стал оставаться лишний хлеб. Лишний, Аристотель! Тогда-то все и случилось (Тендряков).*

Амплифаеры-рестриктивы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе играют важную роль с позиции репрезентации дополнительной информации. Кроме того, необходимо учитывать факторы, влияющие на экспрессивность и актуализацию высказывания-реплики: семантические и коммуникативно-прагматические свойства амплифаеров-рестриктивов, контекстное окружение, стилистическую функцию (роль) и др. Исследование показало, что амплифаеры-рестриктивы часто используются в эллиптических конструкциях художественного диалогического дискурса. В рамках настоящего исследования данные конструкции рассматриваются как стилистические фигуры, придающие высказыванию-реплике динамичность,

художественную выразительность и экспрессивность. Например:

(англ.) Dr. Armstrong spoke to her soothingly.

*"You'll be all right now, Mrs. Rogers. **Just a nasty turn**." (Christie);*

(исп.) – ¿Cómo te va, hijo? – le preguntó Bartolomé a su yerno.

– Bien. Muy bien..., pero...

– ¿Hay algún problema?

*– **Es sólo** que... No estoy acostumbrado a que me traten tan bien como lo hace Maria (Falcones);*

(рус.) – Подставил, - с удовольствием согласился Брагин.

– Потому что мне победить тебя надо было. Я доказать хотел. Спик инглиш? Помнишь? А я помню.

*– **И только-то**. Мелко. Я-то думал – принципы, философия. А вы счеты сводили (Гранин).*

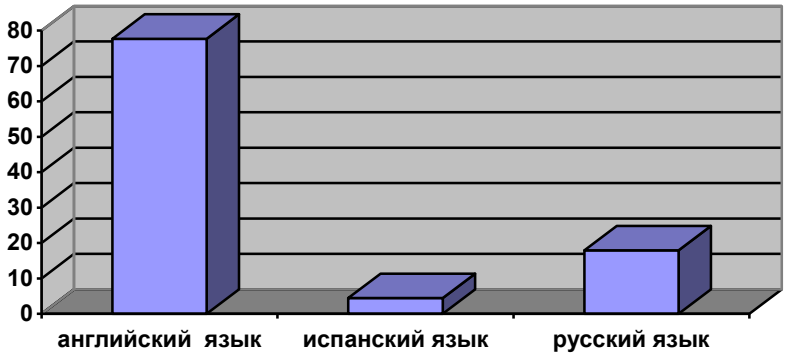
Приведенные выше примеры указывают на тот факт, что амплифаеры-рестриктивы, употребляясь в эллиптической конструкции, эксплицитно передают оценочные суждения, эмоции, эмоциональное состояние героев художественного произведения, реализуют эмотивный фон и передают экспрессивность высказыванию-реплике. Следовательно, объективируя ментальные процессы адресанта, данные амплифаеры отражают не только коммуникативное намерение в соответствии с конкретной речевой ситуацией, но и его эмоциональное отношение, тем самым помогая реципиенту (адресату) адекватно понимать основное содержание высказывания-реплики, то есть интенции и установки адресанта.

В ходе предпринятого исследования выявлено, что циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами-рестриктивами имеет эквивалентную структуру. Схема художественного диалогического дискурса с амплифаерами-рестриктивами выглядит следующим образом (см. Схема 11), где *инициация коммуникации* – активизация общения; *изложение актуальной информации* – этап, на котором проходит интеракция

коммуникантов; *введение амплифаером ограничительного/выделительного значения*; *изложение актуальной информации* – интеракция коммуникантов; *подведение итогов* – завершение обсуждения; *новый цикл* – поддержание динамики коммуникативно-информационных процессов.

Схема 11. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-рестриктивами

Суммарная репрезентативность корпусного материала даёт возможность получить наиболее общее представление об употреблении амплифаеров-рестриктивов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе и сделать вывод о выявленных *универсальных* и *национально-специфических особенностях* использования исследуемого типа амплифаеров.



Гистограмма 13. Частотность употребления амплифаеров-рестриктивов в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках

Лингвостатистические данные частотности употребления амплифаеров -рестриктивов (Гистограмма 13) позволил выявить следующее: без **амплифаеров-рестриктивов** не обходится ни один художественный диалогический дискурс, то есть лексические единицы данного корпуса амплифаеров представляют собой **универсальное языковое явление** в исследуемых лингвокультурах.

Согласно показателям Гистограммы 13, **амплифаеры-рестриктивы** в **английском языке** употребляются в художественном диалогическом дискурсе довольно широко – 77,7 %, при этом гораздо реже употребляются лексические единицы данного корпуса амплифаеров в **русском языке** – 17,9 %, а наименьший процент их использования наблюдем в **испанском языке** – 4,4 %. Количественный анализ **амплифаеров-рестриктивов** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе отражает определенные закономерности, которые являются характерными для данных разноструктурных языков.

Итак, из всего вышеизложенного можем заключить, что амплифаеры-рестриктивы, реализуя эмотивный фон в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, придают высказыванию-реплике специфические семантические, эмоционально-выразительные особенности. Лексические единицы исследуемого корпуса амплифаеров, употребляясь в императивных речевых ситуациях или в речевых ситуациях с повелительным значением выражают *модальные значения желания* или *намерения*, тем самым реализуя интенции коммуникантов. Кроме того, выявили, что амплифаеры-рестриктивы могут употребляться в эллиптических конструкциях, тем самым управляя интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия в художественном диалогическом дискурсе самими продуцентами высказываний-реплик. Для современного испанского языка, в отличие от английского и русского языков, характерно использование глагольных конструкций с рестриктивным значением. Собранный эмпирический материал позволяет сделать вывод о

том, что противительные отношения в испанском языке изофункциональны, то есть синтаксические конструкции с рестриктивным значением адаптируются к условиям художественной коммуникации. Анализ имеющегося материала позволил установить, что амплифаеры-рестриктивы, как правило, не употребляются изолированно, они интегрируются в уже сложившуюся структуру экспрессивности, функционируя как вспомогательные инструменты передачи различных смысловых значений в высказывании.

4.3.5. Амплифаеры-хезитативы в художественном диалогическом дискурсе

Функционально-прагматический потенциал амплифаеров-хезитативов заключается в выражении сомнения, предоставлением времени для размышления, уточнения и переформулирования, а также создание неформальной атмосферы общения. Кроме того, амплифаеры-хезитативы могут быть использованы для придания высказыванию-реплике более вежливого оттенка или осторожности в художественном диалогическом дискурсе [Купцов, 2024д, Купцов, 2024е; Купцов, 2024з]. Следовательно, амплифаеры-хезитативы представляют собой лексические единицы, которые выражают *неопределенность*, *сомнение* или *неуверенность* в высказывании-реплике.

Для достижения поставленной цели в рамках данного исследования считаем уместным и целесообразным сослаться на Т. Алексиеву, которая полагает, что «явления хезитации представляют собой манифестацию различных затруднений, всевозможных смущений и коммуникативных сбоев, возникающих у говорящего в ходе вербальной интеракции; они являются отражением некоторых когнитивных процессов, связанных с речепроизводством. Наличие хезитационных феноменов обусловлено наложением таких речемыслительных действий, как: планирование

высказывания на разных уровнях организации дискурса, контроль за адекватностью вербализации, коррекция неправильно построенного речевого фрагмента. О возникших трудностях говорящий сигнализирует адресату с помощью специфического для каждого языка набора сегментных и супрасегментных средств» [Алексиева, 2017, с. 10–11].

Ряд лингвистов полагает, что амплифаеры-хезитативы полифункциональны, так как выполняют ряд важных коммуникативно-прагматических функций в акте коммуникации. В зависимости от контекста и контекстного окружения амплифаеры-хезитативы определяются как слова-паразиты, но при полном их отсутствии речь может показаться прагматически некорректной [Levontina, Shmelev, 2007]. К. Хлупачова отмечает, что амплифаеры-хезитативы связаны, прежде всего, с организацией речевого контакта, то есть, заполняя паузы, они тем самым способствуют пролонгации речевого контакта, сохранению права речи за говорящим в данный момент коммуникантом [Хлупачова, 1995].

Адекватное использование амплифаеров-хезитативов повышает эффективность взаимодействия в коммуникации, так как они членят речевой поток и заполняют паузы, а адресату речи позволяют однозначно интерпретировать услышанное на свой предметный код осознания смысла [Жинкин, 1982]. Хезитация представляет собой реакции коммуниканта на ситуацию, в которой он не может определиться, как начать или продолжить свое высказывание-реплику. Хезитация может быть обусловлена когнитивными ограничениями самого адресанта или речевого поведения адресата, влияя на коммуникационный процесс [Лайтинен, 2020].

Амплифаеры-хезитативы дают возможность коммуникантам переходить от одной мысли к другой, обозначать разные этапы рассуждения, служат ориентирующими сигналами, помогающими партнерам по общению не терять нить разговора и закрепить за собой право речи [Рыбка, 2007]. Е. Ю. Викторова указывает на тот факт, что многие хезитативы в английском языке являются синкретичными, то есть одновременно выполняют

связующую функцию и выражают некоторые логические отношения (например, употребляются перед выводом или новой темой) [Викторова, 2011]. Следовательно, амплифаерам-хезитативам приписываются различные элементы речи, которые могут иметь дискурсивное употребление и различные семантические денотативно-коннотативные значения.

В ходе предпринятого исследования установлено, что амплифаеры-хезитативы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в соответствии с конкретными речевыми ситуациями и коммуникативными целями могут выполнять различные прагматические функции. Например, создание эмоциональной окраски: использование амплифаеров-хезитативов может помочь автору передать эмоциональное состояние персонажей или образов, добавить нюансы и оттенки в описание событий. Например:

(англ.) "You live downstairs?"

*"**Uh huh**. Share." (Fowles);*

(исп.) – El caso es que Rosa tiene ya novio.

– ¿Y no es más que eso?

*–Pero novio formal, ¿**eh**?, tío.*

– Vamos, sí, para que yo los case (Unamuno);

(рус.) – То-то и оно, Иван Трофимович, что себя-то мы, оказывается, еще плохо знаем. Человек куда более сложная материя, чем атомное ядро, а человечество трудней для понимания, чем вселенная.

*– **Ага**, бодливой корове бог рогов не дает. Если люди еще и в себя полезут, то они такое натворят, что, как Библия обещает, смерти будут искать все, но и ее даже не найдут (Тендряков).*

Усиление реалистичности художественного диалогического дискурса: амплифаеры-хезитативы способны создавать более естественную и реалистичную речь, так как люди в реальной жизни часто используют данные лексические единицы для выражения ***сомнения*** в процессе продуцирования высказывания-реплики. Например:

(англ.) "Not the Thought Police! You didn't honestly think that?"

*"**Well**, perhaps not exactly that. But from your general appearance – merely because you're young and fresh and healthy, you understand – I thought that probably" (Orwell);*

(исп.) Hubo un silencio. Víctor miraba al suelo.

– Bueno, bueno, guárdatelo; no quiero romper tus secretos.

*– ¡**Pues** sea, te lo diré! fue que exacerbado por aquellas querellas intestinas con mi pobre mujer, llegué a imaginarme que la cuestión dependía no de la intensidad de lo que sea, sino del número, ¿me entiendes? (Unamuno);*

(рус.) – Кто их знает! Хватают, будто в последний раз. С кустами попалось – с кустами, с листьями – с листьями унесут.

*– **Ну**, рыжики-то, говорите, есть? – допытывалась Люся.*

– Рыжики в этом году есть. Люди таскают (Распутин).

Амплифаеры-хезитативы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе выражают ***колебание*** продуцентов высказываний-реплик с целью адаптации своего сообщения к эмоциональному состоянию и ожиданиям адресата. Например:

*(англ.) "Then when you get here you build a bonfire that isn't no use. Now you been and set the whole island on fire. Won't we look funny if the whole island burns up? Cooked fruit, that's what we'll have to eat, and roast pork. And that's nothing to laugh at! You said Ralph was chief and you don't give him time to think. Then when he says something you rush off, **like**, **like** –"*

He paused for breath, and the fire growled at them (Golding);

*(исп.) – Ese es Vicente Mena, un amigo; **bueno**, y antiguo novio de mi hermana, estuvo con él una temporada antes de conocer a Eduardo, luego han seguido siendo amigos, se ven a menudo los cuatro, él y su mujer, Inés, y Eduardo y Marta. No tenía ni idea de esto, jamás me habló Marta de*

esto, de que hubieran vuelto a verse de este modo, qué hombre más desagradable (Marías);

(рус.) – Полина Юрьевна вас очень хотела видеть, – почтительно сказал Артур Германович. – Она даже собиралась поехать с нами, мы ее даже специально еще полчаса прождали, но, видимо, что-то там не вышло.

– Вот как? – сказал Зыбин, плохо понимая, что он говорит.

*– **Значит**, что… это… – Он не знал, что сказать и о чем спросить (Домбровский).*

Амплифаеры-хезитативы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, выражая ***колебание***, организуют структуру высказывания-реплики и дают возможность партнерам по общению продуцировать коммуникативно релевантное высказывание-реплику. Таким образом, амплифаеры-хезитативы не просто заполняют паузы в высказываниях-репликах, но и влияют на их интерпретацию адресатом, снижают категоричность, маркируют инициацию коммуникативного хода. Следует добавить, что собранный материал позволил выявить, что в русском художественном диалогическом дискурсе довольно часто амплифаеры-хезитативы имеют различную продолжительность (например, *агааа*, *нууу*, *знааачит* и др.), тем самым отражая *эмоционально-экспрессивный характер* высказывания-реплики – *неуверенность, согласие, раздражение, смущение* и др.

Художественный текст является отражением живой речи, которая характеризуется спонтанностью и экспрессивностью. Продуценты высказываний-реплик в художественном диалогическом дискурсе используют амплифаеры-хезитативы **для преодоления коммуникативного затруднения**. Как правило, они используют стандартные речевые обороты, к которым относятся глаголы, обозначающие процесс речи, мыслительного процесса, чувственного восприятия, модальные глаголы, вопросительные местоимения, глаголы-связки с прилагательным и др.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет выявить, что наиболее употребительными в английском языке являются *Let me think, Hold on, Just a second, Let's see* и др., в испанском языке *no sé cómo decir, no sé cómo decirlo, no puedo decir/ expresar/ describir, es difícil decir/ expresar/ describir, cómo decir/ expresar/ describir, quiero decir* и др., в русском языке *как бы, как его (ее, их)?, или как сказать?, наверное, ну как бы, скажем так, ну, по идее, или как сказать, типа, ну, в общем, это самое* и др. Например:

*(англ.) "O subtle and dear mother, I didn't say there wasn't God. I only said his Plan was too remote. Can't you hear God saying: "By the way, is that ball the Earth still rolling?" And an angel answering: "Oh! Yes, Sir, quite nicely." "**Let's see**, it must be fungused over by now. Wasn't there some particularly busy little parasite"(Galsworthy);*

(исп.) – Pues ¿qué, qué crees de tu tío?

*– Que no es más que... **no sé cómo decirlo**... que no es más que mi tío. Vamos, así como si no existiese de verdad (Unamuno);*

*(рус.) – И Володя не подкачал? Ну, передайте ему мой привет. Так нам и не удалось сделать вам сюрприз. Слушайте, хранитель (вас ведь тут хранителем прозвали. Я так смеялась). После двух я всегда свободна. Так, **скажем**, завтра, а?(Домбровский).*

Используя амплифаеры-хезитативы в высказывании-реплике, участники диалога маркируют испытываемые ими затруднения в подборе необходимой адекватной номинации (лексемы) для предотвращения пауз в речи, продолжая речевой контакт, выражая волнение, неуверенность, раздумье, ограниченный лексический запас и т.д. Необходимо отметить, что кроме вербальных амплифаеров-хезитативов автор произведения использует незаполненные паузы хезитации (например, в испаноязычном и русскоязычном высказывании-реплике) с целью подчеркнуть повышенную эмоциональность и экспрессивность, усиливая выразительность речи.

Таким образом, выбор амплифаеров-хезитативов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе

определяется не только синтагматической конструкцией высказывания-реплики, но и идеей автора, а именно то, что автор вкладывает в уста своих литературных героев. Использование лексем данного корпуса амплифаеров соотносится с сознательным выбором автора (адресанта), так как главная их функция состоит в том, чтобы придавать словам, словосочетаниям или целым высказываниям-репликам новый (дополнительный) оттенок значения, привлекать внимание адресата (читателя) и делать акцент на определенном коннотативном значении высказывания-реплики.

Следует подчеркнуть, что художественная диалогическая речь характеризуется неподготовленностью, спонтанностью, что приводит к ее избыточности. К избыточным элементам относят прежде всего т. н. «сорные слова» и выражения (англ. *«time fillers»*), не имеющие семантической нагрузки: *well*, *I mean*, *you know*, *you see*, *so to speak* в английском языке; *bueno*, *quiero decir*, *sabes*, *ya sabes*, *por así decirlo* в испанском языке; *ну*, *я имею ввиду*, *знаешь*, *вот видишь*, *так сказать* в русском языке. Например:

*(англ.) She sat in the next room, opposite a bit of white wall kept clear of clutter, "And now what are you up to, I wonder?' she said, amiably. 'You big booby, Harold. Really, **I mean**, I ask you!" (Lessing);*

*(исп.) – Por eso lo llaman el Único, ¿no? – dije yo –. ¿Usted lo llama así, al referirse a él, **quiero decir**? (Marías);*

*(рус.) «М-да! Неспокойная служба у тебя, гражданин-товарищ, – отметил про себя с иронией Валериан Иванович, позвякивая ложечкой. – А вообще, любопытно: комиссар и бывший офицер, смертельные, **так сказать**, враги, совместно гоняют чаи и подкарауливают один другого» (Астафьев).*

Употребление коммуникантом амплифаеров-хезитативов в английском, испанском и русском языках является осознанным, так как данные лексемы участвуют в организации диалога. Несмотря на частичную десемантизацию (семантическую опустошенность) амплифаеры-хезитативы обеспечивают связность дискурса, что дает возможность объективировать смысл

сказанного и способствует созданию необходимого контекста и коннотаций в художественном диалогическом дискурсе. Вышеупомянутые примеры демонстрируют различные способы использования амплифаеров-хезитативов для передачи эмоциональной окраски, усиления реалистичности и подчеркивания индивидуальности персонажей в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Денотативно-коннотативные значения, которые вносят амплифаеры-хезитативы в высказывание-реплику, проявляются в их коммуникативно-прагматических функциях и включают в себя элементы объективной информации, что делает данные лексемы важнейшим средством структурной организации художественного диалогического дискурса.

Эмпирический материал позволил выявить, что довольно часто употребляются амплифаеры-хезитативы *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе. В связи с тем, что вышеупомянутые амплифаеры-хезитативы рекуррентны и обладают разнообразными коммуникативно-прагматическим функциями, представляется целесообразным исследовать их семантический и коммуникативно-прагматический диапазон. Приведем контексты, в которых амплифаеры-хезитативы *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе используются в высказываниях-репликах в качестве средств реализации речевых актов.

1. Передача информации. Исследуемые амплифаеры-хезитативы используются для передачи информации, которую адресант считает известной адресату. Например:

(англ.) "Meetings. Don't we love meetings? Every day. Twice a day. We talk." He got on one elbow. "I bet if I blew the conch this minute, they'd come running. Then we'd be, ***<u>you know</u>****, very solemn, and someone would say we ought to build a jet, or a submarine, or a TV set. When the meeting was over they'd work for five minutes, then wander off or go hunting." (Golding);*

(исп.) – Me alegro que pienses asi – dijo don Pablo, sentandose junto a su mesa, al pie del diploma de la bendicion –. Tu has sido siempre algo verde; ya ***sabes*** *que te conozco, y me gusta que no te mezcles en estos lios. Esto te lo digo porque te quiero y porque esa gente va a llevar palo... mucho palo (Ibáñez)***.**

Отметим, что амплифаер-хезитатив *sabes* в испаноязычном художественном дискурсе довольно часто употребляется с наречием *ya*, что придает высказыванию-реплике оттенки коннотативного значения.

(рус.) – Как славно получилось, что Игнат! – восторженно продолжал Федор, держа брата за руку и ласково сияя голубыми глазами. – ***Знаешь****, я ночь не спал и сутки не ел ни крошечки, только кипяток пил на станциях. А как Игната увидел, так очень обрадовался (Васильев).*

2. Уточнение. Амплифаеры-хезитативы *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе используются для уточнения дополнительной информации, а также для того, чтобы ввести дополнительный аргумент в часть контекста. Например:

(англ.) "Not that there's anything wrong with drinking from the river. I mean I'd sooner have water from that place – ***you know****, the pool where the waterfall is – than out of an old coconut shell. Only we said we'd have the water brought. And now not. There were only two full shells there this afternoon." (Golding);*

*(исп.) –El pequeño soy yo, ¿****sabes****, madre? Me llaman el pequeño. Bueno, pues le ha dicho que como el pequeño ayudaba en la casa y en la playa,no tenía que pagarle mi parte (Falcones);*

(рус.) – Вчера еще песни играла. Потом полоть пошла. ***Знаешь****, там, у пруда, где огороды заложили (Васильев).*

3. Сообщение о необходимости действия. Амплифаеры-хезитативы используются для сообщения о необходимости действия или для призыва к действию. Следовательно, в основе коммуникативно-прагматической

организации предложения проявляется коммуникативная установка говорящего (адресанта), а также его субъективная оценка информации в высказывании-реплике. Например:

*(англ.) "Don't say it. You shall have time – as much time as you want. But I think, **you know**, we should be happy together." "You see," Linnet's tone was apologetic, almost childish, "I'm enjoying myself so much – especially with all this." (Christie);*

*(исп.) – Adiós, Martín; **ya sabes**, yo suelo estar en la pensión todas las tardes, no tienes más que llamarme por teléfono. Esta tarde no me llames; estoy ya comprometida con un amigo (Cela);*

*(рус.) – Чего ж это Иринка твоя не идет? Я, **знаешь**, брат, ждать не привык. Даже царицка меня ждать не заставляет.*

– Погоди. Придет (Пикуль).

4. Установление контакта. Амплифаеры-хезитативы *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе употребляются для установления контакта с собеседником или для создания более дружественной атмосферы в процессе диалогического акта коммуникации. Например:

*(англ.) "You did your best for me, **you know**. That night at Assuan – you told me not to open my heart to evil. Did you realise then what was in my mind?" (Christie);*

*(исп.) Pero no me faltes el domingo a la misa de la casa: aléjate del chiflado de Salvatierra y todos los perdidos que se juntan con él. Y si no haces esto, nos veremos las caras, ¿**sabes**, Fermín? Tú y yo acabaremos mal (Ibáñez);*

(рус.) –Только чуть-чуть помогите ему. Пожалуйста, помогите человеку.

*– **А знаешь**, девочка, мне сдается, что он уже нашел свой клад, – улыбнулся руководитель кружка (Васильев).*

5. Переход к новой теме. Амплифаеры-хезитативы указывают на то, что коммуникант готов перейти к следующей теме в высказывании-реплике,

которая связана с предыдущей. В английском языке *you know*, в испанском языке *sabes* и в русском языке *знаешь* участвуют в организации высказывания-реплики, создавая его более структурированным и понятным для адресата. Например:

*(англ.) "How true," said Ann. "**You know**, I think I'll take that Greek holiday after all." "Well done!" said Swann. He was being led towards the door. "On no account miss Delphi. Clare and I were in Greece ten years ago. I think we've still got all our guide-books. We'll lend them to you." (Murdoch);*

(исп.) – Entonces... un monólogo. Y para que parezca algo así como un diálogo invento un perro a quien el personaje se dirige.

*– ¿**Sabes**, Víctor, que se me antoja que me estás inventando? (Unamuno).*

(рус.) – Где логика? И почему я не слышу оваций восхищенной толпы?

Полынова даже передернуло от брезгливости:

*– **Знаешь**, катись-ка ты... со своей поэмой! (Пикуль).*

6. Выражение эмоционального состояния (сожаление, состояние тревоги и настороженности). Исследуемые амплифаеры способны выражать эмоциональное состояние коммуниканта в высказывании-реплике путем указания на то, как адресант чувствует относительно того, о чём он говорит. Амплифаеры-хезитативы устанавливают эмоциональную связь между адресантом и адресатом, что, в свою очередь, улучшает их понимание и взаимодействие, убедительно передавая точку зрения продуцентов высказываний-реплик. Например:

*(англ.) "I only knew that what I said was true." "It was true I could have stopped, then, **you know**. I nearly did I could have told Simon that I wouldn't go on with it But then perhaps – " She broke off. (Christie);*

*(исп.) – Padre dice que ha tenido que sufrir mucho. Su madre estaba encerrada, ¿**sabes**?; sólo sacaba el brazo a través de una ventana muy pequeña y no podía verla, hasta que murió, pero me ha dicho que tampoco entonces la miró (Falcones);*

(рус.) – Ненормальная! – кричала после собрания Зиночка. – Нашла кого перевоспитывать! Да он же поколотит тебя. Или… Или ***знаешь****, что может сделать? То, что сделали с той девочкой в парке, про которую писали в газетах? (Васильев).*

Амплифаеры-хезитативы *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе обладают довольно широким семантическим и коммуникативно-прагматическим диапазоном, выполняя различные функции в структуре художественного диалогического дискурса. Десемантизация лексемы сопровождается повышением ее метакоммуникативного статуса. Данные амплифаеры-хезитативы и художественный диалогический дискурс являются важной составляющей лингвокультуры, поскольку они отражают особенности языка, используемого в художественной литературе, и их связь с культурой и обществом. Исследование амплифаеров-хезитативов *you know* в англоязычном, *sabes* в испаноязычном и *знаешь* в русскоязычном художественном дискурсе позволяет глубже понять процессы конструирования смысла в социальном взаимодействии и использовать языковые средства для эффективного коммуникативного воздействия.

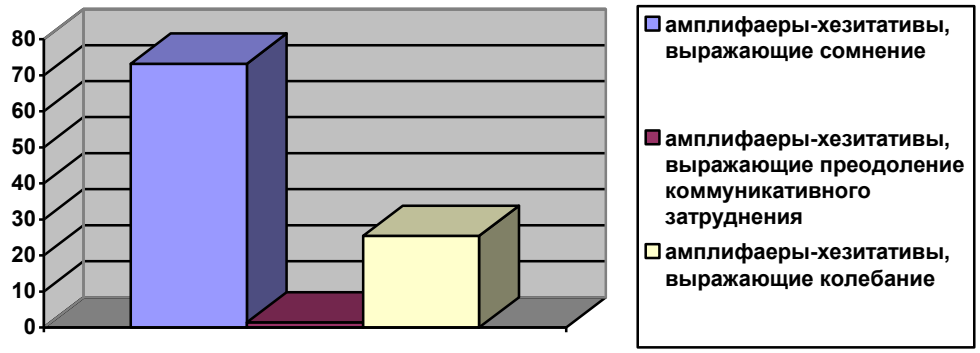
Исследование позволило установить, что циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с *амплифаерами-хезитативами*, *выражающими сомнение* и *преодоление коммуникативного затруднения*, имеет сходную структуру (см. Схема 12), где *инициация коммуникации* – процесс начала интеракции коммуникантов; *изложение актуальной информации/дискуссия* – обсуждение представленной информации; *введение амплифаера-хезитатива с паузой* – заполнение речевой паузы; *ответная реплика* – реакция/ответ на сказанное коммуникантом*; изложение актуальной информации* – обсуждение представленной информации; *подведение итогов* – завершение обсуждения; *новый цикл* – инициирование нового цикла дискуссии в художественном диалогическом дискурсе.

Схема 12. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-хезитативами, выражающими сомнение, преодоление коммуникативного затруднения

Циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с *амплифаерами-хезитативами*, *выражающими колебания*, имеют иную циклическую структуру (см. Схема 13), где *инициация коммуникации* – начало взаимодействия партнеров по общению; *изложение актуальной информации* – обсуждение представленной информации; *введение амплифаера-хезитатива, выражающего колебание* – заполнение речевой паузы; *коммуникативный акт молчания/пауза, колебание* – реакция/ответ на сказанное адресантом; *изложение актуальной информации/уход от коммуникации* – коммуникация между партнерами по общению/отказ от участия в коммуникативном акте; *подведение итогов* – завершение коммуникации; *новый цикл* – инициирование нового круга дискуссии, продолжая процесс акта коммуникации.

Схема 13. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-хезитативами, выражающих колебания

Следовательно, приходим к выводу, что в английском, испанском и русском художественном диалогическом дискурсе существуют как минимум две циклические структуры с использованием амплифаеров-хезитативов. Исследуемый корпус амплифаеров как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере является универсальной лингвокультурной особенностью для английского, испанского и русского языков, то есть проявляются типологические черты языков. На основе проведённого лингвостатистического анализа представляется важным дать описание частотности употребления *амплифаеров-хезитативов, выражающих сомнение, преодоление коммуникативного затруднения*, *колебания* в художественном диалогическом дискурсе.

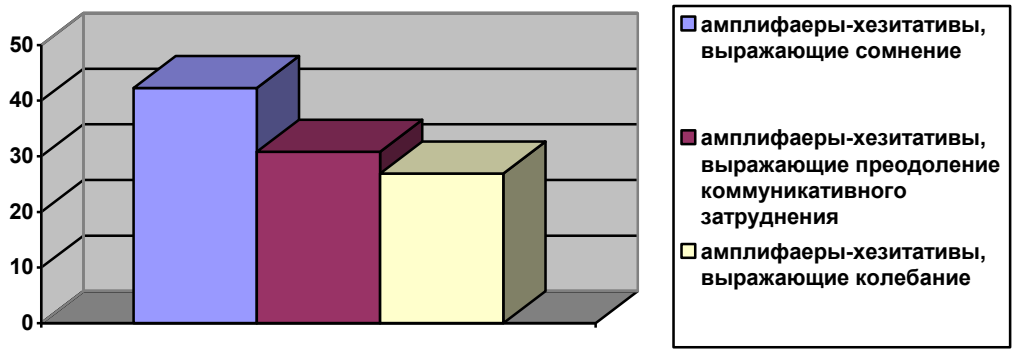


Гистограмма 14. Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в английском языке

Количественный анализ (Гистограмма 14) показал следующие закономерности употребления **амплифаеров-хезитативов** в контексте их функционального потенциала, характерные для англоязычного художественного диалогического дискурса. Так, **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие сомнение**, в современном английском языке рекуррентны – 73,2 %. Далее по частотности использования в высказывании-реплике в английском языке следуют **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие колебание** – 25,4 %. Гораздо реже используются **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие преодоление коммуникативного затруднения** – 1,4 %. Полагаем, что разница в употреблении данных типов амплифаеров-

хезитативов варьируется и зависит от контекста, стиля общения, культурных норм и т. д. **Амплифаеры-хезитативы**, **выражающие преодоление коммуникативного затруднения**, представляют собой в англоязычном художественном диалогическом дискурсе фиксированные, статичные высказывания-реплики (*Let me think, Hold on, Just a second, Let's see*), ограниченные в вариативности по сравнению с динамичными **амплифаерами-хезитативами**, **выражающими сомнение**, и **амплифаерами-хезитативами**, **выражающими колебание**.

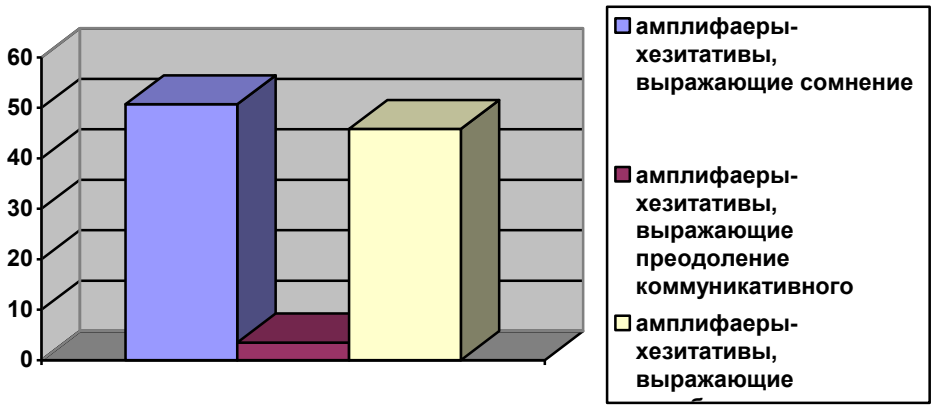
Представим данные о частотности употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе в виде Гистограммы 15:



Гистограмма 15. Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контекстеих функционального потенциала в испанском языке

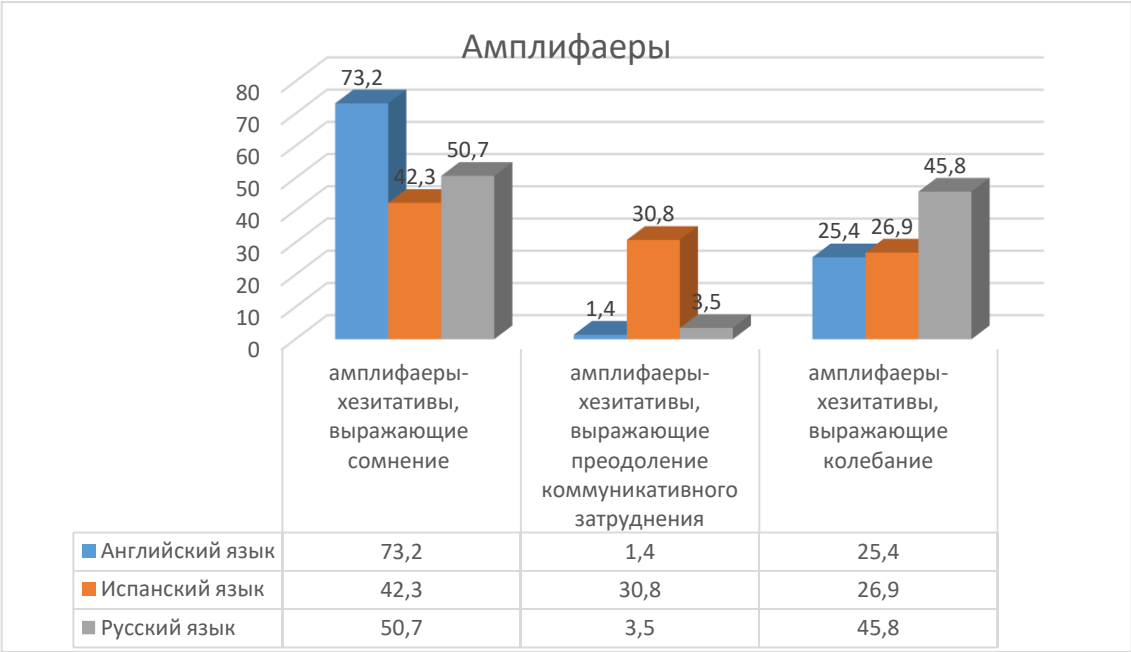
Как видим из Гистограммы 15 «Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в испанском языке» чаще всего употребляются **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие сомнение** – 42,3 %, в то время **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие преодоление коммуникативного затруднения**, используются реже – 30,8 %. Далее в порядке убывания следуют **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие колебание** – 26,9 %. Как показывает лингвостатистический анализ, частотность использования амплифаеров-хезитативов в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе неодинакова, что отражает совокупность закономерностей, которые являются характерными для испаноязычной коммуникации.

Для правильного понимания толкований показателей считаем необходимым описать закономерности (частотность) употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в виде Гистограммы 16.



Гистограмма 16. Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в русском языке

Из Гистограммы 16 «Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в русском языке» видно, что чаще всего в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие сомнение** – 50,7 %. Следует отметить, что далее по показателю частотности использования **амплифаеров-хезитативов** в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе следуют **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие колебание** – 45,8 %. Как показывает лингвостатистический анализ, гораздо реже в русскоязычном высказывании-реплике употребляются **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие преодоление коммуникативного затруднения** – 3,5 %. Следует обратить внимание на тот факт, что **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие сомнение**, и **амплифаеры-хезитативы**, **выражающие колебание** в рамках высказывания-реплики, демонстрируют более равномерное употребление в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе по сравнению с **амплифаерами-хезитативами**, **выражающими колебание**.



Гистограмма 17. Частотность употребления амплифаеров-хезитативов в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

На основе проведённого в настоящей работе лингвостатистического анализа (Гистограмма 17) представляется целесообразным истолковать закономерности (частотность) использования *амплифаеров-хезитативов*, а именно *амплифаеров-хезитативов*, *выражающих сомнение*, *амплифаеров-хезитативов*, *выражающих преодоление коммуникативного затруднения*, *амплифаеров-хезитативов, выражающих колебание*, согласно приведенному перечню функционального потенциала в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Как видим, согласно лингвостатистическим данным Гистограммы 17 *амплифаеры-хезитативы*, *выражающие сомнение*, употребляются в художественном диалогическом дискурсе английского языка довольно часто – 73,2 %. Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данного корпуса амплифаеров следует русский язык – 50,7 %. По Гистограмме 17, незначительно реже *амплифаеры-хезитативы*, *выражающие сомнение*, используются в испанском языке – 42,3 %. Следует обратить внимания на тот факт, что данные амплифаеры употребляются в трех исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах

довольно часто, что отражает их широкий коммуникативно-прагматический потенциал в художественном диалогическом дискурсе.

Как показывает анализ лингвостатистических данных (Гистограмма 17), в целом, частотность использования *амплифаеров-хезитативов, выражающих преодоление коммуникативного затруднения*, в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе варьируются. По частотности их использования в художественном диалогическом дискурсе выделяется испанский язык – 30,8 %. Далее в порядке уменьшения частотности употребления исследуемых лексических единиц в художественном диалогическом дискурсе следует русский язык – 3,5 %. Английский язык обнаруживает наименьшее число – 1,4 %.

Амплифаеры-хезитативы, выражающие колебание, художественного диалогического дискурса употребляются чаще всего в русском языке – 45,8 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данного корпуса амплифаеров следует испанский язык – 26,9 %. По Гистограмме 17, незначительно реже амплифаеры используются в английском языке – 25,4 %. Таким образом, приходим к выводу о том, что различие в использовании амплифаеров, выражающих причинно-следственные отношения, в исследуемых языках довольно велико. Как видим, частотность употребления *амплифаеров-хезитативов, выражающих колебание*, в русском языке выражена наиболее ярко, в испанском языке она выражена менее ярко, а в современном английском языке *амплифаеры-хезитативы, выражающие колебание*, используются реже всего.

Таким образом, приходим к заключению о том, что количественный анализ употребления *амплифаеров-хезитативов* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе указывает на тот факт, что изучаемые лексические единицы демонстрируют на уровне речевого выражения, как субъект воспринимает окружающую действительность.

4.3.6. Амплифаеры-интеръекции в художественном диалогическом дискурсе

Амплифаеры-интеръекции представляют собой лексемы, отражающие эмоциональную реакцию продуцентов высказываний-реплик на определенные аспекты социолингвистического контекста [Ameka, 2006]. Следует отметить, что семантический подход рассматривает *амплифаеры-интеръекции* как лексические единицы, обладающие семантической насыщенностью и концептуальной структурой, которая может быть развернута и объяснена. При этом коммуникация достигается в основном посредством кодирования концептуальных структур [Wilkins, 1992; Купцов, 2025д]. А*мплифаеры-интеръекции* являются кодированными сигналами, несущими в себе коммуникативные интенции продуцентов высказываний-реплик. В дополнение ко всему вышесказанному важно упомянуть, что *амплифаеры-интеръекции*, будучи инструментами коммуникации, отражают специфичные особенности, характерные для определенных культур.

Таким образом, *амплифаеры-интеръекции*, являясь прагматическими маркерами в английском, испанском и русском языках, являются важным объектом изучения в области прагматики, влияние которых значительно сказывается на способность адресанта и реципиента к эффективному общению и, соответственно, установлением отношений между участниками коммуникации. Так, англоязычный, испаноязычный и русскоязычный художественный диалогический дискурс состоит из высказываний-реплик, характеризующихся специфическими, присущими только им лексическими, грамматическими и семантическими особенностями, реализующими прагматическую функцию высказываний-реплик участников диалога. В результате анализа высказываний-реплик в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе можно заключить, что на лексическом уровне преобладают *амплифаеры-интеръекции*, которые

способствуют адекватному ходу диалога, его естественному звучанию, эмоциональной нагрузке и др. Например:

(англ.) "You have grave affairs on hand?" Poirot shook his head.

*"I am, **alas**, a man of leisure," he said sadly (Christie);*

(исп.) – ¿Qué fue lo último que dijo, te acuerdas?

*"**Ay Dios**, y el niño", pensé.*

– Se preocupó por el niño – dije (Marías);

*(рус.) – Как же, как же! – сказал Тулин. – Любимый ученик Ломоносова. А вы все еще верите в авторитеты? **Увы**, люди не могут без авторитетов… (Гранин).*

Амплифаеры-интеръекции выражают чувства и побуждения, не называя их, не являясь членами предложения. Партнеры по общению интерпретируют дополнительные смысловые или эмоционально-экспрессивные оттенки значений, закодированные в данных лексических единицах. Кроме того, для адекватной семантической интерпретации *амплифаеров-интеръекций* в художественном диалогическом дискурсе требуется учет как контекстуальных, так и прагматической аспектов. Данные лексические единицы отражают усиление экспрессивно-эмоционального воздействия на читателя (адресата), а также фиксируют внимание читателя (адресата) на вещественной информации и актуализируют смысл всего высказывания-реплики, таким образом, степень воздействующей силы высказывания-реплики повышается. Следовательно, *амплифаеры-интеръекции* в составе высказывания-реплики представляют важные инструменты (кодированные сигналы), позволяя передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию (сообщение), которая объединена в идейно-художественном содержании диалогического дискурса. Отметим, что эти лексические единицы принадлежат к эмотивной лексике и выражают различные эмоции (*гнев, печаль, радость, раздражение, удивление* и т. д.). Далее представляется целесообразным на основе фактического материала выявить специфические коммуникативно-

прагматические функции *амплифаеров-интеръекций* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Как показал анализ полученного материала, лексемы исследуемого корпуса амплифаеров обладают полифункциональностью. Так, *амплифаеры-интеръекции* выражают *удивление, сожаление, недоумение с раздражением* коммуниканта, выполняя функцию *эмоционального восклицания*, что позволяет адресату корректно интерпретировать целевую установку речевого акта, содержание сообщения, отношение к сказанному и к действительности, а также чувства и эмоциональное состояние адресанта. Например:

(англ.) "It was my little daughter," said Parsons with a sort of doleful pride. "She listened at the keyhole. Heard what I was saying, and nipped off to the patrols the very next day. Pretty smart for a nipper of seven, ***eh****? I don't bear her any grudge for it. In fact I'm proud of her. It shows I brought her up in the right spirit, anyway." (Orwell);*

*(исп.) –¡Pero yo no! ¡Yo sí soy sensible a la mezquindad de un gesto hostil! ¡Yo sí!... ¡****Ah****, bien, Ilé Eroriak, amigo mío, hermano mío, cuántas cosas has de enseñarme! (Matute);*

(рус.) – Кто поможет человеку, который сам в себе запутался?

*– ****Ах****, вам-то что! Пожмете плечами: мол, старый знакомый с ума спятил (Тендряков).*

Проведенное исследование позволило установить, что *амплифаеры-интеръекции*, являясь важным инструментом системы средств художественной выразительности, эксплицитно передают замысел партнеров по общению и служат для выражения полноты смысла в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Функционально-семантический анализ позволяет сделать вывод о том, что различные оттенки коннотативного характера создаются в конкретных прагматических условиях и конкретным субъектом речи. Так, отметим, что *амплифаеры-интеръекции* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются с целью:

1) передачи выражения согласия/несогласия. Амплифаеры-интеръекции выполняют функции эмоциональной окраски подтверждения/ опровержения актуальной информации, эксплицитно выражают отношение (реакцию) адресата к сказанному адресантом, создавая интерактивный диалог продуцентов высказываний-реплик. Например:

(англ.) "You live downstairs?"

*"**Uh huh**. Share." (Fowles);*

(исп.) – ¡Vaya, habló la mujer! – contestó Alesta dándole la espalda y utilizando la misma expresión que empleaba su madre cuando alguna de las dos reclamaba algo que por edad no les correspondía.

*– **Vale**, **vale** – repuso Aledis (Falcones);*

(рус.) – Что ты знаешь… Так нельзя.

– Ничего подобного. Так ему и надо. Принципиально! – закипятился Ричард. – Никакой пощады бездарям!

*– **Ага**, у меня тут не только противники, – сказал Тулин (Гранин).*

2) формирования интеррогативных высказываний-реплик. Амплифаеры-интеръекции способствуют структурной организации интеррогативных высказываний-реплик, формированию эмоционального контекста (*удивление*, *сомнение*, *смягчение тона* и др.). Например:

*(англ.) "**Well**, what's got into her, I wonder?" mused Theresa, at last leaving her window to take the tray to by now surely impatient customers (Lessing);*

(исп.) – ¿Y qué dijo Elvirita a eso? ¿Qué dijo? Que no me acuerdo...

– Sí, sí se acuerda, madre...

*– **Bueno**, ¿pues qué dijo?*

– Dijo que la niña se quedaría seca y muerta de haber llorado tanto... (Unamuno).

(рус.) – Нет, знает, конечно, но не говорит. И Саша напишет в анкете – «не знаю», а там что могут подумать, представляешь?

*– **Ну**, что? Что там могут подумать?*

– Что этот отец – враг народа, вот что могут подумать (Васильев).

3) выражения формальной и неформальной просьбы. Амплифаеры-интеръекции представляют инструменты, устанавливающие вежливость и учтивость в коммуникации, то есть являются регуляторами межличностных отношений коммуникантов. Например:

(англ.) "*Yes," said Victorine faintly.*

"Have another little tot?"

*"**Oh**! please." (Galsworthy);*

(исп.) – Sugiere vuesa merced que el chiquillo es tonto.

*– ¡**Oh**, por favor! – dijo don Álvaro – . El muchacho es avispado como una ardilla, pero es inútil (Delibes);*

(рус.) – Как же я тебя пущу? Вечерний сеанс. Приходи завтра. Завтра «Волочаевские дни», военное, как наши самураев сокрушили…

*– Что вам стоит, тетенька? **Ну**, пустите, пожалуйста… Я… Всем ребятам скажу, чтобы не бузили в кино, чтобы не пробирались без билетов, только пустите…(Астафьев).*

4) выражения переспроса. Амплифаеры-интеръекции представляют собой инструменты для переспроса, переформулирования актуальной информации в акте коммуникации, создания пауз и привлечения внимания партнера по диалогу. Следовательно, в нижеприведенных примерах в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе амплифаеры-интеръекции представляют собой ответную реакцию адресата на сказанное адресантом (реактивное высказывание-реплика-переспрос), тем самым запрашивая каких-либо пояснений, уточнений и др., регулируя то, что было сказано. Например:

(англ.) "I'm sorry. I'd like to help Miss Claythorne, but I don't know how it is.

I feel just a little giddy."

*"Giddy, **eh**?" Dr. Armstrong came towards her. "Quite natural. Delayed shock (Christie);*

(исп.) – Dígame, ¿dónde habló con Jane de todo esto?

*– ¿**Eh**...? ¿Cuál? (Delibes);*

(рус.) – Господи! – сказала она облегченно, узнав его, и упала на табуретку. – А я-то… Откуда?

*– **А-а-а**...? – начал он, да этим и кончил: больше у него не получилось ничего, но тут стояла вторая табуретка, и он тоже рухнул на нее (Домбровский).*

5) выражения сожаления. Амплифаеры-интеръекции являются индикаторами эмоционального состояния коммуникантов. Эксплицитно выражая *сожаление* в высказывании-реплике, устанавливают межличностные отношения между участниками диалога. Например:

(англ.) Cornelia murmured.

*"**Oh**, dear – as late as that – I must – " She began to fumble, dropped a thimble (Christie);*

*(исп.)¿Iré más bien al Casino? No, a casa, a casa. Estas cosas desde casa, desde el hogar. ¿Hogar? Mi casa no es hogar. Hogar.. hogar... ¡Cenicero más bien! ¡**Ay**, mi Eugenia!» Y se volvió Augusto a su casa (Unamuno).*

(рус.) – А ты не все слушай, чё тебе говорят.

– Как я буду не слушать, когда она при мне это говорит? Я, поди, не глухая. Она говорит, я и слушаю.

*– **Ох**, Варвара ты, Варвара! В кого ты у нас такая простуша, – пожалела ее старуха и, вспомнив, перебила себя (Распутин).*

6) привлечения внимания. Амплифаеры-интеръекции представляют собой интенсификаторы (сигналы) для привлечения внимания для продуцентов высказываний-реплик и для фокусирования внимания реципиента (адресата), оказывая влияние на коммуникативную, интерактивную и перцептивную стороны общения. Например:

(англ.) "Sam! Sam!"

*"**Hey** – Eric!" (Golding);*

*(исп.) – ¡**Oye**! ¡Dile a Pepe que se fije en la cara!*

– Sí, señorita (Cela);

*(рус.) – **Эй**, ты! – преградили ему дорогу ребята, разом повскакивавшие отовсюду. – Драться начистую! (Астафьев).*

7) выражения хезитации. Амплифаеры-интеръекции в художественном диалогическом дискурсе отражают естественную речь партнеров по диалогу, являются сигналом о том, что одному из участников диадического общения необходимо дополнительное время для формирования и формулировании своей мысли, а также выражают эмоциональное состояние партнеров по диалогическому акту коммуникации, маркируя *сомнение*, *неуверенность*, *удивление* и др. Например:

(англ.) "D'you know Constance Culmington?"

*"**Er**-no, I'm afraid I don't." (Christie).*

(исп.) – Porque como partido...

*– Sí, sin duda eres un buen partido... joven, no pobre, con una buena carrera, empezando a tener fama, **bueno**...*

*– **Bueno**... sí, y antipático, ¿no es eso? (Unamuno);*

(рус.) – Глупости, – сказал Романов. – Там никого нет. Это кошка.

– Кошка? Да, конечно, мне показалось. – Крылов поднялся. – Простите, я пойду.

*– **Э-э**, нет, как же так, мы не договорили (Гранин).*

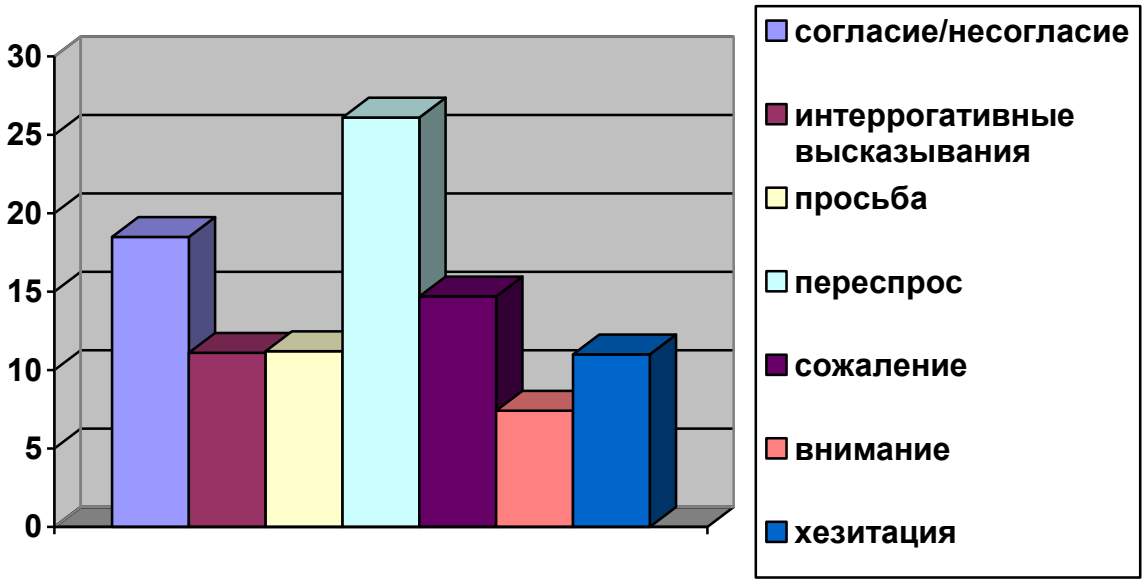
Амплифаеры-интеръекции обладают эмоционально-экспрессивными характеристиками, так как данные лексические единицы способны оказывать экспрессивно-эмоциональное воздействие на коммуникантов, создавая интерактивный диалог. Данные амплифаеры служат для *передачи выражения согласия/несогласия*, *формирования интеррогативных высказываний-реплик*, *выражения формальной и неформальной просьбы*, *выражения переспроса*, *выражения сожаления*, *привлечения внимания партнера по диалогу*, *выражения хезитации*, что подчеркивает полифункциональность исследуемых лексических единиц, так как они

способны отражать эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоций человека на языковом уровне. Анализ показывает, что амплифаеры-интеръекции способны оказывать экспрессивно-эмоциональное воздействие на реципиента (адресата), усиливать эмоциональное и эстетическое воздействие на реципиента (адресата), а также усиливать прагматический эффект высказывания-реплики коммуниканта, а также всего художественного диалогического дискурса. Циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами-интеръекциями имеет эквивалентную структуру. Схема художественного диалогического дискурса с исследуемыми амплифаерами будет выглядеть следующим образом (см. Схема 14), где *инициация коммуникации* – активизация общения; *изложение актуальной информации* – этап интеракции коммуникантов; *введение амплифаером оттенков коннотативного характера* – использование амплифаера для выражения эмоционально-экспрессивных и оценочных значений; *изложение актуальной информации* – интеракция продуцентов высказываний-реплик; *подведение итогов* – завершение обсуждения; *новый цикл* – поддержание динамики коммуникативно-информационных процессов.

Схема 14. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-интеръекциями

Далее считаем уместным и целесообразным составить гистограммы и представить полученные лингвостатистические показатели частотности употребления амплифаеров-интеръекций в англоязычном, испаноязычном и

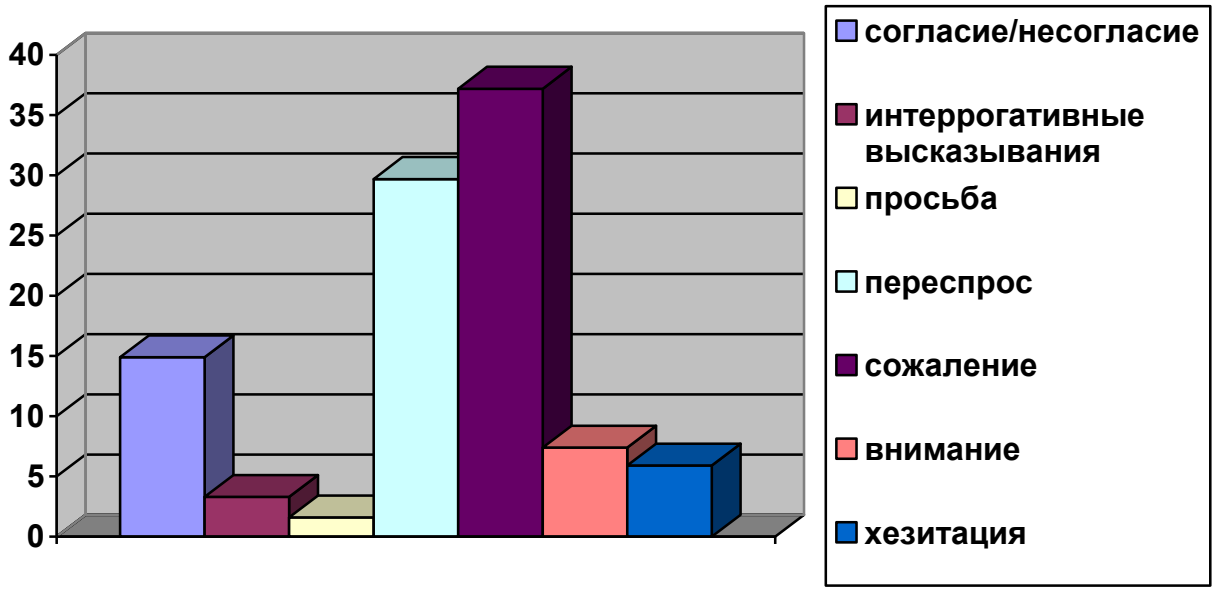
русскоязычном художественном диалогическом дискурсе отдельно, поскольку комплексная репрезентативность корпусных данных позволяет получить целостное представление об использовании амплифаеров-интеръекций в художественном диалогическом дискурсе, провести сравнительную корреляцию амплифаеров и позволит выявить определенные принципы (закономерности), характерные для изучаемых разноструктурных – английского, испанского и русского – языков.



Гистограмма 18. Частотность употребления амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала в английском языке

Из приведенной выше Гистограммы 18 «Частотность употребления амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала в английском языке» видно, что в высказывании-реплике англоязычного художественного диалогического дискурса наиболее употребительными являются **амплифаеры**, **выражающие переспрос** – 26,1 %. На наш взгляд, данный феномен обусловлен их функциональной значимостью в процессе коммуникации, поскольку амплифаеры-интеръекции, выражающие переспрос – устанавливают и поддерживают взаимодействие между продуцентами высказываний-реплик художественного диалогического дискурса. Количественный анализ показывает, что далее по частотности использования исследуемых амплифаеров в англоязычном художественном

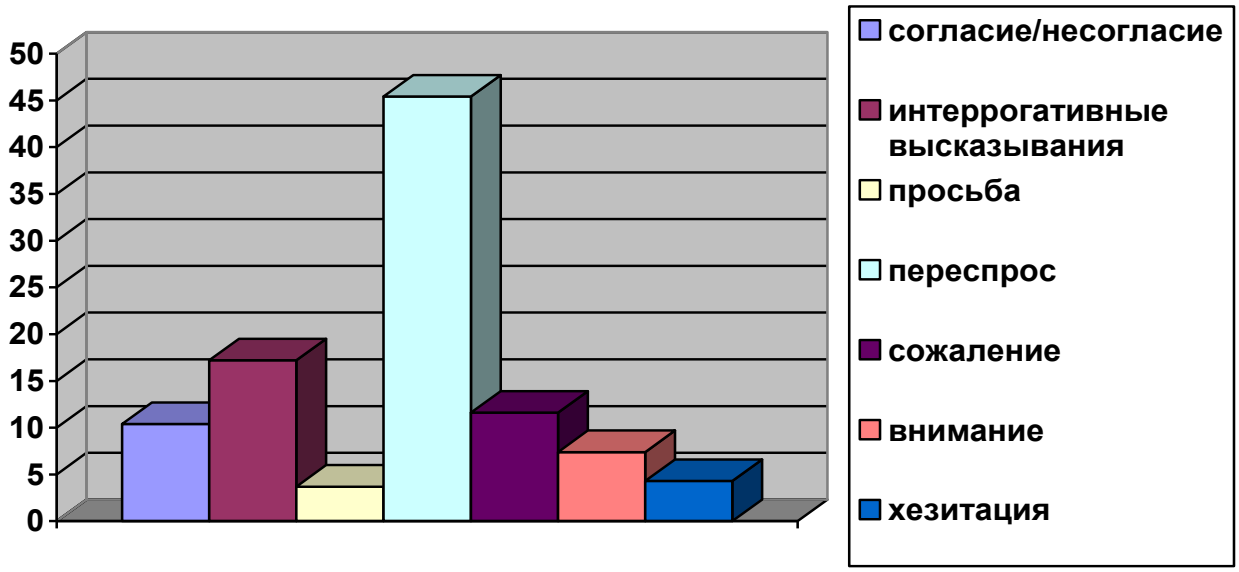
диалогическом дискуре следуют **амплифаеры, выражающие согласие/несогласие** – 18,5 %. В порядке убывания показателя частотности использования амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала следуют **амплифаеры-интеръекции, выражающие сожаление** – 14,7 %. Лингвостатистический анализ позволил выявить, что некоторые группы амплифаеров-интеръекций в англоязычном художественном диалогическом дискурсе используются приблизительно с одинаковой частотой: **амплифаеры-интеръекции, выражающие просьбу** – 11,2 %, **амплифаеры-интеръекции, формирующие интеррогативные высказывания-реплики** – 11,1 %, **амплифаеры-интеръекции, выражающие хезитацию** – 11 %. Реже всего в английском высказывании-реплике употребляются **амплифаеры-интеръекции привлечения внимания** – 7,4 %.



Гистограмма 19. Частотность употребления амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала в испанском языке

Количественный анализ (Гистограмма 19) показал что **амплифаеры-интеръекции, выражающие сожаление**, довольно часто используются в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе – 37,2 %. Далее по частотности использования **амплифаеров-интеръекций** в контексте их функционального потенциала в высказывании-реплике испаноязычного

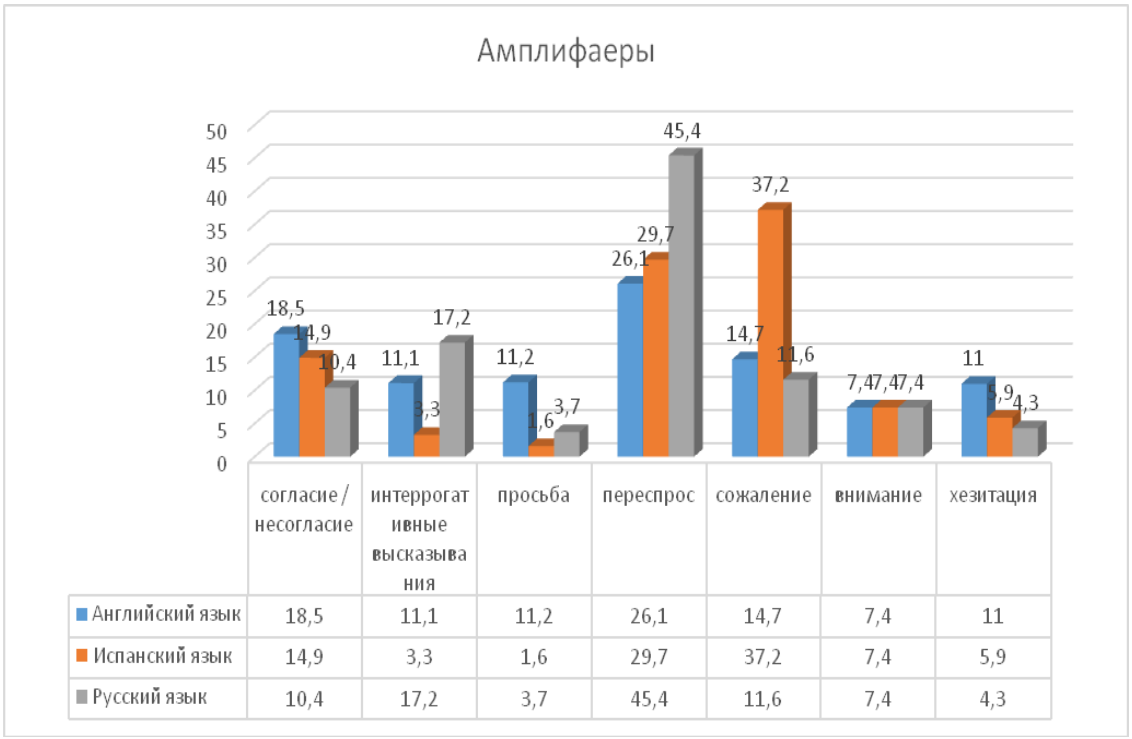
художественного диалогического дискурса следуют **амплифаеры-интеръекции, выражающие переспрос** – 29,7 %. В порядке убывания показателя частотности следуют **амплифаеры-интеръекции, выражающие согласие/несогласие** в испаноязычном высказывании-реплике художественного диалогического дискурса – 14,9 %. Отметим, что гораздо реже в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются **амплифаеры-интеръекции привлечения внимания** – 7,4 %, **амплифаеры-интеръекции, выражающие хезитацию** – 5,9 % и **амплифаеры-интеръекции, формирующие интеррогативные высказывания-реплики** – 3,3 %. Лингвостатистический анализ позволил установить, что реже всего в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются **амплифаеры-интеръекции – просьбы** – 1,6 %.



Гистограмма 20. Частотность употребления амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала в русском языке

Количественный анализ частотности употребления амплифаеров-интеръекций в контексте их функционального потенциала в русском языке (Гистограмма 20) позволил выявить следующие закономерности. Наиболее часто в русскоязычном в художественном диалогическом дискурсе употребляются **амплифаеры-интеръекции, выражающие переспрос** – 45,4 %. Далее в порядке убывания показателя частотности использования

изучаемых лексических единиц следуют **амплифаеры-интеръекции, формирующие интеррогативные высказывания-реплики** – 17,2 %. Довольно реже в русскоязычном в художественном диалогическом дискурсе используются **амплифаеры-интеръекции, выражающие сожаление** – 11,6 % и **амплифаеры-интеръекции, выражающие согласие/несогласие** – 10,4 %. Как выяснилось из проведенного анализа высказываний-реплик русскоязычного художественного диалогического дискурса довольно редко употребляются **амплифаеры-интеръекции привлечения внимания** – 7,4 %, **амплифаеры-интеръекции, выражающие хезитацию** – 4,3 % и **амплифаеры-интеръекции, выражающие просьбу** – 3,7 %.



Гистограмма 21. Частотность употребления амплифаеров-интеръекций в контекстеих функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

На основе проведённого в настоящей работе лингвостатистического анализа (Гистограмма 21) представляется необходимым дать описание частотности употребления *амплифаеров-интеръекций* в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках. Вполне очевидно, что чаще всего употребляются *амплифаеры-интеръекции, выражающие согласие/ несогласие*, в англйиском языке – 18,5 %. Далее в

порядке уменьшения частотности использования изучаемого корпуса *амплифаеров* следует испанский язык – 14,9 %. Реже *амплифаеры-интеръекции, выражающие согласие/несогласие* используются в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе – 10,4 %.

Продолжая описание полученных эмпирических данных, рассмотрим показатели использования *амплифаеров-интеръекции*, *формирующие интеррогативные высказывания-реплики*. Наиболее ярко данные *амплифаеры-интеръекции* употребляются в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе – 17,2 %. Далее по частотности употребления *амплифаеров-интеръекции*, *формирующие интеррогативные высказывания-реплики*, находится англйиский язык – 11,1 %. Следует отметить, что значительно реже данные амплифаеры используется в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе – 3,3 %.

Наиболее распространённое употребление *амплифаеров-интеръекций, выражающие просьбу*, в художественном диалогическом дискурсе, обнаруживается в английском языке – 11,2 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных амплифаеров следует русский язык – 3,7%. Вышеприведенная гистограмма (Гистограмма 21) частотности употребления *амплифаеров-интеръекций* в контексте их функционального потенциала позволяет сделать вывод, что реже всего *амплифаеры-интеръекции*, *выражающие просьбу*, употребляются в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе – 1,6 %.

Согласно данным Гистограммы 21, *амплифаеры-интеръекции*, *выражающие переспрос*, используются довольно часто в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Чаще всего данные *амплифаеры-интеръекции* употребляются в русском языке – 45,4 %. Далее в порядке уменьшения показателя частотности использования *амплифаеров-интеръекций*, *выражающие переспрос*, следует испанский язык – 29,7 %. В соответствии с полученными лингвостатистическими данными по использованию *амплифаеров-*

интеръекций, *выражающих переспрос*, данные амплифаеры довольно редко употребляются в английском языке – 26,1 %.

Употребление *амплифаеров-интеръекций*, *выражающих сожаление*, наиболее ярко прослеживается в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе – 37,2 %. Вслед за испанским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования вышеупомянутых лексических единиц следует англоязычный художественный диалогический дискурс – 14,7 %. Как показывают лингвостатистические данные, довольно реже, по сравнению с английским и испанскими языками, *амплифаеры-интеръекции*, *выражающие сожаление*, используются в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе – 11,6 %.

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков (Гистограмма 21) можем заключить, что *амплифаеры-интеръекции*, *служащие для привлечения внимания*, в художественном диалогическом дискурсе имеют следующие показатели: в *английском языке* – 7,4 %; в *испанском языке* – 7,4 %, в *русском языке* – 7,4 %. Показатель использования *амплифаеров-интеръекций* одинаковый, что свидетельствует о том, что данные лексемы обладают схожим функциональным потенциалом, что делает их универсальными речевыми инструментами для формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Продолжая описание полученных лингвостатистических данных, следует проанализировать употребление *амплифаеров-интеръекций*, *выражающие хезитацию*. Так, наиболее ярко вышеупомянутые лексические единицы, выражающие хезитацию, используются в английском языке – 11 %. На втором месте по частотности употребления данных амплифаеров находится испанский язык – 5,9 %. Следует обратить внимание на то, что реже употребляются *амплифаеры-интеръекции*, *выражающие хезитацию*, в русском языке – 4,3 %. Следовательно, можно заключить, что использование данных *амплифаеров-интеръекций* в высказываниях-репликах

англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса не столь велико.

4.3.7. Амплифаеры со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе

Амплифаеры со значением удивленного переспроса в английском, испанском и русском языках способны акцентировать внимание адресата как на отдельных компонентах высказывания-реплики, так и на всем высказывании-реплики в целом. Как справедливо отмечает С. В. Чиронов, «речевые акты, составляющие минимальный уровень единого интенционально направленного высказывания, в целом и общем всегда реализуются в диалогической среде. За запросом разрешения следует запрет или разрешение, за вопросом – ответ [Чиронов, 2015, с. 198]. В англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе данные лексические единицы вносят в высказывание-реплику различные оттенки дополнительных смыслов, влияя на значение высказывания-реплики в целом, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). *Амплифаеры со значением удивленного переспроса* усиливают выразительность речи и способны влиять на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания-реплики, усилению драматичности ситуации и формированию особой стилистики произведения. Таким образом, выполняя вышеназванные функции, *амплифаеры со значением удивленного переспроса* служат инструментами усложнения диалогического единства [Купцов, 2024и]. Следует подчеркнуть, что вопросам и ответам в диалогической речи посвящен ряд работ исследователей, но, тем не менее, одним из еще недостаточно разработанных вопросов художественного диалогического дискурса является вопрос об изучении функционального диапазона *амплифаеров со значением удивленного переспроса* в исследуемых языках.

В рамках настоящей работы рассматриваются амплифаеры со значением удивленного переспроса, которые используются продуцентами высказываний-реплик для выражения *удивления*, *недоумения*, *неожиданности* или *неуверенности* и др. по поводу информации, полученной от партнера по общению, а также *важности событий*, создавая драматический эффект. *Амплифаеры со значением удивленного переспроса* являются важными элементами в коммуникативно-прагматическом аспекте, так как отражают стратегию ведения разговора и позицию коммуникантов по отношению к сообщаемым фактам.

Как показал анализ корпуса исследуемого материала, *амплифаеры со значением удивленного переспроса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, как правило, отражают эмоциональную коннотацию, связанную с выражением эмоциональной экспрессии коммуникантов на языковом уровне. Считаем уместным и целесообразным привести примеры контекстов, в которых *амплифаеры со значением удивленного переспроса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используются в качестве средства реализации речевых актов.

Амплифаеры со значением удивленного переспроса используются в художественном диалогическом дискурсе *для запроса дополнительной информации или уточнения сказанного*. Например:

(англ.) "I'm afraid not … I'd have told Harper if I had. It just seems to me one of those things! Petty, sordid little crime—no clues, no motive."

"Two people had a motive," said Miss Marple.

Sir Henry looked at her sharply.

*"**Really**?" Raymond looked surprised (Christie);*

(исп.) – Como usted quiera. Pero le repito que esa mujer le está a usted engañando. Si no fuera así y si usted la quiere y es ese su gusto, ¿qué más quisiera yo sino que usted se casase con ella?

*– Pero ¿dices todo eso **de verdad**? (Unamuno);*

*(рус.) – Тебя вешали, Федя? – вдруг тихо спросил Василий Иванович, нагнувшись к заросшему лицу. – Вешали тебя? Потным арканом за шею? – Непроизвольным жестом он судорожно потер ладонью под тощей, как у брата, но аккуратно подстриженной бородкой. – Больно, когда убивают, **правда**? Больно… Лежи. Заснуть постарайся (Васильев).*

Амплифаеры со значением удивленного переспроса употребляются *для верификации полученной информации*. Следовательно, амплифаеры в контексте подтверждения информации представляют собой сигналы для реципиента (адресата), указывающие на то, что последующие высказывания-реплики являются результатом однозначной интерпретации предыдущих высказываний-реплик. Например:

(англ.) "Nothing will induce me ever to live with you again, my dear," said Albert in, however, a perfectly friendly fashion.

*"You're not **serious**?"*

"Quite." (Maugham)

(исп.) – Hay una fiesta ahora – le dije –. ¿Quieres venir?

– Gracias, pero no puedo – rehusó ella mi invitación.

*– ¿**Seguro**? – insistí yo, pese a ello.*

– Seguro – respondió ella (Llamazares);

*(рус.) – Великодушно. Ценю. Жаль, что поздновато. "Увы, увы! Видите ли, Денис Семенович, степени я не достиг, значит, оформите вы меня старшим инженером. Либо эмэнэс. В деньгах я потеряю рублей сто. Квартиры вы мне не дадите. **Точно**? А в Кремнегореке у меня трехкомнатная. И прочие условия у вас не ахти.*

– С чего вы взяли? (Гранин).

Амплифаеры со значением удивленного переспроса в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса представляют инструмент эксплицитного выражения эмоциональной реакции на полученную информацию. Например:

(англ.) She's never worked or lifted a finger. She's just battened on other people. She's a parasite – and a damned unpleasant parasite. There are a lot of people on this boat I'd say the world could do without."

*"**Really**?"*

"Yes. That girl in here just now, signing share transfers and throwing her weight about (Christie);

(исп.) –¡Llévale la hebra y dile que sí!

*– Pero ¿**cómo**? ¿Voy a darle alas? (Unamuno).*

(рус.) – Я к Плевне вышел, Алексей Иванович.

*– **Как**? **Как** ты сказал? Извини старика, могу и недослышать (Васильев).*

Следует обратить внимание на тот факт, что амплифаеры со значением удивленного переспроса в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе создают повышенную эмоциональность и экспрессивность высказывания-реплики при помощи редупликации, привнося эмоциональные коннотации, связанные с объективацией чувств и эмоций коммуникантов.

Функционально-семантический анализ амплифаеров со значением удивленного переспроса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе показал, что исследуемые лексические единицы используются как маркеры для выражения *иронии/ сарказма*, привнося в высказывание-реплику семантический компонент адмиративности. Кроме того, функциональный потенциал исследуемых амплифаеров связан, прежде всего, с рефлексией адресанта в отношении актуальной информации. Например:

(англ.) She moved away. Ferguson said to Poirot.

*"Do you think she **really** means that?"*

"Certainly."

"She prefers that pompous old bore to me?"

"Undoubtedly." (Christie);

*(исп.) ¿Qué sucedería si caía al suelo? Necesitaba... ¡una piedra!, una piedra sobre sus espaldas, un largo camino que recorrer cargado con una piedra para su Virgen. «¿Dónde estás ahora? ¿**De verdad** son éstos tus representantes?» Sólo era un niño y sin embargo... ¿Por qué no iba a aguantar ahora?(Falcones);*

(рус.) – Ее как раз дед-то и вешал, – сказал Зыбин.

*– Да? Ах старый черт! Смотри, прямо в кирпич гвоздь ведь вогнал и погнул. Ну, скажу я ему при случае. Видишь, там художник у нас один работает. Калмыков, не слышал? (Зыбин покачал головой. Он действительно не знал, кто это). – Да знаешь ты его, знаешь. Он по улицам в берете и голубых штанах этаким принцем-нищим ходит! Что, **неужели** не видал?*

– Ну, ну, – ответил Зыбин и засмеялся (Домбровский).

Амплифаеры со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе создают прагматические условия для однозначной интерпретации всего высказывания-реплики как иронию/ сарказм. Таким образом, данные лексические единицы позволяют избежать прагматическую полисемию, то есть адресант эксплицитно выражает то, что высказывание-реплику следует интерпретировать как *иронию/сарказм.*

Анализ фактического материала настоящего исследования показал, что прагматическим потенциалом амплифаеров со значением удивленного переспроса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе является *экспликация сомнения*, то есть они указывают на сомнение адресата в правильности или истинности актуальной информации. Например:

(англ.) "But the second thing that interested me was your mention of a certain lady."

*"**Really**?" "Yesa Miss Joanna Southwood. You see, I had recently been hearing that name." He paused and went on (Christie);*

(исп.) Los ojos de doña Sol mostraron un sincero asombro.

*–¿**Está** usted **seguro**? – preguntó –. ¿Es cierto eso? Le juro que no me acuerdo de nada...(Ibáñez).*

*(рус.) «Все! — резануло парнишку. – **Неужели** все?!»*

Толя торопливо, захлебываясь, залепетал:

– Тетечка, милочка, пустите, ради Христа! Пустите! У меня билет! Взрослый билет! За рубль. Тетенька! (Астафьев).

Как следует из данных примеров, *экспликация сомнения* в художественном диалогическом дискурсе, как правило, выражена в ответном речевом акте при помощи амплифаеров со значением удивленного переспроса. Иллокутивная цель данного речевого акта состоит в том, чтобы адекватно донести до адресата различные оттенки дополнительных смыслов: *подозрение*, *недоверие*, *недоумение*, *неодобрение* и др.

Анализ материала позволил выявить, что амплифаеры со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе способны эксплицировать *неодобрение* или *негативную реакцию* адресата на актуальную информацию, содержащуюся в высказывании-реплике адресанта.

*(англ.) "It sounds as though there were three or four men down there," said the doctor. "Don't you think it's rather rash to go in **just** now?" (Christie);*

*(исп.) – Y ¿**sólo** hay que vivir en la ciudad? – rompió el silencio un muchacho, uno de los que habían mirado al cielo, soñando a buen seguro con romper las cadenas que lo ataban a la tierra –. ¿Por qué en Barcelona se puede ganar la libertad? (Falcones).*

(рус.) – Говори, все вытерплю, – сказал я. – В полный сосуд долить нельзя.

– Письмо от той женщины, Георгий…

– Из Сибири?

– У нее – сын. От него. Сыну уже почти год.

*– Почему же она сообщила нам **только** сейчас?*

– Ждала, что Сева сам подаст голос. Ну а он, похоже, прятался от нее (Тендряков).

Данные примеры показывают, что амплифаеры со значением удивленного переспроса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе усиливают значение *негативного*, *неодобрительного*, *подозрительного* отношения адресата к коммуникативной ситуации, к партнеру по общению (адресанту) или маркируют негативную оценку его действиям и др. Амплифаеры, таким образом, выступают актуализаторами эмоциональных установок в процессе интеракции между продуцентами высказываний-реплик, где проявляются их коммуникативные интенции и субъективная оценка.

В ходе исследования выявлено взаимодействие амплифаеров со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами-интеръекциями *eh* в английском языке, *oye* в испанском языке и с амплифаером с интенсифицирующей (усилительной) семантикой *ведь* в русском языке. Например:

(англ.) "We must drive over there one day," said Miss Marple.

*"**Eh? What?** Oh – er – yes, I should." He got up. "Better take some exercise—get an appetite." (Christie);*

(исп.) – Sí. Oye, Maruja, ¡pero tú estás loca!

– No, ¡qué voy a estarlo! Fui a que me vieses, no quería que esta noche te cogiera la cosa de sorpresa y te llevaras una desilusión.

– Sí, sí...

*– **Oye**, **¿de verdad** que te gusto todavía?*

– Más que antes, te lo juro, y antes me gustabas más que el pan frito (Cela);

*(рус.) – Ну, природа, пусть так. Ведь если мужчина и женщина столь различны, то и задачи, стоящие перед ними, тоже должны быть различными, **ведь правда**? Стало быть, если пара животных решает одну и ту же задачу, то пара людей – мужчина и женщина – должна решать две задачи одновременно (Васильев).*

Приведенные примеры высказываний-реплик англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса позволяют сделать вывод о том, что данные амплифаеры дополняют и усиливают друг друга, тем самым представляют собой средства интенсификации эмоционально-экспрессивного содержания высказывания-реплики. Следовательно, взаимосвязь амплифаеров со значением удивленного переспроса с амплифаерами-интеръекциями и с амплифаерами с интенсифицирующей семантикой оказывает значительное влияние на воображение адресата и несет дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном диалогическом дискурсе.

Функционально-семантический анализ высказываний-реплик англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса позволяет прийти к выводу, что к амплифаерам со значением удивленного переспроса целесообразно также отнести утвердительные частицы *Yes?* в английском языке, *¿Sí?* в испанском языке и *Да?* в русском языке и отрицательные частицы *No?* в английском языке, *¿No?* в испанском языке и *Нет?* в русском языке. Воздействуя на реципиента (адресата), исследуемые амплифаеры выполняют апеллятивную функцию в выказывании-реплике и, таким образом способны регулировать межличностную интеракцию партнеров по общению. Например:

(англ.) "I'm so glad you returned tonight."

*"**Yes**?" She sipped her gin and gave me a small gray look.*

"Ever read this?"(Fowles);

(исп.) – Pensé que no era yo el más indicado para darte esa noticia –respondió.

*– ¿**Ah, no**? ¿Y quién era la persona indicada?*

– Tu hija. Creo que debería habértelo dicho Mercedes. Si no fue capaz, ella y tú sabréis por qué (Millás);

(рус.) – Что еще? – спросил он. – Скоро вы получите письмо с набережной Малакке, в котором будет говориться обо мне...

*– **Да**? – вполголоса откликнулся де Бюгонь.*

– Конечно! Без меня ведь никак не обойдется, – рассмеялся Мале, ловко тасуя картишки.

– Вы еще можете смеяться?

– И будет сказано, – пророчил Мале, – что я готовлю побег с целью перебраться под знамена России… (Пикуль).

Следует подчеркнуть, что приведённые выше примеры высказываний-реплик художественного диалогического дискурса показывают, что амплифаеры со значением удивленного переспроса представляют собой самостоятельные речевые акты, функционируют как дополнительные коммуникативно-прагматические инструменты, регулируя иллокутивную силу высказываний-реплик коммуникантов. На наш взгляд, важно обратить внимание на тот факт, что в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе выявлено употребление амплифаера со значением удивленного переспроса с амплифаером-интеръекцией *¿**Ah, no**?*, что дает возможность адресанту реализовать большую интенсивность в высказывании-реплике. Необходимо подчеркнуть, что подобное взаимодействие придает выразительность текстам художественной литературы.

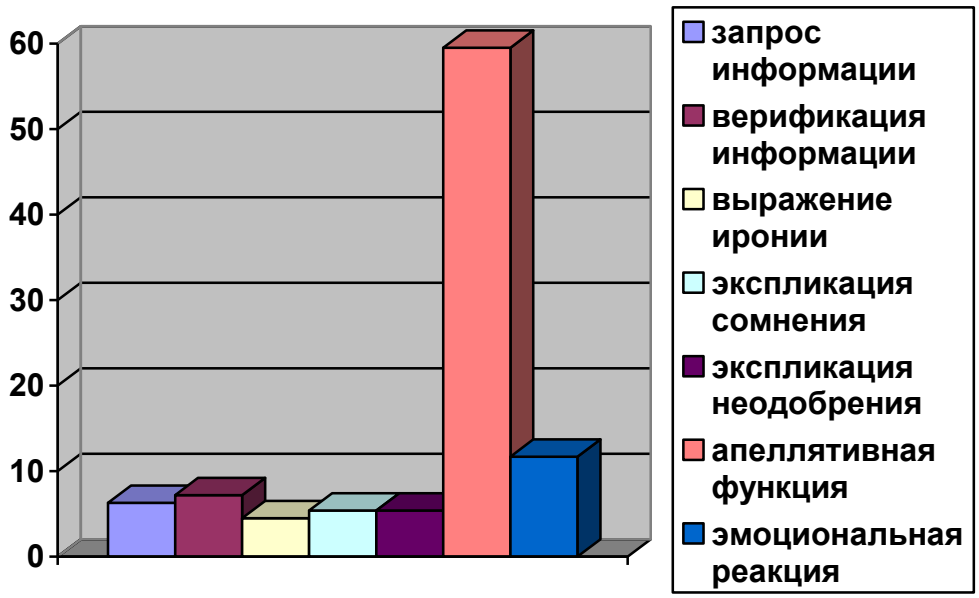
В процессе анализа высказываний-реплик, в состав которых входят амплифаеры удивленного переспроса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, выявлено, что циклическая структура в коммуникативно-прагматических ситуациях имеет аналогичную структуру (см. Схема 15), где *инициация коммуникации* – начало взаимодействия продуцентов высказываний-реплик (коммуникантов); *изложение актуальной информации* – интеракция коммуникантов; *введение амплифаера удивленного переспроса* – введение маркера дискурса; *ответная реакция* – реакция (отношение) адресата на полученное высказывание-реплику адресанта; *изложение актуальной информации* – дискуссия; *подведение итогов* – завершение обсуждения (диалога); *новый цикл* – инициация нового цикла коммуникации.

Схема 15. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами удивленного переспроса

Таким образом, можем заключить, что прагматическая специфика *амплифаеров со значением удивленного переспроса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе играет важную роль в создании эмоционально-экспрессивной окраски, интенсификации драматичности сюжета и передаче эмоций коммуникантов на языковом уровне, а также вносит в высказывание-реплику тончайшие оттенки коннотативного характера (*сомнение*, *подозрение*, *недоверие*, *сарказм* и др.). Исследование функционального диапазона позволило выявить, что амплифаеры – амплифаеры со значением удивленного переспроса, амплифаеры-интеръекции и амплифаеры с интенсифицирующей семантикой – способны взаимодействовать, усиливая коммуникативное значение и реализуя большую интенсивность в высказывании-реплике. Кроме того, данные амплифаеры позволяют однозначно интерпретировать высказывания-реплики и избежать прагматической многозначности. Необходимо обратить внимание на то факт, что *удивленный переспрос*, как лингвистический инструмент, используется авторами для привлечения внимания читателя, выражения чувств героев и создания напряженности в сюжете. Представляется важным отметить, что в английском, испанском и русском художественном диалогическом дискурсе определена как минимум одна циклическая структура с использованием амплифаеров удивленного переспроса, что демонстрирует универсальные модели в исследуемых –

английском, испанском и русском – языках, то есть общие закономерности, характерные для данных языковых систем.

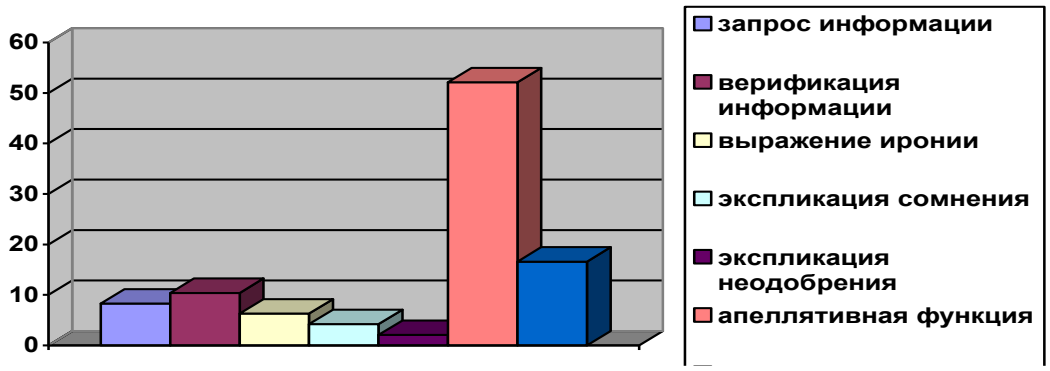
Далее считаем целесообразным составить гистограммы и представить показатели частотности употребления *амплифаеров со значением удивленного переспроса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе отдельно.



Гистограмма 22. Частотность употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в контексте их функционального потенциала в английском языке

Количественные данные, отображённые в гистограмме (Гистограмма 22), представляют частотность использования **амплифаеров со значением удивленного переспроса** в контексте их функционального потенциала в английском языке. В англоязычном художественном диалогическом дискурсе чаще всего употребляются амплифаеры со значением удивленного переспроса, выполняющие **апеллятивную функцию** – 59,5 %. Лингвостатистический анализ позволил установить, что далее по частотности употребления данных амплифаеров в англоязычном художественном диалогическом дискуре следуют **амплифаеры, выражающие эмоциональную реакцию** – 11,7 %. Так, в порядке убывания показателя частотности использования следуют амплифаеры со значением удивленного

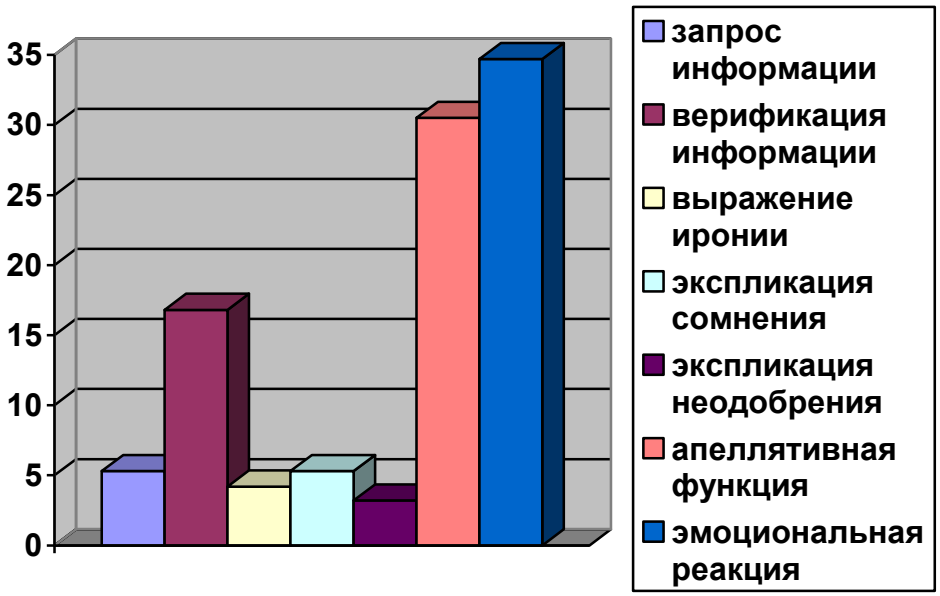
переспроса в функции **верификации полученной информации** – 7,2 %. По показателям частности употребления амплифаеров далее располагаются исследуемые лексические единицы в функции **запроса дополнительной информации** – 6,3 %. Количественный анализ позволил установить, что амплифаеры со значением удивленного переспроса в функции **экспликации сомнения** и **экспликации неодобрения** в англоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются с почти одинаковой частотой – 5,4 %. Реже всего данные амплифаеры употребляются в английском высказывании-реплике в функции **выражения иронии/сарказма** – 4,5 %.



Гистограмма 23. Частотность употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в контексте их функционального потенциала в испанском языке

Из приведенной выше Гистограммы 23 видим, что в высказывании-реплике испаноязычного художественного диалогического дискурса чаще всего используются амплифаеры со значением удивленного переспроса, выполняющие **апеллятивную функцию** – 52,1 %. Отметим, что далее по частотности употребления исследуемых лексических единиц следуют амплифаеры, **выражающие эмоциональную реакцию** – 16,6 %. В порядке убывания показателя употребления исследуемого корпуса амплифаеров в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе следуют амплифаеры, в функции **верификации полученной информации** – 10,4 %. Амплифаеры со значением удивленного переспроса, выполняющие функцию **запроса дополнительной информации**, имеют следующий показатель употребления в высказывании-реплике – 8,3 %. Лингвостатистические

данные позволяют определить, что данные амплифаеры в функции **выражении иронии/сарказма** имеют следующий показатель – 6,3 %. Реже исследуемые лексические единицы употребляются в функции **экспликации сомнения** – 4,2 %. Отметим, что реже всего амплифаеры со значением удивленного переспроса в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются в функции **экспликации неодобрения** – 2,1 %.

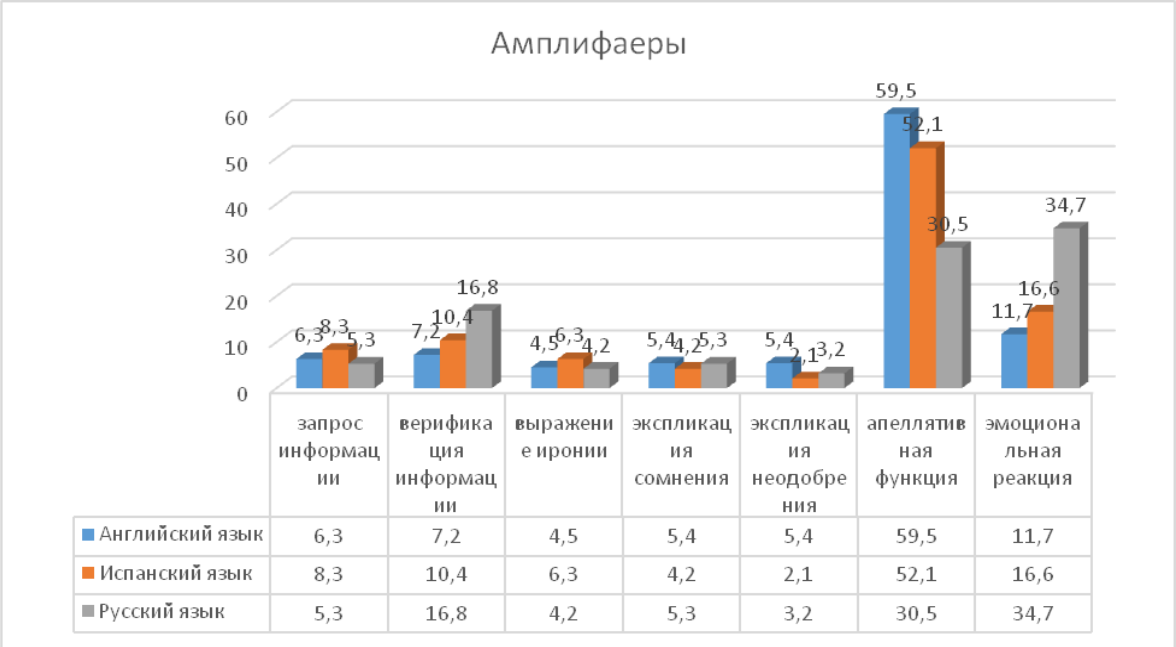


Гистограмма 24. Частотность употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в контексте их функционального потенциала в русском языке

Приведенная выше Гистограмма 24 позволяет сделать вывод о том, что амплифаеры со значением удивленного переспроса чаще всего в художественном диалогическом дискурсе употребляются в функции **выражении эмоциональной реакции** – 34,7 %. Далее согласно данным гистограммы исследуемый корпус амплифаеров в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются в **апеллятивной функции** – 30,5 %. Довольно реже амплифаеры со значением удивленного переспроса употребляются в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе в функции **верификации полученной информации** – 16,8 %.

Как выяснилось из проведенного лингвостатистического анализа, исследуемые амплифаеры довольно редко употребляются в русскоязычном

художественном диалогическом дискурсе в функции запроса информации – 5,3 %, экспликации сомнения – 5,3 %, выражения иронии/сарказма – 4,2 %, экспликации неодобрения – 3,2 %.



	запрос информации	верификация информации	выражение иронии	экспликация сомнения	экспликация неодобрения	апеллятивная функция	эмоциональная реакция
Английский язык	6,3	7,2	4,5	5,4	5,4	59,5	11,7
Испанский язык	8,3	10,4	6,3	4,2	2,1	52,1	16,6
Русский язык	5,3	16,8	4,2	5,3	3,2	30,5	34,7

Гистограмма 25. Частотность употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

Считаем целесообразным описать закономерности употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *запроса дополнительной информации*, *верификации полученной информации*, *выражения иронии/сарказма*, *экспликации сомнения*, *экспликации неодобрения/негативной реакции*, *выражения эмоциональной реакции* и *апеллятивной функции* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков (Гистограмма 25) приходим к заключению, что амплифаеры со значением удивленного переспроса в функции *запроса дополнительной информации* чаще всего употребляются в художественном диалогическом дискурсе испанского языка – 8,3 %. По данным Гистограммы 25, незначительно реже данные лексические единицы в функции *запроса дополнительной информации* используются в англоязычном художественном диалогическом

дискурсе – 6,3 % и русскоязычном – 5,3 %.

Представим показатели использования амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *верификации полученной информации* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Согласно показателям Гистограммы 25, гораздо часто исследуемые амплифаеры в функции *верификации полученной информации* используются в русском языке – 16,8 %. На втором месте по частотности употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *верификации полученной информации* находится испаноязычный художественный диалогический дискурс – 10,4 % и на третьем месте располагается англоязычный диалогический дискурс – 7,2 %.

Наиболее часто амплифаеры со значением удивленного переспроса в функции *выражения иронии/сарказма* употребляются в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса в испанском языке – 6,3 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования данных лексем в функции *выражения иронии/сарказма* следует английский язык – 4,5 % и затем русский язык – 4,2 %. Важно подчеркнуть, что различие в употреблении амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *выражения иронии/сарказма* в художественном диалогическом дискурсе исследуемых языков не является значительным.

Как видим, согласно количественным данным Гистограммы 25 применение амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *экспликации сомнения* не так велико. Так, их употребление наиболее ярко прослеживается в английском языке – 5,4 %. Вслед за английским языком следуют русский язык – 5,3 % и испанский язык – 4,2 %.

Согласно приведенной гистограмме, амплифаеры со значением удивленного переспроса в функции *экспликации неодобрения/негативной реакции* в художественном диалогическом дискурсе используются в английском языке – 5,4 %, на втором месте находится русский язык – 3,2 % и на третьем месте располагается испанский язык – 2,1 %.

Амплифаеры со значением удивленного переспроса в *апеллятивной функции* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе используются довольно часто, создавая интерактивный диалог между продуцентами высказываний-реплик, то есть данные лексемы создают эффективное взаимодействие в коммуникации. Амплифаеры в *апеллятивной функции* в художественном диалогическом дискурсе довольно часто употребляются английском языке – 59,5 %, далее следует испанский язык – 52,1 % и гораздо реже данные амплифаеры используются в русском языке – 30,5 %.

Как видим, амплифаеры со значением удивленного переспроса в функции *эмоциональной реакции* в художественном диалогическом дискурсе чаще всего используются в русском языке – 34,7 %. Менее распространённое употребление амплифаеров в функции *эмоциональной реакции* обнаруживается в испанском языке – 16,6 %. Далее в порядке уменьшения показателя употребления амплифаеров со значением удивленного переспроса в функции *эмоциональной реакции* следует английский язык – 11,7 %.

4.3.8. Амплифаеры консенсуса/диссенсуса в художественном диалогическом дискурсе

Речевые акты *консенсуса/диссенсуса* представляют собой речевые акты респонсивного типа, в которых позиция реципиента (адресата) может соответствовать или отличаться от позиции адресанта. К основным факторам, влияющим на формирование речевых актов *консенсуса/ диссенсуса*, относятся коммуникативная роль, интенции партнеров по общению, событийное содержание и др. [Архипова, 2012].

Комбинация *консенсуса/диссенсуса* маскирует интенции коммуникантов, таким образом, для правильной интерпретации сообщения адресату понадобится восстановить всю цепочку пропозиций, использованную адресантом [Норман, 2020]. Представляется важным

отметить, что *амплифаеры консенсуса/диссенсуса* являются инструментами, которые способствуют эксплицитному выражению интенций коммуникантов и служат для однозначной интерпретации коммуникативно-прагматического значения (смысла) высказывания-реплики.

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса представляют собой как лексические единицы, так и целые высказывания-реплики в художественном диалогическом дискурсе, выражающие бинарную оппозицию (*«согласие»*/ *«несогласие»*) участников акта коммуникации к предыдущим/последующим высказываниям-репликам и выполняющие функции инициирования и организации диалогического дискурса [Купцов, 2025в]. Таким образом, считаем целесообразным подробней рассмотреть коммуникативно-прагматический потенциал *амплифаеров консенсуса/диссенсуса* в художественном диалогическом дискурсе. Следует добавить, что категория *согласия/ несогласия* представляет собой семантические пресуппозиции, входящие в структуру речевых актов.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет прийти к выводу, что *амплифаеры консенсуса/диссенсуса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе употребляются в инициальной или конечной позициях и, кроме того, могут функционировать в виде отдельного высказывания-реплики. Например:

*(англ.) “To Jericho!” said Dreamer, again coming round his corner; “quite so. People oughtn’t to go to Jericho, ought they, Mrs. Dartie?” And he raised his gown into a sort of fantail. “**I agree**. We can go forward. Is there anything more?”*

“Nothing at present,” said Soames meaningly; “I wanted you to see my sister.” (Galsworthy);

(исп.) – Hemos pensado – dijo – que si ninguno de los tres tiene un interés especial por la casa de mamá deberíamos venderla.

*– **De acuerdo** – respondió Elena.*

– Te noto rara. ¿Pasa algo? (Millás);

*(рус.) – Ма-ма! – Сева вскочил, обнял мать. – Мама! Осуждаю?... **Нет, нет**! Всегда помнил, мама! Любил, жалел, думал о тебе постоянно… С нежностью, мама!*

– Ты хорошо научился обманывать себя, но не меня, Сева.

– Как мне доказать тебе?!

– Ты уже доказал (Тендряков).

В речевом акте *согласия/несогласия* основной коммуникативно-прагматической целью является выражение собеседниками *положительного/ отрицательного отношения* или *одобрения/запрета* к предыдущему сегменту высказывания-реплики. Как следует из вышеприведённых примеров, адресант инициирует акт коммуникации, излагает свою позицию относительно определенной ситуации. Адресат, в свою очередь, выражает свое оценочное отношение и суждение к окружающей действительности при помощи *амплифаеров консенсуса/диссенсуса*, то есть посредством данных сигналов однозначно эксплицируется отношение (реакция) реципиента на сложившееся положение дел. Следовательно, *амплифаеры консенсуса/ диссенсуса*, являясь универсальными инструментами в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, маркируют на лексическом уровне значение *согласия/несогласия* в рамках коммуникативно-прагматической парадигмы.

Важно обратить внимание на то, что в зависимости от иллокуций, ситуативного контекста и интенций коммуникантов в художественном диалогическом дискурсе *амплифаеры консенсуса/диссенсуса* вносят в высказывание-реплику дополнительную эмоционально-экспрессивную коннотацию. Предпринятое исследование позволило установить, что в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе *амплифаеры консенсуса* используются для ***интенсификации высказывания-реплики***. Например:

(англ.) “Then you know the consequences of refusal.”

“If your daughter likes to go into Court, I shall be happy to meet her there.”

“You refuse to withdraw?”

*“**Absolutely**.”*

“Good evening, then!”

“Good evening!” *(Galsworthy);*

(исп.) – Mira, no sé quién eres – siguió con su perorata-, pero me da lo mismo; yo hablo con todo el mundo. Yo hablo con toda la gente y a todos les digo lo que pienso. Y, si les gusta, bien y, si no, también.

*– **Claro, claro** – aprobé yo su argumento (Llamazares);*

(рус.) Ирина вонзила в пепельницу потухшую сигарету, закурила новую.

– Мальчику ясно! – возвестила она. – А мне пока нет!.. Помните ли, Георгий Петрович, наш разговор о том, что дурные сообщества развращают добрые нравы?

*– **Конечно**.*

– А я-то думала – запамятовали. Вы, если не ошибаюсь, сказали тогда, Георгий Петрович: что-то мешало людям создавать хорошие сообщества, не исключено – что-то не зависящее от самих людей (Тендряков).

Вышеприведенные примеры высказываний-реплик англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса позволяют сделать вывод о том, что *амплифаеры консенсуса* обладают интенсифицирующей семантикой и вносят оттенок усиления в ответное высказывание-реплику адресата, оказывая эмоциональное воздействие на адресанта, тем самым усиливая прагматический эффект художественного диалогического дискурса.

Как средства усиления аргументации и убеждения в различных контекстах *амплифаеры консенсуса* придают дополнительные оттенки значений и градуальную окраску (усиление), выражая отношение реципиента (адресата) к действительности. Важно отметить, что *амплифаеры консенсуса*

в художественном диалогическом дискурсе влияют на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания-реплики посредством редупликации, оказывая влияние на формирование у адресата определённого мнения и концентрируют внимание на поступающей новой информации.

В англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе *амплифаеры консенсуса* в высказывании-реплике служат для ***выражения коммуникативной интенции поддержки***. В зависимости от коммуникативно-речевой ситуации, интенций коммуникантов и от семантики *амплифаеров консенсуса* в речевых актах целесообразно выделить *интенции поддержки со значением согласия* (например, в англоязычном высказывании-реплике) и *интенции поддержки со значением одобрения* (например, в испаноязычных и русскоязычных высказываниях-репликах). Следовательно, *амплифаеры консенсуса* способствуют поддержанию взаимодействия партнеров по художественному диалогическому дискурсу. Например:

(англ.) "I will make it happen," said Bellis coldly, and he nodded slowly. He started to speak again, and for the briefest moment seemed unsure of what to say. "I'll not ... have a chance to see you," he said slowly. "I'd better stay away."

*"**Of course**," said Bellis. "We can't risk anything now." (Miéville);*

(исп.) – No lo sé, Jucef. – El esclavo le revolvió el cabello negro –. ¿Por qué no esperamos a que se cure y él mismo nos lo cuente?

– ¿Se curará?

*– **Seguro**. ¿Cuándo has visto que un guerrero muera por una herida en la pierna? (Falcones);*

*(рус.) – Я, **конечно**, приветствую ваши благие намерения, – сказал ей Бунге. – Но, посудите сами, куда я вас пристрою? В таежные выселки вы сами не поедете, а в Александровске… (Пикуль).*

Собранный эмпирический материал позволяет определить, что *амплифаеры консенсуса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном

художественном диалогическом дискурсе используются для ***установления взаимодействия между партнерами по общению***, позволяя партнерам по диалогу эффективно взаимодействовать при минимуме лингвистических и когнитивных усилий, то есть способствуют более успешной коммуникации. Интегрируясь в ситуативный контекст, *амплифаеры консенсуса* облегчают и создают пространство для взаимодействия между говорящим/пишущим (адресантом) и слушателем/читателем (адресатом). Например:

(англ.) "All this is by the way," he said. "Let us be practical and come to facts. This crime, we have reason to believe, took place at a quarter past one last night. It is part of the necessary routine to ask everyone on the train what he or she was doing at that time."

*"**Quite so**. At a quarter past one, to the best of my belief, I was talking to the young American fellow – secretary to the dead man." (Christie);*

(исп.) – Yo soy, señora, Augusto Pérez, hijo de la difunta viuda de Pérez Rovira, a quien usted acaso conocería.

– ¿De doña Soledad?

*– **Exacto**; de doña Soledad.*

– Y mucho que conocí a la buena señora. Fue una viuda y una madre ejemplar. Le felicito a usted por ello (Unamuno);

(рус.) – Ах, это ваша жена? – оживился Сухомлинов. – Ну, как же, как же… Теперь вспомнил! Так это с вашей супругой моя Катерина Викторовна проводила то дивное лето в Карлсбаде?

*– **Именно так**.*

– Прошу. Садитесь. Чем могу быть полезен? (Пикуль).

Результаты предпринятого исследования позволили установить, что *амплифаеры диссенсуса* используются в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе для экспликации ***недовольства***. Например:

(англ.) "Now, my boy, you mustn't go on like this."

“Well, she boxed my ears, Gran, so I only boxed hers, and then she boxed mine again.”

“Strike a lady? That’ll never do! Have you begged her pardon?”

*“**Not yet**.”*

“Then you must go and do it at once. Come along.”

“But she began it, Gran; and she had two to my one.” (Galsworthy);

*(исп.) – Sí, me dijo que yo habría de llegar a ser la mujer de su hombre, su otra mujer – se decía –, pero **no** pudo querer eso, **no, no** pudo quererlo...; yo, en su caso, al menos, **no** lo habría querido, **no** podría haberlo querido... ¿De otra? ¡**No**, de otra no! **Ni** después de mi muerte... **Ni** de mi hermana (Unamuno);*

(рус.) – Откуда она образовалась, почему так хитро плетется – от мокрицы какой-нибудь к маящемуся человеку Голенкову Ивану?.. Откуда и зачем, Георгий? Твоя наука может сказать?

– Увы, нет.

*– **Пока нет** или даже не надеетесь и узнать? (Тендряков).*

При анализе коммуникативных актов, в которых *амплифаеры диссенсуса* выражают ***недовольство***, выявлено, что в художественном диалогическом дискурсе эти лексические единицы создают убедительный тон, определенную тональность процесса коммуникации и влияют на весь ее ход. Следовательно, *амплифаеры диссенсуса* представляют собой лексемы, которые устанавливают связи между высказыванием-репликой и ситуативным контекстом художественного диалогического дискурса, что включает установки партнеров по общению и их взаимодействие.

Необходимо отметить, что в высказывании-реплике испаноязычного художественного диалогического дискурса эмоциональные коннотации объективируются с помощью редупликации лексем ***no, no***. *Амплифаеры диссенсуса* интенсифицируют экспрессивно-эмоционального воздействие на адресата, а также фиксируют внимание адресата на вещественной информации и актуализируют смысл всего высказывания-реплики. Следует

подчеркнуть, что при редупликации *амплифаеров диссенсуса* в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса усиливается выразительность и изобразительность речи адресанта.

Функционально-семантический анализ позволяет сделать вывод, что *амплифаеры диссенсуса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе могут эксплицировать *опровержение* какого-либо факта. Например:

*(англ.) "Oh, **n-n-n-ot** well at all, s-s-sir. **No**, hardly at all—if you know what I mean. Danced with her once or twice – passed the time of day – bit of tennis – you know." (Christie);*

(исп.) – Pero ¿por qué se pone así ...? ¿Por qué se altera ...?

– ¿Qué es el remedio contra la sensualidad? ¿El matrimonio o la mujer?

– Los dos... La mujer.. y... y el hombre.

*– ¡Pues, **no**, padre, **no**, **no** y **no**! Yo no puedo ser remedio contra nada. ¿Qué es eso de considerarme remedio? ¡Y remedio... contra eso! No, me estimo en más (Unamuno);*

(рус.) – То есть они меня выпустят? – усмехнулся Зыбин.

*– Сейчас? **Нет, вряд ли.** А вот потом, конечно, отпустят. А затем другое: ведь в лагере люди живут, и из лагеря людьми выходят. И даже неплохо живут и выходят. Друзей настоящих имеют, книги хорошие читают, учатся ... (Домбровский).*

Как видим, приведенные выше примеры высказываний-реплик показывают, что *амплифаеры диссенсуса* номинируют речевой акт несогласия, отрицая сообщаемый факт, и передают субъективно-модальные значения, которые создаются в конкретных прагматических условиях и конкретным субъектом речи. Наблюдается оппозиция (противопоставление) актуальной информации и субъективного отношения/оценки одного из участников коммуникации, заключенная в его высказывании-реплике. Таким образом, *опровержение* по своей сути представляет собой перлокутивный акт (результат речевого воздействия на участников коммуникации), целью

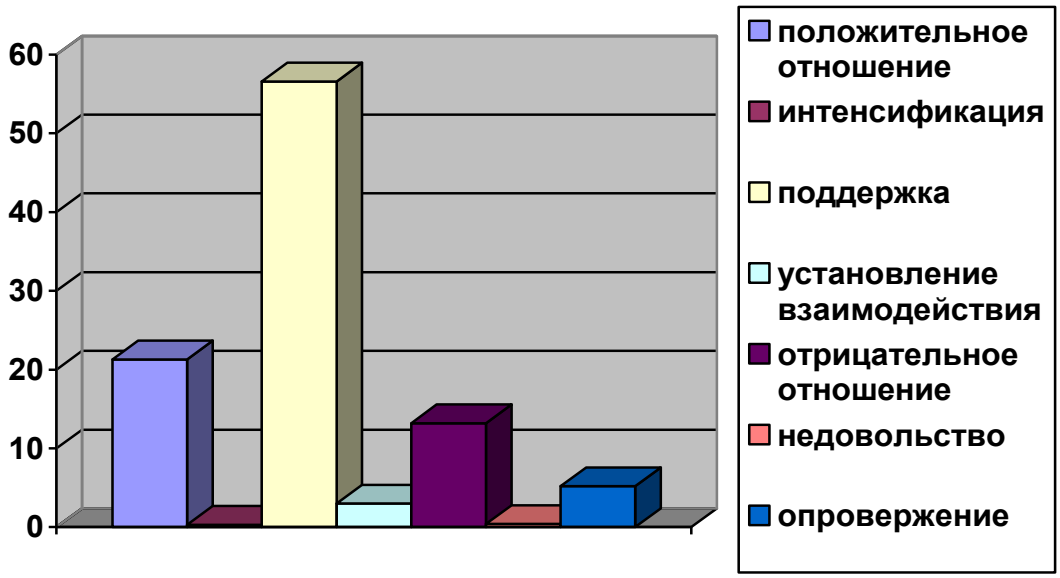
которого является доказать ложность пропозиции (неверность актуальной информации), то есть привести аргументы (обоснования) против мнения партнера по диалогу. Важно подчеркнуть, что в высказывании-реплике англоязычного художественного диалогического дискурса смысловая интенсификация достигается не только при помощи *амплифаеров диссенсуса* ***no***, ***not***, но и в употреблении амплифаера-интеръекции *oh*, что позволяет выражать усиление *опровержения*, которое обладает гиперболическим и экспрессивным характером, усиливая тем самым выразительность речи.

Что касается высказывания-реплики испаноязычного художественного диалогического дискурса, отметим, что здесь наблюдается редупликация *амплифаеров диссенсуса* ***no, no y no*** в пределах определенного контекста, что акцентирует внимание участников диалога на оценке, отношении к сложившемуся положению дел, чем расширяется содержание высказывания-реплики в целом. В русскоязычном художественном диалогическом дискурсе *амплифаер диссенсус* ***нет*** употребляется с частицей *вряд ли*, которая вносит в содержание высказывания-реплики оттенок *сомнения* и *маловероятности*, тем самым выражая коммуникативное смягчение в общении продуцентов высказываний-реплик и снижая степень категоричности.

В ходе настоящего исследования определено, что циклическая структура в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе с амплифаерами консенсуса/ диссенсуса имеют аналогичную структуру. Схема художественного диалогического дискурса с амплифаерами консенсуса/диссенсуса может быть представлена следующим образом, где *инициация коммуникации* – начальный этап общения; *изложение актуальной информации* – этап, на котором состоится обмен информацией между коммуникантами; *введение амплифаера консенсуса/диссенсуса*; *изложение актуальной информации* – интеракция коммуникантов; *подведение итогов* – обобщение актуальной информации; *новый цикл* – сохранение динамики коммуникативно-информационных процессов.

Схема 16. Циклическая структура художественного диалога с амплифаерами консенсуса/диссенсуса

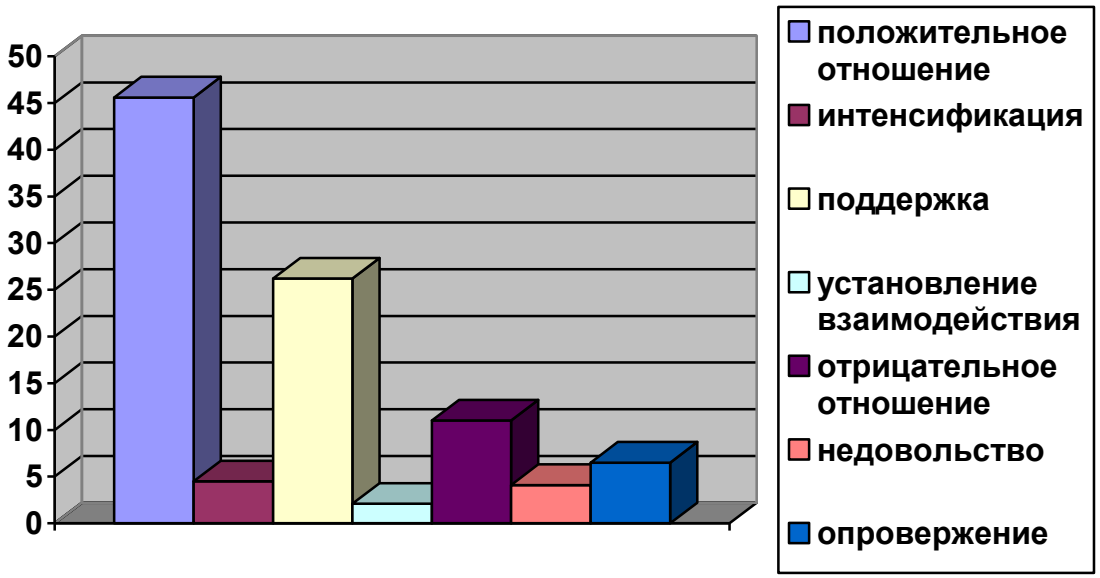
Лингвостатистические характеристики функционирования *амплифаеров консенсуса/диссенсуса* (Гистограмма 26) отражают закономерности и специфику их употребления в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, что, в свою очередь, позволяет адекватно интерпретировать *национально-специфические особенности коммуникативного поведения* продуцентов высказываний-реплик.



Гистограмма 26. Частотность употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в английском языке

Количественный анализ (Гистограмма 26) позволяет выявить и описать закономерности использования *амплифаеров консенсуса/диссенсуса* в английском языке. **Амплифаеры консенсуса/диссенсуса**, **выражающие**

коммуникативную интенцию поддержки, наиболее характерны для англоязычного художественного диалогического дискурса – 56,6 %. По частотности употребления **амплифаеров консенсуса/диссенсуса** в контексте их функционального потенциала в высказывании-реплике довольно реже используются в выражении **положительного отношения** – 21,3 %. Далее в порядке убывания показателя частотности использования в художественном диалогическом дискурсе английского языка следуют **амплифаеры консенсуса/диссенсуса**, **выражающие отрицательное отношение** – 13,2 %. В порядке убывания использования исследуемого корпуса амплифаеров находятся **амплифаеры консенсуса/диссенсуса**, **выражающие опровержение** – 5,2 % и **установления взаимодействия между партнерами по общению** – 3 %. Считаем необходимым отметить, что гораздо реже используются в англоязычном художественном диалогическом дискурсе **амплифаеры консенсуса/диссенсуса**, **выражающие недовольство** – 0,4 % и **интенсификацию высказывания-реплики –** 0,3 %

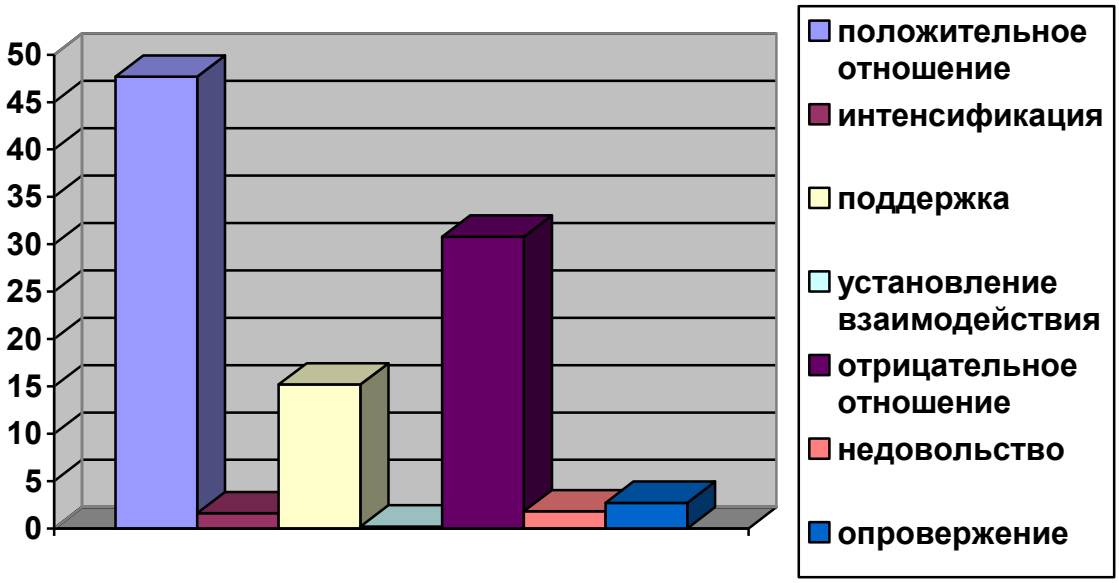


Гистограмма 27. Частотность употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в испанском языке

Как видно из гистограммы (Гистограмма 27), довольно часто в испаноязычном художественном диалогическом дискурсе используются **амплифаеры консенсуса/диссенсуса**, **выражающие положительное**

отношение – 45,6 %. Согласно частотности использования амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в испанском языке, далее следуют **амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие коммуникативную интенцию поддержки** – 26,2 %.

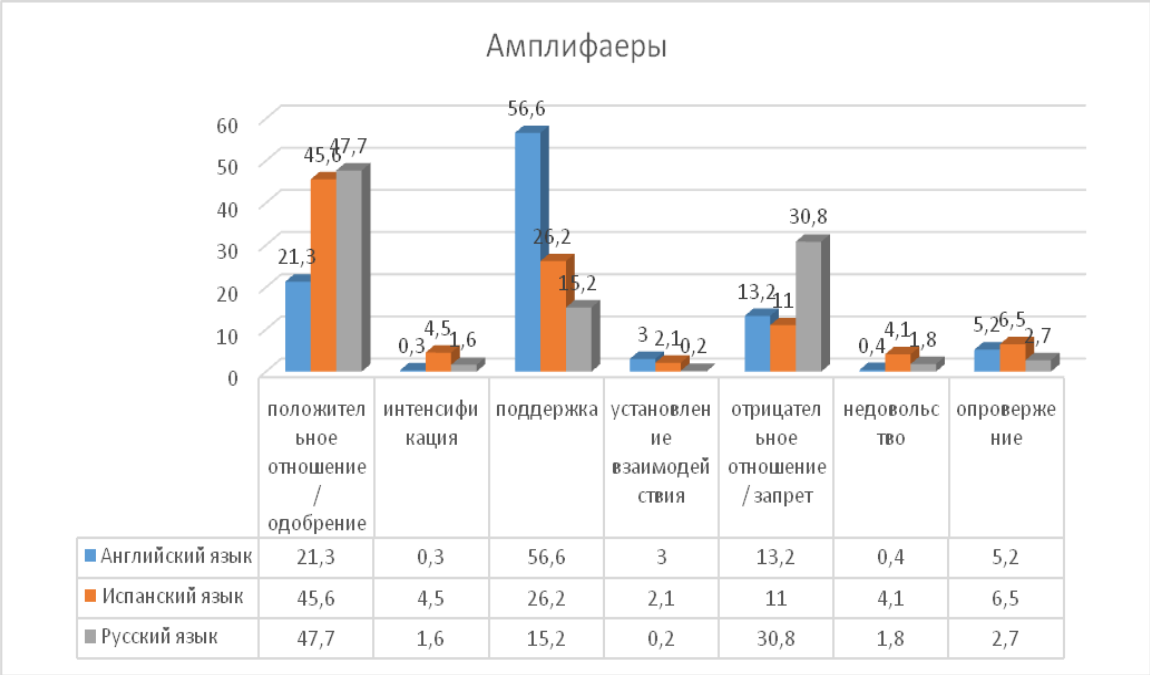
Говоря о функциях **амплифаеров консенсуса/ диссенсуса**, отметим, что, согласно приведенной гистограмме, реже употребляются лексические единицы изучаемого корпуса в **выражении отрицательного отношения** – 11,0 %. Необходимо обратить внимание на то, что гораздо редко в художественном диалогическом дискурсе используются **амплифаеры консенсуса/диссенсуса** в выражении **опровержения** – 6,5 %, **интенсификации высказывания-реплики** – 4,5 %, **недовольства** – 4,1 %. Гораздо реже **амплифаеры консенсуса/диссенсуса** используются в выражении **установления взаимодействия партнеров по общению** – 2,1 %.



Гистограмма 28. Частотность употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в русском языке

Гистограмма 28 отражает следующие, присущие **амплифаерам консенсуса/диссенсуса** закономерности: в русскоязычных высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса **эти лексемы** довольно часто используются в выражении **положительного отношения –** 47,7 %. Далее по частотности использования исследуемых лексических единиц

находятся **амплифаеры, выражающие отрицательное отношение** – 30,8 %. Количественный анализ позволил выявить, что в порядке убывания показателя частотности использования **амплифаеров консенсуса/ диссенсуса** в русскоязычном высказывании-реплике находятся **амплифаеры, выражающие коммуникативную интенцию поддержки** – 15,2 %. Отметим также, что гораздо редко употребляются **амплифаеры консенсуса/диссенсуса** в выражении **опровержения** – 2,7 %, **недовольства** – 1,8 %; **интенсификации высказывания-реплики** – 1,6 %, **установления взаимодействия партнеров по общению** – 0,2 %.



	положительное отношение / одобрение	интенсификация	поддержка	установление взаимодействия	отрицательное отношение / запрет	недовольство	опровержение
Английский язык	21,3	0,3	56,6	3	13,2	0,4	5,2
Испанский язык	45,6	4,5	26,2	2,1	11	4,1	6,5
Русский язык	47,7	1,6	15,2	0,2	30,8	1,8	2,7

Гистограмма 29. Частотность употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках в сопоставительном плане

При сравнительно-сопоставительном анализе разноструктурных языков приведенная выше Гистограмма 29 «Частотность употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках» демонстрирует основные принципы (закономерности), характерные для каждого из исследуемых языков. Таким образом, для обеспечения корректного понимания интерпретаций показателей, приведенных в Гистограмме 29, считаем необходимым истолковать закономерности (частотность) употребления

амплифаеров консенсуса/диссенсуса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Продемонстрируем показатели употребления амплифаеров консенсуса/ диссенсуса, выражающих *положительное отношение*. В соответствии с показателями Гистограммы 29 гораздо чаще амплифаеры консенсуса/ диссенсуса используются в высказываниях-репликах русского языка – 47,7 %. На втором месте по частотности употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса находится испанский язык – 45,6 %. Довольно реже исследуемый корпус амплифаеров используется в английском языке – 21,3 %. Про приведенным лингвостатистическим показателям приходим к выводу, что частота использования амплифаеров консенсуса/диссенсуса, выражающих *положительное отношение* в художественном диалогическом дискурсе в исследуемых языках, довольно велика.

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *интенсификацию высказывания-реплики*, в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса употребляются чаще всего в испанском языке – 4,5 %, далее в порядке уменьшения показателя частотности использования исследуемого корпуса амплифаеров в высказывании-реплике следует русский язык – 1,6 %. По данным Гистограммы 29, гораздо реже амплифаеры консенсуса/диссенсуса в выражении *интенсификации высказывания-реплики* используются в английском языке – 0,3 %.

Что касается амплифаеров консенсуса/диссенсуса, выражающих *коммуникативную интенцию поддержки* в высказывании-реплике, то важно заметить, что по частотности использования лексических единиц выделяется английский язык – 56,6 %. Вслед за английским языком, в порядке уменьшения показателя частотности использования амплифаеров консенсуса/диссенсуса, выражающих *коммуникативную интенцию поддержки*, следует испанский язык – 26,2 %. Согласно Гистограмме 29, довольно редко, по сравнению с английским и испанским языками,

исследуемые амплифаеры используются в русском языке – 15,2 %.

В целом, как показывают данные Гистограммы 29, амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *установление взаимодействия между партнерами по общению*, довольно редко употребляются в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. Так, чаще всего амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *установление взаимодействия между партнерами по общению*, используются в английском языке – 3,0 %. Далее в порядке снижения показателя частотности использования амплифаеров консенсуса/диссенсуса в художественном диалогическом дискурсе следует испанский язык – 2,1 %. Вслед за испанским языков, согласно лингвостатистическим данным Гистограммы 29 по употреблению амплифаеров консенсуса/диссенсуса, выражающих *установление взаимодействия между партнерами по общению,* находится русский язык – 0,2 %.

Согласно приведенной гистограмме (Гистограмма 29), амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *отрицательное отношение*, в художественном диалогическом дискурсе используются в русском языке – 30,8 %, на втором месте находится английский язык – 13,2 % и на третьем месте располагается испанский язык – 11,0 %.

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *недовольство* в художественном диалогическом дискурсе чаще всего используются в испанском языке – 4,1 %. Менее распространённым употреблением амплифаеров, выражающих *недовольство*, обнаруживается в русском языке – 1,8 %. В порядке снижения показателя употребления амплифаеров консенсуса/диссенсуса, выражающих *недовольство* в художественном диалогическом дискурсе, следует английский язык – 0,4 %.

Как видно по Гистограмме 29, амплифаеры консенсуса/диссенсуса, выражающие *опровержение*, чаще всего употребляются в испанском языке – 6,5 %. Менее распространённым употребление амплифаеров консенсуса/ диссенсуса, выражающих *опровержение*, обнаруживается в английском

языке – 5,2 %. Далее в порядке снижения показателя употребления данных амплифаеров следует русский язык – 2,7 %.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что сема *согласия* способна формировать иллокутивные действия речевых актов, таких как *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия* и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия между партнерами по общению*, в то время как сема *несогласия* способна формировать иллокутивные действия речевых актов, таких как *отрицательное отношение* или *запрет*, *недовольство*, *опровержение*. Следовательно, исследуемые *амплифаеры консенсуса/диссенсуса* помогают продуцентам высказываний-реплик диалога реализовывать в них различные виды отношений в вербальных сентенциях. *Амплифаеры консенсуса/диссенсуса* в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют собой речевые инструменты, ориентированные на речевое воздействие на партнера по диалогу, эксплицируя отношение всех участников коммуникации и служащие для повышения эффективности как отдельного высказывания-реплики, так и всего диалога в целом. Иными словами, а*мплифаеры консенсуса/диссенсуса* способствуют более адекватно, точно и эмоционально выражать свои мысли, структурировать акт коммуникации и влиять на интерактивную деятельность партнеров по общению в целом.

4.4. Универсальные и национально-культурные особенности амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе

Современный этап лингвистической науки характеризуется неослабевающим интересом исследователей к проблемам изучения языковой картины мира, личности, а также национального характера, так как национально-культурную природу имеют практически все языковые

феномены и категории. Национально-культурную специфику можно трактовать как наличие специфических признаков языковых единиц, эксплицитно или имплицитно отражающие как интралингвистические (фонетические, лексические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (социальные, культурные, этнические и др.) факты, характерные для носителей языка той или иной национально-культурной общности [Фирсова, 2000].

Согласно мнению ряда исследователей [Аверина, 2025; Бабаян, 2009; Верещагин, 2005; Дубровская, 2012; Жельвис, 2001; Костомаров, 2005; Кошарная, 2009; Красных, 2001; Кубрякова, 2007; Купцов, 2021а, Купцов, 2021б; Маслова, 2001; Мельникова, 2022; Телия, 1996; Тюкина, 2022; Фирсова, 2000; Хроленко, 2009; Palmer, 1996; Sharifian, 2011; Wierzbicka, 2003], культурно-национальная специфичность любого языка отражается в лексических единицах, характерных для культуры описываемого этноса, то есть в национальном корпусе его словаря (тезауруса). Е. С. Кубрякова справедливо указывает на тот факт, что в языке все единицы и категории культурно-маркированы и каждый их них представляет собой значимый аспект для анализа языка и культуры [Кубрякова, 2007], так как национально-культурная семантика языковых единиц позволяет «окунуться в культуру носителей языка, а также соприкоснуться с фоновыми знаниями иноязычной культуры» [Иноземцева, 2025, с. 97]. Следовательно, языковые средства приобретают символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре [Маслова, 2001] и «аккумулирующие дополнительную информацию о реалиях общества (культуры, страны) и среды существования народа-носителя того или иного языка, его нравов, обычаев, культурно-исторических традиций, мировосприятия и др.» [Реброва, 2020, с. 19]. Создается «пространство значений», то есть «закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально–культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т.е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире,

запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» [Маслова, 2001, с. 66]. Таким образом, языковые знаки являются отражением национально-культурного аспекта, сопряженные с языковой средой человека, спецификой образного мышления и др., то есть лексические единицы языка представляют собой маркеры индивидуальной картины мира социума и инструментом прагматически сориентированного речевого воздействия на партнера по общению [Нагорный, 2019].

Проведенное исследование позволило определить, что художественный диалогический дискурс, амплифаеры и лингвокультуры тесно связаны между собой. Важно отметить, что использование амплифаеров варьируется от стиля коммуникации, то есть исследуемые лексемы связаны с прагматикой межличностного общения, отражающие *универсальные* и *национально-специфические* особенности функционирования языка. Следовательно, художественный диалогический дискурс и амплифаеры отражают лингвокультуры соответствующего языкового сообщества: определенные культурные нормы и ценности могут быть отображены в языковых формах, используемых в литературе, и наоборот – художественные произведения могут влиять на формирование и изменение лингвокультур [Купцов, 2021б; Купцов, 2022; Купцов, 2022г; Купцов, 2024а; Купцов, 2025г]. Заметим также, что амплифаеры являются неотъемлемыми конституентами высказывания-реплики, общей «апперцепционной базы» коммуникантов художественного диалогического дискурса. Национально-культурные особенности употребления амплифаеров, коммуникативного поведения (дискурса) в художественном диалогическом дискурсе и осмысление различий и сходств в этнокультурном контексте в сопоставляемых разноструктурных языках позволяет выявить взаимосвязанные смысловые траектории в английской, испанской и русской лингвокультурах. Таким образом, считаем уместным истолковать закономерности (частотность) употребления исследуемых лексических единиц – амплифаеров, характерных для рассматриваемых в настоящей работе лингвокультур (Таблица 1).

Амплифаеры	Английский язык	Испанский язык	Русский язык
Амплифаеры структурирования диалогического дискурса	44,1 %	37,2 %	18,7 %
Амплифаеры-аддитивы	33,8 %	32,9 %	33,3 %
Амплифаеры с модальным значением	88,8 %	4,8 %	6,4 %
Амплифаеры-рестриктивы	77,7 %	4,4 %	17,9 %
Амплифаеры-хезитативы	72,7 %	2,6 %	24,7 %
Амплифаеры-интеръекции	8,7 %	38,9 %	52,4 %
Амплифаеры со значением удивленного переспроса	43,7 %	18,9 %	37,4 %
Амплифаеры консенсуса/ диссенсуса	55,7 %	5,5 %	38,8 %

Таблица 1. Частотность употребления амплифаеров в контексте их функционального потенциала в английском, испанском и русском языках

Как видим по данным приведенной выше таблицы, **амплифаеры структурирования** дискурса **универсальны** для английской, испанской и русской лингвокультур. Лингвостатистический анализ использования данного корпуса амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволил определить, что показатель частотности употребления амплифаеров в исследуемых языках варьируется, что отражает **национально-культурную особенность** английской, испанской и русской лингвокультур.

Сравнительно-сопоставительный анализ лингвокультур позволяет сделать вывод о том, что английский язык демонстрирует наибольшее количество употребления *амплифаеров структурирования дискурса* в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса (44,1 %.). Отметим, что далее по частотности использования амплифаеров структурирования дискурса следует испанский язык (37,2 %). А в русском языке данный тип лексических единиц используется гораздо реже (18,7 %). Важно отметить, что в корпусе *амплифаеров структурирования дискурса* выделяются и подвиды, такие как, *амплифаеры установки логических и семантических связей*, *амплифаеры уточнения и пояснения мысли*, *амплифаеры*, *выражающие причинно-следственные отношения*, *амплифаеры, подводящие итоги (генерализаторы)*. Говоря о частотности

употребления этих подвидов, отметим, что *амплифаеры установки логических и семантических связей* чаще используются в английском (2,3 %) и русском (2,3 %) языках, а в испанском языке подобные амплифаеры употребляются гораздо реже (1,7 %). Что касается использования *амплифаеров уточнения и пояснения мысли*, заметим, что исследуемые лексемы довольно часто встречаются в русской лингвокультуре (34,4 %), реже – в английской лингвокультуре (23,8 %) и гораздо реже в испанской лингвокультуре (6,2 %). Необходимо подчеркнуть, что *амплифаеры*, *выражающие причинно-следственные отношения*, рекуррентны в исследуемых лингвокультурах, благодаря их значительному коммуникативно-прагматическому потенциалу. Количественный анализ частотности употребления исследуемых амплифаеров позволил выявить, что достаточно часто они используются во всех исследуемых лингвокультурах: в английской (69 %), в испанской (84,4 %), в русской (62,6 %). Что касается частотности употребления *амплифаеров-генерализаторов*, то наиболее характерны исследуемые лексические единицы для английской (4,9 %) и испанской (7,7 %) лингвокультур, а в русской лингвокультуре данный подтип амплифаеров встречается крайне редко (0,7 %). Полагаем, что установленный феномен зависит от синтаксической структуры русского языка, а также от коммуникативных и культурных норм. Кроме того, в современном русском языке существуют различные интонационно-речевые модели, которые представляют собой средства реализации интенций коммуникантов, что делает использование *амплифаеров-генерализаторы*, менее необходимым.

При сравнительно-сопоставительном анализе исследуемых лингвокультур, наиболее распространенным употреблением в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса являются *амплифаеры-аддитивы* в английской лингвокультуре (33,8 %), а для испанской (32,9 %) и русской (33,3 %) лингвокультур, согласно лингвостатистическому анализу, данный феномен менее характерен. Тем не менее, следует обратить внимание

на то, что *амплифаеры-аддитивы* рекуррентны во всех исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах благодаря их функционально-прагматическому потенциалу, а именно, способностью управлять интерпретацией хода дискурсивной интеракции. Кроме того, представляется интересным тот факт, что показатель использования *амплифаеров-аддитивов* в исследуемых лингвокультурах приблизительно одинаковый. В зависимости от семантико-прагматических функций в корпусе *амплифаеров-аддитивов* выделяются *амплифаеры добавления информации* и *амплифаеры контраста*. Показатель частотности употребления *амплифаеров добавления информации* в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса наиболее высок в испанской лингвокультуре (89,4 %), а для английской (74,5 %) и русской (67,6 %) лингвокультур данный феномен менее характерен. Важно отметить, что полученные показатели частотности употребления *амплифаеров контраста* в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса позволили выявить, что достаточно неравномерно используются данные лексемы в исследуемых лингвокультурах. Так, в русской лингвокультуре *амплифаеры контраста* употребляются довольно часто (32,4 %), реже – в английской (25,5 %) и гораздо реже в испанской (10,6 %) лингвокультурах.

Что касается *амплифаеров с модальным значением*, заметим, что лексемы данного корпуса достаточно часто используются в английской, испанской и русской лингвокультурах. Тем не менее, данный корпус амплифаеров наиболее часто используется в английской лингвокультуре (88,8 %). Далее в порядке уменьшения показателя употребления *амплифаеров с модальным значением* следует русская лингвокультура (6,4 %) и вслед за ней находится испанская лингвокультура (4,8 %). Количественный анализ частотности употребления исследуемых лексем указывает на то, что *амплифаеры, выражающие деонтическую модальность*, из-за своих семантико-функциональных особенностей в контексте высказываний-реплик продуцентов диалогического дискурса, в целом,

гораздо часто используются во всех лингвокультурах, чем *амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность*. Согласно лингвостатистическому анализу эмпирических данных, в испанской (88,3 %) и английской (88,2 %) лингвокультурах показатель частотности употребления употребления *амплифаеров, выражающие деонтическую модальность*, приблизительно одинаковый. Количественный анализ частотности использования *амплифаеров, выражающих эпистемическую модальность*, показал, что в русской лингвокультуре (16 %) данные лексемы употребляются довольно часто, а в английской (11,8 %) и испанской (13,7 %) лингвокультурах достаточно реже. Данный феномен обусловлен, на наш взгляд, национально-культурной спецификой семантики лексем, языковыми и социальными нормами.

Амплифаеры-рестриктивы представляют собой лексические единицы, присущие английской, испанской и русской лингвокультурам, то есть характеризуются универсальностью в исследуемых языках. Подчеркнем, что данное явление наиболее характерно для английской (77,7 %) и русской (17,9 %) лингвокультур. В испанской лингвокультуре, согласно количественному анализу, использование *амплифаеров-рестриктивов* встречается крайне редко (4,4 %), так как в корпус *амплифаеров-рестриктивов* включены частицы с выделительно-ограничительной семантикой, при этом испанский язык, как известно, относится к так называемым «слабопартиклевым языкам», в которых система частиц не развита или развита слабо.

Что касается *амплифаеров-хезитативов*, а именно *амплифаеров-хезитативов, выражающих сомнение, амплифаеров-хезитативов, выражающих преодоление коммуникативного затруднения, амплифаеров-хезитативов, выражающих колебание*, отметим, что употребление данных лексических единиц свойственно для английской, испанской и русской лингвокультур, так как они представляют собой интерактивные элементы коммуникации. Однако следует заметить, что наиболее часто *амплифаеры-*

хезитативы встречаются в английской лингвокультуре (72,7 %). Для русской лингвокультуры употребление исследуемых лексем менее характерно (24,7 %), а в испанской лингвокультуре встречается крайне редко (2,6 %). Вышеупомянутый феномен объясняется, на наш взгляд, социальной нормой и культурой речевого общения продуцентов высказываний-реплик.

Количественный анализ позволил выявить, что частотность употребления *амплифаеров-интеръекций* в исследуемых лингвокультурах варьируется. Так, в русской лингвокультуре данные лексические единицы используются довольно часто (52,4 %). Использование *амплифаеров-интеръекций* в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса позволяет сделать вывод о том, что исследуемые амплифаеры менее характерны для испанской лингвокультуры (38,9 %). Отметим, что для английской лингвокультуры показатель использования *амплифаеров-интеръекций* в высказываниях-репликах довольно низкий (8,7 %). Что касается *амплифаеров-интеръекций, выражающих согласие/несогласие*, заметим, что в английской лингвокультуре наблюдается более высокая частотность их использования (18,5 %), реже они употребляются в испанской (14,9 %) и гораздо реже в русской (10,4 %) лингвокультуре. *Амплифаеры-интеръекции*, *формирующие интеррогативные высказывания-реплики*, встречаются с большей регулярностью в русской лингвокультуре (17,2 %), с меньшей регулярностью – в английской (11,1 %) и гораздо реже в испанской (3,3 %) лингвокультуре. Наблюдается высокая частотность употребления *амплифаеров, выражающие просьбу*, в английской лингвокультуре (11,2 %). Согласно количественному анализу, в русской лингвокультуре показатель частотности употребления данных лексических единиц значительно ниже (3,7%). При этом показатель использования *амплифаеров*, *выражающих просьбу*, в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса крайне низкий в испанской лингвокультуре (1,6 %), чем в английской и русской лингвокультурах. Частота применения *амплифаеров*, *выражающих переспрос*, значительно выше в русской лингвокультуре (45,4 %), а для

английской (26,1 %) и испанской (29,7 %) лингвокультур, как показывает лингвостатистический анализ, данный феномен менее распространен. Кроме того, в английской и испанской лингвокультурах показатели частотности имеют незначительные отличия. Что касается использования *амплифаеров-интеръекций, выражающих сожаление*, в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса, необходимо заметить, что эти лексические единицы наиболее часто встречаются в испанской (37,2 %) лингвокультуре, а для английской (14,7 %) и русской (11,6 %) лингвокультур показатель частотности использования *амплифаеров-интеръекций, выражающие сожаление*, значительно низкий. Количественный анализ позволил выявить, что показатель частотности употребления *амплифаеров-интеръекций привлечения внимания* в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса одинаковый в английской (7,4 %), испанской (7,4 %) и русской (7,4 %) лингвокультурах, что отражает совокупность закономерностей, характерных для разноструктурных языков. Анализ лингвостатистических эмпирических данных позволил определить, что *амплифаеры-интеръекции, выражающие хезитацию*, достаточно редко встречаются в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса. Так, наиболее часто *амплифаеры-интеръекции, выражающие хезитацию*, используются в английской лингвокультуре (11 %), реже – в испанской (5,9 %) лингвокультуре и гораздо реже в русской (4,3 %) лингвокультуре.

В целом, как показывает исследование, *амплифаеры со значением удивленного переспроса*, достаточно редко употребляются в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса, что демонстрирует характерные закономерности функционирования данных лексических единиц в исследуемых лингвокультурах. Отметим, что данный феномен наиболее характерен для английской (43,7 %) и русской (37,4 %) лингвокультур, а для испанской лингвокультуры использование *амплифаеров со значением удивленного переспроса* наблюдается с меньшей частотностью (18,9 %).

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса, согласно количественному анализу, довольно часто употребляются в английской (55,7 %) и русской (38,8 %) лингвокультурах и гораздо реже в испанской (5,5 %) лингвокультуре. Тем менее, необходимо подчеркнуть, что *амплифаеры консенсуса* встречаются в художественном диалогическом дискурсе чаще, чем *амплифаеры диссенсуса*, и репертуар *амплифаеров консенсуса* разнообразнее. Так, *амплифаеры консенсуса* довольно часто используются в английской лингвокультуре (60,6 %), реже, согласно лингвостатистическим данным, они употребляются в русской лингвокультуре (33,6 %) и гораздо реже в испанской лингвокультуре (5,8 %). Показатель частотности употребления *амплифаеров диссенсуса* в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса наиболее высок в русской лингвокультуре (54 %). Что касается употребления данных лексем, отметим, что в английской лингвокультуре данное явление встречается реже (41,3 %), а в испанской лингвокультуре показатель употребления *амплифаеров диссенсуса* гораздо ниже (4,7 %).

Следовательно, из всего вышесказанного приходим к выводу о том, что амплифаеры в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса отражают как универсальные, так и национально-специфические особенности в английской, испанской и русской лингвокультурах. Исследуемые лексические единицы представляют собой универсальное языковое явление для исследуемых лингвокультур, то есть характерны для английского, испанского и русского языков. Данный феномен подтверждает мнение о том, что амплифаеры, в целом, представляют собой лингвокультурную универсалию, которая создает ядро высказывания-реплики художественного диалогического дискурса. Таким образом, типологические характеристики разноструктурных языков находят непосредственное отражение на лексическом уровне.

Выводы по Главе 4

Проведённый анализ по выявлению коммуникативно-прагматического потенциала амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе позволяет прийти к следующим выводам:

Амплифаеры представляют собой лексические единицы языка, которые выполняют организационную, когнитивную и коммуникативно-прагматическую функции в художественном диалогическом дискурсе, способствуя структурированию высказываний-реплик, выражению отношений между частями текста и участниками коммуникации и содержанием, актуализируют конкретный смысл высказывания-реплики, добавляют различные смысловые оттенки значений коннотативного характера и расширяют контекст, способствуя успешной коммуникации. Предложенная **авторская коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров** позволяет глубже понять особенности исследуемых лексических единиц, их функциональные роли в языке и интеракции продуцентов высказываний-реплик. Таким образом, отметим, коммуникативно-прагматическая классификация амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе основана на их функциях и ролях в диалогическом акте коммуникации.

В ходе настоящего исследования выделены **следующие типы (группы) амплифаеров**: *амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса*, *амплифаеры-аддитивы*, *амплифаеры с модальным значением, амплифаеры-рестриктивы*, *амплифаеры-хезитативы*, *амплифаеры-интеръекции*, *амплифаеры со значением удивленного переспроса*, *амплифаеры консенсуса/диссенсуса*.

Амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса в зависимости от выполняемых ими функций классифицируются на

подтипы: *амплифаеры установления логических и семантических связей*, *амплифаеры уточнения и пояснения мысли, амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения*, *амплифаеры-генерализаторы*. В зависимости от коммуникативно-прагматических функций данные лексические единицы эксплицируют семантические и структурные отношения между фрагментами дискурса, регулируя тематику коммуникации, выстраивают семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, обеспечивая целостную коммуникативно-речевую ситуацию, реализуют интертекстуальные связи, систематизируют актуальную информацию, создавая логические структуры в художественном диалогическом дискурсе исследуемых языков.

В корпусе ***амплифаеров-аддитивов*** в соответствии с коммуникативно-прагматическими функциями в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе выделяются *амплифаеры добавления информации* и *амплифаеры контраста*. Амплифаеры-аддитивы создают в художественном диалогическом дискурсе последовательное аргументирование, связывают элементы речи, позволяя читателю (реципиенту) следить за развитием мысли и фокусируя внимание реципиента на последующей новой для него информации.

Говоря об ***амплифаерах с модальным значением***, отметим, что в зависимости от функционального диапазона в корпусе исследуемых лексических единиц представлены следующие подтипы: *амплифаеры*, *выражающие деонтическую модальность* и *амплифаеры*, *выражающие эпистемическую модальность*. Исследуемые лексемы в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе вносят различные субъективно-модальные оттенки значений: *вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, рекомендации*, *убеждения*, *разрешение/запрет, оценку* и *степень оценки*, то есть отличаются полифункциональностью. Кроме того, амплифаеры *с модальным значением* являются важными элементами в семантико-

коммуникативном и коммуникативно-прагматическом аспектах, так как отражают стратегию ведения коммуникации и позицию адресанта по отношению к сообщаемым фактам.

Анализ материала позволил установить, что ***амплифаеры-рестриктивы*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, реализуя эмотивный фон, придают высказыванию-реплике специфические семантические и эмоционально-выразительные особенности. Фокусируя внимание адресата на последующей новой информации в высказывании-реплике, *амплифаеры-рестриктивы* способны доносить до адресата квалификативные смыслы высказывания, вносить в высказывание-реплику большую интенсивность, усиливать его значение. Кроме того, *амплифаеры-рестриктивы*, употребляясь в императивных речевых ситуациях или в речевых ситуациях с повелительным значением, выражают *модальные значения желания* или *намерения*, тем самым выражая интенции коммуникантов. Выявлены случаи, когда *амплифаеры-рестриктивы* употребляются в эллиптических конструкциях, тем самым управляют интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия в художественном диалогическом дискурсе между коммуникантами.

Анализ полученного эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что корпус ***амплифаеров-хезитативов*** включает в себя следующие типы: *амплифаеры-хезитативы, выражающие сомнение*, *амплифаеры-хезитативы*, *выражающие преодоление коммуникативного затруднения*, *амплифаеры-хезитативы, выражающие колебание*. Несмотря на частичную десемантизацию данные лексемы представляют собой средства связности дискурса, что дает возможность объективировать смысл сказанного и создавать необходимый контекст и коннотации в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе. *Амплифаеры-хезитативы* используются для придания эмоциональной окраски, усиления реалистичности и подчеркивания индивидуальности персонажей (коммуникантов). Следовательно, можем заключить, что данные

лексические единицы являются важнейшим средством структурной организации художественного диалогического дискурса.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволил установить, что ***амплифаеры-интеръекции*** в художественном диалогическом дискурсе исследуемых языков создают интерактивный диалог. Основной коммуникативно-прагматический потенциал отражен в *выражении согласия/несогласия*, *формировании интеррогативных высказываний-реплик*, *выражении формальной и неформальной просьбы*, *выражении переспроса*, *выражении сожаления*, *привлечении внимания*, *хезитации*. Таким образом, *амплифаеры-интеръекции* в целом оказывают экспрессивно-эмоциональное воздействие на адресата, а также усиливают прагматический эффект художественного диалогического дискурса.

В ходе диссертационного исследования выявлено, что ***амплифаеры со значением удивленного переспроса*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе создают эмоционально-экспрессивную окраску, интенсификацию драматичности сюжета и способствуют передаче эмоций человека на языковом уровне, а также вносят в высказывание-реплику тончайшие оттенки коннотативного характера (*сомнение*, *подозрение*, *недоверие*, *сарказм* и др.). Необходимо добавить, что *амплифаеры со значением удивленного переспроса* в художественном диалогическом дискурсе позволяют партнерам по общению однозначно интерпретировать высказывания-реплики, избегая прагматической многозначности.

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса в художественном диалогическом дискурсе формируют иллокутивные действия речевых актов: *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия* и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия партнеров по общению*, *отрицательное отношение* или *запрет*, *недовольство*, *опровержение* и др. *Амплифаеры консенсуса/*

диссенсуса в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют собой речевые инструменты, ориентированные на речевое воздействие на коммуникантов, эксплицируя отношение всех участников акта коммуникации, влияя на интерактивную деятельность продуцентов высказываний-реплик.

Предпринятое исследование позволило определить, что коммуникация является комплексным процессом обмена информацией между партнерами по общению, основываясь на кодировании и декодировании информации и представляя собой циклы обратных связей.

Схема циклической структуры художественного диалога с амплифаерами предполагает, что после завершения одного цикла коммуникации начинается новый цикл, что позволяет поддерживать динамику коммуникативно-информационных процессов между партнерами по общению. Составленные в ходе исследования схемы циклических структур свидетельствуют о достаточной коммуникативной вариативности англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалога с амплифаерами, а также отражает закономерности их построения в соответствии с коммуникативными стратегиями и интенциями коммуникантов. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в английском, испанском и русском языках существует не менее тринадцати *циклических структур художественного диалога с амплифаерами*:

1) не менее трех циклических структур художественного диалога с амплифаерами структурирования дискурса:

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами маркирования структуры дискурса;

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами контраста;

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающими уточнение, пояснение, причинно-следственные отношения, подводящими итоги;

2) не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами-аддитивами:

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами добавления информации;

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-контраста;

3) не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами с модальным значением:

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающими деонтическую модальность;

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами, выражающими эпистемическую модальность;

4) не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами-рестриктивами;

5) не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами-хезитативами:

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-хезитативами, выражающими сомнение, преодоление коммуникативного затруднения;

– одна циклическая структура художественного диалога с амплифаерами-хезитативами, выражающими колебания;

6) не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами-интеръекциями;

7) не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами удивленного переспроса;

8) не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами консенсуса/диссенсуса.

Амплифаеры в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса представляют собой универсальное лингвокультурное языковое явление и характеризуются особой

закономерностью их использования в английском, испанском и русском высказывании-реплике в рамках художественного диалогического дискурса. Другими словами, во всех исследуемых языках амплифаеры как инструменты отражения коммуникационных процессов в речевой сфере характеризуются лингвокультурной специфичностью, то есть, можем с уверенностью утверждать, что здесь проявляются типологические черты разноструктурных – аналитических и синтетического – языков на лексическом уровне. Кроме того, как показывает анализ лингвостатистических данных, в целом, частотность использования амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе варьируются.

Тем не менее, количественный анализ употребления амплифаеров позволяет сделать вывод о том, что данные лексемы представляют собой **универсальный языковой феномен** в исследуемых лингвокультурах, так как без них не обходится ни один художественный диалогический дискурс. Кроме того, национально-специфические особенности использования исследуемых лексических единиц отражаются в лингвостатистическом анализе, который демонстрирует различную степень (показатель) использования каждого типа выделенных в настоящем исследовании амплифаеров (см. авторскую классификацию) в высказываниях-репликах в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование фокусируется на одной из актуальных, но еще недостаточно разработанных проблем современного языкознания и, в частности, художественного диалогического дискурса – коммуникативно-прагматическим функциям амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе.

Современные тенденции в развитии языкознания демонстрируют смену лингвистической парадигмы, обращая пристальное внимание на антропоцентричность языка и взаимосвязь языка и культуры. В исследованиях языка антропоцентрическая парадигма ориентирована прежде всего на человека, а язык, в свою очередь, представляет собой важнейшую ее составляющую. Таким образом, настоящее диссертационное исследование фокусируется на одной из актуальных, но еще недостаточно исследованных проблем современного языкознания – амплифаерам художественного диалогического дискурса в английском, испанском и русском языках.

В теоретической части предпринятого исследования изучено основное понятие «дискурс», его структура, конституенты дискурса и их взаимосвязь, проведен обзор научной литературы по определению понятия «художественный дискурс» и изучены его основные характеристики. Кроме того, в теоретической части исследования проведён обзор основных подходов к пониманию понятия «диалог» в современном языкознании, исследована прагматическая характеристика художественного диалогического дискурса и высказывания-реплики как основной единица художественного диалогического дискурса. Особое внимание уделено онтологии амплифаеров, их семантическому, функциональному и коммуникативно-прагматическому потенциалу в художественном диалогическом дискурсе.

В настоящем исследовании придерживаемся определения В. Н. Бабаяна, который под понятием «**дискурс»** понимает связный

монологический или диалогический текст, представляющий собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний (высказываний-реплик) в устной или письменной форме, обращенный к адресату, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех её участников. Следовательно, изучение дискурса способствует пониманию создания социальных, культурных, национальных и др. контекстов, так как видение мира отражается в дискурсе через выбор различных языковых средств, которые маркируют культурные, социальные, идеологические и др. особенности говорящего (адресанта) и его языкового сообщества. Что касается содержательной интерпретации структуры дискурса, элементов дискурса и их взаимодействия, отметим, что глобальные структуры (макроструктура и микроструктура) дискурса являются определяющими в теоретическом анализе, так как отражают и тематическое содержание, и схематическую форму; они же очень важны в процессах производства и понимания высказывания-реплики и всего диалогического дискурса в целом. Следует отметить, что одной из нерешенных проблем в теории дискурса является динамика развития типов дискурсов, так как дискурс способен расширяться до безграничности и используется во всех сферах жизни. Каждый тип дискурса обладает своими специфическими когнитивными, прагматическими, идеологическими и культурными мотивами, в которых наблюдается различие в их реализации. Кроме того, в ходе исследования выявлено, что дискурс, в целом, может определяться категориями коммуникативного (актуального) членения, коммуникации, пресуппозиции, контекста, субъективной модальности и др.

Художественный дискурс является открытой, нелинейной и динамичной системой, которая обладает способностью включать разные элементы, трансформироваться и подстраиваться под заданную тему. **Художественный дискурс** содержит в себе специфику культурно-языковой идентичности и миропонимания этноса, то есть передает особенности

менталитета и философии народа, создавая уникальную атмосферу и передавая глубокий смысл. Художественный дискурс многослоен, многогранен и специфичен, его многоплановость раскрывает многомерность духовной жизни автора текста. Будучи когнитивным диалогом, в художественном дискурсе отражены миросозерцание, «диалектика души» автора, а также поликультурный языковой код, воплощающий духовную энергию народа.

В настоящем исследовании под **диалогом** понимается функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста, то есть связный текст, в котором высказывания-реплики продуцируются с учетом экстралингвистических факторов. Предельный сегмент дискурса обладает смысловой независимостью и коммуникативной ориентированностью в рамках любого типа дискурса, при этом **высказывание-реплика** является минимальной единицей речевой коммуникации. Реплики персонажей в диалоге художественного текста – сложные коммуникативные единицы, способные отражать как реакцию на предшествующее высказывание, так и учитывать различные аспекты интеракции между партнерами по диалогу.

Исследование позволило выявить, что **амплифаеры** являются сигналами, способными организовать и структурировать высказывания-реплики, а также направлять внимание адресата на важные аспекты сообщения. Следует отметить, что в системе амплифаеров обнаруживается довольно большое количество пересекающихся подклассов лексем, которые связаны между собой самыми различными отношениями, то есть представляют собой целую транскатегориальную систему коммуникативных единиц. Необходимо отметить, что в предпринятом исследовании амплифаеры рассматриваются в широком смысле, поэтому в данный пласт лексических единиц входят *модальные слова, модальные глаголы, прилагательные, наречия,* то есть лексические единицы в дискурсивном употреблении, *коммуникативные частицы* (выделительно-ограничительные,

модальные, усилительные и др.), *междометия, предлоги и союзы*. В свою очередь, дискурсивные маркеры, прагматические маркеры, дискурсивы, коммуникативы и т. п. относятся к категории амплифаеров. В целом, для амплифаеров характерна универсальность, мобильность, гибкость в употреблении. Кроме того, амплифаеры представляют собой полифункциональные единицы языка, способные в зависимости от коммуникативно-речевой ситуации реализовывать различные коммуникативные задачи. Каждый амплифаер обладает лексическим и коммуникативно-прагматическим значением, дополняя содержание реплики, способствуя более точной передаче актуальной информации, привнося в высказывание-реплику разнообразные смысловые оттенки значений. Исследуемые лексические единицы выстраивают пропозицию в определенный коммуникативный контекст и выражают отношение адресанта и адресата друг к другу и к окружающей действительности. Амплифаеры – инструменты для организации и структурирования речевого потока, что подтверждает их значимость в процессе акта коммуникации.

В практической части диссертационного исследования акцентируется внимание на **авторскую классификацию амплифаеров**, их коммуникативно-прагматический и функциональный потенциал в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе и выявлены универсальные и национально-специфические особенности амплифаеров в исследуемых лингвокультурах.

Собранный **эмпирический материал** – высказывания-реплики персонажей англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного диалогического дискурса (т. е. произведений художественной литературы) – позволил классифицировать амплифаеры на различные типы и подтипы на основе их функционально-прагматических особенностей. Таким образом, авторская классификация исследуемого корпуса лексических единиц включает 8 типов и 11 подтипов амплифаеров, некоторые группы амплифаеров подразделяются на несколько подтипов:

***1) амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса*:**

а) амплифаеры установки логических и семантических связей;

б) амплифаеры уточнения и пояснения мысли;

в) амплифаеры, выражающие причинно-следственные отношения;

г) амплифаеры, подводящие итоги (генерализаторы).

2) амплифаеры-аддитивы:

а) амплифаеры добавления информации;

б) амплифаеры контраста.

3) амплифаеры с модальным значением:

а) амплифаеры, *выражающие деонтическую модальность*;

б) амплифаеры, выражающие эпистемическую модальность.

4) амплифаеры-рестриктивы.

5) амплифаеры-хезитативы:

а) амплифаеры-хезитативы, выражающие сомнение;

б) амплифаеры-хезитативы, выражающие преодоление коммуникативного затруднения;

в) амплифаеры-хезитативы, выражающие колебание.

6) амплифаеры-интеръекции.

7) амплифаеры со значением удивленного переспроса.

8) амплифаеры консенсуса/диссенсуса.

Изучение коммуникативно-актуализирующих параметров амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе указывает на тот факт, что их функциональные свойства имеют важное значение с коммуникативно-прагматической точки зрения. Амплифаеры служат важным инструментом для усиления и акцентуации отдельных конституентов высказывания-реплики, придания им дополнительных значений в художественном диалогическом дискурсе и имеют значительную коммуникативно-прагматическую ценность как для адресанта, так и для адресата как продуцентов диалогического акта

коммуникации. Таким образом, можем сказать, что иллокутивный потенциал амплифаеров относится к их способности выполнять определенные коммуникативные функции, оказывая влияние на интерпретацию высказываний-реплик и интеракцию партнеров по общению в рамках художественного диалогического дискурса. Кроме того, в ходе диссертационного исследования проведен **лингвостатистический анализ** использования амплифаеров в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе, который позволил определить, что показатель частотности употребления амплифаеров в исследуемых языках варьируется, что демонстрирует **универсальную** и **национально-культурную особенность** исследуемых лексических единиц – амплифаеров – в английском, испанском и русском языках.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров структурирования художественного диалогического дискурса*** заключается в организации речи, высказывания-реплики или текста, указывая на последовательность идей или аргументов, тем самым данный тип амплифаеров реализует интертекстуальные связи, систематизирует актуальную информацию, создавая логические структуры. В результате проведенного лингвостатистического анализа частотности употребления *амплифаеров структурирования* в художественном диалогическом дискурсе выяснилось, что в английском языке лексемы данного корпуса амплифаеров являются наиболее продуктивными – 44,1 %. Второе место по частотности использования *амплифаеров структурирования художественного диалогического дискурса* занимает испанский язык – 37,2 % и довольно реже исследуемые лексические единицы используются в русском языке – 18,7 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров-аддитивов*** заключается в модифицировании смысла высказываний-реплик, тем самым создавая контекстуальные связи между коммуникативными интенциями партнеров по общению в диалогических высказываниях-репликах англоязычного, испаноязычного и русскоязычного художественного дискурса. Анализ

языкового материала позволяет прийти к выводу, что *амплифаеры-аддитивы* употребляются приблизительно с одинаковой частотой – в английском языке – 33,8 %, в испанском языке – 32,9 %, в русском языке – 33,3 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров с модальным значением*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе заключается в указании на степень уверенности, вероятности, неопределенности, возможности и т. д., влияя на интерпретацию высказываний-реплик и восприятие актуальной информации коммуникантами. Согласно количественному анализу, наиболее характерно употребление *амплифаеров с модальным значением* в высказываниях-репликах английского языка – 88,8 %. В порядке снижения показателя частотности употребления этих лексических единиц в художественном диалогическом дискурсе следует русский язык – 6,4 % и реже *амплифаеры с модальным значением* используются в испанском языке – 4,8 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров-рестриктивов*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном высказывании-реплике в художественном диалогическом дискурсе заключается в логическом выделении, ограничении, усилении противопоставления или уточнения слов и словосочетаний, формируя коммуникативно-однозначное высказывание. Сравнительно-сопоставительный анализ частотности употребления *амплифаеров-рестриктивов* в разноструктурных языках выявил следующие закономерности: *амплифаеры-рестриктивы* чаще всего используются в английском языке – 77,7 %, менее распространенное употребление *данных лексем* обнаруживается в русском языке – 17,9 % и в испанском языке *амплифаеры-рестриктивы используются гораздо редко* – 4,4 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров-хезитативов*** заключается в выражении неопределенности, сомнения, колебания коммуникантов при формулировании мыслей, а также для придания высказыванию-реплике более вежливого тона. При сравнительно-сопоставительном анализе частотности употребления *амплифаеров-хезитативов* определено, что

наиболее часто данные лексемы употребляются в английском языке – 72,7 %, на втором месте по частотности употребления – русский язык – 24,7 % и на третьем месте оказывается испанский язык с показателем – 2,6 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров-интеръекций*** в художественном диалогическом дискурсе состоит в организации речи, выражении эмоций и чувств, заполнении пауз, управлении вниманием собеседника и др. Употребление данного корпуса лексических единиц – *амплифаеров-интеръекций* – в высказывании-реплике в художественном диалогическом дискурсе наиболее ярко прослеживается в русском языке – 52,4 %. Вслед за русским языком в порядке снижения показателя частотности использования вышеупомянутых лексических единиц в высказывании-реплике следует испанский язык – 38,9 % и далее следует английский язык со значительно показателем – 8,7 %.

Иллокутивный потенциал ***амплифаеров со значением удивленного переспроса*** в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе заключается в усилении выразительности речи, влиянии на эмоционально-экспрессивную окраску высказывания-реплики коммуникантов, тем самым формируя прагматический эффект акта коммуникации (дискурса). Суммарная репрезентативность корпусного материала позволила определить, что гораздо часто данные амплифаеры используются в высказывании-реплике художественного диалогического дискурса в английском языке – 43,7 %, реже *амплифаеры со значением удивленного переспроса* используются в высказываниях-репликах в русском языке – 37,4 % и гораздо редко данные лексические единицы встречаются в высказываниях-репликах художественного диалогическом дискурса в испанском языке – 18,9 %.

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса формируют иллокутивные действия речевых актов в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе: *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной*

интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия между партнерами по общению*, *отрицательное отношение*, *запрет*, *недовольство*, *опровержение*. Количественный анализ разноструктурных языков показал, что намного чаще *амплифаеры консенсуса/диссенсуса* употребляются в высказываниях-репликах в английском языке – 55,7 %. На втором месте по использованию *амплифаеров консенсуса/диссенсуса* в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса находится русский язык – 38,8 %. Реже исследуемый тип амплифаеров используется в высказываниях-репликах в современном испанском языке – 5,5 %.

Таким образом, результаты предпринятого исследования позволили установить, что амплифаеры в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном диалогическом дискурсе представляют собой разновекторные коммуникативные знаки не только языковой структуры, но и культурной идентичности, позволяя исследовать взаимосвязь между языком и культурой, то есть исследуемые лексические единицы связаны как с прагматической стороной общения, так и с культурно-специфическими особенностями языка. Сводная репрезентативность корпусного материала позволяет выявить **универсальные и национально-культурные особенности** амплифаеров в исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах.

В результате проведенного лингвостатистического анализа частотности употребления амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе выяснилось, что данные лексические единицы языка являются **универсальным языковым феноменом** в исследуемых – английской, испанской и русской – лингвокультурах, общей «апперцепционной базы» коммуникантов – представителей этих языковых сообществ. Следовательно, лингвостатистический анализ амплифаеров в высказываниях-репликах художественного диалогического дискурса отражает специфические

принципы функционирования национального языка, указывает на наличие схожих, общих для всех лингвокультур тенденций употребления амплифаеров в высказываниях-репликах партнеров по диалогу, что объясняется универсальностью коммуникативно-прагматических функций исследуемых лексических единиц в процессе диалогического акта коммуникации. В целом, можно сделать вывод, что настоящее диссертационное исследование раскрывает сущность когнитивно-познавательной функции языка и системы организации языковых элементов в рамках высказывания-реплики художественного диалогического дискурса.

Коммуникация представляет собой многогранный межличностный процесс, основанный на кодировании и декодировании сообщений участников диалогического акта коммуникации, где продуценты высказываний-реплик – коммуниканты – передают информацию с помощью языковых инструментов и интерпретируют ее. **Обратная связь**, которая включает в себя ответную реакцию адресата на сигнал (получаемую информацию), инициирует новый круг смыслового обмена информацией (сообщениями), а процесс коммуникации завершает полный цикл, возвращаясь к адресанту.

В ходе предпринятого исследования определено, что характерной особенностью для изучаемых разноструктурных – английского, испанского и русского – языков является наличие не менее тринадцати *циклических структур художественного диалога с амплифаерами*:

– не менее трех циклических структур художественного диалога с амплифаерами структурирования дискурса;

– не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами-аддитивами;

– не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами с модальным значением;

– не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами-рестриктивами;

– не менее двух циклических структур художественного диалога с амплифаерами-хезитативами;

– не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами-интеръекциями;

– не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами удивленного переспроса;

– не менее одной циклической структуры художественного диалога с амплифаерами консенсуса/диссенсуса.

В изложенном контексте настоящее исследование проливает свет на проблему роли амплифаеров как особого пласта лексических единиц языка, выполняющих определенные – эксплицируют семантические и структурные отношения между фрагментами дискурса, выстраивают семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, систематизируют актуальную информацию, создают последовательное аргументирование, связывают элементы речи, вносят различные субъективно-модальные оттенки значений *(вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, рекомендации, убеждения, разрешение/запрет, оценку, степень оценки),* реализуют эмотивный фон, придают высказыванию-реплике специфические семантические и эмоционально-выразительные особенности, доносят до адресата квалификативные смыслы высказывания, вносят в высказывание-реплику большую интенсивность, усиливают его значение, управляют интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия в художественном диалогическом дискурсе коммуникантов, объективируют смысл сказанного и создают необходимый контекст и коннотации, формируют иллокутивные действия речевых актов, оказывая влияние на интерактивную деятельность партнеров по общению – функции в составе высказывания-реплики в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном художественном дискурсе.

Однако данная работа отнюдь не исчерпывает вышеизложенную тему. Представляло бы интерес выяснить:

1) одинаково ли употребляются амплифаеры в различных вариантах языка и их диалектах и в какой степени они влияют на национальную идентичность носителей языка. Вероятно, что национально-культурные особенности языковых сообществ окажут влияние на контекст и частотность употребления амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе;

2) какова зависимость употребления амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе от социальных факторов (возраст, пол, социальный статус и др.);

3) каковы универсальные и национально-культурные особенности амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе в близкородственных языках и культурах;

4) каково влияние амплифаеров на восприятие и интерпретацию поэтического текста.

Исследование данных вопросов имеет важное значение для таких областей науки, как социо- и психолингвистика, коммуникативная лингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, стилистика, интерпретация текста, теория дискурса и дискурс-анализ, теория диалога, литературоведение, риторика, психология общения и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина, А. В. Частицы в немецком языке / А. В. Аверина. – Москва : ИИУ МГОУ, 2022. – 142 с. – Текст : непосредственный.
2. Аверина, М. Н. О лексико-терминологических и семантических особенностях текстов англоязычной научно-технической литературы / М. Н. Аверина, В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Словарь. Лингвокультура. Дискурс : Коллективная монография. В 2-х томах. Том 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024. – С. 133–143.
3. Аверина, М. Н. О грамматических особенностях и переводе англоязычных текстов технической литературы на русский язык / М. Н. Аверина, В. Н. Бабаян. – Текст: электронный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 16-17 мая 2025 года. – Ярославль: ЯГТУ, 2025. – С. 170–178.
4. Агапова, С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык) / С. Г. Агапова // Высшее образование. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. –288 с. – Текст : непосредственный.
5. Айдукевич, К. О синтаксической связности / К. Айдукевич. – Текст : непосредственный // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – Москва : РОССПЭН, 1999. – С. 283–308.
6. Аксючиц, П. С. Художественный и научный дискурс в романах «Человеческие следы» С. Фолкса и «Суббота» И. Макьюэна / П. С. Аксючиц, М. С. Рогачевская. – Текст : непосредственный // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. – 2021. – № 5(114). – С. 144–154.
7. Алексеева, Л. М. Экспликативы как форма репрезентации знания / Л. М. Алексеева, М. В. Дудина. – Текст : непосредственный // Вестник

Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 5–16.

8. Алексеева, О. В. Категория пространства и времени в репрезентации авторского сознания / О.В. Алексеева. – Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистики : сборник материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 532–535.
9. Алексиева, Т. Явления хезитации в русском спонтанном дискурсе / Т. Алексиева. – София : Парадигма, 2017. – 232 с. – Текст : непосредственный.
10. Алефиренко, Н. Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс : межвузовский научный альманах / под редакцией Г. Н. Манаенко. Выпуск 3. – Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 5-13.
11. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивная синергетика «живого» слова / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – 2008. – № 6. – С. 20–26.
12. Алтабаева, Е. В. О принципах концептуального анализа художественного дискурса / Е. В. Алтабаева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 616–619.
13. Андреева, В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Андреева Валерия Анатольевна ; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2009. – 361 с. – Текст : непосредственный.
14. Андреева, С. В. Элементарные конструктивно-синтаксические единицы устной речи и их коммуникативный потенциал : специальность 10.02.01

«Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Андреева Светлана Владимировна ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 347 с. – Текст : непосредственный.

15. Анисимова, Т. В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Анисимова Татьяна Валентиновна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2000. – 46 с. – Текст : непосредственный.
16. Аристов, С. А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов, И. П. Сусов. – Текст : непосредственный // Лингвистический вестник : сборник научных трудов. – Вып. I. – Ижевск, 1999. – С. 5–10.
17. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – Москва : Ленанд, 2016. – 448 с. – Текст : непосредственный.
18. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.
19. Арутюнова, Н. Д. Синтаксис / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Общее языкознание : Внутренняя структура языка. – Москва, 1972. – С. 264-270.
20. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с. – Текст : непосредственный.
21. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека Н. Д. Арутюнова / Москва : «Языки русской культуры», 1999. – I-XV. – 896 с. – Текст : непосредственный.
22. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Арутюнова Анаида

Юрьевна ; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2007. – 188 с. – Текст : непосредственный.

23. Арутюнова, А. Ю. Диалогичность текста и категория связности / А. Ю. Арутюнова. – Пятигорск : ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2009. – 176 с. – Текст : непосредственный.
24. Архипова, Е. В. Особенности функционирования речевого акта согласия/несогласия в различных типах эпизодов общения / Е. В. Архипова. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 16. – С. 198–207.
25. Асратян, З. Д. Смыслообразующая роль диктемы в художественном тексте : монография / З. Д. Асратян. – Москва : Московский педагогический государственный университет, 2020. – 274 с. – Текст : непосредственный.
26. Атрощенко, И. Г. Анализ определения понятия «дискурс» в современной лингвистике / И. Г. Атрощенко. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12-1(54). – С. 26–31.
27. Бабаева, Р. И. Незнаменательная лексика в немецком обиходном дискурсе (прагматический аспект) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаева Раиса Ивановна ; Московский педагогический государственный университет. – Иваново, 2008. – 42 с. – Текст : непосредственный.
28. Бабаян, В. Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе : специальность 10.02.01 "Русский язык" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич. – Ярославль, 1998. – 195 с. – Текст : непосредственный.
29. Бабаян, В. Н. Теория дискурса в системе наук о языке / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 3(32). – С. 55–57.

30. Бабаян, В. Н. Текст и дискурс / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст : непосредственный // Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии : межвузовский сборник научных трудов / Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Высшая школа русской филологии и культуры, Центр теории и практики речевой коммуникации. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2002а. – С. 32–37.
31. Бабаян, В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12, № 4. – С. 127–129.
32. Бабаян, В. Н. Лакуны в триаде (диалог с молчащим наблюдателем /МН/) / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. – 2006а. – № 3. – С. 168–182.
33. Бабаян, В. Н. Диалогический дискурс и его структура / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2007. – № 5. – С. 98–103.
34. Бабаян, В. Н. Об основных категориях и типах дискурса / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в высшей школе. – 2008. – № 5. – С. 95–100.
35. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабаян Владимир Николаевич. – Ярославль, 2009. – 389 с. – Текст : непосредственный.
36. Бабаян, В. Н. Диалог как специфическая форма диадического межличностного взаимодействия / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 164–166.
37. Бабаян, В. Н. Основные классификации диалогов и диалогических высказываний-реплик / В. Н. Бабаян, С. Л. Круглова. – Текст :

непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2016а. – Т. 22, № 3. – С. 155–159.

38. Бабаян, В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник : научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 76–81.
39. Бабаян, В. Н. К вопросу о единице диалогического дискурса / В. Н. Бабаян, Л. А. Тюкина. – Текст : непосредственный // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14–16 мая 2020 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2020. – С. 20–23.
40. Бабаян, В. Н. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 4(31). – С. 86–92.
41. Бабаян, В. Н. Молчащий наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 34–43.
42. Бабаян, В. Н. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2023а. – № 2(33). – С. 142-151.
43. Бабаян, В. Н. Взаимопонимание между коммуникантами в пространстве диалогического дискурса / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VI Международной

научно-практической конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2024. – С. 14–18.

44. Бабаян, В. Н. Феномен обратной связи как неотъемлемый компонент коммуникативно-речевой ситуации диалогического дискурса / В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024а. – № 3(44). – С. 85–89.
45. Бабаян, В. Н. Новая лексика англоязычного военно-политического дискурса: лингвопрагматический и переводческий аспекты / В. Н. Бабаян // Словарь. Лингвокультура. Дискурс : Коллективная монография. В 2-х томах. Том 2. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024б. – С. 109–116.
46. Купцов, А. Е. Монолог, диалог и полилог как основные виды устного дискурса / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025. – С. 155–171.
47. Бажалкина, Н. С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании / Н. С. Бажалкина. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 1(65). – С. 156–160.
48. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с. – Текст : непосредственный.
49. Баранов, А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. – Москва : Помовский и партнеры, 1993. – 207 с. – Текст : непосредственный.

50. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Издательская группа Прогресс, Универсу, 1994. – 616 с. – Текст : непосредственный.
51. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 504 с. – Текст : непосредственный.
52. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 310 с. – Текст : непосредственный.
53. Бахтин, М. М. Человек в мире слова / М. М. Бахтин. – Текст : непосредственный. – Москва : Изд-во Российского открытого университета, 1995. – 140 с.
54. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. – Москва : Русское слово, 1996. – 731 с. – Текст : непосредственный.
55. Бацевич, Ф. С. Очерки по коммуникативной лингвистике / Ф. С. Бацевич. – Львов : Издательский центр ЛНУ им. Ивана Франко, 2003. – 281 с. – Текст : непосредственный.
56. Безруков, А. Н. Структура и парадигма художественного дискурса / А. Н. Безруков. – Санкт-Петербург : Гиперион, 2024. – 167 с. – Текст : непосредственный.
57. Беллерт, И. Об одном условии связности текста / И. Беллерт. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8. – С. 172-207.
58. Белошапкова, Т. В. Функциональность как один из параметров изучения дискурса / Т. В. Белошапкова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 624–627.
59. Белявская, Е. Г. Когнитивные параметры стиля / Е. Г. Белявская. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 22–29.
60. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с. – Текст : непосредственный.

61. Бергельсон, М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации / М. Б. Бергельсон. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 55–67.
62. Бирюкова, О. А. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бирюкова Оксана Анатольевна ; Дальневосточный государственный университет. – Владивосток, 2007. – 20 с. – Текст : непосредственный.
63. Блох, М. Я. Строй диалогической речи / М. Я. Блох, С. М. Поляков. – Москва : Прометей, 1992. – 153 с. – Текст : непосредственный.
64. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 57–67.
65. Блох, М. Я. Дискурс и системное языкознание / М. Я. Блох. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Речевое общение. – 2013. – № 3. – С. 5–10.
66. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение : учебное пособие / В. В. Богданов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1993. – 68 с. – Текст : непосредственный.
67. Богданова-Бегларян, Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи / Н. В. Богданова-Бегларян. – Текст : непосредственный // Мир русского слова. – 2015. – № 3. – С. 11–17.
68. Богинская, О. А. «Очевидно, что …»: бустинг как стратегия экспликации уверенности автора в достоверности пропозиции (корпусный анализ жанра «аннотация к научной статье») / О. А. Богинская. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, № 1(41). – С. 56–65.
69. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – Москва : Издательство Московского университета, 1982.

– 200 с. – Текст : непосредственный.

70. Болдырев, Н. Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами / Н. Н. Болдырев, Л. А. Фурс. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 67–74.
71. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учебное пособие / Н. С. Болотнова. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 520 с. – Текст : непосредственный.
72. Болсуновская, Л. М. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу / Л. М. Болсуновская, Ю. А. Зеремская, Н. В. Дубровская. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4(157). – С. 117–123.
73. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса : уч. пособие / В. Г. Борботько. – Грозный : ЧИГУ, 1981. – 113 с. – Текст : непосредственный.
74. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 286 с. – Текст : непосредственный.
75. Борисова, Е. Б. Образ персонажа в художественном дискурсе: содержательные аспекты междисциплинарного анализа / Е. Б. Борисова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе : традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль, 19-20 мая 2023 года. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2023. – С. 8–15.
76. Борисова, Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении / Е. Г. Борисова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 113-120.
77. Борисова, Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения / Е. Г. Борисова. – Текст :

непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 6. – С. 34-48.

78. Борисова, Е. Г. Предикация в зеркале усилительных частиц / Е. Г. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3. – С. 22–29.
79. Борисова, Е. Г. Описание усилительных (дискурсивных) частиц и развитие исследовательского аппарата науки о языке / Е. Г. Борисова, П. Б. Паршин. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2024. – № 1. – С. 39–55.
80. Борисова, И. А. Метаязыковая специфика дистантного опосредованного устно-речевого дискурса : специальность 10.02.21 «Прикладная и математическая лингвистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Борисова Ирина Александровна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2009. – 186 с. – Текст : непосредственный.
81. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3-е. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 318 с. – Текст : непосредственный.
82. Бородулина, М. К. Основы преподавания иностранных языков в языковом вузе / М. К. Бородулина, Н. М. Минина. – Москва : Высшая школа, 1968. – 118 с. – Текст : непосредственный.
83. Бутерус, Е. Г. Актуальные проблемы когнитивно-дискурсивных исследований / Е. Г. Бутерус. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 630–633.
84. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / А. И. Варшавская. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 136 с. – Текст : непосредственный.

85. Васильев, Л. М. Актуальные теоретические проблемы современной лингвистической семантики / Л. М. Васильев. – Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 3-1. – С. 1155–1160.
86. Вежбицкая, А. Дескрипция или цитация / А. Вежбицкая. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логический анализ естественного языка (проблемы референции) / под ред. А.Д. Арутюновой. – Москва : Радуга, 1982. – С. 237–262.
87. Верещагин, Е. М. Язык и культура : три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Ю. С. Степанова ; Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – Москва : Индрик, 2005 (ППП Тип. Наука). – 1037 с. – Текст : непосредственный.
88. Викторова, Е. Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков) / Е. Ю. Викторова. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 196 с. – Текст : непосредственный.
89. Викторова, Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Викторова Елена Юрьевна ; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2016. – 617 с. – Текст : непосредственный.
90. Викторова, Е. Ю. Хеджи vs бустеры: коммуникативное смягчение и усиление в жанре официального отзыва на диссертацию / Е. Ю. Викторова. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2023. – Т. 18, № 2(38). – С. 126–131.
91. Виноградов, В. В. Русский язык : (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1986. – 639 с. – Текст : непосредственный.

92. Виноградов, В. С. Грамматика испанского языка. Практический курс / В. С. Виноградов. – Москва : КДУ, 2008. – 432 с. – Текст : непосредственный.
93. Винокур, Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего / Т. Г. Винокур. – Текст : непосредственный // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва : Наука, 1993. – С. 5–29.
94. Вишневская, Г. М. О связующих элементах дискурса в устном тексте / Г. М. Вишневская, И. П. Лихарева. – Текст : непосредственный // Фонетическая вариативность : билингвизм и диглоссия : Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Г. М. Вишневская. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2000. – С. 74–79.
95. Вишневская, Г. М. О функционировании дискурсивных маркеров в устной политической речи / Г. М. Вишневская, Н. И. Кремень. – Текст : непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45. – С. 247–263.
96. Власян, Г. Р. Особенности функционирования маркеров англоязычного конверсационного дискурса / Г. Р. Власян. – Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. − 2011. – № 4. – С. 115–120.
97. Власян, Г. Р. Дискурсивные маркеры в британском медиадискурсе / Г. Р. Власян. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9(467). – С. 28–37.
98. Волкова, Ю. С. Комплекс акцентуаторов в политическом телевизионном сверхтексте / Ю. С. Волкова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки и образование. – 2020. – Т. 11, № 1(41). – С. 122–129.
99. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф ; отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 228 с. – Текст : непосредственный.

100. Гавриличева, Г. П. О проблеме соотношения понятий «оценка» и «модальность» / Г. П. Гавриличева. – Текст : непосредственный // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2010. – № 3(32). – С. 50–55.
101. Гак, В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Проблемы функциональной грамматики : сборник статей; отв. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Наука, 1985. – С. 5–15.
102. Гак, В. Г. Высказывание / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1998. – С. 90.
103. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 288 с. – Текст : непосредственный.
104. Галеева, Н. Д. Параметры художественного текста и перевод : монография / Н. Д. Галеева. – Тверь : ТвГУ, 1999. – 155 с. – Текст : непосредственный.
105. Гапанович, Е. А. Художественный диалог как объект исследования / Е. А. Гапанович. – Текст : непосредственный // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 24–29.
106. Гельпей, Е. А. Конструктивная роль фреймов прагматической связности реплик в диалогической речи (на материале английского языка) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гельпей Елена Александровна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2007. – 22 с. – Текст : непосредственный.
107. Гершанова, А. Ф. Проблема интерпретации в художественном дискурсе / А. Ф. Гершанова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 6. – С. 164–165.

108. Гершанова, А. Ф. Репрезентация оценки в постмодернистском тексте / А. Ф. Гершанова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 640–642.
109. Гершанова, А. Ф. Имплицитность художественного дискурса в интерпретации оценочных смыслов / А. Ф. Гершанова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 421–424.
110. Голованева, М. А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Голованева Марина Анатольевна ; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2013. – 40 с. – Текст : непосредственный.
111. Гончарова, Е. А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы / Е. А. Гончарова. – Текст : непосредственный // Studia Linguistica (Санкт-Петербург). – 2001. – № X. – С. 120–130.
112. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Издательство «Лабиринт», 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.
113. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / под ред. Е. В. Падучевой. – Москва : Прогресс,1985. – С. 217–237.
114. Григорьева, В. С. Элементы теории и практики делового дискурса (на материале немецкого и русского языков) : учебное пособие / В. С. Григорьева, М. К. Любимова. – Издательство ТГТУ, 2006. – 80 с. – Текст : непосредственный.
115. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. – Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2007.

– 288 с. – Текст : непосредственный.

116. Григорьева, В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса / В. С. Григорьева. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007а. – № 2(11). – С. 46–57.
117. Григорян, А. А. О сексизме, антисексизме и политкорректности / А. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Спец. вып. 1-2. – С. 466-474.
118. Григорян, А. А. Американский предвыборный медиадискурс: стратегии и лингвориторические особенности (на материале теледебатов Х. Клинтон и Д. Трампа 2016 года) / А. А. Григорян, С. А. Маник. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1. – Т. 23. – С. 204-208.
119. Григорян, А. А. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы /А. А. Григорян, В. Н. Четверикова. – Текст непосредственный // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2021. – №3. – С. 146-150.
120. Губарева, О. Н. Сопоставительный анализ метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соикание ученой степени кандидата филологических наук / Губаева Ольга Николаевна ; ФАПО ГОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет». – Москва, 2011. – 24 с. – Текст : непосредственный.
121. Данилевская, В. А. Текстообразующий потенциал дискурсивных маркеров в научной коммуникации / В. А. Данилевская. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 1265–1272.
122. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь : Синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – Москва : Международные отношения, 1979. – 257 с. –

Текст : непосредственный.

123. Дегтярева, Л. М. О прагматическом потенциале усилительных частиц (на материале русского и немецкого языков) / Л. М. Дегтярева, Е. Ю. Оберемченко. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 57–60.
124. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике Вып. VIII. Лингвистика текста / под. общ. ред. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 259–336.
125. Дейк, Т. А. ван. Макростратегии / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. – Текст : непосредственный // Язык. Познание. Коммуникация. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 41–67.
126. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с. – Текст : непосредственный.
127. Дементьев, В. В. Жанры фатического общения / В. В. Дементьев. – Текст : непосредственный // Дом бытия. – 1995. – № 2. – С. 50–63.
128. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста. Серия : Тетради новых терминов. – Москва : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – Вып. 2. – 288 с. – Текст : непосредственный.
129. Денисов, К. М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса / К. М. Денисов. – Текст : непосредственный // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. – С. 9-16.
130. Депутатова, Н. А. Стимулирующие реплики побудительной семантики в английском и русском речевом дискурсе : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Депутатова Наталья Анатольевна ; Казанский государственный педагогический университет. – Казань, 2004. – 25 с. – Текст : непосредственный.

131. Диброва, Е. И. Пространство текста в композитивном членении / Е. И. Диброва. – Текст : непосредственный // Структура и семантика художественного текста : материалы VII-ой Международной конференции / под ред. Е. И. Дибровой. – Москва : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 91–138.
132. Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания : монография / А. Н. Баранов, К. Бонно, Н. Б. Василевская, Р. Камю; под ред. К. Л. Киселевой и Д. Пайара. – Москва : Метатекст, 1998. – 446 с. – Текст : непосредственный.
133. Доброва, В. В. Психологические особенности субъекта диалогического дискурса / В. В. Доброва. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2011. – № 1(15). – С. 30–35.
134. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. – Москва : Просвещение, 1985. – 288 с. – Текст : непосредственный.
135. Дубовицкая, А. А. Культурно-национальная специфика идиоматических выражений в испанском языке / А. А. Дубовицкая, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : Сборник статей по итогам VII международной конференции, Москва, 21–25 марта 2022 года. Том 7. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2022. – С. 155–159.
136. Дубовицкая, А. А. Семантические денотативно-коннотативные интерпретации идиоматических выражений в художественном дискурсе / А. А. Дубовицкая, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Лингвистика и профессиональная коммуникация : Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Ярославль, 18

мая 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022а. – С. 113–116.

137. Дубовицкая, А. А. Идиоматические выражения как средство обеспечения межкультурной коммуникации в художественном дискурсе / А. А. Дубовицкая, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : Материалы XV Международной научно-практической конференции, Минск, 2–4 июня 2022 г. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. С. 137–140.
138. Дубовицкая-Рожкова, А. А. Дискурсивная специфика неологических единиц: коммуникативно-прагматический потенциал / А. А. Дубовицкая-Рожкова, А. Е. Купцов. Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023а. – № 4(55). – С. 561–565.
139. Дубровская, О. Г. О социокультурной специфике дискурса в парадигме когнитивной лингвистики / О. Г. Дубровская. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 659–662.
140. Егорова, М. А. Английские «маркеры дискурса» в гносеологическом и онтологическом аспектах / М. А. Егорова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 18–22.
141. Егорова, О. С. Особенности функционирования частиц в коммуникативной структуре предложения / О. С. Егорова, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1, № 4. – С. 155–160.
142. Егорова, О. С. Коммуникативно-синтаксическая типология предложений, включающих частицы (на материале русского и испанского языков) / О. С. Егорова, А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, № 4. – С. 166–174.

143. Егоршина, Е. Е. Прагмалингвистические особенности лексических усилителей в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Егоршина Елена Евгеньевна ; Ростовский-на-Дону педагогический университет. – Ростов-на-Дону, 1997. – 231 с. – Текст : непосредственный.
144. Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 349 с. – Текст : непосредственный.
145. Жельвис, В. И. Смерть в немецких эвфемизмах / В. И. Жельвис. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 168-174.
146. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации : монография / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 158 с. – Текст : непосредственный.
147. Заложных, В. В. Структура, организация и содержание понятия «дискурс» в лингвистике / В. В. Заложных. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 30–39.
148. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – Москва : Издательство московского университета, 1976. – 307 с. – Текст : непосредственный.
149. Зернецкий, П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс, личность / П. В. Зернецкий. – Текст : непосредственный. – Тверь : Тверской государственный университет, 1990. – С. 60–68.
150. Зинченко, В. Г. Литература и методы ее изучения. Системный и синергетический подход : учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. – Москва : Флинта : Наука, 2024. – 280 с. – Текст : непосредственный.
151. Иваненко, Т. И. Диалогичность художественного текста как дискурсивное явление / Т. И. Иваненко. – Текст : непосредственный //

Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2013. – № 24. – С. 103–106.

152. Иванова, Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Иванова Татьяна Борисовна ; Пермский государственный университет. – Пермь, 1988. – 208 с. – Текст : непосредственный.
153. Иванова, Т. Б. Акцентуаторы / Т. Б. Иванова. – Текст : непосредственный // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова, О. И. Блинова ; под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – С. 15.
154. Избаева, Н. М. Диалог как форма проявления языка и речи: свойства и структура / Н. М. Избаева, Г. С. Кадырова. – Текст : непосредственный // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5-6(116). – С. 147–149.
155. Ильинова, Е. Ю. Функции диалогичности в художественном тексте / Е. Ю. Ильинова. – Текст : непосредственный // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика : сборник научных трудов по материалам Международной конференции, 26-27 марта 2007 г. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – С. 141–147.
156. Иноземцева, Н. В. Национальный концепт как отражение ирландской культуры / Н. В. Иноземцева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 95–99.
157. Ирхин, Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю. В. Ирхин. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 128–143.
158. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков / О. Л. Каменская. – Москва : Высшая школа, 1990. – 152 с. – Текст : непосредственный.

159. Каменский, М. В. К вопросу о социолингвистической парадигме дискурсных маркеров английского языка / М. В. Каменский – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 171–178.
160. Каменский, М. В. Дискурсные маркеры в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы / М. В. Каменский. – Текст : непосредственный // Acta Linguistica. – 2013. – Т. 7, № 2. – С. 108–119.
161. Каменский, М. В. Дискурсные маркеры как когнитивное средство создания контраста в дискурсивном взаимодействии / М. В. Каменский. – Текст : непосредственный // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 1(54). – С. 53–56.
162. Каменский, М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Каменский Михаил Васильевич ; Адыгейский государственный университет. – Ставрополь, 2015. – 548 с. – Текст : непосредственный.
163. Камянова, Т. Г. English Grammar. Грамматика английского языка : теория и практика. Часть 1. Теоретическая грамматика / Т. Г. Камянова. – Москва : Эксмо, 2017. – 768 с. – Текст : непосредственный.
164. Карамова, А. А. Текст и дискурс : соотношение понятий / А. А. Карамова. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 19–23.
165. Карамова, А. А. Типологический аспект дискурса / А. А. Карамова. – Текст : непосредственный // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7, № 1А. – С. 361–370.
166. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

167. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н., Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1987. – 261 с. – Текст : непосредственный.
168. Касимова, Г. К. О семантическом развитии слова в современном русском языке / Г. К. Касимова – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163, № 1. – С. 142–153.
169. Кашкин, В. Б. Дискурс / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2004. – 76 с. – Текст : непосредственный.
170. Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурса / В. Б. Кашкин. – Текст : непосредственный // Концептуальное пространство языка : сборник научных трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Тамбовский государственный университет, 2005. – С. 337–353.
171. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 336 с. – Текст : непосредственный.
172. Кибрик, А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук в форме научного доклада / Кибрик Андрей Александрович ; Институт языкознания РАН. – Москва, 2003. – 90 с. – Текст : непосредственный.
173. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
174. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация : Успешность речевого взаимодействия : учебное пособие для университетов и институтов / Е. В. Клюев. – Москва : РИПОЛ Классик, 2002. – 316 с. – Текст : непосредственный.
175. Клюшина, А. М. Сочетание частиц для передачи семантики крайности в произведении А. Геласимова / А. М. Клюшина. – Текст :

непосредственный // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью «Радуга-ПРЕСС», 2020. – С. 138–144.

176. Кобозева, И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Прагматика и семантика. – Москва : ИНИОН, 1991. – С. 147-176.
177. Кобозева, И. М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка / И. М. Кобозева, Л. М. Захаров. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2004». – Москва : Институт проблем информатики РАН, 2004. – С. 292–297.
178. Кобозева, И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2007». – Москва : Институт проблем информатики РАН, 2007. – С. 250–255.
179. Кобрина, Н. А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис : учебное пособие / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. – Санкт-Петербург : Союз, 1999. – 496 с. – Текст : непосредственный.
180. Кобрина, О. А. Модусные категории, их выражение и значимость в структуре предложения / О. А. Кобрина. – Текст : непосредственный // Язык и мысль : традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике / отв. ред. О. С. Егорова, Л. А. Становая. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – С. 220-227.
181. Ковтунова, И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения / И. И. Ковтунова. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.

182. Кожина, М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу / М. Н. Кожина. – Пермь : Издательство Пермского университета, 1986. – 92 с. – Текст : непосредственный.
183. Кожина, М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М. Н. Кожина. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1987. – № 2. – С. 35–41.
184. Кожина, М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избранные труды / М. Н. Кожина. – Москва : Флинта : Наука, 2014. – 624 с. – Текст : непосредственный.
185. Колесникова, С. М. Русские частицы : семантика, грамматика, функции : монография / С. М. Колесникова. – Москва : Флинта : Наука, 2012. – 112 с. – Текст : непосредственный.
186. Колокольникова, М. Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Колокольникова Марина Юрьевна ; Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2011. – 40 с. – Текст : непосредственный.
187. Колокольцева, Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т. Н. Колокольцева. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2001. – 260 с. – Текст : непосредственный.
188. Колокольцева, Т. Н. Диалогичность в лирических произведениях (на материале поэзии А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы, Р. Рождественского) / Т. Н. Колокольцева. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 2017. – № 11. – С. 38–42.
189. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2007. – 152 с. – Текст : непосредственный.

190. Кольцова, Л. М. Художественный текст в современной лингвистической парадигме : учебно-методическое пособие / Л. М. Кольцова, О. А. Лунина. – Воронеж : ИПЦ Воронежского государственного университета, 2007. – 51 с. – Текст : непосредственный.
191. Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии : научно-методические материалы: для студентов вузов, обучающихся по направлению «540400 (050400) Социально-экономическое образование» / Н. И. Басовская, Е. П. Буторина, Т. Ю. Красовицкая [и др.] ; Научный руководитель: В. И. Тюпа; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2007. – 527 с. – Текст : непосредственный.
192. Корнева, В. В. Аргументативные маркеры в испанском политическом дискурсе / В. В. Корнева, Е. В. Долбилова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 4. – С. 87–97.
193. Котюрова, М. П. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 64. – С. 63–75.
194. Кох, В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа / В. А. Кох. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VIII. Лингвистика текста / под. общ. ред. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – С. 149–171.
195. Кошарная, С. А. В зеркале лексикона : введение в лингвокультурологию / С. А. Кошарная. – Белгород : Изд-во Белгор. ун-та, 2009. – 141 с. – Текст : непосредственный.
196. Кошевая, И. Г. Проблемы языкознания и теории английского языка : учебное пособие / И. Г. Кошевая. – Москва : Московский

государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1976. – 149 с. – Текст : непосредственный.

197. Красина, Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт / Е. А. Красина. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 91–102.
198. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с. – Текст : непосредственный.
199. Кречмар, А. О понятийном аппарате социологической концепции личности / А. Кречмар. – Текст : непосредственный // Социальные исследования. – Вып. 5 : Теория и методы / отв. ред. И. В. Блауберг, Н. Ф. Наумова. – Москва : Наука, 1970. – С. 77–88.
200. Крылова, Э. Б. Статус модальных частиц датского языка и порядок их следования в предложении / Э. Б. Крылова. – Текст : непосредственный // Скандинавская филология (Scandinavica). Языкознание и литературоведение. – 2009. – № 10. – С. 112-121.
201. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова. – Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет; отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. – С. 126–159.
202. Кубрякова, Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова ; Российская академия наук. Институт языкознания. – Москва : Языки славянской культуры, 2004а. – 560 с. – Текст : непосредственный.
203. Кубрякова, Е. С. О соотношении языка и культуры / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Филология и культура : материалы VI

Международной научной конференции, Тамбов, 17-19 октября 2007 года / ответственный редактор Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 25–27.

204. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка : когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва : Знак, 2012. – 203 с. – Текст : непосредственный.
205. Кулявина, А. П. Соотношение понятий «текст» и «дискурс» как методологическая проблема / А. П. Кулявина. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 1-5. – С. 1157–1161.
206. Купцов, А. Е. К вопросу о модальности и средствах её выражения в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и мысль : традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике / отв. ред. О. С. Егорова, Л. А. Становая. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – С. 237-240.
207. Купцов, А. Е. К вопросу о модальности и актуальном членении предложения / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. – Вып. IV. – С. 25-28.
208. Купцов, А. Е. К вопросу о классификации частиц в русском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. – Вып. V. – С. 7-10.
209. Купцов, А. Е. Коммуникативная функция частиц в свете теории актуального членения предложения / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Филология и культура / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009а. – С. 492-494.
210. Купцов, А. Е. О роли частиц в коммуникативной организации высказывания (на примере испанской частицы *sólo*) / А. Е. Купцов. –

Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистике / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – С. 410-412.

211. Купцов, А. Е. Средства выражения тема-рематического членения предложения (на материале русского и испанского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под. науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010а. – Вып. VI. – С. 38-43.
212. Купцов, А. Е. Отрицательные частицы как средство выделения ремы в высказывании (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2011. – С. 539-542.
213. Купцов, А. Е. Роль частиц в логико-коммуникативной организации предложения (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2011а. – № 3. – Том I. – С. 194-197.
214. Купцов, А. Е. Классификации частиц в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. – Вып. VIII. – С. 40-48.
215. Купцов, А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012а. – С. 383-385.
216. Купцов, А. Е. Усилительно-выделительные частицы как средство передачи актуальной информации в высказывании (на материале русского и испанского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – Вып. IX. – С. 36-43.
217. Купцов, А. Е. Особенности коммуникативно-синтаксической организации предложения с частицами (на материале испанского и русского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный //

Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал : материалы региональной научно-практической конференции. – Барнаул : Изд-во АлтГПА, 2014. – С. 176-179.

218. Купцов, А. Е. Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – С. 139-142.
219. Купцов, А. Е. Частицы как средство выделения темы в предложении (на материале русского и испанского языка) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. – Вологда : ООО «Маркер», 2016а. – Ч. 1. – С. 147-148.
220. Купцов, А. Е. Классификация частноверификативных типов предложения, включающих частицы (на материале испанского и русского языков) / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под науч. ред. О. С. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 46-53.
221. Купцов, А. Е. Отделительные частицы как коммуникативно однозначные показатели тема-рематической структуры предложения в русском и испанском языках / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык. Культура. Образование / под науч. ред. О. С. Егоровой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017а. – С. 78-83.
222. Купцов, А. Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2017б. – № 3. – С. 195-197.
223. Купцов, А. Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017в. – С. 438-441.

224. Купцов, А. Е. Коммуникативная функция артикля и частиц в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Калининград : Изд-во ФГБОУ ВО «КГТУ», 2018. – С. 57-62.
225. Купцов, А. Е. Языковые средства реализации коммуникативной структуры предложения в английском и испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // «Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике». – Барнаул : РИО АлтГПУ, 2018а – С. 77-79.
226. Купцов, А. Е. Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков) / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян. – Текст непосредственный // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2021. – №3. – С. 125–131.
227. Купцов, А. Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе : на материале английского, испанского и русского языков : специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Купцов Александр Евгеньевич ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2021а. – 212 с. – Текст : непосредственный.
228. Купцов, А. Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе : на материале английского, испанского и русского языков : специальность 10.02.19 "Теория языка" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Купцов Александр Евгеньевич. – Ярославль, 2021б. – 26 с. – Текст : непосредственный.

229. Купцов, А. Е. Средства выражения модальных отношений в современном испанском языке / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2021в. – С. 380-382.
230. Купцов, А. Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты: монография / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный. – Ярославль, 2022. – 183 с.
231. Купцов, А. Е. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022а. – № 3(50). – С. 269–273.
232. Купцов, А. Е. Коммуникативно-прагматические функции дискурсивных маркеров в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // VII Conferencia Científica Internacional Invitación al Mundo Ruso: Lecturas Científicas 2022. Materiales de la conferencia (Ciego de Avila). Cuba, Ciego de Avila, 2022б. P. 77–82.
233. Купцов, А. Е. Коммуникативно-прагматические функции конструктивно-синтаксических единиц в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2022в. – № 11. – С. 135–137.
234. Купцов, А. Е. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022г. – С. 223–232.

235. Купцов, А. Е. Роль дискурсивных маркеров в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 мая 2022 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022е. – С. 345–348.
236. Купцов, А. Е. Структурно-функциональная типология предложения с частицами в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : Сборник статей по итогам VII международной конференции, Москва, 21–25 марта 2022 года. Том 7. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2022е. – С. 252–258.
237. Купцов, А. Е. Трехкомпонентные коммуникативно-синтаксические типы предложений с частицами в художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. Г. Беляева, Е. Е. Милосердова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2022ж. – № 2(49). – С. 577–581.
238. Купцов, А. Е. Артикль и частицы-дискурсивы как составляющие вспомогательной системы англо- и испаноязычного художественного дискурса/ А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : Материалы XVI Международной научно-практической конференции, Минск, 9 июня 2023 г. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – С. 272–276.
239. Купцов, А. Е. Высказывание как основная единица дискурса / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // XI Conferencia Científica Internacional Invitación al Mundo Ruso: Lecturas Científicas 2023. Materiales de la conferencia (Ciego de Avila). Cuba, Ciego de Avila, 2023a. P. 499–503.

240. Купцов, А. Е. Дискурсивные маркеры как средство создания когерентности художественного дискурса / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023б. – № 4(55). – С. 581–584.
241. Купцов, А. Е. Дискурсивные и идиоматические единицы как средства межкультурной коммуникации в художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Е. Е. Милосердова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023в. – № 3-1(54). – С. 430–434.
242. Купцов, А. Е. Коммуникативно-прагматические единицы как составляющие вспомогательной системы художественного дискурса / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль, 19–20 мая 2023 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2023г. – С. 291–296.
243. Купцов, А. Е. Коммуникативно-синтаксические единицы как средства выражения субъективно-модальных отношений в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : Сборник научных материалов Всероссийской научной конференции, Ярославль, 23 января 2023 года / Под научной редакцией В. Н. Бабаяна. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2023д. – С. 103–108.
244. Купцов, А. Е. Национально-культурные особенности лексических единиц в испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль, 19–20 мая 2023 года. – Ярославль:

Ярославский государственный технический университет, 2023е. – С. 284–290.

245. Купцов, А. Е. Отрицательная оценочная семантика конструктивно-синтаксических единиц в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : Сборник статей по итогам VIII международной конференции, Москва, 20–24 марта 2023 года. – Москва: ООО "Издательство "Спутник+", 2023ж. – С. 461–464.
246. Купцов, А. Е. Реализация коммуникативно-прагматических функций частиц-дискурсивов в англо-, испано- и русскоязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2023з. – Т. 29, № 2. – С. 167–174.
247. Купцов, А. Е. Функциональная классификация конструктивно-синтаксических единиц (дискурсивов) в испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Сборник материалов научно-практической конференции, Ярославль, 01–30 июня 2023 года / Под научной редакцией Е. И. Бойчук. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2023и. – С. 178–184.
248. Купцов, А. Е. Функционирование дискурсивных маркеров в англоязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VIII Международной научной конференции, Донецк, 25–27 октября 2023 года. – Донецк : Донецкий государственный университет, 2023к. – С. 82–85.
249. Купцов, А. Е. Дискурсивные маркеры как средство вербализации речемыслительных процессов в художественном дискурсе / А. Е.

Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2(58). – С. 146–149.

250. Купцов, А. Е. Дискурсивные маркеры как средства репрезентации лингвокультурных традиций в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Человек и язык : Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М. Я. Блоха, Москва, 23–24 ноября 2023 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2024а. – С. 72–76.
251. Купцов, А. Е. Дискурсивные частицы в моделях противительного отрицания как средства организации тема-рематической структуры художественного текста / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2024б. – № 2-2(58). – С. 149–153.
252. Купцов, А. Е. Дискурсивы как конституенты функционально-семантического поля модальности в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Словарь. Лингвокультура. дискурс : Коллективная монография. В 2-х томах. Том 1. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024в. – С. 126–135.
253. Купцов, А. Е. Метакоммуникативные единицы в испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Материалы научной конференции, Ярославль, 19–21 марта 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024г. – С. 116–122.
254. Купцов, А. Е. О выразительных, эмоционально окрашенных и аксиологических языковых средствах современного английского языка / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : Сборник научных материалов международной научной

конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2024д. – С. 99–109.

255. Купцов, А. Е. Полифункциональность коммуникативов в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. – 2024е. – № 3(27). – С. 62–66.
256. Купцов, А. Е. Прагматическая полифункциональность коммуникативов в испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2024ж. – № 3. – С. 417–419.
257. Купцов, А. Е. Прагматическая полифункциональность хезитативов в художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : Сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2024з. – С. 91–98.
258. Купцов, А. Е. Прагматическая специфика дискурсивных маркеров со значением удивленного переспроса в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2024и. – № 2(37). – С. 169–175.
259. Купцов, А. Е. Семантический и коммуникативно-прагматический диапазон дискурсивного маркера sabes в испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2024к. – № 1(42). – С. 80–83.
260. Купцов, А. Е. Функционально-прагматический диапазон коммуникативов в речевом поведении говорящего в англоязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный //

Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ярославль, 17–18 мая 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2024л. – С. 368–371.

261. Купцов, А. Е. Акцентуаторы-дискурсивы как инструменты коммуникации: их характеристики и функциональная значимость / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 2 (63). – С. 152-156.
262. Купцов А. Е. Амплифаеры-аддитивы как инструменты для выражения речевых интенций субъектов коммуникации в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе / А. Е. Купцов, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Мир русскоговорящих стран. 2025а. № 3 (25). – С. 86-106.
263. Купцов, А. Е. Амплифаеры как конституенты художественного диалогического дискурса / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы : Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции, Ярославль, 16-17 мая 2025 года. – Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2025б. – С. 479–484.
264. Купцов, А. Е. Амплифаеры консенсуса/диссенсуса как инструменты эффективной коммуникации в художественном диалогическом дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2025в. – № 8. – С. 269-271.
265. Купцов, А. Е. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров в художественном диалогическом дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный. – Ярославль, 2025г. – 355 с.
266. Купцов А. Е. Коммуникативно-прагматический потенциал амплифаеров-интеръекций в художественном диалогическом дискурсе/ А. Е. Купцов,

Е. Е. Милосердова – Текст : непосредственный // Казанская наука. – 2025д. – № 10. – С. 611–613.

267. Купцов, А. Е. Прагматика художественного диалогического дискурса: акцентуаторы как инструменты взаимодействия / А. Е. Купцов, В. С. Родионова, С. Одои-Аджей. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка : Сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2025 года. – Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025е. – С. 141–147.
268. Купцов, А. Е. Роль амплифаеров контраста в реализации речевых интенций коммуникантов в англоязычном и испаноязычном художественном диалогическом дискурсе / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. – 2025ж. – № 2. – С. 105–109.
269. Купцов, А. Е. Характеристики прагматического содержания художественного диалогического дискурса / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2025з. – № 1-1(62). – С. 696–700.
270. Купцов, А. Е. Amplifiers as tools for expressing the speech intentions in fictional dialogic discourse / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Минск, 13 июня 2025 г. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2025и. – С. 243–246.
271. Купцов, А. Е. Las unidades metacomunicativas en el discurso artístico ruso / А. Е. Купцов. – Текст : непосредственный // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : Материалы XVII Международной научно-практической конференции, Минск, 15 июня 2024 г. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2025к. –

С. 343–346.

272. Купцова, Ю. А. К вопросу определения и типологии дискурса / Ю. А. Купцова. – Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2016. – № 20-3. – С. 24–26.
273. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: формирование репрезентационной теории дискурса / С. Л. Кушнерук. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 446–450.
274. Лагутин, В. И. Проблемы анализа художественного диалога / В. И. Лагутин. – Кишинев : Штиинца, 1991. – 94 с. – Текст : непосредственный.
275. Ле, Э. Лингвистический анализ политического дискурса : язык статей о чеченской войне в американской прессе / Э. Ле. – Текст : непосредственный // Полис : Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 93–112.
276. Лебедева, Е. А. Категория времени и средства ее представления в замятинском тексте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лебедева Елена Алексеевна ; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2012. – 24 с. – Текст : непосредственный.
277. Левицкий, Ю. А. Лингвистика текста : учебное пособие для студентов вызов, обучающихся по направлению 520300 и специальности 021700 – «Филология» / Ю. А. Левицкий ; Ю. А. Левицкий. – Москва : Высшая школа, 2006. – 207 с. – Текст : непосредственный.
278. Лейтинен, Х. Проявление хезитации в беседах на российском телевидении / Х. Лейтинен. – Helsinki : Unigrafia, 2020. – 273 с. – Текст : непосредственный.
279. Ленкова, Т. А. Языковые возможности проявления авторского «я» в письменном дискурсе репортажа (на материале современной прессы

Германии) / Т. А. Ленкова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 134–139.

280. Липатова, А. П. Интернет-дискурс как форма речи / А. П. Липатова. – Текст : непосредственный // Поволжский педагогический поиск. – 2021. – № 2(36). – С. 57–63.
281. Ломтев, Т. П. Общее и русское языкознание / Т. П. Ломтев. – Москва : Наука, 1976. – 384 с. – Текст : непосредственный.
282. Лотман, Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Ю. М. Лотман. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 1994. – 547 с. – Текст : непосредственный.
283. Лукин, О. В. Дискуссии о частях речи и «Вопросы языкознания» в 1950-е годы / О. В. Лукин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 35-47.
284. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва : Изд-во Московского университета, 1979. – 320 с. – Текст : непосредственный.
285. Людерс, Т. М. Вариативный подход к определению регулятивных речевых актов на современном этапе развития лингвистической науки / Т. М. Людерс. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2(21). – С. 246–248.
286. Магировская, О. В. Универсальные когнитивные механизмы дискурсивной организации знания / О. В. Магировская. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 451–454.
287. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. – Текст : непосредственный.
288. Маковеева, С. В. Частицы в современном английском языке (генезис и функциональный аспект) : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Маковеева Светлана Евгеньевна ; Российский

государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 18 с. – Текст : непосредственный.

289. Манаенко, Г. Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения / Г. Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.
290. Манаенко, Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку / Г. Н. Манаенко. – Текст : непосредственный // Стереотипность и творчество в тексте : Межвузовский сборник научных трудов / Под редакцией Е.А.Баженовой. Том 12. – Пермь : Пермский государственный университет, 2008. – С. 48–61.
291. Манаенко, С. А. Параметры дискурсивного употребления лексических единиц / С. А. Манаенко. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 3. – С. 12–17.
292. Манаенко, С. А. Дискурсивные слова как средство обеспечения достоверности и модальности текста / С. А. Манаенко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 504–512.
293. Манаенко, С. А. Типология дискурсивных лексических единиц / С. А. Манаенко. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 26. – С. 454–457.
294. Манаенко, С. А. Дискурсивное употребление как функция вводно-модальных слов и модальных частиц / С. А. Манаенко. – Текст : непосредственный // Русский язык в поликультурном мире : материалы I Международного симпозиума, Ялта, 08-12 июня 2017 года. Том 2. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 76–81.
295. Манерко, Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах / Л. А. Манерко. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2013. – № 1. – С. 100-118.

296. Манжелеевская, Е. В. Понятия «усиление», «акцентирование» и «фокус» в контексте прагмалингвистики: теоретический аспект / Е. В. Манжелеевская, О. А. Рубанова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-3(72). – С. 132–134.
297. Маркелова, Т. В. Частицы в высказываниях с оценочным значением / Т. В. Маркелова. – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 1995. – № 2. – С. 87–94.
298. Маркелова, Т. В. Трансформация семантики слова в современной медиаречи / Т. В. Маркелова. – Текст : непосредственный // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 12(48). – С. 1–5.
299. Маркина, Л. С. Четырехчленные диалогические единства в современном английском языке : специальность 10.02.04. «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лидия Степановна Маркина ; Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1973. – 20 с. – Текст : непосредственный.
300. Масленникова, Е. М. Кодовая организация художественного текста: жесткость и свобода / Е. М. Масленникова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3(32). – С. 65–69.
301. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – Текст : непосредственный.
302. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста. / В. А. Маслова. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2014. – 104 с. – Текст : непосредственный.
303. Маслова, В. А. Концептуальные основы современной лингвистики / В. А. Маслова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2022. – 332 с. – Текст : непосредственный.

304. Мельникова, К. А. Различные типы дискурса в современном языкознании : монография / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. – Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный.
305. Миловидов, В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса / В. А. Миловидов. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 129 с. – Текст : непосредственный.
306. Миронова, Ю. В. Художественный дискурс как когнитивный диалог о «языке - доме духа» / Ю. В. Миронова, Т. И. Сокольская. – Текст : непосредственный // Дискурс профессиональной коммуникации. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 33–42.
307. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис. – Текст : непосредственный // Семиотика : Антология / под ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Академический проект, Деловая книга, 2001. – С. 45–97.
308. Нагорный, И. А. Информативно-знаковая функция модальных частиц / И. А. Нагорный. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 13 (156). – С. 66–71.
309. Нагорный, И. А. Грамматико-коммуникативные функции русских частиц в речевой сфере / И. А. Нагорный. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38, № 3. – С. 369–378.
310. Нерушева, Т. В. Функциональное описание языковых единиц / Т. В. Нерушева. – Текст : непосредственный // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 4(18). – С. 173–177.
311. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с. – Текст : непосредственный.

312. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – Текст : непосредственный.
313. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 168 с. – Текст : непосредственный.
314. Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 104 с. – Текст : непосредственный.
315. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / Н. А. Николина. – Москва : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с. – Текст : непосредственный.
316. Новиков, Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков; отв. ред. В.В. Иванов. – Москва: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с. – Текст : непосредственный.
317. Новиков, А. И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления / А. И. Новиков. – Текст : непосредственный // Языковое сознание : содержание и функционирование : тезисы докладов XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва : Советский писатель, 2000. – С. 170.
318. Норман, Б. Ю. Согласие и несогласие в свете теории речевых актов / Б. Ю. Норман. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 300–315.
319. Овчинникова, Т. Е. Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Овчинникова Татьяна Евгеньевна ; Московский государственный лингвистический университет. – Москва, 2009. – 24 с. – Текст : непосредственный.

320. Огнева, Е. А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации / Е. А. Огнева, Ю. А. Кузьминых. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Эдитус», 2014. – 202 с. – Текст : непосредственный.
321. Огнева, Е. А. Варьирование когнитивных координат художественного текста при переводе / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2014а. – № 19. – С. 550–558.
322. Одинцова, Ю. В. Фоновые знания как компонент содержания лингвострановедческого аспекта обучения / Ю. В. Одинцова, Е. А. Рипачева. – Текст : непосредственный // Известия Петербургского университета путей сообщения. – 2013. – № 2(35). – С. 228–232.
323. Олизько, Н. С. Нелинейное самоподобие постмодернистского дискурса / Н. С. Олизько. – Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистики : сборник материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 577–579.
324. Олтиев, Т. Ж. Коммуникативная функция субъективно-модальных частиц в современном испанском языке : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Олтиев Темир Жонимбоевич ; Московский ордена дружбы народов государственный лингвистический университет. – Москва, 1992. – 24 с. – Текст : непосредственный.
325. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Олянич Андрей Владимирович Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 40 с. – Текст : непосредственный.
326. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса : монография / А. В. Олянич . – Текст : непосредственный. – Москва : Гнозис, 2007. – 407 с.

327. Орлов, Г. А. Современная английская речь : учебное пособие для вузов по специальности «Английский язык и литература» / Г. А. Орлов. – Москва : Высшая школа, 1991. – 240 с. – Текст : непосредственный.
328. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / под ред. Б. Ю. Городецкого. – Москва : Прогресс, 1986. – С. 22–130.
329. Павличкова, А. Части речи в испанском языке во взаимодействии морфологических и синтаксических характеристик : специальность 10.02.05 «Романские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Павличкова Анита ; Минский государственный лингвистический университет. – Минск, 1993. – 45 с. – Текст : непосредственный.
330. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с. – Текст : непосредственный.
331. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики : монография / Е. В. Падучева. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 609 с. – Текст : непосредственный.
332. Патюкова, Р. В. Дискурс - коммуникация - текст: к вопросу о корреляциях и системных характеристиках / Р. В. Патюкова. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 4(64). – С. 126–130.
333. Питиримова, Ж. С. Средства ввода реплик персонажей в художественном тексте: специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Питиримова Жанна Сергеевна ; Белорусский государственный университет имени В. Л. Ленина. – Минск, 1992. – 17 с. – Текст : непосредственный.

334. Плеханова, Т. Ф. Дискурс-анализ текста : пособие для студентов вузов / Т. Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с. – Текст : непосредственный.

335. Подлесская, В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования / В. И. Подлесская, А. А. Кибрик. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 27–31 мая 2009 года. Выпуск 8(15). – Бекасово: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. – С. 390–395.

336. Почепцов, Г. Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании / Г. Г. Почепцов. – Текст : непосредственный // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : Изд-во Калининского университета, 1985. – С. 18–21.

337. Прокаева, В. О. Коммуникативная координация в диалоге: о контекстуальной вариативности реплик-повторов / В. О. Прокаева. – Текст : непосредственный // Социо- и психолингвистические исследования. – 2024. – № 12. – С. 36–42.

338. Пуховская, М. Ю. Смысловые акцентуаторы в научных (медицинских) текстах / М. Ю. Пуховская. – Текст : непосредственный // Неполнозначные слова : история, семантика, функционирование : сборник научных трудов. – Тверь : Тверской государственный университет, 1997. – С. 111–114.

339. Радбиль, Т. Б. Модальные операторы со значением истинности в национально-специфичных моделях организации дискурса / Т. Б. Радбиль. – Текст : непосредственный // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона. – Саранск : ПРО100 Медиа, 2013. – С. 14–17.

340. Расторгуева, Г. В. Метафора в художественном тексте: интерпретативный аспект / Г. В. Расторгуева. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 11. – С. 722–725.
341. Реброва, Н. Е. Эвфемизмы как средство репрезентации лингво-культурологической информации (на материале английского и немецкого языков) / Н. Е. Реброва, В. Н. Бабаян. – Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 3 (18). – С. 171-177.
342. Реброва, Н. Е. Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Реброва Наталия Евгеньевна ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2020. – 209 с. – Текст : непосредственный.
343. Ремизова, С. А. Вопросительность в диалоге: специфика речевых реализаций (на материале английского, немецкого и русского языков) : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ремизова Софья Александровна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2001. – 239 с. – Текст : непосредственный.
344. Рождественский, Ю. В. Введение в общую филологию / Ю. В. Рождественский. – Москва : Высшая школа, 1979. – 224 с. – Текст : непосредственный.
345. Руднев, В. П. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса : специальности 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Руднев Вадим Петрович ; Институт языкознания. – Москва, 1996. – 210 с. – Текст : непосредственный.

346. Русакова, О. Ф. Дискурс-анализ публичных коммуникаций / О. Ф. Русакова. – Текст : непосредственный // Политическая коммуникативистика : теория, методология и практика / Российская ассоциация политической науки, Исследовательский комитет по публичной политической коммуникативистике ; под ред. Л. Н. Тимофеевой. – Москва : Российская ассоциация политической науки (РАПН) ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 187–204.
347. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 709 с. – Текст : непосредственный.
348. Рыбка, И. Н. Психолингвистическое исследование особенностей устного научного монологического текста : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рыбка Ирина Николаевна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2007. – 22 с. – Текст : непосредственный.
349. Рыжков, И. А. О художественной картине мира Евгения Замятина (на материале романа «Мы») / И. А. Рыжков. – Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистики : сборник материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 585–587.
350. Рылов, Ю. А. Частицы и контекст / Ю. А. Рылов. – Текст : непосредственный // Функционирование языковых единиц в контексте. – Воронеж : Изд-во воронежского университета, 1978. – С. 10-16.
351. Садикова, В. А. О единицах бытового и художественного диалога / В. А. Садикова. – Текст : непосредственный // Язык и текст. – 2015. – Т. 2, № 2. – С. 17–24.
352. Салихов, А. Ю. Типология дискурса. Дискурс ток-шоу / А. Ю. Салихов. – Текст : непосредственный // Lingua Mobilis. – 2014. – № 5(51). – С. 44–53.

353. Самарская, Т. Б Художественный дискурс : специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян. – Текст : непосредственный // Сфера услуг : инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 20.
354. Свиридова, Е. С. Дискурс как сложное коммуникативное явление / Е. С. Свиридова. – Текст : непосредственный // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2023. – № 2(68). – С. 65–71.
355. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности : Психо- и социолингвист. аспекты / К. Ф. Седов под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1999. – 179 с. – Текст : непосредственный.
356. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с. – Текст : непосредственный.
357. Серио, П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья / П. Серио. – Текст : непосредственный // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. – Москва : Прогресс, 1999. – С. 12–53.
358. Сёрл, Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серл. – Текст : непосредственный // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл ; пер. с англ. И. М. Кобозевой. – Москва : УРСС, 2004. – С. 56–74.
359. Синицына, А. Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Синицына Анна Николаевна ; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2005. – 223 с. – Текст : непосредственный.

360. Сиротинина, О. Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи : пособие для учителя / О. Б. Сиротинина. – Москва : Просвещение, 1996. – 174 с. – Текст : непосредственный.
361. Сиротинина, О. Б. Дискурсивные слова и их отношение к пунктуационной системе русского языка / О. Б. Сиротинина. – Текст : непосредственный // Исследования по семантике : межвузовский научный сборник. – Вып. 24. – Уфа : Изд-во Башкирского государственного университета, 2008. – С. 476–480.
362. Скляревская, Г. Н. Слово в меняющемся мире : русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы / Г. Н. Скляревская. – Текст : непосредственный // Исследования по славянским языкам. – 2001. – № 6. – С. 177–202.
363. Сковородников, А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии / А. П. Сковородников. – Текст : непосредственный // Риторика – Лингвистика. Вып. 5 : сборник статей. – Смоленск : СГПУ, 2004. – С. 5–11.
364. Скорик, К. В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Скорик Ксения Владимировна ; Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. – Санкт-Петербург, 2010. – 19 с. – Текст : непосредственный.
365. Скребнев, Ю. М. Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1985. – 210 с. – Текст : непосредственный.
366. Слышкин, Г. Г. Малые виды дискурса / Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Язык в мире и мир в языке : Материалы Международной научной конференции, Сочи-Краснодар, 21-25 апреля

2001 года. – Сочи-Краснодар : Кубанский государственный университет, 2001. – С. 88–89.

367. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации : учебное пособие / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Михайлов, 2002. – 461 с. – Текст : непосредственный.
368. Стародубова, О. Ю. Анатомия текста и дискурса / О. Ю. Стародубова. Том Часть 1. – Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. – 136 с. – 461 с. – Текст : непосредственный.
369. Стародумова, Е. А. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке / Е. А. Стародумова. – Текст : непосредственный // Синтаксические связи в русском языке / отв. ред. А. Ф. Прияткина. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 1974. – С. 32–51.
370. Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке / Е. А. Стародумова. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 1988. – 94 с. – Текст : непосредственный.
371. Стародумова, Е. А. Русские частицы (письменная монологическая речь) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Стародумова Елена Алексеевна ; Дальневосточный государственный университет. – Москва, 1997. – 39 с. – Текст : непосредственный
372. Степанов, В. Н. Прагматика спонтанной телевизионной речи / В. Н. Степанов. – Ярославль : РИЦ МУБиНТ, 2008. – 248 с. – Текст : непосредственный.
373. Степанов, В. Н. Лингвистические и нанолингвистические единицы речевого воздействия / В. Н. Степанов. – Текст : непосредственный // Российская пиарология-5: тренды и драйверы : сборник научных трудов в честь профессора К. В. Киуру. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. –

С. 83–94.

374. Степанов, В. Н. Провоцирование в рекламной коммуникации / В. Н. Степанов. – Текст : непосредственный // Организационная психолингвистика. – 2019. – № 2(6). – С. 45–61.
375. Степанов, Г. В. Язык. Литература. Поэтика / Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1988. – 380 с. – Текст : непосредственный.
376. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык и наука конца 20 века / науч. ред. Ю. С. Степанов. – Москва : Институт Языкознания РАН, 1995. – С. 35-73.
377. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон. – Текст : непосредственный // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл ; пер. с англ. И. М. Кобозевой. – Москва : УРСС, 2004. – С. 35–35.
378. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов. – Текст : непосредственный // Языковое общение : процессы и единицы : межвузовский сборник научных трудов. – Калинин : Калининский государственный университет, 1988. – С. 7–13.
379. Сухих, С. А. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С. А. Сухих, В. В. Зеленская. – Краснодар : Изд-во Кубанского университета, 1998. – 160 с. – Текст : непосредственный.
380. Сущинский, И. И. Коммуникативно-прагматическая категория «акцентирование» и средства ее реализации в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сущинский Иосиф Иванович ; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва, 1991. – 45 с. – Текст : непосредственный.
381. Сущинский, И. И. О коммуникативно-прагматической категории «акцентирование» (немецкий язык) / И. И. Сущинский. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1984. – № 2. – С. 9–12.

382. Сущинский, И. И. О функциях акцентуаторов (на материале немецкого языка) / И. И. Сущинский. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1984а. – №4. – С. 50–56.
383. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты : монография / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.
384. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность, Таксис : монография / А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. С. Храковский и др. ; отв. ред. А. В. Бондарко. – Москва : Эдиториал УРСС, 2003. – 347 с. – Текст : непосредственный.
385. Титкова, О. И. К определению рекуррентности / О. И. Титкова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 8(694). – С. 9–18.
386. Торопова, Н. А. Ракурсы исследования частиц (На материале немецкого языка) / Н. А. Торопова. – Текст : непосредственный // Вестник Ивановского государственного университета. Вып.1. Серия: Филология. Иваново, 2000. С. 85—95.
387. Тупикова, С. Е. Разграничение понятий «высказывание», «дискурс», «речевой жанр», «тональность» в современной лингвистике / С. Е. Тупикова. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3(95). – С. 148–154.
388. Турбина, О. А. Лингвистическая дискурсология и единицы дискурс-анализа: дискурс-компонент / О. А. Турбина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 14, № 2. – С. 44–49.
389. Успенский, Б. А. Дейксис и вторичный семиозис в языке / Б. А. Успенский. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 2011. – № 2. – С. 3–30.

390. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Интер-категории лингвистики дискурса: каузально-генетическая перспектива / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2016. – № 3. – С. 7–18.
391. Ухова, Л. В. Риторика медиатекстов: к проблеме маркетизации дискурса СМИ / Л. В. Ухова. – Текст : непосредственный // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации : Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 06–08 февраля 2020 года / Под общей редакцией Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2020. – С. 995-1004.
392. Ушакова, Т. Н. Психологический подход к анализу дискурса / Т. Н. Ушакова. – Текст : непосредственный // Языковое сознание и образ мира : материалы XII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва : Московский государственный лингвистический университет, 1997. – С. 158–159.
393. Федотова, О. С. Репрезентация внутреннего эмоционального пространства персонажа англоязычной художественной прозы / О. С. Федотова. – Текст : непосредственный // Международный конгресс по когнитивной лингвистики : сборник материалов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 595–597.
394. Федотова, О. С. К проблеме иерархии категорий текста / О. С. Федотова. – Текст : непосредственный // Российский научный журнал. – 2011. – № 3(22). – С. 263–268.
395. Федотова, О. С. Проблема диалогичности художественного прозаического дискурса / О. С. Федотова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9-1(27). – С. 165–168.
396. Федотова, О. С. Вариативность описания категорий текста в контексте выделения метадискурса / О. С. Федотова. – Текст : непосредственный //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-3(77). – С. 175–177.

397. Фещенко, В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В. В. Фещенко. – Текст : непосредственный // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1. – С. 16-35.
398. Филиппова, Т. Н. Формально-семантический и прагматический аспекты функционирования рестриктивных высказываний : специальность 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Филиппова Татьяна Николаевна ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1996. – 19 с. – Текст : непосредственный.
399. Фирсова, Н. М. Испанский речевой этикет : учебное пособие для студентов вузов / Н. М. Фирсова. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – 182 с. – Текст : непосредственный.
400. Формановская, Н. И. Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности русский язык и литература / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 2002. – 213 с. – Текст : непосредственный.
401. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие : коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : ИКАР, 2007. – 478 с. – Текст : непосредственный.
402. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с. – Текст : непосредственный.
403. Харитонов, В. С. Использование акцентуаторов в поэтическом пространстве В. В. Набокова / В. С. Харитонов. – Текст : непосредственный // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 7-5(16). –

С. 79–81.

404. Хилханова, Э. В. Дискурсивные маркеры в двуязычной речи : вопросы типологии и закономерности функционирования / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12. Выпуск 7. – С. 256–260.
405. Хисамова, Г. Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В. М. Шукшина) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Хисамова Галия Гильмулловна ; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2009. – 396 с. – Текст : непосредственный.
406. Хисамова, Г. Г. Функции диалога в художественном тексте / Г. Г. Хисамова. – Текст : непосредственный // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 34–42.
407. Хлупачова, К. Лексико-семантические средства выражения связности устного научного текста / К. Хлупачова. – Текст : непосредственный // Современная русская устная научная речь / под ред. О. А. Лаптевой. – Москва : Филолог. фак-т МГУ, «Филология», 1995. – С. 46–64.
408. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 184 с. – Текст : непосредственный.
409. Хуиян, Г. Особенности дискурса художественного произведения / Г. Хуиян. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 20 (154). – С. 483-486.
410. Хурматуллин, А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике / А. К. Хурматуллин. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, № 6. – С. 31–37.
411. Царенко, Н. М. Дискурсивные маркеры: прагмалингводидактический подход : монография / Н. М. Царенко, С. В. Шустова. – Пермь : АНО

ДПО "Пермский институт экономики и финансов", 2018. – 148 с. – Текст : непосредственный.

412. Цупа, А. И. О некоторых дискурсивных маркерах испанской разговорной речи в функции переспроса / А. И. Цупа. – Текст : непосредственный // Жизнь языка в культуре и социуме : сборник научных статей. – Минск : Минский государственный лингвистический университет, 2021. – С. 309–314.
413. Цупикова, Е. В. Методика анализа высказывания как единицы дискурса в курсе иностранного языка / Е. В. Цупикова. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. – 2010. – № 2(16). – С. 93–98.
414. Цуншуан, Ю. Из опыта лингвистического описания типов и видов диалога в современном русском языке / Ю. Цуншуан. – Текст : непосредственный // Вестник северовосточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2020. – № 3(77). – С. 119–129.
415. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Москва : URSS, 2020. – 226 с. – Текст : непосредственный.
416. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская. – Текст : непосредственный // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сборник научных статей / Санкт-петербургский государственный университет экономики и финансов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2001. – С. 11–22.
417. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. – Текст : непосредственный.
418. Чернявская, В. Е. Текст в медиальном пространстве / В. Е. Чернявская. – Москва : Ленанд, 2016. – 232 с. – Текст : непосредственный.

419. Чернявская, В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения / В. Е. Чернявская. – Москва : Ленанд, 2021. – 208 с. – Текст : непосредственный.
420. Чиронов, С. В. Прагматика выражений удивлённого переспроса в японском языке / С. В. Чиронов. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-2(53). – С. 198–203.
421. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект / Д. В. Шапочкин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Тюмень : Тюменский государственный университет, 2018. – 292 с. – Текст : непосредственный.
422. Шаховский, В. И. Категориальная эмоциональная ситуация в свете теории и семиотики эмоций / В. И. Шаховский. – Текст : непосредственный // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности : тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / ред. Е. Ф. Тарасов. – Калуга : Эйдос, 2006. – С. 47–48.
423. Шведова, Н. Ю. Типы контекстов, контрастирующих многоаспектное описание слова / Н. Ю. Шведова. – Текст : непосредственный // Русский язык : Текст как целое и компоненты текста. – Москва : Наука, 1982. – С. 143–144.
424. Шевченко, И. С. Речевой акт как единица дискурса: коммуникативно-прагматический подход / И. С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 7 : В мире языка : сборник научных статей. – Тверь : Тверской государственный университет, 2007. – С. 69–80.
425. Шевченко, И. С. Дискурс и его категории / И. С. Шевченко. – Текст : непосредственный // Язык. Текст. Дискурс. – 2012. – № 10. – С. 64–72.
426. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с. – Текст : непосредственный.

427. Шилова, Н. В. Дискурсивные частицы как средства выражения коммуникативной структуры предложения / Н. В. Шилова. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 3-2(54). – С. 335–339.
428. Шмелев, А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) / А. Д. Шмелев. – Текст : непосредственный // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 437–451.
429. Шопенгауэр, А. Об ассоциации мыслей / А. Шопенгауэр. – Текст : непосредственный // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Мир как воля и представления. – Москва : ТЕРРА – Книжный клуб ; Республика, 2001. – С. 109–113.
430. Шпильная, Н. Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге / Н. Н. Шпильная. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 68–76.
431. Шугаева, А. С. Функциональная классификация английских дискурсивных маркеров / А. С. Шугаева, И. В. Коровина. – Текст : непосредственный // Евразийский гуманитарный журнал. – 2021. – № 4. – С. 30–36.
432. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с. – Текст : непосредственный.
433. Щур, М. Г. Коммуникативная организация высказываний с частицей «только» / М. Г. Щур. – Текст : непосредственный // НДВШ. Филологические науки. 1988. – № 1. – С. 72–76.
434. Эко, У. Роль читателя : исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ. и итал. Сергея Серебряного.– Санкт-Петербург : Symposium ; Москва : Изд-во РГГУ, 2007. – 502 с. – Текст : непосредственный.
435. Якобсон, Р. Тексты, документы, исследования / Р. Якобсон ; отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. – Москва : Российский государственный

гуманитарный университет, 1999. – 918 с. – Текст : непосредственный.

436. Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский. – Текст : непосредственный // Язык и его функционирование : Избранные работы. – Москва : Наука, 1986. – С. 17–58.
437. Aijmer, K. English discourse particles : evidence from a corpus / K. Aijmer. – Текст : непосредственный // Acta Linguistica Hafniensia : International Journal of Linguistics. – 2002. – P. 190–193.
438. Aijmer, K., Pragmatic markers in translation: a methodological proposal / K. Aijmer, A. Foolen, A.-M. Simon-Vandenbergen // Approaches to Discourse Particles : Studies in Pragmatics. Volume 1 / ed. by K. Fischer. – Leiden : Brill, 2006. – P. 101–114.
439. Aijmer, K. Understanding Pragmatic Markers : A Variational Pragmatic Approach / K. Aijmer. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2013. – 192 p.
440. Allerton, D. J. English intensifiers and their idiosyncrasies / D. J. Allerton // Language topics : Essays in honour of Michael Halliday / eds. by R. Steele, T. Threadgold. – Amsterdam : John Benjamins, 1987. – P. 15–32.
441. Andersen, G. The role of the pragmatic marker like in utterance interpretation / G. Andersen // Pragmatic markers and propositional attitude : Pragmatics and beyond. – Amsterdam : John Benjamins, 2000. – P.17–-39.
442. Asher, N. Subordinating and coordinating discourse relations / N. Asher, L. Vieu // Lingua. – 2005. – 115(4). – P. 591–610.
443. Beeching, B. Gender, Politeness and Pragmatic Particles in French / B. Beeching. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – 246 p.
444. Biber, D. Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan, R. Quirk. – London : Longman, 1999. – 1204 p.
445. Blakemore, D. So’ as a constraint on relevance / D. Blakemore // Mental Representations : The Interface between language and Reality / ed. by R. M. Kempson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 183–196.

446. Blakemore, D. Relevance and Linguistic Meaning : The Semantics and Pragmatics of Discouse Markers / D. Blakemore. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 212 p.
447. Bolinger, D. The Phrasal Verb in English / D. Bolinger. – Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 1971. – 187 p.
448. Borreguero, M. Los marcadores del discurso y la variación lengua hablada vs. lengua escrita / M. Borreguero, A. López // Los estudios sobre marcadores del discurso en español, hoy. – Madrid : Arco/Libros, 2010. – P. 415–496.
449. Brinton, L. Pragmatic Markers in English. Grammaticalization and Discourse Functions / L. Brinton. – Berlin : de Gruyter, 1996. – 412 p.
450. Chapetón, C. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom Interaction / C. Chapetón // Profile Issues in Teachers` Professional Development. – 2009. – №11. – P. 57–78.
451. Charaudeau, P. Langage et discours / P. Charaudeau. – Paris : Hachette, 1983. – 176 p.
452. Chaudron, C. The effect of discourse markers on the comprehension of lectures / C. Chaudron, J. C. Richards // Applied Linguistics. – 1986. – №7/2. – P. 113–127.
453. Cornish, F. Discourse anaphora and the FDG Contextual Component / F. Cornish // Web Papers in Functional Discourse Grammar / eds. by E. Keizer, G. Wanders. – Amsterdam : Universiteit van Amsterdam, 2009. – P. 97–115.
454. Crible, L. Towards an operational category of discourse markers. A definition and its model / L. Crible // Pragmatic markers, discourse markers and modal particles / eds. by C. Fedriani, A. Sanso. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 97–124.
455. Crozet, C. A conceptual framework to help teachers identify where culture is located in language use / C. Crozet // Teaching invisible culture : Classroom practice and theory / eds. by J. L. Bianco, C. Crozet. – Melbourne : Language Australia Ltd., 2003. – P. 34–39.

456. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Press, 2019. – 506 p.
457. Dahl, Ö. The growth and maintenance of linguistic complexity / Ö. Dahl. – Philadelphia : John Benjamins, 2004. – 333 p.
458. De Devitiis, G. English grammar for communication / G. De Devitiis, K. Mariani, K. O'Malley. – Harlow : Longman Group, 1989. – 224 p.
459. Dér, C. I. On the status of discourse markers / C. I. Dér // Acta Linguistica Hungarica. – 2010. – 57(1). – P. 3–28.
460. Dijk, T.A. van. Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York : Academic Press, 1983. – 418 p.
461. Dijk, T. van. Introduction / T. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 3: Discourse and Dialogue / ed. by Teun A. van Dijk. – London : Academy Press, 1985. – P. 2–7.
462. Du Bois, J. W. Discourse and grammar / J. W. Du Bois // The new psychology of language : Cognitive and functional approaches to language structure. Vol. 2 / ed. By M. Tomasello. – Londres : Erlbaum, 2003. – P. 47–87.
463. Dylgjeri, A. The function and importance of discourse markers in political discourse / A. Dylgjeri // BJES. – 2014. – №1(4). – P. 26–34.
464. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis : The Critical Study of Language / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2013. – 608 p.
465. Fisher, K. Approaches to discourse particles. Studies in pragmatics. Vol. 1. – Elsevier, 2006. – 498 p.
466. Forbes, K. D-LTAGsystem: Discourse parsing with a lexicalized tree adjoining grammar / K. Forbes, E. Miltsakaki, R. Prasad, A. Sarkar, A. Joshi, B. Webber // Journal of Logic, Language and Information. – 2002. – 12(3). – P. 261–279.
467. Fraser, B. The Verb-Particle Combination in English / B. Fraser. – New York : Academic Press, 1976. – 125 p.
468. Fraser, B. Conversational Mitigation / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1980. – № 4. – P. 341–350.

469. Fraser, B. Types of English discourse markers / B. Fraser // Acta Linguistica Hungarica. –1988. – Vol. 38 (1-4). – P. 19–33.
470. Fraser, B. An approach to discourse markers / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14. – P. 383–395.
471. Fraser, B. Pragmatic markers / B. Fraser // Pragmatics. – 1996. – № 6 (2). – P. 167–190.
472. Fraser, B. What are discourse markers? / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 931–952.
473. Fraser, B. Towards a theory of Discourse Markers / B. Fraser // Approaches to Discourse Particles. – Amsterdam : Elsevier Press, 2005. – P. 189–204.
474. Fraser, B. An Account of Discourse Markers / B. Fraser // International Review of Pragmatics. – 2009. – № 1. – P. 1–28.
475. Fraser, B. Pragmatic Competence : The Case of Hedging / B. Fraser // New Approaches to Hedging. – UK : Emerald Group Publishing Limited, 2010. – P. 15–34.
476. Furkó, B. P. The pragmatic marker-discourse marker dichotomy reconsidered – The case of well and of course. Doctoral dissertation, Debreceni Egyetem Bolcseszettudomanyi Kar, Debrecen, 2005. – 136 p.
477. Garrido Rodríguez, M. del Camino. Conectores contraargumentativos en la conversation coloquial / M. del Camino Garrido Rodríguez. – León : Secretariado de Publicaciones y Medios Audiovisuales, 2004. – 240 p.
478. González Sanz, M. El discurso parlamentario andaluz: estrategias argumentativas pertenecientes al plano léxico / M. González Sanz // Estrategias argumentativas y discurso político. – Madrid : Arco/Libros, 2015. – P. 223–250.
479. Greenbaum, S. Verb-Intensifier collocations in English : An experimental approach / S. Greenbaum. – The Hague and Paris : Mouton, 1970. – 96 p.
480. Gruber, T. R. A translation approach to portable ontologies / T. R. Gruber // Knowledge Acquisition. – 1993. – № 5(2). – P. 199–220.

481. Guerrero Salazar, S. El lenguaje político español / S. Guerrero Salazar, E. A. Núñez Cabezas. – Madrid : Cátedra, 2002. – 555 p.
482. Gutiérrez-Rexach, J. Enciclopedia de Lingüística Hispánica. Volumen I / J. Gutiérrez-Rexach. – Editorial : Routledge, 2016. – 898 p.
483. Halliday, M. A. K. Cohesion in English / M. A. K. Halliday, R. Hasan – London : Longman, 1976. – 392 p. – Текст : непосредственный.
484. Hancil, S. Final particles / S. Hancil, A. Haselow, M. Post. – Berlin : De Gruyter Mouton , 2015. – 433 p.
485. Hansen, M.-B. The Functions of Discourse Particles. A study with special reference to spoken French / M.-B. Hansen. – Amsterdam : John Benjamins, 1998. – 417 p.
486. Harris, Z. Analyse du discours / Z. Harris // Langages. – 1969. – № 13. – P. 8–45.
487. Hausenblas, K. On the Characterization and Classification of Discourses / K. Hausenblas // Travaux linguistique de Prague, 1. L'ecole de Prague d'aujourd'hui. – Prague : Édition de l'académie tchécoslovaque des sciences, 1964. – P. 67–84.
488. Heine, B. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? / B. Heine // Linguistics. – 51(6). –2013. – P. 1205–1247.
489. Hentschel, E. Aspect versus particle : Contrasting German and Serbo-Croatian / E. Hentschel // Multilingua. – 1991. – 10. – P. 139–149.
490. Hinkel, E. Adverbial markers and tone in L1 and L2 students' writing / E. Hinkel // Journal of Pragmatics. – 1999. – P. 1049–1068.
491. Hobbs, J. R. On the coherence and structure of discourse / J. R. Hobbs. – CA : Stanford University, 1985. – 85 p.
492. House, J. Developing pragmatic competence in English as a lingua franca: Using discourse markers to express (inter)subjectivity and connectivity / J. House // Journal of Pragmatics. – 2013. – 59. – P. 57–67.
493. Hyland, K. Hedges, Boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts / K. Hyland // Language Awareness. – 2000. – Vol. 9. – № 4. – P. 179–197.

494. Hyland, K. Disciplinary interactions: Metadiscourse in L2 postgraduate writing / K. Hyland // Journal of Second Language Writing. – 2004. – №13. – P. 133–151.
495. Hyland, K. Metadiscourse in academic writing : A reappraisal / K. Hyland, P. Tse // Applied linguistics. – 2004. – 25(2). – P. 156–177.
496. Hyland, K. Metadiscourse: Exploring interaction in writing (2nd ed.). Bloomsbury, 2019. – 279 p.
497. Jørgensen, M. W., Phillips, L. J. Discourse Analysis as Theory and Method / M. W. Jørgensen, L. J. Phillips, London: SAGE Publications Ltd. x, 2002. – 229 p.
498. King, K. Intensifiers and image schemas: Schema type determines intensifier type / K. King // Paper Presented at Linguistic Society of America. – 2016. – №1. – P. 1–9.
499. Kloepfer, R. Das Dialogische in Alltagssprache und Literatur / R. Kloepfer // Dialogforschung / hrgs. von P. Schröder, H. Steger. – Düsseldorf : Instituts für deutsche Sprache, 1981. – P. 313–333.
500. Laclau, E. New reflections on the revolution of our time / E. Laclau. – London; New York : Verso, 1990. – 272 p.
501. Lam, P. W. Y. Discourse particles in corpus data and textbooks : The case of well / P. W. Y. Lam // Applied Linguistics. – 2009. – 31(2). – P. 260–281.
502. Lenk, U. Discourse markers / U. Lenk // Handbook of Pragmatics / eds. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert, C. Bulcaen. – Amsterdam : John Benjamins, 1997. – P. 1–17.
503. Larraín, A. A dialogical conception of concepts / A. Larraín, A. Haye // Theory & Psychology. – 2014. – №24. – P. 459–478.
504. Levontina, I., Shmelev, A. False emptiness: Are so-called «parasitical words» really semantically void? / I. Levontina, A. Shmelev // Meaning-Text Theory / ed. by T. Reuther. – München : Otto Sagner, 2007. – P. 259–268.
505. Lewis, D. M. A discourse-constructional approach to the emergence of discourse markers in English / D. M. Lewis // Linguistics. – 2011. – 49(2). –

P. 415–443.

506. Linell, P. Approaching dialogue. Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives / P. Linell. – Amsterdam : John Benjamins, 1998. – 330 p.
507. Liu, Ya. Enriching Speech Recognition with Automatic Detection of Sentence Boundaries and Disfluencies / Ya. Liu, E. Shriberg, A. Stolcke, D. Hillard, M. Ostendorf, M. Harper // In IEEE Transactions on Audio, Speech, and Language Processing. – 2006. – Vol. 14. – №. 5. – P. 1526–1540.
508. Lutzky, U. Discourse markers? Well, … Delimiting the basic features of discourse markers / U. Lutzky // Vienna English Working Papers. – 2006. – Vol.15. – № 1. – P. 3–24.
509. Lutzky, U. The discourse marker marry – a sociopragmatic analysis / U. Lutzky // Views. – 2008. – № 17(2). – P. 3–20.
510. Lutzky, U. Discourse Markers in Early Modern English / U. Lutzky. – Amsterdam : John Benjamins Publ. Co., 2012. – 303 p.
511. Lutzky, U. Early Modern English discourse markers – a feature of female speech? / U. Lutzky // Historical Perspectives on Forms of English Dialogue / ed. by G. Mazzon, L. Fodde. – Naples : Franco Angeli Editore, 2013. – P. 80–98.
512. Mann, W. C. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization / W. C. Mann, S. A. Thompson // Text. – 1988. – № 8(3). – P. 243–281.
513. McCarthy, M. Discourse analysis for language teachers / M. McCarthy. – UK : University press Publishing, Cambridge, 1991. – 224 p.
514. Monasterio, L. Manual de Retorica Parlamentaria y Oratoria Deliberativa / L. Monasterio. – Buenos Aires : Konrad, 2010. – 128 p.
515. Müller, S. Discourse markers in native and non-native English discourse / S. Müller. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 2005. – 290 p.
516. Nattinger, J. R. Lexical phrases and language teaching / J. R. Nattinger, J. S. DeCarrico. – Oxford : OUP Oxford, 1992. – 218 p.
517. Palmer, G. B. Toward a theory of cultural linguistics / G. B. Palmer. – Texas : Texas University Press, 1996. – 348 p.

518. Partington, A. Corpus evidence of language change: The case of intensifiers // Text and Technology: In Honour of John Sinclair / Baker M. et al. (eds.). – Amsterdam : John Benjamins, 1993. – P. 177–192.
519. Pérez-Paredes, P., Díez-Bedmar, M. B. The Use of Intensifying Adverbs in Learner Writing // Y. K. Y. Tono, Y. Tono, Y. Kawaguchi, M. Minegishi. – London: John Benjamins, 2012. – P. 105–122.
520. Pichler, H. The Structure of Discourse-Pragmatic Variation / H. Pichler. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publ. Co., 2013. – 276 p.
521. Poonlarp, T. The transfer of expressive meaning in the translation of English intensifier into Thai / T. Poonlarp // Journal of Pan-Pacific Association of Applied Linguistics PAAL. – 2009. – Vol.41. – № 25. – P. 59–83.
522. Quirk, R. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum. – London : Longman, 1973. – 484 p.
523. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 1779 p.
524. Redeker, G. Review article : Linguistic markers of discourse structure / G. Redeker // Journal of Linguistics. – 1991. – Vol. 29. – № 6. – P. 1139–1172.
525. Redeker, G. Discourse markers as attentional clues at discourse transitions / G. Redeker // Approaches to Discourse Particles. – Amsterdam : Elsevier Press, 2006. – P. 339–358.
526. Ruiz Ruiz, J. Sociological discourse analysis : Methods and logic / J. Ruiz Ruiz. – Forum : Qualitative Social Research. – 2009. – 10(2). – P. 1–30.
527. Schiffrin, D. Discourse markers / D. Schiffrin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
528. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Cambridge, MA : Blackwell Publishers Inc., 1994. – 470 p.
529. Schourup, L. Discourse markers / L. Schourup // Lingua. – 1999. – 107. – P. 227–265.

530. Searle, J. R. Der logische Status fiktionaler Rede // Reicher, M.E. (hrsg) Fiktion, Wahrheit, Wirklichkeit. Philosophische Grundlagen der Literaturtheorie // Paderborn: mentis Verlag, 2010. – P. 21–36.
531. Sharifian, F., Palmer, G. B. (Eds.). Applied cultural linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication // Amsterdam : John Benjamins, 2007. – P. 125–168.
532. Sharifian, F. Cultural conceptualisations and language / F. Sharifian. – Amsterdam : John Benjamins, 2011. – 238 p.
533. Simpson, A. Sentence-final particles / A. Simpson // The handbook of Chinese linguistics / eds. C.-T. James Huang, Y.-H. Audrey Li, A. Simpson. – London : Blackwell Publishers, 2014. – P. 156–179.
534. Stede, M. Discourse Particles and Discourse Functions / M. Stede // Machine Translation. – 2000. – № 15. – P. 125–147.
535. Swan, M. Practical English Usage / M. Swan. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 654 p.
536. Takimoto, M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles / M. Takimoto // Indonesian Journal of Applied Linguistics. – 2015. – Vol. 5. – № 1. – P. 95-105.
537. Tannen, D. Analyzing discourse : Text and talk / D. Tannen. – Washington D. C. : Georgetown University Press, 1982. – 382 p.
538. Traugott, E. C. Regularities in semantic change / E. C. Traugott, R. B. Dasher. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 362 p.
539. Urbano, H. Marcadores conversacionais / H. Urbano // Análise de textos orais / org. in D. Preti. – São Paulo : Humanitas, 2003. – P. 93–116.
540. Van Leeuwen, T. Three models of interdisciplinarity / T. van Leeuwen // A new agenda in (critical) discourse analysis : Theory, methodology and interdisciplinarity / ed. by R. Wodak, P. Chilton. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 3–18.
541. Vande Kopple, W. J. The importance of studying metadiscourse / W. J. Vande Kopple // Applied Research in English. – 2012. – №1(2). – P. 37–44.

542. Weydt, H. What are particles good for? / H. Weydt // K. Fischer (Ed.), Approaches to discourse particles. Elsevier, 2006. – P. 205–217.
543. Widdowson, H. G. Text, context, pretext. Critical issues in Discourse Analysis / H. G. Widdowson. – Oxford : Blackwell Publishing, 2004. – 185 p.
544. Wierzbicka, A. Particles and linguistic relativity / A. Wierzbicka // International Revew of Slavic Linguistics. – 1976. – Vol. 1. – № 2/3. – P. 327–367.
545. Wierzbicka, A. Semantics, Culture and Cognition : Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1992. – 496 p.
546. Wierzbicka, A. Cross-cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction / A. Wierzbicka. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.
547. Wilkins, D. Interjections as deictics / D. Wilkins // Journal of Pragmatics. – 1992. – № 18. – P. 119–158.
548. Wilson-Sperber, D. Linguistic form and relevance / D. Wilson-Sperber // Lingua 90. – 1993. – P. 1–25.
549. Wodak, R. Disorders of Discourse / R. Wodak. – London, New York : Longman, 1996. – 200 p.
550. Zifonun, G. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, B. Strecker, L. Hoffmann. – Berlin : Walter de Gruyter, 1997. – 2598 p.
551. Zorraquino, M. Los marcadores del discurso / M. Zorraquino, L. Portolés // Gramática descriptiva de la lengua española. T. III. – Madrid : Espasa Calpe, 1999. – P. 4051–4214.

Интернет-источники

552. Иванова, Е. А. Сопоставление лексических сигналов границ диалогических единиц в русском и французском языках / Е. А. Иванова. – Текст : электронный. – URL: https://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ ivanova/ (дата обращения: 13.07.2025).

553. Михалева, О. Л. Дискурс как объект исследований : курс лекций / О. Л. Михалева. – Текст : электронный. – URL: https: //mi.university/sveden/files/education/450402-tp/metod_sem_2020.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
554. Плунгян, В. А. Дискурсивные слова / В. А. Плунгян. – Текст : электронный // ПостНаука. – 2012. – URL: http:// postnauka.ru/video/2961 (дата обращения: 13.07.2022).
555. Сёрл, Дж. Р. Логический статус художественного дискурса / Дж. Р. Сёрл. – Текст : электронный // РГГУ, литературно-философский журнал «Логос». 1993. № 3(13) URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_03 /1999304. htm (Дата обращения: 15 августа 2024 г.).
556. Bauer-Ramazani, Ch. English Discourse Markers. URL: academics.smcvt.edu /cbauerramazani/ AEP/BU113/English /discmarkers.ht. (дата обращения: 15.10.2024).
557. Levontina I. False emptiness: Are so called “parasitical words” really semantically void? [Electronic resource] / I. Levontina, A. Shmelev. – URL : http://meaningtext.net/mtt2007/proceedings /24Levontina_ShmelevFinal.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
558. Locuciones adverbiales o frases adverbiales. – Текст : электронный. – URL: https://www.profesorenlinea.cl/castellano/AdverbialesLocuc.htm (дата обращения: 22.12.2024).

Словари и справочники

559. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : КомКнига, 2007. – 571 с. – Текст : непосредственный.
560. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1 : [А-Н]. – 864 с. – Текст : непосредственный.
561. Большой энциклопедический словарь / ред.: И. К. Лапина, Е. Н. Маталина, Р. Г. Секачев, Е. Н. Троицкая, Л. А. Хайбуллина, Н. Ф. Ярина. – Москва : Астрель, АСТ, 2003. – 1248 с. – Текст : непосредственный.

562. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Изд. центр «Терра», 1994. – Т. 3. – 558 с. – Текст : непосредственный.

563. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. З. Демьянков // Методы анализа текста. Серия : Тетради новых терминов. – Москва : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. – Вып. 2. – 288 с. – Текст : непосредственный.

564. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 86 с. – Текст : непосредственный.

565. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Н. Д. Арутюнова и др. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 683 с. – Текст : непосредственный.

566. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике Вып. VIII. Лингвистика текста / под. общ. ред. Т. М. Николаевой. – Москва : Прогресс, 1978. – 479с.

567. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, А В. Птенцова ; под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 488 с. – Текст : непосредственный.

568. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова, О. И. Блинова ; под ред. М. Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 696 с. – Текст : непосредственный.

569. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст :

непосредственный.

570. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1998. – 685 с. – Текст : непосредственный.
571. Cambridge Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/grammar/british-grammar/discourse-markers-so-right-okay. (дата обращения: 29.10.2024).
572. Swan, M. Practical English Usage (4th edition). – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 654 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Астафьев, В. П. Тихая птица : роман, повести, рассказы, очерк / В. П. Астафьев. – Москва : Советский писатель, 1991. – 685 с. – Текст : непосредственный.
2. Васильев, Б. Л. Завтра была война : роман / Б. Л. Васильев. – Москва : Вагриус, 2007. – 302 с. – Текст : непосредственный.
3. Васильев, Б. Л. Иванов катер : повести / Б. Л. Васильев. – Москва : Вече, 2004. – 395 с. – Текст : непосредственный.
4. Васильев, Б. Л. Собрание сочинений : в 8 томах. Том 4. Повесть, роман / Б. Л. Васильев. – Смоленск : Траст-Имаком : Фирма «Русич», 1994. – 545 с. – Текст : непосредственный.
5. Гранин, Д. А. Зубр : роман / Д. А. Гранин. – Москва : Эксмо, 2005. – 735 с. – Текст : непосредственный.
6. Гранин, Д. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1.: Иду на грозу: Роман; повести. – Ленинград.: Художественная литература, 1989. – 592 с. – Текст : непосредственный.
7. Домбровский, Ю. О. Факультет ненужных вещей / Ю. О. Домбровский. – Москва : АСТ : Астрель, 2011. – 733 с. – Текст : непосредственный.
8. Пикуль, В. С. Каторга / В. С. Пикуль. – Москва : Современник, 1992. – 352 с. – Текст : непосредственный.
9. Пикуль, В. С. Нечистая сила. Книга 1 : роман / В. С. Пикуль. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1989. – 400 с. – Текст : непосредственный.
10. Пикуль, В. С. Нечистая сила. Книга 2 : роман / В. С. Пикуль. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1989. – 400 с. – Текст : непосредственный.
11. Пикуль, В. С. Океанский патруль / В. С. Пикуль. – Москва : Вече, 2012. – 784 с. – Текст : непосредственный.

12. Пикуль, В. С. Каждому свое. Париж на три часа. Ступай и не греши / В. С. Пикуль. – Москва : Вече, 2017. – 592 с. – Текст : непосредственный.
13. Распутин, В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана : повесть / В. Г. Распутин. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 214 с. – Текст : непосредственный.
14. Распутин, В. Г. Последний срок: повесть / В. Г. Распутин. – Москва : АСТ, 2019. – 383 с. – Текст : непосредственный.
15. Тендряков, В. Ф. Покушение на миражи : Роман, повесть, рассказы / В. Ф. Тендряков. – Москва : Советский писатель, 1988. – 397 с. – Текст : непосредственный.
16. Cela, C. J. La colmena / C. J. Cela. – Санкт-Петербург : КАРО, 2008 – 446 с. – Текст : непосредственный.
17. Christie, A. And Then There Were None / A. Christie. – New York : Spark Pub., 2002. – 76 p. – Текст : непосредственный.
18. Christie, A. Death On The Nile / A. Christie. – Toronto ; New York : Bantam Books, 1978. – 292 p. – Текст : непосредственный.
19. Christie, A. The Body in the Library / A. Christie. – London : Pan Books, 1979. – 164 p. – Текст : непосредственный.
20. Delibes, M. El Hereje / M. Delibes. – Barcelona : Destino, 1999. – 501 p. – Текст : непосредственный.
21. Delibes, M. La sombra del ciprés es alargada / M. Delibes. – Barcelona : Destino, 2011. – 347 p. – Текст : непосредственный.
22. Falcones, I. La Catedral del Mar / I. Falcones. –Nueva York : Vintage Español, 2009. – 672 p. – Текст : непосредственный.
23. Fowles, J. R. Magus / J. R. Fowles. – New York : Back Bay Books, 2001. – 656 p. – Текст : непосредственный.
24. Fowles, J. R. The collector / J. R. Fowles. – London : Vintage, 2004. – 292 p. – Текст : непосредственный.
25. Galsworthy, J. The Forsyte Saga / J. Galsworthy. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 872 p. – Текст : непосредственный.

26. Lessing, D. The Grandmothers: Four Short Novels / D. Lessing. – New York : Harper Perennial, 2005. – 311 p. – Текст : непосредственный.
27. Llamazares J. El cielo de Madrid / J. Llamazares. – Madrid : Alfaguara, 2011. – 225 p. – Текст : непосредственный.
28. Llosa, M. V. Conversación en la Catedral / M. V. Llosa. – Madrid : Punto de Lectura, 2011. – 736 p. – Текст : непосредственный.
29. Llosa, M. V. Elogio de la madrastra / M. V. Llosa. Buenos Aires, Argentina : Emecé, 1988. – 220 p. – Текст : непосредственный.
30. Llosa, M. V. La fiesta del chivo / M. V. Llosa. – Madrid : Suma de Letras, 2001. – 569 p. – Текст : непосредственный.
31. Llosa, M. V. La ciudad y los perros / M. V. Llosa. – Madrid : Alfaguara, 1999. – 492 p. – Текст : непосредственный.
32. Llosa, M. V. Los cuadernos de don Rigoberto / M. V. Llosa. – Madrid : Alfaguara, 1997. – 396 p. – Текст : непосредственный.
33. Marías, J. Mañana en la batalla piensa en mí / J. Marías. – Madrid : Alfaguara, 2021. – 432 p. – Текст : непосредственный.
34. Matute, A. M. Pequeño teatro / A. M. Matute. – Barcelona : Editorial Planeta, 1954. – 282 p. – Текст : непосредственный.
35. Maugham W. S. Sixty-Five Short Stories / W. S. Maugham. – London : Heinemann : Octopus Books, 1976. – 952 p. – Текст : непосредственный.
36. Maugham W. S. The Painted Veil / W. S. Maugham. – London : Allen, 2004. – 258 p. – Текст : непосредственный.
37. Miéville, Ch. The Scar / Ch. Miéville. – London : Easton Press, 2002. – 604 p. – Текст : непосредственный.
38. Millás, J. J. La soledad era esto / J. J. Millás. – Barcelona : Booket, 2003. – 192 p. – Текст : непосредственный.
39. Murdoch, I. An Unofficial Rose/ I. Murdoch. – London : Penguin Books, 1987. – 288 p. – Текст : непосредственный.
40. Murdoch, I. The flight from the enchanter/ I. Murdoch. – London : London Chatto & Windus, 1956. – 301 p. – Текст : непосредственный.

41. Orwell, G. Nineteen eighty-four / G. Orwell. – Harlow : Longman ; Beirut : York Press, 1983. – 76 p. – Текст : непосредственный.
42. Unamuno, M. de. Niebla / M. de Unamuno. – Madrid : Ediciones Cátedra, 1993. – 304 p. – Текст : непосредственный.

ГЛОССАРИЙ

Актуальная информация – информация, которая является центральной (новой, важной) для участников коммуникативного акта.

Акцентирование – коммуникативное средство оптимизации понимания сообщаемого, интенсивность актуализации которого является индивидуальной особенностью речевого поведения каждого конкретного отправителя [Манжелеевская, 2017, с. 132]

Акцентуаторы – языковые средства, наделенные свойством подчеркивать, выделять коммуникативную значимость тех или иных элементов речи, представленных словом, словосочетанием, предложением или сложным синтаксическим целым [Сущинский, 1984а, с. 51].

Акцентуаторы – разноуровневые языковые, собственно текстовые, а также графически оформленные средства смыслового выделения важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним читательского внимания [Иванова, 2006, с. 15].

Амплифаеры (англ. *amplifier* – усилитель) – лексические единицы, выполняющие коммуникативно-прагматические функции в различных регистрах художественного диалогического дискурса, которые организуют и структурируют высказывания-реплики, выражают отношения между элементами сообщения, а также между адресантом, адресатом и содержанием, актуализируют конкретный смысл высказывания-реплики, добавляют смысловые оттенки и расширяют контекст, способствуя более эффективной коммуникации [Купцов, 2025а].

Амплифаеры структурирования художественного диалогического дискурса – лексические единицы языка, которые способны выражать лингвистические (семантические и структурные) отношения между фрагментами дискурса, регулируя тематику коммуникации, выстраивать семантико-грамматическую структуру высказываний-реплик, обеспечивая целостную коммуникативно-речевую ситуацию, реализовывать

интертекстуальные связи и способны систематизировать актуальную информацию, создавая логические структуры [Купцов, 2025г].

Амплифаеры-аддитивы в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые организуют текст, указывают на связь между идеями, вводят дополнительную информацию или продолжают мысли, тем самым обеспечивая логическую связность текста [Купцов, 2025а].

Амплифаеры с модальным значением в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые вносят субъективно-модальные оттенки значений *(вероятность, возможность, необходимость совершения действия, уверенность, рекомендации, убеждения, разрешение/запрет, оценку и степень оценки),* которые создаются в определенных прагматических аспектах коммуникации, определяя ее коммуникативную направленность [Купцов, 2024в].

Амплифаеры-рестриктивы в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые реализуют эмотивный фон, выполняя *функцию ограничения, выделения, усиления, противопоставления или уточнения* значений слов и фраз, а также, употребляясь в императивных речевых ситуациях или в речевых ситуациях с повелительным значением, выражают *модальные значения желания* или *намерения*, тем самым реализуя интенции коммуникантов [Купцов, 2025г].

Амплифаеры-хезитативы в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые выражают *неопределенность*, *сомнение*, *неуверенность*, *предоставляют время для размышления*, *уточнения* и *переформулирования*, а также создают *неформальную атмосферу общения* [Купцов, 2024з].

Амплифаеры-интеръекции в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые служат для передачи *выражения согласия/несогласия*, *формирования интеррогативных высказываний-реплик*, *выражения формальной и неформальной просьбы*, *выражения переспроса*, *выражения сожаления*, *привлечения внимания*

партнера по диалогу, *выражения хезитации* [Купцов, 2025д].

Амплифаеры со значением удивленного переспроса в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые используются продуцентами высказываний-реплик для выражения *удивления*, *недоумения*, *неожиданности* или *неуверенности* и др. по поводу информации, полученной от партнера по общению, а также *важности событий*, создавая драматический эффект [Купцов, 2024и].

Амплифаеры консенсуса/диссенсуса в художественном диалогическом дискурсе – лексические единицы языка, которые способны формировать иллокутивные действия речевых актов, таких как *положительное отношение*, *интенсификация высказывания-реплики*, *выражение коммуникативной интенции поддержки (интенции поддержки со значением согласия* и *интенции поддержки со значением одобрения)*, *установление взаимодействия между партнерами по общению*, *отрицательное отношение* или *запрет*, *недовольство*, *опровержение* [Купцов, 2025в].

Вербальный (от *лат*. verbum – слово, выражение) – выражаемый словом, словесный.

Высказывание – речевое произведение, формально-содержательные характеристики которого органически связаны с ситуацией конкретного коммуникативного акта.

Высказывание – целостное обозначение отрезка действительности [Гак, 1998, с. 217].

Высказывание — эксплицированный вариант предложения, принадлежащий языку в действии, выступающий в контексте речевой деятельности, у́же — речевого акта, как реальная единица, в то время как предложение, будучи виртуальной единицей, оказывается носителем инвариантных значений, например, значения предикативности [Красина, 2016, с. 96-99].

Высказывание-реплика – коммуникативная единица диалогического дискурса, поскольку высказывание-реплика представляет собой наименьшую структурную единицу диалога как двусторонней речевой коммуникации [Бабаян, 2016].

Глубина текста – возможная неоднозначность интерпретации смысла. Глубина дискурса определяется необходимым количеством объяснительных трансформаций для однозначной интерпретации текста, это операциональная категория.

Диалог (от *греч*. **dialogos** – беседа) – «форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевая коммуникация посредством обмена репликами» [Большой энциклопедический словарь, т.1, 1991, с. 388].

Диалог – одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора. Диалог характеризуется относительной краткостью отдельных высказываний и относительной простотой их синтаксического построения [Ахманова, 2007, с. 132].

Диалогический дискурс – «речевое произведение, в котором реплики коммуникантов сменяют друг друга» [Колокольцева 2006, с. 59].

Диалогический дискурс – связный текст как продукт двустороннего речевого обмена (диалог), в котором реплики-высказывания формируются с учетом экстралингвистического фактора присутствия коммуникантов с различными коммуникативными ролями, в том числе третьих лиц [Бабаян 2009].

Диалогическое единство (ДЕ) – любая совокупность реплик, находящихся в такой структурной и смысловой связи, при которой предшествующая реплика выступает как обусловливающая, а каждая из последующих, с одной стороны, обусловливается предшествующей, а с другой – обусловливает следующую за ней, последняя же реплика является только обусловленной.

Дискурс (*фр*. discours – речь) – в широком смысле представляет собой единство языковой практики и экстралингвистических факторов…, необходимых для понимания текста, то есть дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения [ФЭС 1983, с. 222].

Дискурс (*франц*. discours, *англ*. discourse) – 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [Николаева, 1978, с. 479].

Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах). Дискурс – речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1998, с. 136–137].

Дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие; существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили [ван Дейк, 1989].

Дискурс – категория большая по сравнению с обычным набором предложений, обладающая гораздо более широким и глубоким смыслом, чем каждое из составляющих его предложений (компонентов) в отдельности [Crystal, 2019].

Дискурс – сложное духовное целое, включающее в себя в качестве своего предметно-смыслового содержания некий инфратекст, некое транстекстуальное архитектоническое задание, которому присуща неотъемлемая для данного рода креативно-рецептивной деятельности императивная функция [Бахтин, 1995, с. 211].

Дискурс – образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения [Карасик, 2004, с. 245].

Дискурс – 1) связный текст, сопряженный речевой ситуацией; 2) целостная коммуникативная (речевая) единица; 3) устный или письменный вид текста (речевое произведение), обращенный к слушателю/ читателю; 4) монолог – диалог; 5) адресованное сообщение; 6) семантически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик) [Бабаян, 1998, с. 33].

Дискурсивные маркеры – это метатекстовые элементы, которые являются средством связности текста, служат для переключения внимания получателя на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста [Борисова, 2009, с. 20–21].

Дискурсивные маркеры – функциональный класс лексических единиц языка, выступающих когнитивными регуляторами дискурса, оказывающими влияние на его восприятие и на интерпретацию участниками коммуникативного акта, и, значит, несущих определенную когнитивную нагрузку в рамках иллокуции» [Каменский, 2013, с. 114].

Иллокуция – прагматический компонент смысла высказывания, отражающий коммуникативную цель говорящего.

Иллокутивный (*лат.* locution – речение) – имеющий отношение к выражению коммуникативной цели, установки в речевом акте

Иллокутивный акт – производство конкретного предложения в определенных условиях; конвенциональный акт; акт, осуществленный согласно какой-либо конвенции.

Имплицитный – подразумеваемый, невыраженный.

Интенция – намерение говорящего сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение [Грайс, 1985].

Когезия (от англ. *cohesion* – сцепление) – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, то есть логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную), взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. Это важнейшая текстовая категория, именно её наличие повышает статус некоторого множества высказываний, превращая их в текст.

Когерентность – понятийно-смысловая цельность текста.

Коммуникация – передача сообщения, обмен мыслями, информацией.

Коммуникативный акт – процесс, в ходе которого осуществляется коммуникация, общение людей.

Коммуникативные частицы – частицы, обеспечивающие семантическую, структурную и коммуникативную организацию текста [Купцов, 2022].

Национально-культурная специфика – наличие специфических признаков языковых единиц, эксплицитно или имплицитно отражающие как интралингвистические (фонетические, лексические, грамматические, стилистические), так и экстралингвистические (социальные, культурные, этнические и др.) факты, характерные носителям языка той или иной национально-культурной общности [Фирсова, 2000].

Невербальный – несловный, неязыковой.

Невербальная коммуникация – общение с помощью несловесных сигналов (жесты, мимика, внешний вид, поведение, дистанция, физический контакт, расположение относительно собеседника и др.), т.е. общение без единого слова.

Общение – взаимный обмен сообщениями, внутренним психическим содержанием, т.е. всегда двусторонний процесс.

Общение – осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью (И.А. Стернин).

Общий апперцепционный фонд – совокупность общего опыта и представлений, общего фонда знаний и одинаковых фоновых знаний, которыми располагает индивид [Бабаян, Купцов, 2025].

Онтология – спецификация концептуализации.

Пауза – естественный коммуникативный ход (например, чтобы собраться с мыслями, обдумать, найти подходящее слово, сделать передышку,

осуществить перестройку в процессе порождения речи и.т.д.), но она искусственна, будучи использована как приём. В. Даль определяет паузу не только как внезапную остановку речи, но и как «знак молчания» [Даль, 1994], то есть, очевидно, как маркер молчания в тексте.

Пресуппозиция – устойчивый объём компетенции коммуниканта, сложившийся в результате жизненного опыта, плюс условия речевой ситуации.

Регулятивная речевая (коммуникативная) стратегия – общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим/пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели (целей) в процессе речевого общения [Сковородников, 2004, с. 6].

Реккурентность – повторяемость языковой единицы в риторических и стилистических целях [Титкова, 2014, с. 10].

Реплика – цепочка высказываний-предложений (или одно предложение) одного из собеседников, продолжающаяся до тех пор, пока она не прервется речью другого собеседника или концом диалога.

Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. Речевые акты всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создает дискурс.

Речь – это выведенная вовне психика человека [Ушакова, 1997, с. 158].

Система – комплекс таких избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия компонентов для получения фокусированного полезного результата.

Структура дискурса – семантически и грамматически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик), в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращенный к слушателю/читателю/наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников» [Бабаян, 2017, с. 79].

Текст – целенаправленное речевое произведение, состоящее из неопределенного количества грамматических структур (предложений) и при этом имеющее определенный смысл, в той или иной степени отличный от смысловых показателей этих грамматических структур [Гальперин, 1974, с. 71–72).

Текст – явление многослойное, что отражается и в наборе внутритекстовых связей, которые соответствуют уровням текста: семантическому, лексико-грамматическому, образному, прагматическому [Бабенко, Казарин, 2005, с. 182].

Теории функциональных семантико-синтаксических категорий – система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), т. е. реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля. Иначе говоря, без реализации этого признака текст не состоится как определенное функционально-стилистическое образование [Кожина, 2014, с. 477].

Усиление (интенсификация) – подчеркивание различных оттенков смысла в диалоге с целью воздействия на слушателя при помощи функционально-семантического комплекса разноуровневых средств языка [Егоршина, 1997, с. 14-15].

Фокусирование – коммуникативный центр высказывания, выделяемый отправителем для получателя в соответствии с целями отправителя и интересами получателя [ван Дейк, 1978].

Фоновые знания – те знания, которыми располагают участники коммуникации к моменту общения [Одинцова, 2013, с. 228].

Хезитация – остановка в речи, связанная с поиском соответствующего слова, речения, часто сопровождаемая эканьем, словами-паразитами и др.

Художественный диалог – диалог-монолог автора, не устный, а всегда письменный вид речи. Это не есть речь непосредственно общающихся персонажей, а особый вид продуманной текстовой речи, обращенной к незнакомому читателю, отдаленному от автора пространственно и во временном плане.

Художественный диалог – это диалог-монолог автора (адресанта), не устный, а всегда письменный, то есть особый вид продуманной текстовой речи, обращенной к читателю (адресату), отдаленному от автора пространственно и во временном плане [Шопенгауэр, 2001].

Художественный дискурс – открытая, нелинейная и динамичная система, обладающая способностью включать разные элементы, трансформироваться и подстраиваться под заданную тему [Аксючиц, Рогачевская, 2021, с. 145].

Художественный текст – вымышленный, созданный по определенным эстетическим законам и наделенный эмотивной функцией воздействия, в котором изображаемый мир соотносится с действительностью опосредованно, преломляясь через индивидуально-авторское его восприятие, преобразуясь в соответствии с интенцией автора, его идеологическими и эстетическими приоритетами [Асратян, 2020, с. 23].

Эксплицитный – выраженный, открытый.

Эмотивный (*фр.* emotion – эмоция) – выражающий чувства, переживания.